

САМИЗДАТ

2015

СУВВОТИН МАКСИМ

**КЛЮЧ К
ИСКУПЛЕНИЮ**

Этот мир испытал многое. Побывал на грани уничтожения, но сумел воспрять, подняться. Волею судьбы или неведомых сил Сергей Разин оказывается в теле убитого мага. Кто совершил убийство? По-прежнему ли ведется охота? События разрозненны, мозаика неясна, но снежный ком неотвратимого бедствия уже начал движение с вершины горы.

Устал, нет мочи, да и дело к ночи.

(с) Леонид Филатов.

Последняя неделя перед отпуском тянулась так долго, будто кто-то нарочно замедлил течение времени. Каждый день начинался сонным противоборством с желанием снова закрыть глаза. Хотя бы на пять минут. Организм протестовал, не желая снова тащиться по мокрым и холодным улицам. Утро – время борьбы с самим собой. Время, когда победа неизменно оборачивается поражением. Но уже днем, когда голова отказывается соображать и превращается в тяжелую болванку, набитую мокрой ватой.

И все же долгожданный день пришел. Пятница – конец рабочей недели и начало отпуска, которого не было уже больше двух лет. Работа съела, затянула, стала единственной настоящей подругой и спутницей. Такой, от которой впору удавиться.

Сергей Разин открыл дверь и вошел в темную прихожую. Он чувствовал себя больным и разбитым. Мышцы ныли, а в голове стоял протяжный звон. Ощущение такое, будто по дороге от работы до дома у него здорово поднялась температура. Ничего не скажешь, отличное начало для отпуска.

Пальцы коснулись выключателя, раздался тихий щелчок, но свет не зажегся. Сергей чертыхнулся, бросил на пол большую спортивную сумку. Он до последнего надеялся попасть в тренажерный зал, но накопившаяся усталость смешала эти нестройные планы. Ну и ладно! В конце концов, он имеет право отдохнуть хотя бы несколько дней. И прежде всего – выспаться. Впрочем, было бы неплохо отключить мобильный и хотя бы на неделю смотаться куда-нибудь подальше. Не обязательно далеко. Просто сменить обстановку, выключить голову и ничего не делать.

Сергей еще раз нажал на выключатель – просто на всякий случай, ничего особенно не ожидая. Стало светлее. При этом светильник над головой продолжал покоиться в зыбкой полутьме. Свет сочился из узкой щели, которая осталась от не закрытой в комнату двери.

Сергей нахмурился.

«Что за черт?»

Он четко помнил: войдя в прихожую, не видел никакого света. Или чудит проводка?

«Не было бы пожара...»

Не разуваясь, он миновал короткий коридор и толкнул дверь. Увиденное заставило остолбенеть. В центре комнаты, примерно в метре над полом, висел светящийся шар. Размером не больше теннисного мяча, он был настолько ярок, что Сергей невольно сощурился. Глаза словно выжигало изнутри.

«Шаровая молния?»

Сергей принюхался. Во время грозы, а иногда и в ее преддверии, пахнет озоном. Но сейчас не пахло ничем. Да и на улице, несмотря на промозглую погоду, грозы не предвиделось. Надо было наплевать на усталость и поддаться уговорам сослуживцев поехать в кабак. Лучше наутро больная голова, чем сейчас такое перед глазами.

Шар качнулся – и двинулся в сторону хозяина квартиры. Медленно и лениво, будто несомый дуновением ветра. Только ветра в комнате не было. Сергей отступил на шаг,

судорожно вспоминая, запер ли он входную дверь. Знакомиться ближе со странным светящимся сгустком желания нет. Зато желание поскорее оказаться на лестничной клетке, а еще лучше на улице, почти непреодолимое. И противиться ему Сергей не собирался.

Ну к лешему такие сюрпризы!

Вот только ноги неожиданно налились тяжестью. Шаг, еще один. Идешь, точно водолаз на большой глубине, проталкиваешь себя сквозь плотные слои воды. Кожа покрывается потом, легкие горят, мышцы напряжены до предела – а в итоге не продвинулся и на полметра.

В горле пересохло. Сергей ощерился. В конце концов, законы физики никто не отменял. Всего происходящего просто не может быть! Впрочем, на сон тоже не похоже.

Шар подплыл к человеку почти вплотную. Теперь Сергей ощутил исходящий от сгустка жар. И этот жар усиливался. Всего через несколько секунд воздух в квартире накалился так, что стало невозможно вздохнуть. Кожу защипало.

Сергей попытался что-нибудь выкрикнуть, позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Всего в шаге от него висело настоящее солнце, разве что в миниатюре – сосредоточение нестерпимого жара, живой огонь.

Сергей приоткрыл глаза и на мгновение увидел собственные руки. Вытянутые вперед, они горели. Призрачное пламя плясало на уже почти истлевших рукавах куртки, на почерневшей коже ладоней.

Невозможно! Не сон – бред сумасшедшего, галлюцинация.

Зрелище выглядело ирреально еще и благодаря тому, что Сергей не чувствовал боли. Между тем пламя быстро охватило все тело. Квартира исчезла за густым жаром. Еще какое-то время сознание боролось с все нарастающим давлением, но человек безнадежно проигрывал битву с неведомым.

Странно, но страха нет. Смятение, непонимание, целая гамма чувств, но не страх.

Сергей еще успел почувствовать, как что-то подхватило его и с огромной скоростью понесло вверх.

«Что это? Смерть? Нет... не может быть...»

Страха нет.

Ожидание.

Мир затягивается белым пламенем, а потом вмиг сворачивается в точку. В ничто.

Человека нет. Сознания нет. Ничего нет.

Смерть – только начало.

(с)

Ощущение собственного тела вернулось неожиданно. Его будто выбросили из теплого дома в лютый мороз, на острые камни. Боль полыхнула в ногах, затем поднялась выше, резанула грудь и взорвалась уже в голове. Сергей с трудом разлепил веки, проморгался. Мир перед глазами немного плыл, но каменный потолок удалось разглядеть даже сквозь мутную поволоку. Под самым потолком ржавыми толстыми телами змеились многочисленные трубы. Оплетенные паутиной (причем ее заросли вполне могли копиться не одно десятилетие, перетянутые хомутами и грязными тряпками) трубы выглядели не просто старыми, а древними.

Сергей закрыл глаза.

«Где я?»

Мысли ворочались с таким трудом, будто в голову залили банку клея.

Теперь, когда мир снова погрузился во мрак, Сергей отчетливо слышал звуки капающей воды.

Что ж, насколько бы плохо ни выглядели трубы, но они явно используются.

А что если это морг?!

Догадка заставила подскочить на месте. Сергей сел, судорожно осмотрелся по сторонам. Небольшая каморка, примерно два на четыре метра. Стены сложены из темного камня, в швах угнездилась какая-то белесая плесень. Имеется дверь – деревянная, по виду довольно массивная, только низкая – немногим выше полутора метров. Впрочем, местами тоже покрыта плесенью, да к тому же рассохлась. Над дверью, на остром крюке, закреплен фонарь грязного стекла.

Сергей сглотнул.

Вполне себе отдельная камера в морге... Вот только очень старом морге. Вряд ли такие можно отыскать в центре России. Да и какой смысл делать отдельные камеры? Значит... тюрьма? Карцер? Ближе к истине.

«Что же вчера случилось? Вчера ли?»

В памяти витали воспоминания о шаровой молнии, за которыми следовала темнота.

Сергей тяжело выдохнул, покачал головой.

Сильно зачесался лоб. Сергей поднес руку к лицу, и его взгляд скользнул по ладони. Укол ужаса заставил вздрогнуть и непроизвольно отпрянуть назад. Спина уперлась во что-то холодное и липкое. Но это ощущение не коснулось разума. Внимание приковала собственная рука. Если сероватый цвет ладони еще можно списать на игры тусклого света, то грубо сшитые края кожи заставили похолодеть изнутри. Сердце подпрыгнуло до горла, да так там и осталось, бешено колотясь, будто рвалось наружу. В висках назойливо стучало, во рту появился привкус желчи.

«Нет! Это сон!»

Сергей медленно отвел руку от лица. Один шов пересекал предплечье с внутренней стороны – от ладони до сгиба локтя. Второй красовался на внешней стороне ладони. Кожа,

прихваченная серыми нитками, топорщилась. Кое-где сквозь шов просматривалось красноватое мясо.

Сергей никогда не жаловался на крепость своего желудка, не боялся вида крови, но сейчас чувствовал, как внутренности сжимаются в тугий комок, готовые исторгнуть из себя все содержимое.

«Сон!..»

Бывают ли столь яркие сны?

Ощущение холода исчезло, уступив место жару. На лбу набухли капли пота, лицо горело.

«Без паники. После встречи с шаровой молнией всякое может случиться. Главное, что жив. А раны... хрен с ними. Заживут. Только бы защитить по-человечески...»

Мысли выстраивались более-менее стройно. Не путались, не толкались. Это немного успокаивало. Сергей сплюнул на пол. Сам он сидел на жестком ложе, высотой примерно в метр. Металл или камень – не понять. Поверхность гладкая, отшлифованная.

«Странно, а ведь совсем не больно».

Он еще раз взглянул на руку. Хорошо еще, что тело живо реагирует на холод и шок, иначе объяснение отсутствующей боли виделось только одно.

Но нет – он жив. Только немного не в себе. Немного... не в своем теле!

В висках снова застучало.

Шрамы – многочисленные, разной степени давности и уродства. Свежие швы – все как один наложенные будто второпях, исключительно с целью, чтобы тело не расползлось на части. Татуировки – немного и несложные, большей частью какие-то письмена и знаки. Но главное – само тело: облаченное лишь в набедренную повязку, жилистое, поджарое. Как говорится – ни грамма лишнего жира. Вот только поджарость смотрелась, скорее, как истощение. Не крайняя степень, но все же весьма серьезная.

Случившееся не укладывалось в голове.

Сергей в последней отчаянной попытке проснуться ущипнул себя за щеку. Больно! Жаль, что сон так и не развеялся.

Внезапно из-за двери послышался лязг, будто на каменный пол уронили большой таз или кастрюлю. Сергей вздрогнул, но после только что пережитого шока (при виде своего тела) неожиданный звук уже не вызвал сильных эмоций.

Хватит пугаться.

Покричать или не стоит?

Сергей опустил ноги на пол – холодный, осклизлый. Осторожно ступая (доверия израненному и изможденному телу нет), подошел к двери, чуть-чуть толкнул ее. Дверь охотно поддалась, открылась на пару сантиметров. Что-то заставило Сергея помедлить. Внутренний голос или обострившееся чувство страха – он не знал, да и разбираться не стал. Странное место, странное тело – вполне достаточно, чтобы стать осторожнее. Отпустив дверь, Сергей отступил на шаг, осмотрелся: грязные лужи и плесень – ничего подходящего, что можно было бы использовать в качестве оружия. В конце концов, кто знает, что или кто ожидает за дверью?

Он чувствовал себя беззащитным перед лицом неизвестности. К тому же тело бил озноб. Дело то ли в холоде, то ли в натянутых нервах.

На плечо упала большая холодная капля и разлетелась мельчайшими брызгами. Сергей поднял взгляд и увидел фонарь.

Почему бы и нет?

Он снял фонарь с крюка, с силой дернул из стены заостренную железку. Та вылетела вместе с пылью раствора. Какое–никакое, а оружие. Глупо, зато спокойнее.

Поставив светильник на пол, Сергей покрепче сжал в руке изогнутый металлический прут и открыл дверь.

Кто из них удивился больше – сказать сложно.

Сергей переступил порог, да так и застыл. Он очутился в довольно просторной круглой комнате с множеством металлических столов, на некоторых из которых лежали обнаженные тела. Вдоль стен расставлены стеллажи (большой частью деревянные), на их полках теснятся наглухо запечатанные банки. В отличие от полок, грязных и местами гнилых, банки идеально чистые. Каждая под завязку заполнена какой-то прозрачной жидкостью, в глубине которой плавает кусок плоти. Человеческой или нет – сразу и не скажешь. Пальцы, глаза, различные органы... Вроде бы не все привычных размеров и форм, некоторые покрыты не то язвами, не то нарывами. Настоящая кунсткамера. Причем экспозиция явно пополняется регулярно. Остается надеяться, что не из посетителей.

Посреди комнаты стояло нечто, ростом около метра, в грязном фартуке на темном рубище, в резиновых перчатках и сапогах. Нечто напоминало низкорослого человека: толстого, будто бочонок, со складками бледной кожи на шее и руках. Лицо существа (язык не поворачивался назвать его человеком) носило на себе следы не то деградации, не то просто уродства: приплюснутый нос, выдвинутые широкие скулы; неприкрытые тонкими губами мелкие зубы, обвислые щеки. Существо держало в коротких руках таз, уже наполовину заполненный кровью, которая стекала в него по специальному желобу, встроенному в стол. На столе лежало тело женщины. Вполне обычной женщины. Только мертвой.

— Ты кто? — выпалил Сергей первое, что пришло в голову.

Существо икнуло. В глазах навывкате мелькнул... страх? Таз с кровью в его руках задрожал.

Сергей хотел было предупредить незнакомца о близкой неприятности, но не успел. Стальная посуда с грохотом упала к ногам существа. Кровь расплескалась по полу, попала на резиновые сапоги, забрызгала фартук. Существо отпрыгнуло и медленно попятилось. За его спиной Сергей рассмотрел открытую дверь.

— Стой, — проговорил он, как мог спокойнее, и развел руки в стороны. — Где мы? Ты меня понимаешь?

Все равно что разговаривать с коровой. В ответ лишь удивленный взгляд.

Неожиданно незнакомец кивнул.

— Понимаешь? — схватился за тонкую нить диалога Сергей.

Снова кивок. Существо остановилось, вытерло руки о фартук, чем еще больше растерло по нему кровь.

— Где мы? Что это за место? — Сергей продолжал стоять не шевелясь.

Существо нахмурилось, протянуло руку, указывая на Сергея:

— Мертвый. Рано встал.

Голос был высоким и хриплым, с присвистом. Кроме того, в словах слышался акцент. Очень сильный. Как если бы на месте странного незнакомца стоял выходец из Азии, только недавно начавший изучать русский язык.

— Кто мертвый? — нахмурился Сергей.

— Ты. Не должен ходить. Ложись.

Существо указало на свободный стол.

Сергей невольно взглянул на женщину, из тела которой незнакомец только что цедил кровь. И ведь как цедил – хорошей струей. А почему кровь не свернулась?

— Послушай, давай ты мне объяснишь, в чем дело, — и спокойно разбежимся. Холодно, знаешь ли, стоять с голым задом.

Существо склонило голову набок. Сквозь зубы протиснулся язык, нервно облизал тонкие губы. Шаг назад. На полу остался алый след от сапога.

— Стой!

Сергей двинулся в сторону существа. Не хватало еще, чтобы уродец сбежал, оставив его тут в одиночестве. А еще хуже – заперев за собой дверь.

Незнакомец издал звук, похожий на всхлип, а потом неловко развернулся – и бросился к двери. Если бы не обстоятельства, то его бег (корявый, вразвалку) мог бы вызвать улыбку, но сейчас Сергею было не до смеха. Он метнулся за существом. Испешренное шрамами и свежими швами тело повиновалось на удивление легко. Несколько шагов – и вот он, беглец. Сергей протянул руку схватить уродца, но тот будто почувствовал близкую опасность – пригнулся и, точно мяч, отскочил в сторону. Неожиданное проворство для столь несуразного существа.

«Чтоб тебя!»

До двери оставалось не более пары шагов. И это расстояние Сергей преодолел первым. Развернувшись в дверном проеме, он выставил перед собой заостренный крюк.

— Давай поговорим, — процедил сквозь зубы.

Незнакомец будто не слышал его – свернул от двери и чуть было не врезался в стену, успел притормозить лишь в последний момент. Сергей не сразу понял суть странного маневра. Задев боком стеллаж, существо остановилось и резко дернуло за длинный шнур, свисающий с потолка. Где-то далеко за стеной раздался протяжный звон.

«Вот и поговорили...»

Сергей обернулся. В тускло освещенном коридоре за его спиной пока ни души. Но вряд ли это продлится долго. Очень хотелось съездить по обрюзгшей физиономии проворного уродца. Между тем тот стоял, привалившись к стене, и тяжело дышал.

Надо же – и не боится совсем.

Что ж, может быть, оно и к лучшему. Теперь общение с местными явно пойдет активнее. В конце концов, его, Сергея, уложили в отдельной комнате, а не как остальных – в общем зале со вскрытыми венами. Должно быть столь высокой чести какое-то вменяемое объяснение?

За спиной послышались торопливые шаги.

Сергей, стараясь не упускать из виду уродца в комнате (мало ли что тот удумает), бросил взгляд в коридор. Из полутьмы показались низкорослые одутловатые фигуры – все точь-в-точь неразговорчивый уродец. В руках у каждого длинная пика с зазубренным наконечником.

Подмога остановилась в паре метров от Сергея. Глаза навывкате с интересом и подозрением изучают бледного человека.

— Спокойно, — Сергей медленно поднял руки, но оружие не выпустил. — Что здесь происходит?

Среди прибывших пробежал еле слышный шепот, но слов не разобрать. Наконец вперед

вышел один уродец:

— Почему встал? — на его плешивом черепе, на самом темени, отчетливо выделалась фиолетовая шишка.

Сергей пожал плечами:

— Никто не мешал. А в чем проблема?

— Номер договора?

Странно слышать о договорах в подобном месте, в подобной компании.

— Какого договора?

Снова тихий шепот. Вроде бы удивленный.

— Идем...

Говоривший отступил в сторону, точно приглашая следовать впереди себя. Остальные уродцы последовали его примеру – прижались к стенам.

Сергей обернулся в комнату. Низкорослое существо, встреченное им первым, стояло и, сложив руки на груди, смотрело на человека. На лице ни злорадства, ни насмешки – скорее, ожидание, когда же все закончится.

— Ну, идем, — согласился Сергей, отодвигая ладонью одну из пик. — Не пораньтесь, смотрите.

Промерзлый холод проникал все глубже в тело, еще немного – и зубы начнут отбивать чечетку. Сергей хотел было попросить одежду, но, глядя на рубища карликов, заляпанные масляно поблескивающими пятнами, передумал. Брезгливость пока перевешивала чувство холода.

Они шли по извивающемуся коридору вот уже несколько минут. Впереди семенил один коротышка, остальные следовали сзади. Пики наготове, того и гляди – насадят, как бабочку. Несмотря на невзрачность караула, получить в спину зазубренным наконечником, да к тому же еще и ржавым, совсем не хочется. Тем более, пока ничто не указывает на опасность.

Изредка на каменных стенах коридора встречались фонари (такие же, как и в комнате, где Сергей очнулся), но слишком мало они давали света, и слишком мало их было. Потому целые пролеты коридора тонули в непроглядном мраке. В таких местах казалось, что пол под ногами вот-вот оборвется ямой – и не успевшее начаться путешествие на этом и закончится. Но текли минуты, десятки шагов складывались в сотни, а ничего не происходило. Только иногда босая нога наступала во что-то мягкое и склизкое. Но Сергей даже думать не хотел, что это было.

Наконец впереди показался довольно яркий свет – и вскоре коридор распался на несколько ответвлений. Провожатый уверенно направился в одно из них, на взгляд Сергея, ничем не отличающееся от остальных. Здесь было светлее, а пол явно поднимался. Со стен исчезла плесень, воздух стал суше. Только теперь Сергей осознал, насколько же затхлым и тяжелым он был там, внизу, в комнате с обескровленными трупами и банками с кусками чьих-то тел. Тишина, нарушаемая шарканьем шагов и тяжелым дыханием уродцев, сменилась многочисленными звуками. Сергей точно не смог бы их распознать, но создавалось ощущение, будто где-то за стенами работают большие машины. Лязг и шипение приглушались массивом камня и расстоянием.

В конце концов, они добрались до просторного зала, заставленного рядами длинных лавок. Здесь было не только шумно, но илюдно. Десятки низкорослых уродцев сновали между лавками, переговаривались, обменивались какими-то склянками и мешочками. Но центром всего столпотворения была деревянная трибуна, за которой стоял высокий худой

человек—мужчина в ниспадающих черно—серых одеждах. На его сосредоточенном лице, больше похожем на обтянутый кожей череп, застыла маска безразличия. Глубоко посаженные черные глаза смотрели отстраненно.

К человеку на трибуне выстроилась целая очередь из существ в фартуках и сапогах. Каждый из них держал в руках кипу бумаг, а возле одного даже стоял еще один человек. Только странный: синюшная кожа испещрена плохо обработанными швами, абсолютно лысая голова со следами трепанации, одна рука в локте обрывается еще кровоточащей рваной раной. Одеждой ему служили длинные холщовые штаны и рубаша неопределенного серо—коричневого цвета. При этом материал здорово износился, отчего буквально светился многочисленными потертостями.

От вида твари, отчаянно напоминающей зомби, Сергея передернуло. Уж больно знакомыми ему показались грубо наложенные швы. Уж не готовили ли его самого к подобной участи?

Впрочем, о чем это он?! Какие зомби?!

Надо успокоиться. Вдох—выдох, вдох—выдох. Но как ни успокаивайся, как ни дыши — а разум все более настойчиво твердит одно: это не твой мир!

Существа с пиками наперевес окружили Сергея и, подталкивая его, направились сквозь толпу снующих собратьев. В ответ на них огрызались и даже пытались затеять драку, но наличие холодного оружия у одних и отсутствие его у других быстро гасило подобные попытки.

— Что значит пропали?! — услышал Сергей вопрос человека за трибуной. Шипящий голос резанул по ушам, словно слова произносила большая змея.

— Пропали. Почти два десятка объектов, — теребя в руках бумаги, ответил стоящий перед ним низкорослый уродец.

— Со склада?

— Да.

— Все хорошо проверили? Отчетность в порядке?

— Проверили дважды. Вечерняя инвентаризация прошла по плану. А утром...

— Проверить еще раз! — в голосе человека звучала ярость, но лицо оставалось бесстрастным. — Поднять смежные цеха.

— Простите, а что если...

— Нет! — отрезал человек и ударил кулаком по трибуне. — Попрошу не приплетать сюда слухи. Ваше разгильдяйство не имеет оправдания. Все — работайте!

Уродец подобострастно поклонился и задом отошел в сторону. Сергей успел заметить крупные бисерины пота, выступившие на низком лбу.

— Срочное дело! — громко огласило существо во главе охранения Сергея. — Дорогу!

— Слушаю, — кивнул человек за трибуной.

— Зал предварительной подготовки и препарирования, комната ожидания, — на удивление четко проговорил уродец и указал на Сергея. — Несанкционированное пробуждение.

— Номер объекта?

— Пятьсот тридцать семь эм.

Человек вытянул перед собой руки. Ладони прямые, смотрят друг на друга. Мгновение — и между ними родился золотистый шар, испещренный какими-то надписями. Шар вращался, по всей видимости, повинувшись воле создавшего его... мага?

Час от часу не легче! Знать бы, как выглядит сумасшествие. Изнутри. Что видят те, кто улыбается днями напролет? Может быть, они тоже беседуют с толстыми карликами и наблюдают, как из ничего появляются светящиеся шары?

— Поступил вчера, прошел процедуру вскрытия. Патологий не выявлено. Причина смерти – множественные колотые раны в области груди и живота. Договор о добровольной передаче заключен. Признан годным к дальнейшей службе.

— Все так, — кивнул уродец.

Шар в руках человека погас.

— Приносим вам свои извинения, господин Вятич. Вы были столь плохи, что адепты Дома Исцеления передали вас в наши руки. Вы действительно умерли. В этом нет сомнений. Полагаю, ваше искусство весьма впечатляюще.

Сергей стоял с раскрытым ртом.

О чем вообще говорит долговязый? Какое искусство? Какая смерть?

— У вас шок, — продолжил человек за трибуной. — Это нормально. Не переживайте, мы обязательно исправим свою ошибку.

— Исправите? — недоверчиво спросил Сергей.

Хорошо бы хранить хотя бы видимость спокойствия, но одно–единственное произнесенное слово просто разрывалось скептицизмом.

— Разумеется. Случаи, подобные вашему, крайне редки, но это не означает, что мы их игнорируем. Дом Жизни несет полную ответственность за содеянное в его стенах.

Рука человека скользнула в недра трибуны и тут же показалась снова, но уже с зажатым в ней плотным, будто картон, листом бумаги.

За спиной Сергея уже нарастал гул недовольства. По всей видимости, человек за трибуной исполнял роль некоего координатора, решал вопросы и проблемы. Причем все в авральном режиме. Надо думать, что нарушение более–менее отлаженного процесса, пусть со стороны выглядевшего очень сумбурного, пришлось местным работникам не по вкусу.

— Мы предоставляем вам ордер на посещение Дома Исцеления, — долговязый положил лист перед собой, провел над ним ладонью. С тонких узловатых пальцев брызнуло яркое, но непродолжительное свечение, которое тут же впиталось в бумагу. — Прощу вас.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Шум и уже откровенно недовольные выкрики будто обходили его стороной. Работая с одним просителем, он, похоже, отключался от всех остальных. Завидная выдержка.

Сергей неуверенно принял документ. Кроме нескольких строк, написанных витиеватой кириллицей, на ордере красовалась строгая пентаграмма с изображением змеи, оплетающей человеческий череп. И печать, и буквы были словно выжжены.

— И это все? — Сергей взглянул на человека за трибуной. — Могу я...

— Вы о компенсации? К сожалению, на ее оформление потребуется время. Дня два–три. Сами понимаете – отчетность прежде всего. Но вы не беспокойтесь – сразу же направляйтесь в Дом Жизни, а после курса восстановления вернетесь к нам. Уверю вас: все будет готово.

— Могу я хотя бы получить свою одежду? — в голове Сергея царил сумбур. Его мучит тысяча и один вопрос, а он интересуется одеждой. Куда важнее узнать, куда он попал и что вокруг происходит. Почему в этом странном до безумия мире говорят по–русски? Причем говорят на высоком уровне, пусть иногда и со страшным акцентом. За кого его, в конце концов, принимают? Но стоит ли вот так сразу выдавать свое полное незнание местных

законов? Незнание самого себя. Чем это может обернуться?

Время, необходимо время и спокойная обстановка, чтобы сесть и все обдумать.

— Ваша одежда уничтожена. К сожалению. Мы можем предложить вам лишь стандартную униформу Ответчика.

— Все лучше, чем это, — криво усмехнулся Сергей, указывая на свою набедренную повязку. Он понятия не имел, о какой униформе говорит долговязый, но наглеть не стал. Похоже, он и без того получил полный реабилитационный пакет случайно убиенного и вскрытого пациента. Возможно, все складывается не так уж и плохо, учитывая ту дыру, в которой он оказался.

— Рад был вам помочь, — сдержанно кивнул человек за трибуной. — Прощайте.

Окружающие Сергея вооруженные карлики уже начали оттеснять его в сторону.

— Один вопрос! — выкрикнул он, стараясь перекрыть моментально взорвавшийся жалобами зал.

Долговязый поднял руку, призывая всех к тишине. Помогло не очень.

— Как мне найти Дом Исцеления?! — прокричал Сергей.

Ему показалось, или гам в зале действительно стих? Стих именно после отзвучавшего вопроса. Неужели он действительно настолько глуп, что вызывает шок?

— Сильный шок, — проговорил человек за трибуной. — Настоятельно рекомендую обратить на него внимание адептов Дома Исцеления. Дом находится в юго-восточной части города. Мимо не пройти.

Задать еще вопрос Сергею уже не дали. Его охрана явно нервничала, а потому, угрожая пиками, буквально вытолкала его из зала, в тесноте которого Сергей выронил свое нехитрое оружие. Он даже не помнил того момента, когда утратил его, а потому теперь крепко сжимал в руке полученный ордер на лечение.

Переодевание прошло быстро, за считанные минуты. Спустя пару коридоров и один лестничный пролет (каменный, истершийся до глубоких вмятин) Сергей попал в узкую комнатку, где ему выдали черное бесформенное одеяние. Нечто вроде рясы, только без капюшона. Обувью стали деревянные сандалии на кожаных ремешках. Ни дать, ни взять послушник какого-нибудь затерянного храма, если бы не одна мелочь — в комплект к рясе и сандалиям шли солнцезащитные очки: два кругляшка темного расслаивающегося стекла, соединенные промасленной бечевой.

— Это зачем? — спросил Сергей, обращаясь к переминающемуся с ноги на ноги сопровождающему. Теперь уродцы вели себя куда спокойнее, о чем-то вполголоса переговаривались, но большая часть слов произносилась ими с таким акцентом, что их смысл ускользал от понимания Сергея. Впрочем, он не особенно и вслушивался.

— На глаза наденешь, — сказал карлик с фиолетовой шишкой на темени, жестом демонстрируя сказанное.

Отличный ответ!

Сергей повертел очки в руках, приложил к глазам — слишком темные, ничего не видно. В таких только лбом все углы собирать, но и отказаться нельзя. Пусть болтаются на шее — и при себе, и не мешают.

Вообще вид получился что надо — в самый раз просить милостыню. Но появляться в таком виде на улицах города? Или это нормально для местных? Хорошо одно: за бесформенными складками хламиды не видны шрамы и швы. Еще бы спрятать лицо... Лицо! А ведь он до сих пор не видел своего нового лица.

Верхние уровни Дома Жизни, как его назвал долговязый, оказались куда более комфортными, нежели нижние. Здесь пол покрывала грубая циновка, появились окна (правда, высоко – не выглянуть, но все же), со стен окончательно исчезла плесень, да и вообще стало заметно чище. Количество толстых уродцев тоже убавилось, зато появились Ответчики (судя по их черным бесформенным хламидам). Ответчики оказались людьми. Причем, в отличие от долговязого, людьми с живыми лицами. Как правило, они сопровождали медленно бредущих существ, которых Сергей принял за зомби. Не обращая внимания на некоторые, зачастую серьезные повреждения, «зомби» имели синюшный цвет кожи и пустой взгляд. Передвигались они шаркающей походкой, практически не помогая себе руками. Эдакие биологические роботы, запрограммированные на выполнение команд хозяина. И, похоже, способные выполнять несложную работу. По крайней мере, уборкой на верхнем уровне Дома Жизни занимались именно они.

Веселое место, ничего не скажешь. Хорошо хоть работники не воняют. Сомнений по поводу собственной участи, которой удалось избежать лишь чудом, у Сергея не осталось. Он вполне мог вот так же тупо мести пол или что-то соскабливать со стены – безмолвный, безвольный.

Сергей почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Его передернуло от отвращения. Он, конечно, мог и ошибаться в своих выводах, но отчего-то в ошибку не верилось.

За размышлениями он даже не заметил, как оказался за воротами Дома Жизни. Яркое солнце ударило в глаза. Его лучи раскаленными иглами проникли в череп, заставили отпрянуть. Но ворота (огромные, двухстворчатые, выполненные из плотно пригнанных друг к другу досок) уже закрывались. На неверных ногах Сергей развернулся и было направился обратно, но не успел. Ворота на удивление бесшумно захлопнулись, отрезав его от спасительной тени.

Пошатываясь, он остановился. Рука судорожно сжимала ордер, будто единственную спасительную соломинку, способную заставить окружающий мир жить по прежним, привычным Сергею законам.

Откуда эта боль?! Почему его не предупредили?!

Сердце с остервенением заколотилось в груди, во рту пересохло. Лицо нещадно саднило. Он будто заживо сгорал на солнце. Сергей попытался сморгнуть, закрыть глаза, но тщетно. Веки будто слиплись.

Шаг, другой. Мир подернулся ярко-белым маревом, поплыл. До ушей доносились какие-то голоса, топот, но все они казались далекими и ненастоящими, будто галлюцинация. Будто мираж.

Еще шаг.

Руки стали тяжелые, словно каждая обратилась стальной болванкой. Тянутся к лицу. Ладони кажутся распухшими, пылающими факелами. В голове бьется разъяренный вулкан. Одна мысль: «Закрывать глаза...»

Ладони припечатываются к глазам.

Шаг.

Зачем он идет? Куда он идет?

Теперь легче, немного легче. В темноте огонь не так зол.

Шаг.

В плечо что-то или кто-то врезается. Слышится сдержанное ругательство. Руки

отлепляются от лица. Снова огонь поднимается до самого неба.

Он будто плывет сквозь расплавленный металл, превратившийся в пар. Нет, не плывет – плыл, пока оставались силы. Но силы таяли. Разум все глубже погружался в пучину огнедышащей боли.

А ведь ситуация уже начинала казаться не такой уж и скверной.

Все не так плохо: нас не продавали – нас выдали даром.

(с) Карел Чапек

— В сторону!

Голос сильный и уверенный. И, похоже, приближается. Вот только с какой стороны?

Огненное кольцо, охватившее Сергея, полыхает, раздуваемое порывами сильнейшего ветра.

Удар пришелся в спину. Таранный и плотный, он поднял Сергея над землей, отбросил в сторону. Воздух со свистом покинул легкие.

Как же больно.

Очень хочется потерять сознание, но разум, словно нарочно, продолжает цепляться за реальность. Что в ней осталось? Пламя и раздробленные кости?

— Господин... – раздаётся над самым ухом.

Голос женский, немного хриловатый, обеспокоенный.

— Вы из Дома Жизни, господин?

Сергей попытался ответить, но смог выдавить из себя лишь невнятный хрип.

— Я видела, как вы покидали его стены. Очень неосмотрительно, господин. Вставайте, я помогу.

Сергей почувствовал, как влажные руки торопливо натягивают ему очки на глаза.

— Так-то лучше. Верно?

Действительно стало лучше. Мир погрузился в густой полумрак – и испепеляющее пламя тут же опало.

— Спасибо, — прошептал Сергей. — Что в меня врезалось?

— Вам очень повезло господин, — говорила спасительница, помогая подняться. — Вы оказались на пути всадника, но он заметил вас – и успел отвернуть. Вас почти не задело.

— Вот почему я чувствую себя таким счастливым... – с кашлем выплюнул Сергей. Правая нога отозвалась пронзительной болью, стоило ему только опереться на нее.

— Простите, господин?

— Не обращай внимания. Как тебя зовут? — он взглянул на девушку, но увидел лишь темный силуэт. Очки оказались слишком темными.

— Видана, господин. Можете идти?

— Думаю, смогу. Видана, ты знаешь, где находится Дом Исцеления?

— Конечно, господин.

— Не называй меня господином. Меня зовут Сергей.

— Хорошо, господин Сергей.

— Можешь проводить меня? Или просто указать, куда идти?

— Я провожу. Здесь недалеко. Обопритесь на меня... вот так. У вас кровь. Вот, держите.

Она протянула Сергею ордер. А он-то про него и забыл совсем. Пришел бы сейчас к целителям без направления.

— Ты извини, — проговорил он, пробуя опереться на поврежденную ногу. Боль все еще сильная, но перелома быть не должно. Хотя, черт его знает, как чувствуешь себя при

переломе... — Я задам глупый вопрос. Не удивляйся, хорошо?

— Спрашивайте, господин Сергей.

Обращение раздражало, но снова пытаться урезонить Видяну Сергей не стал. Хочет так называть — пусть. В конце концов, из ее уст такое обращение звучало довольно обыденно. Вряд ли она видит в спасенном кого-то больше, чем ровню.

— Что это за город? Где мы находимся?

Девушка помедлила с ответом, видимо, вопрос застал ее врасплох.

— Москвия, господин. Столица Славского княжества. Вы прибыли к нам издалека?

— Похоже, издалека... — протянул Сергей, пытаясь соотнести полученные сведения с привычными ему понятиями.

«Москвия — это ли не Москва?»

Вероятность, конечно, небольшая, но созвучность явно прослеживается. К тому же русскоговорящее население... его тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Что это? Параллельный мир? Другой виток истории? Или все же галлюцинации шизофреника? Но если галлюцинации, то надо признать — собственная фантазия развернулась на всю катушку, раз умудрилось выдать столь живой мир. Да и боль — прямо как настоящая!

Сквозь полумрак, подаренный очками, Сергей видел дома в два-три этажа. Но время от времени попадались высокие шпили каких-то башен. Улицы мощены булыжником, отчего идти становилось еще труднее. Поврежденная нога то и дело оступалась на гладких камнях. В воздухе стоял запах пыли, дыма и выпечки. Именно запах свежей выпечки показался Сергею наиболее насыщенным и знакомым. В желудке забурлило, а рот наполнился слюной.

Скоро булыжник уступил место чему-то гладкому. Запах выпечки почти растворился в запахе пыли. Кроме того, отчетливо потянуло помоями. Улица, до того весьма широкая, сузилась до переулка. Стены домов практически не пропускали света, отчего Сергей шел, полагаясь лишь на знание проводницы.

— Видана, почему ты мне помогаешь? — неожиданно для самого себя спросил Сергей.

— Простите, господин? Мы все должны помогать друг другу. Так завещали предки.

— Я очень благодарен тебе, — честно признался Сергей. — Не знаю, что бы делал без тебя. Только боюсь, мне даже нечем тебя отблагодарить.

— Не обижайте меня, господин, — фыркнула девушка. — Предки учат нас быть добрее к ближним.

— Извини, у меня и в мыслях не было обидеть тебя. А скажи, чем занимается Дом Жизни?

— Адепты Дома Жизни — это главные и первостепенные стражи на границе, за которую отправляются души усопших. Они хранят нас от зла, которое стремится проникнуть в наш мир и погубить все живое.

— Подожди, а я видел... слышал... в общем, они поднимают мертвых?

— Господин, откуда вы прибыли? — в голосе Виданы звучало неприкрытое удивление.

— Издалека, — нехотя проговорил Сергей. Врать и придумывать он не хотел, а говорить правду — примет за идиота. Если до сих пор не приняла.

— Души наших усопших отправляются к предкам, — терпеливо пояснила Видана. — Здесь остаются пустые телесные оболочки, которые адепты Дома Жизни вправе использовать во благо Славского княжества. Человек при жизни подписывает с Домом договор, по которому после своей смерти передает свое тело в его полное распоряжение. За

это человек получает хорошее вознаграждение.

— И много желающих?

— Конечно! Заключив договор, мы знаем, что даже после смерти сможем помогать нашим друзьям и родным. А некоторые даже смогут оборонять границы княжества.

Сергей представил, как вдоль приграничной полосы неспешно бредут синекожие зомби. Пустые, ничего не выражающие глаза лениво обследуют близлежащие территории, а при обнаружении нарушителя твари начинают неспешно его преследовать. Да уж, такими вояками разве что пугать соседей. Одно удобно – не надо ни кормить, ни одевать, да и отдых не требуется.

Чем дальше они шли, тем сильнее воняло помоями. За их удушливым смрадом напрочь потерялись все иные запахи. Казалось, землю устилают разлагающиеся остатки пищи, свежие испражнения и даже гниющие тела или куски плоти. Остается надеяться, что не человеческие.

Сергей потянулся к очкам: идти почти в кромешной темноте, да к тому же сквозь гнилостные миазмы – все равно, что продвигаться по кишечнику огромного каменного чудовища. Стены домов, раскалившиеся за день, теперь полыхали зловонным жаром. Сергей старался дышать носом, но воздуха не хватало. То и дело он раскрывал рот – и тут же в глотку словно плескали помоями.

— Нет, господин, — пальцы Виданы легли на ладонь Сергея. — Их нельзя снимать. Ваши глаза еще не готовы принять свет. Глаза страдают сильнее всего.

— А почему ты не спрашиваешь, кто я и как попал в Дом Жизни?

— Предки не поощряют назойливых расспросов, — усмехнулась девушка. — Захотите – расскажете сами.

Сергей тут же вспомнил, что все время, пока они идут, только и делает, что задает вопросы. Предки им явно будут недовольны.

— Кстати, мы точно правильно идем? — прохрипел сквозь зубы.

Вонь, казалось, проникла до самого желудка, где теперь скапливалась, при каждом шаге перекатываясь тошнотворным комом.

— Прости, господин, — поспешила извиниться девушка. — Так мы срежем изрядное расстояние и доберемся до Дома Исцеления куда скорее. Потерпите, осталось немного.

Сергей поднес к носу рукав, вдохнул через него. Ощущение всеобщего разложения уже ничем не перебить, но так можно хотя бы немного снизить гадливость от окружающего, истекающего вонью тлена.

Нет, Сергей, конечно, имел некоторое представление о реалиях средневековых городов. Но, во-первых, окружающий мир не казался ему отражением знакомого ему средневековья. А во-вторых, вряд ли вонь вывернутой наизнанку клоаки – доброе сопровождение медицинскому учреждению, каким, судя по всему, должен оказаться Дом Исцеления.

— Видана...

Слово застряло в горле. Поврежденная нога неожиданно за что-то зацепилась. Сергея бросило вперед. Успев выставить перед собой руки, он растянулся на склизком нечто. В лицо плеснуло вонючей жижей. Желудок тут же подскочил к горлу. Сергей закашлялся, но ничего не смог исторгнуть из себя. Вполголоса выругавшись, попытался подняться. В длинном одеянии монаха это оказалось не так просто сделать. Ноги путались в полах рясы, да к тому же оскальзывались на полусгнивших остатках мусора.

— Он ваш, — послышался спокойный голос Виданы. — Сказал, что денег нет. Я ему

верю, но обыскать стоит.

— Умница... – насмешливый мужской голос, немного шепелявый, не предвещал ничего хорошего. — А мы уж начали беспокоиться.

— Ты знаешь меня, Ворон, мне невозможно отказать, — голос Виданы изменился. Теперь в нем отчетливо слышались нотки превосходства. Такая не потерпит над собой господина, если только сама того не пожелает.

— Знаю, потому и уважаю, — легкий смешок.

Сергею наконец удалось подняться. Наплевав на предостережение проводницы, он сорвал очки. Хуже, похоже, уже все равно не будет.

Острая боль тут же кольнула глаза. Но не так, как у Дома Жизни. Вполне терпимо. Сощурившись, можно рассмотреть окружающую обстановку и новых знакомых. Как и предполагал Сергей, дома здесь действительно стояли очень близко друг к другу. Улица, шириной метра в два, вдоль стен завалена грудями мусора. Полчища мух оккупировали самые «вкусные» места – большие и толстые, они словно затаились, выжидают, пока странные двуногие уберутся из их владений. Под ногами грязная каша, ее же следы на его собственной рясе. Похоже, помои тут выливают и выбрасывают прямо из окон, а тропинку между скапливающимися кучами протаптывают бродяги да работники ножа и топора.

Отличное место, чтобы сдохнуть. Захочешь – не найдешь трупа. Да и запах никого не побеспокоит.

— Господин, вы очень неосторожны, — лилейным голосом проговорила Видана. Уперев руки в бока, она стояла шагах в трех позади по тропинке. В серых, с грязными пятнами, штанах, заправленными в короткие сапоги, свободной рубашке и кожаной безрукавке. На смуглом, немного раскосом лице играла надменная улыбка. Из-под цветастого платка выбилось несколько черных локонов.

— Предки учат быть добрее к ближним, так? — откашлялся Сергей.

— К сожалению, не все принимают их учение, — пожала плечами предательница.

Рядом с ней стоял плечистый мужик. На его лице, лишенном одного глаза, играла презрительная ухмылка. В руке мужик сжимал нож с широким, тусклым лезвием. Такое ощущение, что оружие себе он ковал сам, причем не использовал ни наковальни, ни печи.

— Ты это, отдай нам ордер – и можешь идти куда хочешь, — раздалось с противоположной стороны тропы.

Там стоял второй бандит. Менее внушительных габаритов, с лицом, испещренным глубокими оспинами. Одна его рука показалась Сергею недоразвитой, усохшей, покрытой коричневой коростой, зато во второй красовалась деревянная дубинка, истыканная не то шипами, не то длинными коваными гвоздями.

— Ордер? — не сразу понял Сергей и посмотрел на клочок плотной бумаги, до сих пор зажатой в руке. — Ты же его могла забрать еще у Дома Жизни, — сказал, обращаясь к Видане.

— Не могла. Тогда от него бы не было толка. Ты должен отказаться от него. По собственному желанию. Громко и внятно.

— Зачем?

— Слушай, а тебе не все равно?! — огрызнулся мужик рядом с Виданой.

— Просто интересно, — Сергей судорожно думал, что делать. В своем прежнем теле у него еще были бы шансы справиться с уродами, но теперь – никаких. Он на ногах-то еле держится. Что ж, здоровье дороже? Пусть и такое поганое.

— Успокойся, Ворон, — примирительно сказала Видана. — Тогда ордер потеряет подпись, и его сможет использовать любой желающий. Как это говорится... — ее и без того узкие глаза превратились в пару щелок. — Ах — на предъявителя.

— Это, делай, как говорят, — в спину уперлось что-то острое.

Сергей вздрогнул, вытянул руку с ордером:

— Я отказываюсь от него.

— Ты совсем тупой?! — сплюнул Ворон, потом быстро миновал разделяющее его и Сергея расстояние, вырвал из руки ордер. — Назови свое имя, а потом откажись!

— Я не знаю, на чье имя он выписан...

Бандит закатил глаза, а потом резко выбросил сжатую в кулак руку. Удар пришелся в солнечное сплетение. Сергей шумно выдохнул — и осел на колени. Тут же последовал удар ногой по лицу. Потом еще один и еще — уже в живот, по почкам. Первое время Сергей еще пытался уворачиваться или хотя бы отчасти блокировать удары, но вскоре лишь свернулся в клубок и закрыл руками голову.

— Довольно! — выкрик Виданы прекратил избиение.

Она говорила еще что-то, но слова тонули в протяжном гуле, обосновавшемся в голове. Из горла рвался кашель, но при малейшем напряжении грудная клетка взрывалась острой болью. Один глаз заплыл и уже почти ничего не видел. Во рту ощущался привкус крови. Но, как ни странно, на фоне зловония он не казался чем-то неприятным. Напротив, вроде бы даже притуплял обоняние. Или же сознание просто отказывается воспринимать полную картину окружающего мира?

— Мне он назвался Сергеем, — продолжала Видана.

— А ордер выписан на другое имя, — проговорил Ворон.

— Так это, не его ордер, что ли? — спросил второй бандит.

— Его-его, я сама видела, как его выперли из Дома. Эй, господин Сергей, что-то у нас с тобой не сходится. Давай поскорее все решим — и тогда ты еще сможешь увидеть Дом Исцеления. Если, конечно, захочешь.

— Ну же...

Новый пинок под ребра.

Боль от удара прокатилась по телу, но странно — оставила после себя какое-то тепло. Еле ощутимое — в груди, в самом центре.

— Здебор Вятич, — отдельно по слогам произнесла над самым ухом Видана. — Это твое имя, господин. Теперь тебе ничего не мешает. Только не забудь уточнить название Дома, которому принадлежит ордер. Не томи. Здешние ароматы плохо влияют на моих ребят. Они становятся злыми. Ты же больше не хочешь их разозлить? Не так ли?

Сергей почувствовал, как в его руку вкладывают ордер.

— Я, Здебор Вятич, — промямлил он разбитыми губами. — Отказываюсь от ордера Дома Жизни.

В руке что-то кольнуло, будто от короткой вспышки пламени.

— Сразу бы так, — в голосе Виданы слышалось облегчение. — А ты говорил, нечем отблагодарить.

Тепло в груди переросло в жар. Он распространялся по всему телу, будто разогревал кровь. Перед внутренним взором появились какие-то символы и знаки. Большею частью различные пентаграммы, гектограммы и прочие знаки силы, или как их еще называют? Странно, но мельтешащие образы казались знакомыми. Кажется — немного сосредоточиться,

вспомнить – и значение каждого из них станет предельно понятным.

— Хорошо поработали, — донесся голос Ворона.

— Это, надо его обыскать, — сплюнул второй бандит.

— Ну эту падаль! Воняет, как издохшая сука. Мараться неохота.

— Дай-ка мне свой ножичек, я немного потолкую с сукой.

— Возгарь, мы тебя ждать не станем, — проговорила Видана, и в голосе ее слышалось нетерпение.

— Идите–идите, я догоню.

— Не убивай его только. Я же обещала ему жизнь, да и ты тоже. Кем мы будем, если перестанем держать слово?

— А кто мы сейчас? — хохотнул Ворон.

Сергей услышал приглушенный смешок Виданы, а потом удаляющиеся шаги.

— Это, у тебя монеты есть? — прошипел над ухом Возгарь.

Жар затопил все тело. Боль отступила, будто вода, вытесняемая все прибывающим песком. Но в голове при этом не прояснилось. Напротив, мельгешащие образы захватили все внимание. Сергей даже не сразу осознал, как его голова резко вскидывается вверх, а перед самым лицом маячит сероватый, весь во вмятинах, клинок.

— Язык проглотить успел, сука? — прошипел Возгарь. — Это, я тебе сейчас глаз выколю и заставлю сожрать.

Отчего-то внимание Сергея привлек рот бандита – с потрескавшимися губами, покрытыми белым налетом, и кривыми гнилыми зубами, среди которых сверкал единственный, по всей видимости, сделанный из золота. Смрадное дыхание Возгаря перебило даже вонь, царящую на улице.

— Денег нет, — как можно более разборчиво произнес Сергей. Внутри поднималась ярость. Но не отчаянная ярость загнанного в угол полумертвого щенка, а ярость хищника, знающего истинную цену своим словам.

Лицо Возгаря вытянулось, в глазах мелькнуло удивление, но бандит тут же взял себя в руки. Ослабившись, он попытался вонзить нож в глаз Сергея.

Что случилось дальше, Сергей понять не успел. Его тело начало действовать вопреки его воле. Для начала – серое измятое лезвие ножа натолкнулось на непреодолимую преграду. Оно будто зависло в воздухе, сантиметрах в четырех от глаза Сергея. Возгарь отчаянно давил на него, но успеха не достиг – нож не сдвинулся ни на миллиметр. Больше того – он замер, будто зажатый тисками. Тогда бандит отпрыгнул на шаг, схватил с земли дубинку и тут же нанес удар сверху вниз, целясь Сергею в голову. Деревяшка, истыканная острыми иглами, остановилась все в тех же четырех сантиметрах от цели. Возгарь попытался атаковать снова, но дубинка не шелохнулась.

— Кто ты?! — прошептал он, облизывая губы.

Сергей не смог бы ответить, даже если бы захотел. Тело отказывалось подчиняться. Каждый мускул, каждый нерв жили своей собственной жизнью. Небрежным движением руки оно отбросило в сторону сначала нож, потом дубинку, поднялось на ноги. Уверенно и легко, будто и не было только что страшных побоев.

Бандит начал пятиться. Его взгляд затравленно рыскал по переулку, что-то выискивая. Раз он даже обернулся, видимо надеясь, что товарищи еще не успели уйти далеко, — напрасно. Ворон и Видана не задержались ни на мгновение.

— Это, ты что? Я же просто пошутить хотел, — его губы раздвинулись в виноватой

улыбке.

«Пошутить?!»

Слова Возгаря только подхлестнули и без того клокочущую в Сергее ярость. Тело будто среагировало на новый всплеск негативных эмоций: правая рука вылетела вперед. Пальцы, до того плотно сжатые в кулак, распрямились. На ладони осталось трепетать желтое пламя – не больше свечного.

Бандит завертелся на месте, заорал. Крик, усиленный эхом узкой улицы, зазвенел в ушах Сергея. Лицо Возгаря сделалось пунцовым, а от одежды начал подниматься пар.

— Нет!

Пламя на ладони продолжало дрожать под порывами ветра, но не гасло.

Бандит обхватил голову руками – и бросился на стену. Вряд ли он видел, куда бежит. Не успев как следует разогнаться, Возгарь налетел на неподвижную преграду. Его отбросило назад. Крик не прекращался. Извернувшись змеей, бандит вскочил на ноги – и тут на нем появились первые языки пламени. Сначала неуверенные, почти сразу гаснущие, но с каждой секундой обретающие силу. Они скользили по одежде и коже человека, оставляя за собой выжженные дорожки.

— Пощады... – прохрипел Возгарь.

Его дрожащие руки обратились к Сергею. Их взгляды встретились. Долгое мгновение, когда двое замерли друг напротив друга, когда стих отчаянный крик, — а потом время вновь пошло своим чередом, запущенное факельной вспышкой. Тело бандита обратилось пылающим костром. Он смог сделать всего пару шагов, все еще протягивая руки к Сергею, но пощады так и не дождался.

Жар отступал, а вместе с ним возвращалась боль, к которой теперь примешивалась смертельная усталость. Сергей почувствовал острый запах горелой плоти. Тело Возгаря лежало лицом вниз и все еще продолжало тлеть.

Шок от всего случившегося принес с собой ступор. Наверное, надо поскорее бежать. Вряд ли крик сгорающего заживо бандита не нашел благодарных ушей. Возможно, конечно, в местах, подобных этой залитой помоями улице, на крики о помощи выглядывать не принято. Но стоит ли рисковать?

Вот только куда идти? Теперь, когда он утратил ордер и не имел в кармане ни монеты, все двери для него закрыты. Какая-то выплата от Дома Жизни еще будет. Но когда? Жить надо уже сейчас.

Жить... Крик Возгаря до сих пор стоял в ушах. Сергей на негнущихся ногах подошел к бандиту. Странное смешение чувств, но есть ли среди них жалость? Возможно... Если бы у грабителя был шанс, если бы он смог завершить начатое, выполнить угрозу, страдал бы он муками совести? Вряд ли. Тогда почему должен страдать он – Сергей?

В рассуждении не было ни одного слабого звена, только оно все равно отдавало тухлятиной. Как бы то ни было, но сделанного не вернешь. Помучиться раскаянием можно и потом, когда над головой появится крыша, а в руках ломоть хлеба. От воспоминания о еде в животе забурлило. И кто бы мог подумать: стоя рядом с обгоревшим трупом, в сосредоточении зловония, он все равно сможет думать о еде. Или это так новое тело на него действует?

Тело... новое тело...

Тело принадлежит, то есть принадлежало, некому Здебору Вятичу. По всей видимости – магу. Возможно, именно поэтому в Доме Жизни не удивились его чудесному воскрешению.

Возможно, именно поэтому выдали ордер и обязались выплатить деньги.

А что если... что если попытаться отыскать дом господина Здебора? Где-то он должен жить. Шанс небольшой, но если человек – маг, вполне возможно, что в городе о нем слышали и сумеют направить по нужному адресу.

Сергей осмотрел себя. И без того безобразная, ряса теперь выглядела ужасающе: перемазанная в грязи и крови, порванная в нескольких местах, а главное – наверняка воняющая. Таскаться в таком виде по городу не самая лучшая идея. В таком виде могут направить совсем не по тому адресу. Но выбора нет. В голову больше ничего не приходит.

Сергей отыскал взглядом оброненные очки. Глаза хоть и привыкли к уличной тени, но выходить на солнце без защиты все еще может быть опасно. Впрочем, вряд ли очки понадобятся сегодня. Судя по сгустившимся теням, день катится к своему завершению. То есть надо поторапливаться. Встречать вечер в вонючих трущобах – большой шанс никогда их не покинуть.

Надев на шею очки и кое-как отряхнув рясу, Сергей пошел по переулку. Каждый шаг отдавался в поврежденной ноге колющей болью, лицо саднило, а дыхание давалось с трудом. Но он все равно шел. Определившись с ближайшей целью, он намеревался ее достичь.

Гори, ведьма, гори!

(с) Меррит Абрахам Грайс

То, что ему удалось выбраться из трущоб, Сергей оценивал как настоящее чудо. Уже спустя какой-то час солнце скрылось настолько, что переулочек погрузился в густую полумглу. Куда ступать – стало совершенно неважно. Ноги до самых колен покрылись липким, дурно пахнущим нечто, полы рясы намокли и липли к ногам. Вонь настолько глубоко засела в носоглотке, что рвотные позывы случались чуть ли не каждые десять минут.

Полуослепший, с затуманенным сознанием, Сергей все же покинул злосчастные переулочки. Последние сотни метров он преодолевал почти бегом. Во встречающихся на пути ответвлениях скользили размытые тени, слышался смех и крики. Несколько раз он видел светящиеся желтым глаза – большие, с вертикальным зрачком, как у кошки. Глаза замирали при его приближении, а потом просто исчезали. При этом ощущение постоянной слезки, постоянного внимательного (даже оценивающего) взгляда не проходило.

И потому он бежал. Бежал, не оглядываясь, не обращая внимания на боль. Падая, вставал – и бежал снова. Когда вонь начала рассеиваться, а склизкая грязь под ногами уступила место хорошо утоптанной земле – Сергей не заметил. Он даже не заметил, когда улицы стали светлее. У домов появились столбы с закрепленными на них желтыми фонарями. У одного из них он и остановился.

Ноги подкашивались, а дыхание выбивалось со свистящим хрипом. Тело, которое еще утром было мертво, проделало неплохой путь, но теперь грозило сдаться и растянуться в первой же канаве.

Странно: либо вечер здесь крайне короткий и переход от дня к ночи происходит за считанные минуты, либо за время бегства он как минимум раз отключился. Ну не мог он промотаться по трущобам несколько часов. Каковы тогда должны быть размеры заживо гниющего района? И каковы размеры остального города?!

Сергей помассировал зудящие виски. Можно ли доверять собственному сознанию?

Надо отвлечься на что-то понятное и простое.

Осмотревшись, Сергей отметил нечто вроде вывески, мерно покачивающейся над дверью ближайшего одноэтажного дома. Здесь же, перед окнами, разместился довольно вместительный крытый лоток, сейчас пустующий. С трудом переставляя немеющие ноги, Сергей сделал несколько шагов к вывеске. Неверный свет выдернул из темноты деревянную табличку со старательно вырезанными буквами, украшенными геометрическим орнаментом.

— Кожевня Уйки, — вслух прочитал Сергей.

Несмотря на замысловатый шрифт, все буквы оказались знакомы и стояли на привычных местах.

Что ж, уже легче: там, где проживает мастеровой люд, должно быть спокойнее. Впрочем, расслабляться рано. Хоть и очень хочется.

«Не приняли бы за вора».

Опираясь то о стены домов, то о лотки (их, кстати, оказалось очень много), Сергей направился по залитой желтым светом улице. Каждый фонарь – небольшая луна, мерцающая

в легкой туманной дымке.

По всей видимости, отсюда начинался район кузнецов, кожевников и гончаров. Вывески обнаружались почти на каждом доме. Некоторые, как и первую, украшала художественная резьба, другие несли на себе следы разноцветных красок, третьи явно вышли из-под молота кузнеца. Четкой зависимости стиля таблички от изготавливаемых в доме предметов Сергей не заметил. Впрочем, голова работала не особенно четко, а внимание заметно притупилось.

Но вот что странно – несмотря на освещение улицы, пусть неравномерное и не особенно яркое, в домах света нет. Ни в одном. Все строения будто вымерли. Ни лая собак, ни скрипа дверей или случайного голоса – ничего, кроме гудящего стрекота кузнечиков. Лишь желтая полоска света, по обе стороны от которой из темноты выплывают лавки и мастерские без хозяев.

«Неужели все спят?»

Сергей понимал, что труд ремесленника очень непрост. Нароботавшись за день, люди вряд ли станут колобродить ночью. Но чтобы такая тишина...

Захочешь спросить дорогу – а не у кого.

Неожиданно ветер донес до Сергея отдаленный звук. Будто шелест прибоя. Порыв – и снова тишина.

Почудилось?

Остановиться, задержать дыхание, прикрыть глаза. Действительно звук! Больше всего похож на... на крик. Крик, одновременно рвущийся из множества глоток. Что-то празднуют или кого-то убивают? Но альтернативы, похоже, нет – придется идти на шум.

У одного из домов–мастерских Сергей разглядел странного вида бочку. Деревянная, стянута обручами, но с короткой широкой трубкой, вмонтированной в бок. Что-то типа крана, но гораздо более простотой конструкции.

Бочка для вина? На улице?

Не поленившись, Сергей подошел к ней вплотную. Под ногами захлюпала глина. Похоже, что кто-то не пожалел воды, чтобы от души намочить кусок сухой улицы. А что если...

Сергей опустил руку в бочку. Пальцы обожгла приятная прохлада. Воды.

Да! То, что нужно!

По спине от предвкушения пробежали мурашки.

Неужели удастся избавиться от ощущения ходячей помойки?

Бросив быстрый взгляд на улицу – никого, — Сергей взялся за края бочки и как можно тише залез в нее. Холод сначала коснулся одной ноги, потом другой, затем поднялся по торсу и сомкнулся над головой.

Тихое монотонное гудение в ушах – блаженство.

Если хоть кто-нибудь его видел, если не дай бог хозяева дома–лавки решат выйти прогуляться – незадачливому любителю водных процедур несдобровать. Но отчего-то думать об этом не хотелось. Вода приятно холодила натруженное тело, обнимала мягким коконом, снимала усталость.

Да, вот теперь можно жить. Теперь можно рассуждать здраво.

Прохлада превращалась в холод, проникающий под кожу. Но Сергей не спешил вылезать. Еще немного. Пусть руки и ноги начнут неметь. Пусть начнут стучать зубы. Вместе с нарастающим ознобом истаивают воспоминания о вони трущоб, о желтых глазах, о

сгоревшем грабителе.

Он вынырнул с громким вздохом. Зубы действительно отбивали чечетку, руки слушались еле-еле.

«Прошу прощения», — проговорил Сергей мысленно, стоя возле бочки и стягивая с себя тяжелую ткань рясы. Теперь передвигаться в ней — сущее мучение. Но и выкидывать пока рано — вдруг пригодится.

Оставшись в одной набедренной повязке, он припустил бегом. Первые шаги дались с трудом. Ноги норовили подогнуться, ступали неуверенно. Но чем дальше, тем сильнее разгонялась по жилам кровь, тем проще становилось передвигаться. Последние сомнения по поводу вынужденного купания развеялись. Немного стыдно перед хозяевами бочки, но не настолько, чтобы корить себя. Вода будто дала вторую жизнь, а большего сейчас и не требуется.

Между тем звуки приближались, становились отчетливее. Теперь среди скомканных взрывов толпы можно различить отдельные выкрики.

Все-таки праздник?

Улица все время шла в гору — и потому зрелище, представшее взору Сергея, развернулось сразу во всей красе. Он даже прикрыл глаза от света многочисленных факелов.

На просторной, мощенной булыжником площади, окруженной стеной раскидистых дубов, собралось несколько сотен горожан. Женщины, мужчины, дети — в простых домотканых одеждах, украшенных белыми лентами. Люди стояли перед деревянным помостом, на котором самозабвенно отплясывал по пояс раздетый мужик. Он то пускался вприсядку, то ходил колесом, то совершал немыслимые по сложности кульбиты — и это все на жестком, абсолютно не амортизирующем покрытии. Вообще говоря, увидеть сложные трюки здесь, в мире, где на совершенствование подобных умений у простого человека просто не должно оставаться времени, — довольно странно.

Или выступающий — профессиональный актер или акробат? Тогда больше всего происходящее походит на концерт. Только странное для него выбрано время — ночь. Или с утра никто не собирается работать?

Танцору не только вторили в толпе (в силу возможностей, конечно), но и аккомпанировал небольшой оркестр, если его, конечно, можно так назвать. По звукам — пара духовых (вроде флейты), несколько струнных и что-то звонкое ударное. Сами музыканты прятались где-то среди толпы, и потому разглядеть их Сергей не смог.

Он уже решил было идти к людям и спросить о доме Здебора Вятича, когда последние такты очередной веселой мелодии стихли — и танцор замер в грациозной позе, стоя на одной ноге. Его грудь, блестящая от капель пота, тяжело поднималась.

По толпе прокатился одобрителный шум, люди зааплодировали. Родители поднимали детей на руки, указывали в сторону помоста, о чем-то говорили.

Кое-кто из собравшихся еще продолжал отплясывать, следуя утихшей мелодии, когда над площадью загремел голос. Нет, скорее, Сергей услышал его в собственной голове — нарастающий, словно приливная волна.

Люди замерли. Притихли даже дети, чьи веселые стайки время от времени мелькали между танцующими взрослыми.

— Она та, кто отринул пути предков, — говорил невидимый оратор. — Она та, кто идет по дороге тлена. Она та, кто приближает конец мира. Она — червяк, она паразит. Она — опухоль, которую надо вырезать без жалости.

Сергей отступил подальше, в тень дубов. Праздник переходил в какое-то иное русло. И, похоже, именно его ожидали все собравшиеся.

Помост, до того ярко освещенный факелами, неожиданно окутался белым маревом. Но марево не принесло света, напротив – оно словно впитало его в себя, погрузив площадь в густой полумрак.

Сергей ощутил, как воздух наполняется десятками, сотнями мельчайших холодных иголок, впивающихся в кожу. Разгоряченное тело пробила судорога. Пламя факелов поникло, почти угасло, но уже через мгновение вспыхнуло с новой силой. На какое-то время мир окутался оттенками серого, прочие цвета исчезли.

Белое марево, растекшееся вокруг помоста, сгустилось в его центре парой плотных коконов.

Толпа взревела.

Коконсы распались клочьями пены, тут же впитавшимися в доски помоста. Воздух дрогнул и подался в стороны, застыв прозрачной полусферой всего в нескольких метрах от помоста. Поначалу Сергей принял ее за некий защитный контур, который должен оттеснить толпу. Но нет. Люди свободно стояли по обе стороны от границ полусферы, а некоторые даже пересекали ее. Но вот что странно – сам помост будто приблизился. Застывший воздух обернулся чем-то вроде линзы.

На месте истаявших коконов остались стоять два человека. Среднего роста мужчина в ниспадающих черно-серых одеждах – точь-в-точь долговязый из Дома Жизни, с тем же бесстрастным выражением на болезненно худом лице, теми же тонкими узловатыми пальцами. Рядом с ним, заключенная в три голубоватых кольца, медленно вращающихся по часовой стрелке, замерла женщина. Она вытянулась в струнку, руки вдоль тела и, кажется, — даже не дышит.

Больше всего происходящее напоминало Сергею казнь в средневековой Европе. Эшафот, приговоренная к смерти ведьма, инквизитор. Не хватает только обложенного вязанками хвороста столба.

Но даже если женщина действительно в чем-то виновна, зачем на экзекуцию приводить детей? Жестокий мир, жестокие нравы? Но после мельком увиденного в Доме Жизни сложно представить то преступление, за которое несчастную заключили в странного вида кольца. И, судя по затравленному взгляду, женщина опасалась именно их, а не толпы или стоящего рядом адепта Дома Жизни.

— Каждый из вас знает, какие силы таятся по ту сторону Границы! — громко произнес мужчина на помосте.

По толпе пронесся одобрительный шепот.

— И Дом Жизни стоит на страже вашего спокойствия! Спокойствия ваших детей и близких.

Снова одобрение собравшихся. Уже более уверенное и громкое.

— Но в трудные времена, когда Граница истончилась как никогда раньше, среди добропорядочных граждан все еще находятся последователи варварских обрядов. Вы знаете эту женщину?! — голос адепта поднялся до крика. Голос сильный, хорошо поставленный – человек явно знает свое дело.

Из толпы раздались выкрики согласия, поднялись руки.

— Она жила среди вас. Говорила с вами. Преломляла один хлеб, — голос сделался доверительным. — Но что-то заставило ее поддаться искушению. Подумайте, что?

Над площадью повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящих факелов.

— Это урок всем нам. Будьте внимательны к своим близким. Не оставляйте их в горестях. Помните: Границу прорвать легко, восстановить ее – невозможно!

Адепт говорит еще что-то, взывал к состраданию, но его слова текли мимо Сергея. Трудно оценить масштабы предрекаемой катастрофы, без понимания, о чем идет речь. Зато мертвенно-бледное лицо женщины внутри голубоватых колец и ее нестихаемая дрожь отчаянно кричали об одном – о жесточайшем холоде.

В чем же ее вина?!

Адепт в последний раз что-то выкрикнул, поднял руки.

Казалось, замолчали даже факелы.

А потом закричала женщина. Пронзительный, надрывный крик болезненным клинком рассек ночной воздух. Ледяные кольца (а ничем иным они быть не могли) завращались быстрее – и с их внутренней поверхности начали срываться мельчайшие, но все же различимые глазом частицы. Они совершали несколько оборотов вокруг дрожащей пленницы, а потом устремлялись к живой плоти.

Сергей уже понял, чем все закончится, но все же надеялся ошибиться. Экзекуция походила на пескоструйную обработку. Только вместо пластика или металла выступал живой человек. Пока живой.

Первая кровь вызвала в толпе бурю восторга. По щеке приговоренной к смерти красным росчерком процарапал первый ледяной осколок. Впрочем, женщина вряд ли чувствовала боль, а кричала, скорее всего, из-за страха. Она было дернулась, ударила руками по кольцам, но тут же ее глаза распахнулись в беззвучном вопле, а из раскрытого рта вырывался лишь сдавленный хрип. Обе ладони будто перепахало в мясорубке. Переломанные, вывороченные пальцы, лишённые не только кожи, но и мяса, продолжали шевелиться, подобно омерзительным червям, неведомо как прогрызшим себе путь сквозь человеческую плоть и теперь с интересом взирающим на мир.

Краем глаза Сергей усмотрел небольшую семью – женщина, мужчина и ребенок лет четырех. Они стояли на самой окраине толпы – и женщина что-то настойчиво говорила мужу. В конце концов, тот сдался, взял сына на руки и посадил себе на шею. Малыш тут же уцепился за волосы отца и устоял на представлении.

«Жестокий мир, жестокие нравы...»

Сергей как мог старался абстрагироваться от оценки происходящего. Он не знает этого мира, не знает его законов и проблем. Вполне возможно, женщина заслужила смерть. Возможно, дети с малых лет должны привыкать к жестокости, чтобы иметь шанс выжить. Возможно, возможно...

«Надо уходить».

Смотреть на медленную смерть обреченной желания нет.

Вдруг что-то случилось. Шум толпы, еще секунду назад довольный, сменился раздробленным ропотом. Сергей взглянул на смертницу – ее одежда успела превратиться во множество аккуратно нарезанных лоскутов, а кожу покрывали глубокие царапины, но крови почти нет. Вернее, есть, но совсем мало. Впрочем, это уже не важно – в сердце женщины торчало оперенное древко стрелы.

В толпе забурлило, послышались отчаянные вопли, кто-то сцепился на кулаках. Только что равномерно галдящее болото разделилось на два лагеря. Тех, кто видит и знает о причине столь неожиданного завершения представления. И тех, кому ничего не видно, но

очень интересно.

— Стойте! — голос адепта Дома Жизни перекрыл нарастающий гвалт. — Ведите его сюда...

Шум не утих, но хотя бы появилось какое-то осознанное действие. Сквозь напирющую толпу вели человека. Он не сопротивлялся, не отвечал на выкрики и брань. Только дергался от сыплющихся со всех сторон ударов. Далеко не все из них достигали цели, но даже небольшого количества хватило, чтобы лицо нарушителя привычного течения представления сделалось одутловатым, обзавелось кровоподтеками.

— Да это же Ратко! — выкрикнул кто-то.

— Точно, Ратко...

— Но почему?

— Тряпкой жил – тряпкой и остался...

— Что ты такое говоришь?! Он... ой, дурак!

— А может, не он?..

— Сам видел!

Склочную перебранку прекратил адепт Дома Жизни:

— Ты понимаешь, на чью сторону встал?

Он говорил тихо, но этот шепот проникал в самые уши.

Тот, кого в толпе называли Ратко, молчал. На фоне двух здоровенных мужиков, придерживающих его за плечи, он выглядел щуплым и напуганным. Но зачем тогда стрелял? Вряд ли только из-за жалости. Пока в новом для Сергея мире с ней очень туго.

— Пусть займет ее место! — донеслось из толпы.

— В ледяной столп его!

— В столп!

Ратко рванулся. Импровизированная охрана то ли отвлеклась, то ли расслабилась. Ненадолго, но этого времени хватило, чтобы присмиривший нарушитель «праздника» достиг своей цели. Он даже не попытался убежать или скрыться за помостом. В один прыжок достиг уже мертвой женщины и чем-то, выуженным из рукава, ударил по ледяным кольцам.

Те раскололись с мелодичным звоном – и тут же во все стороны брызнул целый поток искрящейся пыли. Первым на ее пути встал сам Ратко, следом – двое дюжих молодцов, только-только понявших, в чем дело.

Ледяная пыль не ранила – она убивала. Попадая на кожу – тут же начала не то прорастать, не то замораживать ткани. Ратко стоял не больше двух-трех секунд, прежде чем его тело покрылось ледяной коркой. Хватило единственного колебания помоста, чтобы еще недавно человек – а теперь обледеневшая статуя – рухнул вниз. Он не разбился на мелкие осколки, но верхняя часть тела превратилась в растрескавшееся кровавое месиво. Голова и плечи слились практически воедино, по спине пробежала сеть отрывистых трещин, одна рука сломалась в локте, вторая лишилась кисти.

Совсем скоро судьбу Ратко разделили и оба его конвоира.

Толпа отпрянула назад. Но не от вида страшной смерти, а от сверкающей пыли, которая продолжала расползаться от места трагедии.

Раздались крики ужаса. Мольбы двигаться быстрее.

Теперь те, кто пришел позже и смотрел на представление издали, смогли в полной мере оценить всю выигрышность своего положения. Они отбегали в стороны – и останавливались. Желание все увидеть до конца оказалось сильнее чувства опасности.

Странно, что продолжал бездействовать адепт Дома Жизни. Его-то ледяное облако обошло стороной. Вряд ли по счастливому стечению обстоятельств. Но если смог выжить сам, почему не помочь остальным?

Те, кто оказался ближе к помосту, казалось, обезумели. Орудя локтями, пинаясь, отбрасывая соседей назад, люди стремились покинуть опасную область. Тех, кто слишком долго мешкал или просто не мог двигаться с нужной скоростью, — накрывало холодной пеленой.

Сергей смотрел на все происходящее с каким-то мстительным удовлетворением. Не сказать, чтобы он радовался. Нет. Скорее — именно такой и должна стать концовка жуткого смертельного действия.

А чем он сам лучше?

Сергей поморщился, бросил на землю все еще мокрое тряпье, недавно служившее ему одеждой, и метнулся из укрытия.

Идиот! Выискался герой с голым задом! Впрочем, он не станет лезть в самую гущу, не станет вытаскивать обездвиженные тела. Ему всего лишь нужны ответы. А если не сейчас, то потом спрашивать будет снова некого.

Он даже толком не понимал, что станет делать. Люди пробежали мимо. Кто-то задерживал на нем удивленный взгляд, но большую часть убегающих интересовала лишь проблема собственного спасения. Здесь, на периферии отступления, плотность толпы сильно уменьшилась, беглецы сбивались в небольшие группы — и уже вместе покидали площадь. Среди убегающих сновали одинокие фигуры мужчин и женщин, выкрикивающих имена своих родных. Они с трудом уворачивались от вырвавшихся из смертельной ловушки вчерашних соседей, но не уходили. Некоторых сбивали с ног, слышалась ругань и проклятия. И было с чего — ледяное дуновение высвобожденной Ратко силы ощущалась уже на самом краю площади. Многие так и остались лежать там, у деревянного помоста, на котором продолжала возвышаться фигура адепта Дома Жизни. Он стоял и отчаянно жестикулировал, выписывая руками какие-то символы, ненадолго загорающиеся в холодном воздухе. Но толку от его действий пока не наблюдалось.

«Маг! — с неприязнью подумал Сергей. — Балаганный шут — только фокусы показывать».

Одинокая девочка, лет трех, широко распахнутыми глазами смотрела на безумное столпотворение. Пробегающая мимо женщина оступилась, налетела на малышку, и они обе покатались по камню площади. Женщина что-то процедила сквозь сомкнутые зубы, вскочила на ноги и, заметно прихрамывая, продолжила бег. Причины своего падения она, похоже, так и не заметила.

Проклятье, если взрослые отдавали себе отчет в возможных последствиях, когда собирались на представление, то вряд ли ребенок понимал суть всего происходящего! Сергей бросился к девочке. В плечо кто-то врезался. Но хорошо — только вскользь.

Подхватить малышку на руки. Вот только что с ней теперь делать? Оставлять ребенка в одиночестве не хватает решимости — потеряется или снова затопчут.

Сергей судорожно заозирался. Выход нашелся сразу. Оказывается, не все собравшиеся на площади думали лишь о бегстве. Несколько человек занимались как раз вылавливанием из столпотворения потерявшихся детей.

— Еще одна потерялась... — проговорил он, протягивая девочку женщине, возле которой уже жались четыре ребенка. Малышка, за все время не издавшая ни звука, теперь не

выдержала. Ее плач резанул уши.

Пусть плачет. Когда-то страх должен найти выход.

Спустя несколько минут он сумел выудить из-под ног спасающихся мальчишку. В отличие от девочки, ему повезло меньше. Лицо паренька оказалось разбито в кровь, а одна рука неестественно вывернута. Когда Сергей его нашел, мальчик лежал под телами двух взрослых, кожа которых только-только начала покрываться ледяным налетом. Он успел выдернуть ребенка, уже ощущая морозный воздух, от которого стыло дыхание.

А потом был громкий хлопок. Адепт Дома Жизни все-таки справился с тем, причиной чему стал. Пусть и не без чужой помощи. Ледяные облака, успевшие расползтись на пару десятков метров от эпицентра своего появления, резко съежились, опали. А вскоре поползли обратно, нехотя оставляя после себя окоченелые тела.

Что ж, похоже, эта ночь надолго запомнится не только ему, Сергею, но и каждому, кто думал с интересом провести время, наблюдая за казнью ведьмы. Или как ее тут правильно называют? Но вскоре наверняка все отойдут от первого шока и вернуться. А потому надо успеть исчезнуть, пока на него не начали обращать излишнего внимания.

Сергей обернулся к группе местных, вокруг которых собрались потерянные дети.

— Мне нужен Здебор Вятич. Вы знаете, где я могу его найти?

На него смотрели молча. Что их больше смутило – отсутствие на незнакомце одежды или его изуродованное тело? Или сам вопрос? Неважно. Потом, после его ухода, они могут сколь угодно долго обсуждать странности сегодняшней ночи.

— Здебор Вятич! — с нажимом повторил Сергей. — Где он живет?

— Зачем тебе связываться с магами? — послышалось из-за спины.

Сергей обернулся. К нему направлялся мужчина с короткой бородой и красным лицом. Он тяжело дышал.

— Мне нужен только один из них. Разговор есть. Важный.

— Пожалеешь... – мужчина глубоко вздохнул носом, морщась, осмотрел собеседника с ног до головы. — Да и без штанов тебя вряд ли примут. Кто таков будешь?

— У меня есть чем прикрыться... Там, в деревьях, — вопрос Сергей решил дипломатично опустить.

— Ну да дело твое.

Дом, милый дом.

(с)

Возможно, было бы правильно не уходить со злосчастной площади с помостом, а обратиться к адепту Дома Жизни. Рассказать ему о нападении грабителей. Кто знает, вдруг ордер на посещение Дома Исцеления можно восстановить? Но о такой возможности Сергей подумал слишком поздно. Идея найти дом человека, в теле которого находится его сознание, казалась правильной и единственно верной. А когда пришли сомнения, то возвращаться было слишком далеко.

В итоге Сергей промотался по городу до самого утра. Он больше не сторонился прохожих, не прятался в тени улиц. На площади, перед самым уходом, неожиданно настойчиво ему все же всучили простые льняные штаны и рубаху. Кто-то из тех, кто первым выбрался из толпы, успел сбежать домой и вернуться со сменой одежды. Зачем? Сергей так и не понял. Возможно, переодеть раненого. Возможно, кто-то обделался во время бегства – ничего удивительного, учитывая реальность висящей за плечами смерти. А быть может, одежду принесли просто на тряпки. Как бы там ни было, но, освободившись от грязной вонючей хламиды и переодевшись в простое, но чистое, Сергей почувствовал себя гораздо увереннее.

Ему не сказали конкретного адреса, не сказали даже улицы. Здесь их, похоже, просто никак не называли. Но указали идти в направлении высоких каменных башен с золотыми шпилями.

Город оживал. На еще полутемных улицах, заполненных клубящимся туманом, появились первые жители. Они не смотрели по сторонам – почти беззвучно появлялись из тумана и так же тихо вновь скрывались в нем. Призраки из ночного кошмара. Или просто сна. Жаль, что проснуться уже не получится.

Несмотря на довольно приличные дома вдоль неширокой улицы, под ногами грязно. Нет такой вони и куч мусора, как в трущобах, но и до привычной Сергею чистоты очень далеко. Большинство домов хоть и каменные, но кладка во многих местах дала трещины, просела. Окна, закрытые мутным стеклом, покосились, а ставни кое-где и вовсе висят на одной петле или отсутствуют. Многие крыши не перекрывались очень давно и успели прорасти таким слоем темно-зеленого мха, что под ним не видно самого материала кровли.

Общее ощущение запущенности и даже безысходности. Будто город медленно, но верно умирает.

Сергей остановился возле здания с вывеской «Горячие ребрышки». Запах, истекающий из раскрытой двери, красноречивее всяких слов говорил о том, что ждет гостя внутри. Завтрак! Рот наполнился слюной, живот болезненно скрутило. Хоть затыкай нос.

В дверях послышались шаркающие шаги, а потом на свет показалась переваливающаяся с ноги на ногу фигура. Синекожий зомби имел довольно приличный вид: аккуратно выглаженные белые штаны, такая же рубаха, а также передник и поварской колпак, задорно натянутый на одно ухо. В руках зомби держал поднос с небольшими кусочками мяса, над которым еще поднимался пар.

Дегустация?

Зомби остановился в нескольких шагах от двери и замер.

Запах свежеприготовленного мяса щекотал ноздри. Сергей приблизился к мертвому работнику, заглянул тому в глаза. Воспаленные, с красной сеткой капилляров, а вокруг – желто–коричневые пятна. Те же самые пятна в уголках рта и возле ушей. Похоже, мало мертвяка поднять – еще надо и поддерживать его в нормальном состоянии. А этот, что ли, начал гнить?

Аппетита зрелище не прибавило, но желудок по–прежнему продолжал требовать пищу. Рассудив, что хоть какие-то элементарные правила гигиены здесь соблюдать должны, Сергей взял с подноса несколько кусочков мяса. Плевать, что их предлагает выходец из могилы. Голод не тетка.

Чем выше поднималось солнце, тем люднее становилось на улицах. Появились повозки, груженные самым разным товаром: от свежих лепешек и покрытых тряпками крынок – до посуды и рулонов разноцветных тканей. Большею частью повозки тянули все те же зомби, но находящиеся в куда более плачевном состоянии, нежели виденный возле «Горячих ребрышек». Кожу некоторых покрывали большие язвы или гнойники, только–только не сочащиеся сукровицей. Подкашивающиеся ноги, казалось, готовы подломиться от чрезмерных усилий мертвых работников. Но в первую очередь страдали все же лицо и руки. Если кожа на черепе усыхала, утрачивала даже намек на влагу и превращалась в испещренный желто–коричневыми пятнами пергамент, то руки от пальцев и выше покрывались черными трещинами.

Один раз Сергею на глаза попался особенный экземпляр. Своеобразный ходячий рекламный щит – зомби, тело которого служило местом для размещения объявлений. Рядом с ним прохаживался полноватый лысый мужичок. Он то и дело прикладывался к пузатой фляжке, перевитой кожаными ремнями. Если так начиналось его утро, то доработать даже до обеда – большой подвиг. Вряд ли во фляжке молоко или чай. Как оказалось, любой желающий, заплатив лысому определенную сумму, мог тут же написать объявление и в прямом смысле слова приколоть его к зомби. В любое свободное место. Мертвый же бедняга никак не реагировал на острые длинные спицы, пронзающие его тело.

И вот это называется жизнью? Дом Жизни впору назвать Домом Смерти. Будет куда ближе к сути его деятельности.

Только теперь Сергей подумал, что за время нахождения в этом мире ни разу не видел ни одного животного. Даже не слышал. Кошки и собаки должны быть. И пусть даже не на улицах, но в домах, во дворах. За всю ночь никто не гавкнул, не мяукнул. Или теперь в качестве домашних любимцев эти синекожие парни и девчонки?

Время от времени Сергей прикладывал к глазам солнцезащитные очки или попросту прислонялся к какой-нибудь стене и стоял с закрытыми глазами. Не все так плохо, как вчера, но глаза все же болели.

Он все же достиг каменных башен с золотыми шпилями. Вернее, достиг места, откуда на них открывался замечательный вид. В той или иной степени башни видно из многих точек в городе, но отсюда, с окраины весьма благополучного квартала, возвышающиеся над всеми прочими строениями и окруженные высокой кирпично–красной стеной, они выглядели действительно внушительно. Четыре высоких шпиля устремлялись в небо не менее чем на полторы сотни метров. Тонкие и изящные, они в высшей степени отличались от всех прочих строений, которые Сергей успел увидеть в новом для себя мире. Точно не

деревянные и, скорее всего, не каменные. Отсюда, с расстояния примерно в километр, они выглядели монолитными, цельными конструкциями. Неужели металл или бетон? После вонючих улиц города, после гнилых труб в подвалах Дома Жизни предположение казалось абсурдным. Но чем черт не шутит? Магия... кто знает, на что она способна?

И башни, и окружающая их стена стояли на крупном холме, ближайшие склоны которого поросли короткой зеленой травой. Ни единого дерева или куста. Те, кто сидел в высоких шпилях, будто нарочно отстранились от населения Москвы.

Что это? Страх, гордыня, брезгливость?

Впрочем, сейчас на это плевать. Куда важнее то, что находится у подножия холма, — усадьбы. Несколько обособленных клочков земли с домом или целым комплексом строений. От каждой такой усадьбы шла пара хорошо заметных дорог. Одна дорога к крепостной стене, в которой имелись ворота, сейчас плотно закрытые. Другая дорога — к городу. Ощущение, что усадьбы — это нечто вроде буферной зоны между башнями и городом.

Сергей поморщился. Ничего конкретного по поводу жилища Здебора Вятича ему не сказали. Маг мог жить в любом из поместий или же, что куда хуже, за кирпично-красной стеной. Странно, но, всматриваясь в очертания клочков земли и выстроенные на них сооружения, Сергей вдруг понял: он знает, куда надо идти. Сеть дорог казалась знакомой.

Игры воспаленного воображения? Накопившаяся за сутки усталость?

Словно в ответ на предположение, под ребрами родилась острая боль. Сергей поморщился. Похоже, останавливаться нельзя. Расслабляться нельзя. Побои, полученные от грабителей, еще дадут о себе знать. Сомнений нет. Стоит сесть, а еще хуже — лечь, и вряд ли удастся снова подняться. А потому надо идти. В конце концов — это его дом. Вернее, усадьба принадлежит его телу. Но какая разница?

Он ступал уверенно. С каждым шагом все больше росла убежденность: дорога выбрана верно. В груди поселилось предвкушение вперемешку с сомнением. Что его ждет у стен поместья мага? Что он станет говорить, как лучше представиться?

В голове крутились самые разные предположения, но все они казались глупыми, натянутыми, неосуществимыми. Остается положиться на русское «авось» и надеяться на лучшее.

Уже на подходе к поместью Сергей заподозрил неладное. Двухэтажный особняк даже издали выглядел очень плачевно. Некогда большой, дом, с главной частью и парой вспомогательных пристроек, мог быть даже красивым, несмотря на темно-серые цвета и грубую кладку первого этажа. Теперь же он больше походил на развороченное гнездо. Здесь явно был взрыв. Или что-то очень на взрыв похожее. Центральная часть дома напоминала выгоревший пень с дырами-окнами в руинах чудом устоявших стен. Со вспомогательных пристроек сорвало крыши, по их стенам пролегли отчетливые трещины. Всюду валялись куски обгоревшего дерева, камни, элементы металлических конструкций. Под ногами хлюпала черная от копоти глина. А в воздухе стоял сильный запах гари. Нетронутой осталась лишь каменная ограда высотой примерно метра полтора — наверняка дорогое удовольствие.

— Добро пожаловать домой, — прошептал Сергей, поднимая из грязи раскрытую книгу. Большая часть страниц выгорела, но обложка огню не поддалась. На оставшихся страницах буквы, написанные чернилами, расплылись. Текст стал совершенно нечитаем.

Сергей задумался, вспоминая слова долговязого из Дома Жизни. Что он говорил с причинах смерти Вятича?

«Колотые раны в области груди и живота? Вроде бы так. Причем множественные

раны».

Надо полагать, Здебор кому-то очень здорово насолил, если убийца не довольствовался одной лишь смертью мага, а в довесок еще и дом разрушил. И это «под носом» у башен с золотыми шпильями. Живущие у их стен далеко не рядовые горожане. Наверняка в отношении убитого мага должно было проводиться расследование. И наверняка тщательное. Но тогда становится еще более странно то, что еще живого Здебора Вятича приняли за мертвеца. Или маг действительно умер, а Сергей каким-то образом попал в уже «пустое» тело? Попал – и тем самым оживил его.

Бред какой-то!

Отлично поел, сладко поспал! Получил ответы на все вопросы! Что дальше? Куда идти? Хотелось все бросить и просто выключить голову. Хотелось проснуться.

Сергей скрежетнул зубами, вздохнул. Обгорелые развалины не навевали ничего, кроме тоски. Порывистый ветер штурмовал остовы стен, поднимал в воздух редкие, успевшие подсохнуть, пыль и пепел. От вида мертвого дома опускались руки. Замечательный финал в конце пути, ничего не скажешь.

И все равно – надо хотя бы обыскать развалины.

Он обошел пепелище. Если когда-то на земле и были какие-то следы, то теперь все скрыл равномерный слой жидкой грязи. По крайней мере, глаз ни за что не зацепился. Все те же обломки. Причем разбросанные довольно далеко от центра взрыва.

На лицо упала большая холодная капля. Сергей вздрогнул, посмотрел на небо. С утра чистое, сейчас его затягивали низкие серые тучи. Они надвигались широким фронтом и не предвещали ничего хорошего. Пока что теплая (даже ночью) погода не торопила обзавестись крышей над головой. Но если ночью Сергей нырнул в бочку по собственной воле, то теперь принимать душ не хотелось совершенно. Ветер, гуляющий по выжженному поместью, заставлял ежиться. И вроде бы температура воздуха не упала, а дрожь унять не удавалось. Холод будто изнутри разливался по телу.

Похоже, усталость берет свое.

Сергей направился к разрушенному дому. Черный изнутри, тот встретил незваного гостя мертвенным спокойствием. Практически все, что могло гореть, — выгорело. Кое-где в покореженных огненной стихией остовах с трудом угадывались очертания мебели или межкомнатных перегородок. От второго этажа осталось лишь легкое напоминание в виде обрушившихся толстых балок-перекрытий и частично сохранившихся стен. Крыша практически полностью обвалилась, образовав на полу первого этажа свалку из битой черепицы. Черепица с треском ломалась под ногами, отчего создавалось ощущение, будто идешь по сухим костям.

Очередной порыв ветра бросил в лицо пригоршню пепла. Сергей закашлялся – и чуть было не угодил в темнеющий провал. Кашляя, он невольно отступил на шаг в сторону, несколько черепиц соскользнули по деревянным доскам, а потом откуда-то снизу донесся грохот. Сергей замер. Рядом с ним, в полу, рваными краями зияло отверстие. Не очень широкое (полностью не провалиться), но достаточное, чтобы проглотить ногу. Острые, расщепленные края глубоко бы пробороzdили плоть. На этом бы осмотр внутренностей дома и завершился бы.

Значит, нужно быть особенно осторожным.

Сергей внимательно осмотрел отверстие. Такое ощущение, будто его пробили изнутри – из-под пола. Выстрелили чем-то небольшим (размером вряд ли больше футбольного мяча),

но тяжелым.

Внимательный осмотр показал наличие еще нескольких таких же пробоин. Все в разных, но близких друг к другу частях дома. Щепа торчит наружу, причем белая, не обгоревшая. Значит, стреляли уже после того, как стих пожар. Значит, кто-то приходил сюда после катастрофы... Или же оставался внизу все время, пока верхняя часть дома полыхала. Тогда должен быть подвал или что-то вроде него, не тронутое пламенем.

Сергей попытался прикинуть: где в подобном доме может находиться вход в подвальные помещения? Скорее всего, где-то близко к кухне. А еще так, чтобы удобно было спускаться туда на хранение различные продукты. То есть вход может быть и не один. А уж если вспомнить, что дом принадлежал магу, то некоторые лаборатории вполне могут располагаться внизу. Если, конечно, такие лаборатории вообще существуют.

Поиски кухни Сергей отмел сразу, решив ориентироваться на расположение дыр в полу. В одной из комнат, в гряде чего-то обгорелого, но все еще не утратившего целостности, он отыскал несколько почерневших от копоти клинков. Судя по всему, обгорелое, не утратившее целостности некогда было ковром, на котором оружие и висело. Но стена обвалилась, ковер погиб в огне, а вот оружие вполне годилось в дело. Наверное, годилось...

Сергей прикинул в руке несколько образчиков кузнечного мастерства. Прежде он всего раз имел дело с настоящим средневековым холодным оружием. В каком-то небольшом музее. Там еще что-то рассказывали про балансировку, про основные виды стали и самих клинков. Как бы сейчасгодились эти, пусть и небольшие знания. Но, как назло, ничего путного вспомнить не удавалось.

В конце концов, Сергей выбрал нечто вроде рапиры: обоюдоострый клинок, заточенный от центра до острия, длиной около метра. Витиеватый эфес с несколькими изящными пластинами хорошо закрывал руку. Стерев с пластин черный налет, Сергей обнаружил орнаментальную гравировку и несколько небольших разноцветных камней. Драгоценных ли? Он не имел понятия. Но вещь, скорее всего, должна немало стоить. В крайнем случае, ее можно продать. На первое время вырученных денег хватит.

А ведь если подумать: этот дом (вернее, его останки) и все, что находится в пределах усадьбы, — принадлежит ему. А возможно, и не только усадьба... У кого бы узнать?

Неожиданно в голове раскаленными буквами пролегла фраза: «Множественные колотые раны в области груди и живота...»

Пожалуй, высовываться пока рано.

Используя рапиру как палку, Сергей двинулся на дальнейшие поиски. Теперь он мог не опасаться неожиданного падения в очередную дыру, неожиданно раскрывшуюся под ногами. Прежде чем сделать шаг, он проверял пол клинком. Скорость передвижения снизилась, но уж лучше так, чем с разодранной ногой или сломанной шеей.

Вскоре его внимание привлек камин. Большой, обложенный чем-то вроде мраморной плитки и украшенный потрескавшейся лепниной. Дымоход сразу за камином странно обвалился, отчего образовалась ниша, сильно выделяющаяся на уцелевшей стене. Следом взгляд Сергея упал на пол: доски перед камином были заметно чище, чем в любом другом месте комнаты. Неужели это то, что он ищет?

Еще не вполне доверяя собственным ощущениям, Сергей подошел к камину. Тот не был полностью утоплен в стену. Упереться плечом в торец, толкнуть. Послышался тихий шелест — и камин легко повернулся вокруг своей оси. От неожиданности Сергей даже отпрыгнул, выставил перед собой рапиру. Но из открывшегося провала никто не выскочил, не ударило

потоком пламени.

«А ведь могло», — запоздало подумал он. Стоял бы теперь дымящейся головешкой.

В горле запершило. Ладони вспотели.

Что, идти туда? В темноту?

Сергей осторожно заглянул в обнаруженный ход. Вниз убегала спиральная лестница, а вдоль стены, словно пара путеводных нитей, пролегли алые светящиеся полосы. Одна на уровне лодыжек, вторая примерно на уровне груди.

Сергей нервно усмехнулся. В темноту он бы точно не сунулся. Хватит ли храбрости (или безумия) спуститься теперь, следуя за парой светящихся нитей? А если не спускаться, что делать дальше? Можно, конечно, собрать какие-никакие ценные вещи и вернуться в город. Найти там нечто вроде ломбарда – и все продать. На первое время, наверное, хватит. А там должна подоспеть компенсация от Дома Жизни. Все просто и на первый взгляд реализуемо. Если бы не противное ощущение, что тогда потеряешь нечто гораздо большее.

На всякий случай поведив в темноте хода рапирой, Сергей все-таки сделал первый шаг. Ступень оказалась явно металлическая. Звук гулким эхом ударился о стены и упал вниз. Довольно глубоко вниз. Под левую руку сами собой легли металлические же перила.

По-прежнему держа клинок перед собой, Сергей начал спуск. Вскоре пронизывающий ветер, докучавший ему наверху, стал казаться приятным летним бризом. Казалось, воздух в каменном стакане шахты, вдоль которой пролегла лестница, многие годы накапливал холод, чтобы теперь отдать его странному гостю. Ни ветра, ни влаги – один только холод, окутывающий тело плотной, сковывающей движения пеленой. Темнота, рассекаемая парой светящихся полос, налилась тяжестью, сгустилась. Каждый шаг давался с огромным трудом. Приходилось продирается сквозь упругое нечто, проникающее в голову, нашептывающее слова, от которых хотелось остановиться, присесть, закрыть глаза. Причем самих слов Сергей не разбирал, только их смысл.

Холод проник в легкие, превратил их в кусок льда. Дышать больше не надо, тем более что кровь в венах уже не бежит. Мертвое, покрытое тонкой наледью сердце больше не бьется. Глаза стекленеют. В голове тяжесть. Неимоверная тяжесть. Отдохнуть – всего минуту. Даже меньше. Куда торопиться? Ноги – пара неповоротливых столбов. Они не двигаются, их просто нет. Нет ничего, кроме желания отдохнуть. Путеводные нити отдалились, растворились в холодном мраке. Спокойно, все хорошо. Это конец.

Большие желтые глаза с вертикальными зрачками смотрят в самую душу. Не приближаются. Боятся? У них нет тел. Бесплотные тени, наделенные глазами. Они наблюдают, что-то ищут. А может быть, они – это всего лишь агония умирающего сознания. Нет никаких глаз. Нет никакой лестницы. Нет ничего, даже собственного тела.

Сергей вздохнул полной грудью. Из горла вырвался протяжный хрип. Дрожащая рука все еще хваталась за поручень перил, но ноги уже подгибались. Тело бил сильный озноб, зуб не попадал на зуб. Сергей попытался устоять, но тщетно. Выронив оружие, он повалился вперед. Но ожидаемого долгого падения не последовало. Машинально выставленные перед собой руки врезались во что-то жесткое. Боль заставила зашипеть, сжать зубы.

Что это было?!

Перед глазами все плыло. Постепенно цветные круги складывались в белые пятна и тени. Кое-как Сергей встал на колени, поднял голову. Он стоял на ровном каменном полу, местами присыпанном землей. Вокруг грязно-коричневые стены – колодец и есть, разве что широкий. Лестница осталась за спиной.

Он все же спустился! Но как?!

Только теперь до него дошло, что он довольно отчетливо видит и перила, и последние ступени лестницы. Свет! Ему не показалось. Белые пятна действительно висели вдоль стен – небольшие сгустки энергии, дрожащие, будто от страха.

Магия? Впрочем, чему удивляться? Особенно после спуска по лестнице. А ведь еще предстоит подниматься обратно. Сергей зябко повел плечами. Снова продирается сквозь смертоносный холод нет не то что желания – просто страшно. А что если в этот раз не повезет?

Сергей немного отдохнул, пока начал нормально чувствовать ноги, подобрал с пола рапиру, тяжело поднялся. От колодца, в котором он стоял, убежал всего один коридор – узкий, вдвоем не разойтись. Тем лучше – не придется ломать голову с выбором пути.

Продвигаясь вглубь каменной кишки, Сергей ловил на себе пристальные взгляды. Он несколько раз останавливался, оборачивался, вслушивался, но ничего подозрительного так и не заметил. Сгустки света плавно покачивались над головой, растекались равномерным мертвенным сиянием. Коридор просматривался довольно хорошо – никаких теней, никакого намека на постороннее движение. И все равно ощущение слезки не проходило.

Сергей помотал головой. Поддаваться несуществующим фантомам он не собирался. Не для того проделал весь этот путь, чтобы теперь просто развернуться.

Коридор кончился, раздавшись в стороны просторным округлым залом. Под потолком висели целые скопления белых сгустков. Они, точно стаи светляков, гонялись друг за другом, отчего общая освещенность зала постоянно изменялась. Сказать, что здесь царил беспорядок, — не сказать ничего. Весь пол зала был завален книгами (многие из которых оказались разорваны на части), фрагментами мебели (теперь точно и не сказать, какой именно – ее будто порубили на растопку), какими-то перьями, корнями, битым стеклом и еще кучей всякой мелочи. Вдоль стен и в центре зала стояли высокие деревянные стеллажи, но сейчас они пустовали. Сергей посмотрел вверх – в еле видимом отсюда потолке отчетливо просматривалась пара ярких пятен–пробоин.

Что ж, похоже, стреляли именно отсюда. Правда, ничего похожего на оружие не видно. — Есть кто живой? — позвал Сергей.

Смысла прятаться он не видел. Наверняка успел на шуметь, пока спускался по лестнице. Ответом ему была тишина. Тем лучше, никто не помешает провести осмотр.

Он старался ступать осторожно. Многочисленные стеклянные осколки и влажные пятна на деревянном полу намекали на то, что некогда здесь размещалась если не алхимическая лаборатория, то, по крайней мере, хранилище ингредиентов. Возможно, магических. В воздухе стояла невообразимая смесь запахов. Некоторые вкрапления оказались довольно приятны, но большая часть – отталкивала, вызывала удушье или тошноту явным смрадом. Вряд ли удастся пробыть здесь долго.

Сергей рванул рукав рубашки, отодрал от него приличного размера кусок, который тут же использовал в качестве повязки на лицо. Уж если дышать, то хотя бы через ткань. Невесть какая защита, но лучше чем ничего.

«Здесь что-то искали...» – мелькнула в голове шальная мысль. Причем искали, не таясь, но, скорее всего, второпях. Оттого такой беспорядок. Попробуй теперь собрать из разрозненных фрагментов хотя бы одну цельную книгу. Уйдет не один час.

Интересно, а где был убит хозяин дома? Где-то в усадьбе или в городе?

На одной из полок стоящего в центре зала стеллажа (странно, почему их тоже не

порубили на дрова?) что-то блеснуло. Сергей отложил найденный полминуты назад амулет (простая металлическая бляха с корявыми письменами и парой неограниченных тусклых камней), подошел к стеллажу. Свет отражался от небольшого прозрачного шара, внутри которого медленно двигались разноцветные искры. С виду – симпатично, но вряд ли по-настоящему полезно, раз его оставили на самом видном месте.

Сергей подкинул шар в руке, затем положил обратно, на полку. То ли он случайно задел стенку стеллажа, то ли та и сама уже не стояла. Как бы то ни было, но широкая деревянная панель отклонилась от вертикального положения – и начала падать. Следом за ней с грохотом посыпались полки. Сергей инстинктивно вжал голову в плечи, отскочил, уже не заботясь об опасности наступить на стеклянный осколок. Чуть не растянувшись на полу, он буквально кубарем откатился к выходу из зала.

На месте крушения стеллажа поднялись клубы пыли. Сгустки белого света прыснули в разные стороны и вверх, прижались к потолку. Зал погрузился в полумрак. Но даже в нем Сергей успел рассмотреть, как из-под рушащейся конструкции выскочил человек. Незнакомец явно ждал до последнего, но опасность оказаться погребенным под массивными полками вынудила его открыть свое присутствие.

Невысокая гибкая фигура замерла в нескольких метрах от Сергея. Лица не рассмотреть, но в движениях сквозит скорее уверенность, нежели паника. А жаль.

— Ты кто? — не нашел ничего лучшего как спросить Сергей.

Незнакомец молчал. Рассматривает, оценивает? Вряд ли Сергей в подранной рубаше и простых штанах, с неумело выставленной перед собой рапирой производил впечатление серьезного противника. Ничего, его конек – магия. Жаль, что того тепла, какое он испытал в трущобах, больше нет. А как его вызвать – непонятно.

— А ты кто? — послышался встречный вопрос.

Голос тонкий – принадлежит либо подростку, либо женщине.

— Меня зовут Здебор Вятич, — не моргнув глазом, ответил Сергей. — Это мой дом.

— Господин Вятич? — в голосе незнакомца слышалось удивление. — Но ведь вы...

— Что?

— Вас убили... Простите меня. Конечно же, вы живы. Я просто неверно информирована.

«Значит, все же женщина».

— И поэтому вы вторгаетесь в мой дом, так?

— Нет, что вы! — незнакомка подалась вперед. — Я не воровка, вы не подумайте.

— Именно так я и подумал, — Сергей опустил рапиру, но бдительности старался не ослаблять. Девчонка не выглядит простофилей, с такой надо держать ухо востро. Наверняка залезла в пустой дом в надежде поживиться оставшимися ценностями.

Между тем, сгустки белого света «успокоились» и начали медленно опускаться. Они все еще не предпринимали попыток вновь сбиваться в стаи, но так даже лучше. Свет равномерный.

— Меня зовут Дарина, господин Вятич, — девушка склонила голову, но при этом ее цепкий взор ни на мгновение не оторвался от собеседника.

— Что тебе надо в моем доме, Дарина? — Сергей говорил нарочито свысока, с вызовом. Он понятия не имел, какой характер был у настоящего Здебора Вятича, но после смерти и потери собственного дома любой станет подозрительным и грубоватым (не сказать – грубым).

— Вы пропали без вести, — сказала Дарина. — Весть о вашей смерти пришла только вчера — и не была проверена. Ваше тело исчезло из-за стен Дома Жизни. Его адепты говорят какую-то ерунду. Я должна была найти вас и узнать, что случилось на самом деле. Если бы факт вашей гибели подтвердился, началось бы расследование. Но его вели бы другие люди.

Теперь в зале стало достаточно светло, чтобы Сергей смог рассмотреть странную гостью. Самая обычная для здешних мест одежда — возможно разве чуть более чистая и аккуратная, чуть более подогнанная по фигуре. Сапоги до колен, вместо юбки — плотные серые штаны, приталенная серая же рубаша с широкими рукавами, застегнутая кожаная безрукавка — весьма объемная. На поясе широкий ремень с несколькими небольшими карманами и целой батареей ключей или, скорее всего, отмычек. Наряд не особенно женственный, тем более здорово запыленный, покрытый паутиной и сажей.

— Ты сыщик? — недоверчиво спросил Сергей. В его глазах девушка по-прежнему выглядела воровкой. — Кто тебя послал?

Дарина сверкнула огромными зелеными глазами. Такое ощущение, что она не привыкла к подобному обращению. Изыщные брови на мгновение сошлись к переносице, но тут же лицо снова разгладилось. Сильно загорелая, она производила впечатление мулатки, если бы не явные славянские черты лица и не короткие (чуть ниже ушей) светло-русые волосы.

— Мы специалисты широкого профиля, — раздался из-за спины мужской голос.

От неожиданности Сергей чуть было не подскочил на месте, но усилием воли заставил себя медленно обернуться. За ним, всего в нескольких шагах, стоял широкоплечий мужчина. В руках он держал странного вида жезл. Жезл напоминал длинную, с предплечье взрослого человека, птичью лапу, в тонких когтях которой зажат тускло-поблескивающий голубой шар. В отличие от Дарины, мужчина носил одежду свободного покроя и броских цветов. Рубаша или уже халат, размалеванная какими-то невероятными разводами (точно ее попеременно полоскали в чанах с разной краской), доходила незнакомцу до колен и на поясе перехватывалась широким кушаком.

В дополнение к броскому наряду лицо незнакомца носило следы (когда-то полученной) страшной раны. Правый глаз отсутствовал, а на его месте красовался кривой, крест-накрест, рубец.

Какой идиот пойдет на «дело» с такой запоминающейся физиономией? К тому же днем. Хотя если подумать: тот, кто умеет хорошо прятаться. А эта парочка, судя по отсутствию следов на пепелище и неожиданному появлению уже тут, в подвале, с маскировкой знакома на отлично.

— Я Торчин, — проговорил мужчина ровным, даже равнодушным голосом. — Рад, что вы живы, господин Вятич. Дарина все верно рассказала. Мы наняты Малым Собранием. Ваше исчезновение было столь внезапным и окружено столь неприглядными обстоятельствами, — он демонстративно кивнул вверх, — что Собрание забеспокоилось. Потерять мага вашего уровня — сами понимаете, дело из ряда вон выходящее.

— Понимаю, — поежился Сергей. По залу словно пронесся холодный сквозняк. — Что-нибудь уже удалось выяснить? Кто на меня напал?

— Простите... — Сергей мог поклясться, что на обезображенном лице Торчина промелькнула тень ухмылки. — Теперь, когда вы живы, расследование пойдет гораздо быстрее. Пока информации очень мало.

— Вряд ли я смогу чем-то помочь, — неотвратимо накатывало ощущение, что с каждым словом все больше загоняешь себя в угол.

— Господин Вятч, но почему? — Торчин изобразил почти натуральное удивление.

Сергей вновь поежился. Откуда взялся сквозняк?! Он перевел взгляд на девушку – та стояла, не шелохнувшись, но не похоже, что особенно напряжена. Точно не скажешь – в зале снова стало темнее. Сгустки белого света поднялись под самый потолок и кружились там, совершая хаотичные, дерганные движения.

— Я ничего не помню, — медленно проговорил Сергей. Рука непроизвольно с силой сжала рукоять рапиры.

— Господин, Вятч, вы что делаете?! — лицо Торчина побледнело. В голосе послышалась неуверенность. — Успокойтесь, прошу вас.

Холод поднялся по ногам. Ощущение, будто зимой ступил в студеную воду.

— Прекратить что?! — сквозь зубы спросил Сергей.

Дарина заозиралась, начала продвигаться к выходу. Все же напряжена: руки сжаты в кулаки, взгляд мечется по залу.

— Прекратите! — Торчин уже кричал. Он стоял, широко расставив ноги, держа в вытянутых руках странный скипетр с разгорающимся в навершии голубым шаром.

— Я ничего не делаю! — зло выплюнул в его сторону Сергей.

Пол под ногами заходил ходуном. Доски вспучивались и снова опадали, чтобы через секунду пойти новой волной. словно по команде, сгустки света в зале померкли, превратились в едва различимые белые точки – звезды на высоком черном небе.

— Уходим! Быстро! — выкрикнул Торчин. Его скипетр служил неплохим фонарем. Разве что в синем свете и без того обезображенное лицо мужчины выглядело будто у утопленника.

Сергея подбросило на досках, толкнуло на стену. Дарина, только-только сорвавшаяся с места, споткнулась – и растянулась на полу. За ее спиной появилась пара больших желтых глаз с вертикальными зрачками. Не галлюцинация – истекающая злобой реальность.

Они все время следили за ним. Все время вели.

Под ногами раздался оглушительный треск. Дарина пронзительно закричала. Она так и не смогла подняться – пол под ней агонизировал. Доски крошились буквально на глазах. В стороны летела щепка. Поднялась густая пыль.

С трудом делая первые шаги, Сергей бросился к девушке. Он не испытывал к воровке жалости, но она далеко не все успела рассказать. Лишиться такого источника информации – непозволительная роскошь.

— Руку! — выкрикнул он.

За спиной полыхнуло голубым, раздалась громкие, но непонятные слова.

Дарина протянула руки. Прямо под ней доска взорвалась десятками острых игл. Сергей успел ухватить одеревеневшие пальцы, резко дернул к себе. Она почти ничего не весила. Руки и лицо покрыты кровоточащими ссадинами, плотная безрукавка утыкана многочисленными занозами. Только бы не попали в глаза!

— Быстро! Быстро! — голос Торчина сорвался.

Голубой свет ударил туда, где все еще маячили желтые глаза. Всего на мгновение глаза обрели хозяина – сгусток чернильного мрака, отдаленно напоминающего огромную горбатую собаку с загнутыми назад рогами. Тварь беззвучно оскалилась – и снова растворилась в полумраке.

«И это было тут все время?!»

От осознания того, что какое-то призрачное создание все время следовало рядом, стало

не по себе. Возможно, встреча с ворами – не такая уж неприятность. Что бы он делал, окажись с тварью один на один?

А что он станет делать теперь?

Дарине удалось встать. Держа ее за руку, Сергей ощущал бьющую девушку дрожь. Вряд ли от страха.

— Идем, — не особенно канительясь, он подставил плечо, потянул Дарину за собой. Сейчас не до манер.

— Уходите, я догоню, — бросил Торчин.

Свет от его скипетра резал глаза. Он, словно рентген, скользил по залу, проникал в самые потаенные закутки. Но глаз больше не видно. И, тем не менее, холод становился все ощутимее.

Сергей только-только вытолкнул Дарину в коридор, когда на зал опустилась мертвая тишина. После треска и шума раздираемого на части пола, падающих шкафов и заново перемешиваемого мусора тишина оглушала. Первое время Сергей даже думал, что оглох. Он посмотрел на Дарину. Девушка морщилась от боли – даже мимолетного взгляда хватило, чтобы заметить несколько длинных, глубоко засевших под кожей щепок.

— Это еще не конец, — прошептала она одними губами.

Словно в ответ на ее слова, центр зала взорвался. Толстые доски окончательно вскрылись, к потолку поднялся столб земли. Под каменными сводами раскатился нечеловеческий рев. Сергей остолбенел. Краем глаза он успел заметить неповоротливую фигуру, возникшую прямо из земляного фонтана. В нос ударил тошнотворный запах разложения. Здесь, практически в замкнутом помещении, он показался настолько насыщенным, словно его можно нарезать ломтями – и есть. Желудок подскочил к горлу.

Торчин снова что-то выкрикнул – цвет исходящего от скипетра сияния сменился на ядовито-зеленый. В тварь ударил насыщенный луч. Казалось, новый рев способен обрушить и потолок, и стены.

Сергей почувствовал, что его куда-то тянут.

— Уснул?! — Дарина что было сил тянула его прочь от зала.

Они побежали. На головы сыпалось каменное крошево, пыль поднялась до самого потолка. Повязка на лице оказалась как нельзя кстати. Рев раздался еще всего раз, а потом все стихло. Остались лишь звуки собственных шагов и тяжелое дыхание.

— Кто это? — выдохнул Сергей, когда они достигли колодца с убегающей наверх винтовой лестницей.

Дарина посмотрела на него не то с недоверием, не то со злобой:

— Не знаю...

Она провела дрожащей рукой по лицу, поморщилась.

— Не тронь, — одернул ее Сергей. — Занесешь заразу.

— Ты не Здебор, — словно случайно обронила она.

Сергей никак не отреагировал на услышанное.

— Надо выбираться отсюда, — проговорил, осматривая лестницу.

В коридоре послышался глухой топот. В неверном свете белых сгустков замаячила тень. Тень слишком большая, чтобы принадлежать Торчину.

— Быстро! — Сергей толкнул Дарину на лестницу вперед себя.

По спине словно процарапали металлической щеткой. Торопиться, бежать изо всех сил – ведь впереди морозный участок, который непонятно как преодолеть.

Сергей пытался заглянуть внутрь себя. Пытался уловить хотя бы крохи того тепла, которое рождает магию. Пусто. Но ведь раз как-то получилось?

Бегство становится единственным занятием, которое в новом мире дается ему с относительным успехом. Но сколько еще он будет бегать?!

Злость и раздражение схлынули под первым натиском будущего холода. Все повторялось – холод пронизывал до костей, выстуживал мысли. Но если во время спуска еще можно было повернуть назад, то теперь такой альтернативы нет.

С удивлением Сергей увидел, что скорость движения Дарины несколько не упала. Девушка, как ни в чем не бывало, пробегала ступень за ступенью, будто холод ее и не касался. Как такое может быть?

Между тем, тварь явно ступила на лестницу. Сможет ли она протиснуться в узкую спираль? Хотелось верить в лучшее, но полосующая спину звериная ярость гнала вперед.

Шаг, еще шаг. Не останавливаться! Не отдыхать! Ни одного лишнего движения. Шаг. Ноги тяжелеют, врастают в ступени. Шаг. Кожа покрывается инеем, трескается, трещит, словно швы и шрамы разрываются неведомой силой. Шаг – настырный, злой... Он не может остановиться, не может дать догнать себя. Тварь за спиной – не она хозяйин дома. Не ей диктовать правила!

Холод отступил неожиданно. Ноги еще ворочались еле-еле, но Сергей уже чувствовал зарождающееся в груди пламя. Уже знакомый огонь. Только бы успеть разогнать его по венам.

Смрадный воздух ударил в ноздри, тугими жгутами свернулся в желудке. Но Сергей уже не обращал на него внимания. Перед внутренним взором сменяли друг друга неизвестные ему символы. Тело оживало, наливалось силой. Неведомый преследователь нагонял, но страха перед ним больше нет. Ярость затмевает сознание. Ярость диктует действия.

Последние ступени Сергей преодолел почти бегом. Выскочил в захлавленную комнату. Дарина стояла тут, в руках пара коротких кинжалов. Осталась, а ведь могла убежать.

Сергей успел сделать всего пару шагов, когда камин за спиной взорвался каменным крошевом. Грохот перерос в почти нестерпимую боль. Сергея лицом вниз бросило на пол. Рапира выпала из разжавшихся пальцев, покатила по полу. Спина, руки, ноги, голова – все горело. В ушах стоял тонкий писк. Подтягиваясь на окровавленных руках, он попытался отползти.

Где-то далеко что-то передвигалось, шагало. Тяжело, неторопливо. Нужно время, чтобы прийти в себя. Немного времени. Оглушительный рев пригвоздил к полу, а густой смрад выдавил из легких последние капли воздуха. Сергей дернулся, но тело отказывалось повиноваться. Руки бессильно скользили по полу. Он затылком ощущал приближение смерти. Еще мгновение, еще секунда – и удара не миновать.

Его подбросило на месте и тут же с силой вдавило в пол. Раздался треск ломающихся досок. Странно, но тело будто одеревенело, превратилось в кусок бездыханного камня – никакой боли, вообще ничего. Зато голова взорвалась яркой болезненной вспышкой. Ощущение, что не от удара. В сознание что-то или кто-то настойчиво лез. Чуждая сила будто расколола череп на части и теперь с медлительностью заплечных дел мастера раздирала их, отбрасывая куски в стороны. Липкие, истекающие вонючей слизью пальцы вонзились в мозг, сжались. Мир перед глазами померк. Сергей закричал что было сил.

Крик перешел в гортанный рык. Он вроде бы снова все видел, все слышал, но стал лишь сторонним наблюдателем. Тело повиновалось чьей-то чужой воле. Сергей чувствовал

присутствие рядом даже не силы – мощи. Кто-то завладел его телом. Вот так просто, за несколько секунд.

Повинуясь чужой воле, он поднялся. В груди разгоралось пламя – настоящий пожар. Мельтешение непонятных образов перед глазами превратилось в бешеный калейдоскоп. И если Сергея оно сбивало с толку, то, похоже, новому неведомому хозяину тела Здебора Вятича нисколько не мешало.

Резкий разворот на пятках, руки вскидываются в странном жесте, будто описывают неровную окружность. Воздух перед самым лицом вспыхивает бледно-зеленым сиянием и стремительно расплывается кляксой, окутывая все тело.

Внутренние часы Сергея замедлили ход. Ему казалось, что со времени его падения под градом каменного крошева прошло, по меньшей мере, минут десять. На деле же – не более нескольких секунд. Тварь, разворотившая камин, только-только выбралась в комнату. Определенно, когда-то это было человеком. Очень большим и тучным человеком. Его кожа походила на жеваную, темно-коричневую бумагу, с множеством небольших трещин. Это была даже не кожа, а настоящий панцирь. При каждом движении твари он похрустывал, а из трещин сочились зеленая сукровица с красными прожилками. И без того толстая, шея чудовища вспучилась парой тугих желваков, отчего голову будто заклинило. Она замерла в одном положении, немного под углом к телу, и больше не шевелилась. На расплющенных губах твари играла жестокая усмешка, а в налитых гноем глазах затаилась ярость и разум. Сергей не мог поверить, чтобы подобное создание осознавало себя и свои действия. Зомби, которых он успел увидеть, походили на живых кукол, но в их глазах не было ничего.

Одежды на чудовище почти не осталось. Жалкие грязные лохмотья, прогнившие и расплывающиеся от малейшего движения, не могли прикрыть огромного живота.

Тварь взревела. Толстые, перевитые жгутами дряблых мышц руки сжались в кулаки. Из рта к подбородку потянулась тягучая красная нитка.

Наверное, самое время испугаться, но Сергей словно выдохся. Он устал. Очень устал. Устал от всего этого мира с его магией и ходячими мертвецами. Но чтобы отдохнуть, чтобы получить хотя бы надежду на отдых, а не сдохнуть под ударом поднявшегося куска мертвой плоти, надо драться. И, похоже, не только с надвигающейся тварью.

Рядом раздался крик Дарины, но слов не разобрать. Девушка болезненно морщилась, ее одежда пропиталась кровью. Почему она не уходит? На что надеется?

Собственное тело, подчиняясь командам чужого сознания, начало действовать одновременно с первым шагом твари. Мертвый толстяк с силой ударил себя в грудь – и, оскалившись, направился к Сергею.

Вонь разлагающейся плоти забивала носоглотку, разъедала глаза. Руки Сергея снова взметнулись в неведомом жесте: основания раскрытых ладоней прижаты друг к другу, пальцы чуть согнуты. Резкий выдох, больше похожий на стон, — и в сторону твари протянулась огненная полоса – точно струя огнемета. Вонь разложения сменилась вонью горячей плоти. Но тварь будто ничего и не заметила. Шаг, другой. Массивный кулак невероятно быстро рассек воздух – и врезался в голову Сергея. Вопреки его ожиданиям, пол не поменялся местами с потолком, мир остался стоять в том же положении. Зато рука твари окуталась зеленым сиянием, перекинувшись с тела Сергея, — корка коричневой кожи вскрылась, из разбегающихся трещин брызнула темная кровь. Мертвая плоть на глазах съеживалась, исчезала, словно под действием сильнейшей кислоты.

Тварь отступила на шаг, ее лицо исказилось злобой. Глаза затуманились. Подавшись

вперед, чудовище широко раскрыло рот – и издало низкий утробный рык.

Сергей внутренне похолодел. Ощущение, будто со всего маху налетел на крепкую стену. Он не сразу заметил, что тварь не старается напугать противника или выразить свое раздражение – она исторгла изо рта бледное облако. Жар в груди тут же опал, а бледно–зеленое сияние, выдержавшее сильнейший удар, почти исчезло.

Яд! Это яд! Надо уходить! На свежий воздух!

Сергей готов был кричать, биться в клетке собственного тела, но ничего не мог поделать.

Тварь атаковала снова. Здоровая рука ударила в грудь. Мир раскололся на части и на мгновение погас. В спину что-то врезалось, прокатилось по телу болезненной судорогой. Но он все еще жив, все еще может встать. Наверное, может...

Мертвый толстяк навис над Сергеем и снова ударил. На этот раз в голову. Наверняка подобный удар способен расколоть череп, но выставленная в самом начале схватки защита свела повреждение к минимуму. Света – и исчезла.

Тварь ослабилась, демонстрируя ряд гнилых зубов. Язык, покрытый большими нарывами, облизал губы. Сергея от омерзения чуть не вывернуло наизнанку. Но именно это дало ему стимул к дальнейшим действиям – он почувствовал рвотный позыв, почувствовал собственное тело. Чуждый разум все еще находился рядом, но его контроль заметно ослаб.

Сергей рванулся в сторону, перекатился по полу, в последний момент уйдя от очередной атаки мертвяка. Нужен воздух, чистый воздух. Действие яда оказалось непродолжительным и уже начинало развеиваться, но еще ощущалось. Комната плыла перед глазами. Куда бежать?

— Сюда!

Крик Дарины вернул к реальности. А он-то уже и позабыл о ней. Практически ничего не видя в двух шагах от себя, Сергей бросился на голос.

— Кто ты такой?! — услышал он.

Нашла время спрашивать. Впрочем, воровка и не рассчитывала на ответ. Она замахнулась – и точным, выверенным движением послала кинжал в глаз мертвяку. Тот отозвался коротким рыком. Еще замах – и второй кинжал отправился к цели.

Она стояла на полусогнутых ногах, тяжело дышала. Сосредоточенная, готовая к любым неожиданностям. В руках новая пара кинжалов. Откуда?

— Его можно ослепить, — проговорила она.

Сергей протер глаза. Мертвяк стоял на месте и отчаянно скреб морду здоровой рукой.

— Можем уйти, — сказала Дарина.

— А с ним что?

— Сожги, разделай на куски...

Тварь дернулась. Пустыми глазницами уставилась на людей.

— Не видит, но слышит, — сплюнул Сергей.

— Кто у нас маг? — в ее голосе звучало неприкрытое раздражение.

— Замри и не дыши...

Сергей поднял с пола кусок камня, отошел на шаг от девушки, ударил камнем о пол. Тварь повернулась на звук, немного постояла, шагнула. Сергей отошел еще, повторил процедуру. Он отступал медленно, постоянно оглядываясь, при этом шаркал и шумел, как только мог.

Чуждое сознание вновь подняло голову. По телу пробежала судорога. Сергей сжал зубы.

Больше он не позволит поиметь себя.

— Пошел вон! — прохрипел он. — Это моя голова и мое тело! Теперь мои.

Следующий удар он нанес осознанно: острым краем камня приложил по внешней стороне ладони. Брызнула кровь. Боль рванулась по руке. Но нет времени, даже чтобы ее перетерпеть. Толстый мертвяк следует по пятам. Зато никто больше не пытается подмять под себя, забрать контроль над телом.

Дышать! Дышать!

Еще шаг, всего один шаг.

Тварь рухнула всей своей тяжестью. Одна ее нога провалилась в рваное отверстие в полу. Сергей отбросил камень. Мертвяк дернулся раз, другой, а потом замолотил по полу рукой. Он ревел, пытался вырваться из неожиданного капкана, но только сильнее насаживал себя на острые деревянные края отверстия.

— Кто ты такой? — спросил Сергей. Так же, как и Дарина, он не ожидал ответа.

Огонь в груди еще горит. Значит, сила не ушла. Ей можно воспользоваться. Он сможет! Боль в раненой руке пульсировала и не давала сосредоточиться. Зато вызывала раздражение. Сильное раздражение, перерастающее в ярость. Ярость к самому себе.

Очередной удар мертвяка почти расколот сразу три доски. Пол натужно скрипнул. Сергея окатила волна гнева вперемешку со страхом. Пламя внутри него сжалось тугим комком, а потом брызнуло тугим потоком. Он успел выставить перед собой руки, с трудом направляя исторгаемую им стихию.

Толстяк взревел так, что особняк вздрогнул, с обгоревших стен посыпался пепел. Он ударил еще всего раз (совсем не сильно), а затем задергался, заметался в пламени. Сергей старался направить огонь так, чтобы тот пожирал только выходца из могилы, не затрагивая при этом ни пола, ни стен.

Вскоре пламя иссякло. Но к этому времени мертвяк уже не шевелился. Его голова превратилась в покрытый сажей череп, плечи и грудь лишились большей части плоти и еще тлели.

Сергей опустил руки и, покачиваясь, побрел к ближайшей стене, возле которой и рухнул. Голова была абсолютно пуста.

— Надо уходить. Скорее, — Дарина обогнула тело мертвяка, остановилась возле Сергея.

— Куда?

— Не знаю. Пока не знаю. Мне надо подумать, а тебе — спрятаться. Это, — она указала на кучу обезображенной, дымящейся плоти, — не нормально. Если его создал и оставил здесь не ты... — многозначительный взгляд.

— Не я, — прохрипел Сергей. Сил врать и играть роль сильного мага больше нет. Пусть думает, что хочет.

— Значит, кто-то ждал, что ты вернешься. Ждал — и успел подготовиться.

— Хорошо... — глаза закрывались сами собой. Эмоции иссякли.

— Эй-эй, не спи! — Дарина резко потрянула Сергея за воротник. Послышался треск раздираемой ткани. — Предки мне в помощь! Вставай же.

Зачем она мешает? Зачем трясет? Так хочется отключиться. День был сложный. Единственный день невероятностью и безумием событий перекрыл всю предыдущую жизнь.

— Я иду, — проговорил Сергей заплетающимся языком — и медленно поднялся.

За спиной они оставляли пепелище и обгорелый труп, над которым все еще поднимался удушливый дымок.

Дурные вести бегут, хорошие плетутся, прихрамывая.

(с) Д. Мильтон

Дорога через город ему совершенно не запомнилась. Он то и дело терял связь с реальностью. Продолжал идти, подобно автомату по инерции переставляя ноги. Улицы, дома, люди – все слилось в одну тягучую расплывчатую картину, из которой не выцепить ни единого образа. Единственное, что он помнил – Дарина все время шла рядом. Шла молча и отстраненно, лишь иногда жестом или коротким словом указывая нужное направление в хитросплетениях городских улиц.

А потом была темнота. Они добрались до какого-то не то дома, не то сарая (Сергей не смог бы сказать наверняка) – и мир исчез. Измученное сознание просто выключилось, провалившись в столь желанное забытие. К счастью и удивлению – абсолютно спокойное, без сновидений.

Проснулся Сергей от ощущения холода – единственного своего постоянного спутника в новом мире. Тело повиновалось с большим трудом, и понадобилось несколько минут активных (насколько это оказалось возможно) движений руками и ногами, прежде чем кровь вновь начала более–менее активно циркулировать по жилам.

Размахивая руками, как мельница, и подпрыгивая на месте, Сергей заодно рассматривал помещение, где и проспал последние часы... Наверняка не один час – несмотря на полученные за минувшие сутки ранения, чувствовал себя он на удивление бодрым и отдохнувшим. Немного болела спина и голова, но с каждым новым движением боль отдалялась все больше.

Старая одежда, уже порядком поношенная и запачканная, исчезла. Вместо нее чистые рубаха и штаны. Дарина переодевала? Сергей ухмыльнулся. А ведь он до сих пор не воспринимал новое тело своим собственным. Предмет множества вопросов, объект для исследования, причина неожиданных проблем, что угодно – только не новое обличье.

Ничего странного, что он замерз. Комната представляла собой вырытую в земле глубокую яму, размерами примерно три на четыре метра. Стены кое–где облицованы порядком прогнившими досками, пол земляной. Всей обстановки в ней: пара грубых деревянных стульев, такой же стол (причем кособокий, того и глядишь – завалится), застеленный соломой топчан. На столе, в глиняном подсвечнике, теплится свечной огарок, а в кривой, глиняной же миске лежат ломоть хлеба и кусок сыра. Над головой – поросший лишайником, почерневший от времени потолок. К стене приставлена хлипкая деревянная лестница. При ближайшем осмотре оказалось, что она ведет к закрытому сейчас люку.

Сергей прошелся по комнате, попытался открыть люк, но тот, хоть и дернулся, окончательно не поддался, будто с противоположной стороны придавлен чем-то тяжелым. Несмотря на неудачу, никакой обеспокоенности Сергей не чувствовал. Пусть комната больше походит на тюремную камеру. Плевать. Сейчас самое время посидеть, подумать. Не этого ли он желал? Хотелось бы, конечно, немного тепла. Ну да после небольшой зарядки тело разогрелось.

Взяв из миски кусок сыра, он уселся на топчан. Только теперь заметил, что руки

покрыты какой-то слабо пахнущей мазью. Возможно, именно она заживила раны, которые на самом деле заметно затянулись. Что ж, по крайней мере, о его здоровье заботятся. Уже хорошо. Только едой не балуют. Сыр оказался старым и жестким, с каким-то неприятным привкусом. Даже с учетом пустого желудка аппетита он не вызывал. Лучше бы оставили попить.

Неожиданно над головой послышались тихие шаги. Сергей подобрался, прислушался. Ходил один человек. Довольно уверенно, не пытаясь скрыть своего присутствия. Шаги проследовали вдоль всего потолка, смолкли. Спустя полминуты возникли снова, остановились возле люка. Еле слышное позвякивание – и деревянная крышка откинулась. В открывшемся отверстии показалось уже знакомое лицо. Огромные зеленые глаза сверкнули, будто у кошки.

— Проснулся? Тогда поднимайся ко мне. Только затуши свечу.

Сергей посмотрел на недоеденный кусок сыра, положил его обратно в миску.

Наверху оказалось довольно свободно. Если бы не столько мусора – можно было использовать помещение в качестве склада. Впрочем, похоже, оно так и использовалось. Только стаскивалась сюда всякая дрянь, вряд ли пригодная для путного использования. Вдоль стен стояли широкие столы, заваленные рухлядью. Целые горы изделий из кожи, металла, дерева и глины покоились в больших и малых кучах. Сергей однажды видел подобное: участок частного дома, превращенный хозяевами в помойку, на которую приносилось все, что находилось на соседних свалках. Но там стоял удушливый запах разложения, а тут – нет. Немного пахнет пылью – и только.

— Ты здесь живешь? — стараясь скрыть удивление, спросил Сергей.

— Здесь? — усмехнулась Дарина. — Нет. Иногда захожу. Место тихое, вдали от любопытных глаз.

На ней было легкое ситцевое платье, длиной почти до пят, с красным геометрическим орнаментом по подолу, воротнику и рукавам. Черный поясок стягивал тонкую талию. Поясок того же цвета перехватил растрепавшиеся волосы. И вот она должна вести расследование смерти мага?! Не слишком ли мала? Впрочем, назвать ее слабой не поворачивался язык. Скорее – подтянутая, жилистая. И уж точно уверенная в себе.

— Тайное убежище? — спросил Сергей.

— Иногда. Садись, наверняка замерз, — она указала на пару подозрительно ветхих кресел, стоящих напротив горящего камина. Тут же, на полу, на разложенном ковре, стояла тарелка с мясом, зеленью и хлебом (по виду значительно более свежими, нежели сыр внизу), а также кувшин с чем-то дымящимся. Как оказалось чуть позже – мясным бульоном.

— Не торопись, — проговорила Дарина, видя, как Сергей набросился на еду. — Не уверена, что твое тело способно принять жесткую пищу. Начни с бульона.

— Это ты приготовила? — обжигая руки о кувшин, спросил Сергей.

— Нет, конечно, — поморщилась девушка, усаживаясь в кресло. — Купила. Нам надо поговорить.

— Надо, — согласился Сергей, впиваясь зубами в сочный кусок мяса. Мягкий и отлично прожаренный, он буквально таял во рту, оставляя после себя приятное послевкусие целого букета неизвестных пряностей. — И да... хочу поблагодарить тебя за помощь. Там, в доме, с... кто это был?

— Ты действительно не знаешь? — Дарина нахмурилась, что-то обдумывая.

Ее лицо покрывали мелкие царапины, но заноз вроде бы нет. Девушка выглядела свежей

и отдохнувшей, будто то время, что Сергей спал, провела в каком-нибудь салоне красоты.

— Хорошо, давай сразу определимся с главным, — Сергей отложил недоеденный кусок мяса обратно в тарелку. — Все равно рано или поздно проколюсь. Потому скажу сам. Я не Здебор Вятич. Я не знаю — кто он, чем занимался, кем и за что убит. Это тело, — он демонстративно развел руками, — не мое. Не знаю, как объяснить лучше. Мое настоящее имя — Сергей.

Он пристально посмотрел на Дарину, следя за ее реакцией. В общем-то, его признание не должно стать для нее чем-то неожиданным (отчасти проговорился еще в имении Здебора), но все равно — кто знает, какой будет ее реакция теперь, в спокойной обстановке?

— Подселение сознания... — проговорила девушка. — Может быть, может быть... Торчин что-то увидел в тебе, Сергей, что-то почувствовал. Я это заметила. Но теперь этого не узнать.

— Мне жаль, что он погиб.

— Это часть нашей работы, — не особенно уверенно сказала девушка. — Риск. Всякое случается. Как произошло подселение?

— В меня попала шаровая молния. Вспышка, темнота — и вот уже лежу на холодном камне в подвалах Дома Жизни. В чужом теле, — уточнять, что при подселении он сменил не только тело, но и переместился в новый для себя мир, Сергей не стал. Как исподволь выведать максимум информации об этом новом мире — придется подумать. — Так вы действительно не воры?

— Я же сказала — нет. Здебор Вятич пропал несколько дней назад, а вскоре его имение подверглась нападению — и сгорело. Малое Собрание, в которое он вот-вот должен был войти, обеспокоилось. Собственное расследование ни к чему не привело. Тело господина Вятича исчезло. Исчезло тело адепта Золотых башен. Пусть не самого сильного, но достаточно умелого, чтобы пополнить Малое Собрание.

— И кто его мог убить?

— Другой маг — более сильный, — пожал плечами Дарина. — Или несколько более слабых, но объединившихся в круг. Но это почти нереально. Требуется большого сосредоточения. Здебор не стал бы ждать, пока его атакуют.

— Если бы знал об атаке... Яд, снотворное — чем-то можно замедлить реакцию мага или совсем отключить его? На время.

— Очень сложно. Для составления отвара подойдет далеко не каждый знахарь.

— Адепт Дома Исцеления или Дома Жизни?

— Дом Жизни не занимается изготовлением отваров, — Дарина потерла лоб. — Дом Исцеления... не знаю... Никогда не слышала, чтобы его адепты участвовали в каких-либо конфликтах.

— Но теоретически могли бы изготовить? — стоял на своем Сергей.

— Да, — нехотя согласилась девушка.

— Кстати о конфликтах, почему люди не любят магов?

— Скорее, опасаются, — поморщилась Дарина. — Маги — это боевая основа Славского княжества. Во времена Темных веков именно они стали на пути расползающегося мора. Многие погибли, но выжившие заслужили вечное уважение и почитание.

— Уважение не очень вяжется со страхом. Нет?

— С опасением, — уточнила девушка. — Сейчас границы княжества хорошо охраняются. В том числе благодаря работе Дома Жизни. Времена мирные. Адепты Золотых

башен все больше отдаляются от простых людей. Уходят в высшие сферы, ставят непонятные нам эксперименты. Они неподконтрольны князю. И это пугает.

— Меня больше пугают эти... из Дома Жизни, с их мертвяками, — задумчиво проговорил Сергей. — Кстати, а кто доставляет им трупы?

— Сборщики. Это целая гильдия – братство. Они работают и на Дом Жизни, и на Дом Исцеления. Занимаются перевозкой трупов, больных. Иногда берутся за доставку Воскрешенных.

— Это вот тех зомби с пустыми глазами?

— Зомби? Кто это?

— Неважно. Скажи, а можно узнать, кто именно из Сборщиков доставил меня в Дом Жизни? Вернее, труп Здебора Вятича.

— Господин Вятич – личность довольно известная... – уставилась в огонь Дарина. — Не уверена, но попробовать можно.

— Сами Дома не поделаются такой информацией?

— Нет. Они не посвящают сторонних в свои дела. Тем более, если дело касается мага.

— Почему? Хотя, дай угадаю: они тоже недолгобливают Золотые башни?

— Можно и так сказать. У них очень напряженные отношения.

— Так почему бы Дому Жизни не убить Здебора? Мало ли какие между ними разногласия возникли. Тем более на фоне, мягко сказать, общей нелюбви. И мертвый толстяк в поместье Вятича... кто, кроме адептов Дома Жизни, мог его поднять?

— Это не их рук дело, — замотала головой Дарина. — Толстяк – он был... – девушка задумалась, — другой.

— Разумный? — предположил Сергей.

— Да. И слишком сильный для обычного Воскрешенного.

— Тебе, конечно, виднее, но не вижу проблемы в создании такой твари, если и без того копаешься в мертвечине. Тем более, если больше некому.

— Не знаю, — девушка выглядела растерянной. — Если Дом Жизни решил на подобный шаг... не знаю. Тогда все станет намного сложнее. До сих пор мирное сосуществование между адептами Золотых башен и обоих Домов достигалось только благодаря общим предкам. Волхвы всегда находили нужные слова, чтобы унять особенно спесивые речи и сгладить разногласия. Но если слова больше не имеют силы... Надеюсь, ты ошибаешься.

— Короче говоря, подозреваемых море, — ухмыльнулся Сергей и вновь взялся за мясо. — Спасибо, Здебор, ничего не скажешь – отличное наследство оставил.

— Именно поэтому Малое Собрание настаивало на том, чтобы о твоём воскрешении никто не знал. Велик риск повторного покушения. В поместье господина Вятича мы в этом убедились.

— Это понятно. Но я не собираюсь сидеть здесь.

Брови Дарины приподнялись.

— Я так понял: я – твоя работа?

— Да.

— И тебе поручено расследовать причины убийства Здебора Вятича.

— Да.

— Тогда придется взять меня с собой.

Девушка открыла было рот что-то сказать, но Сергей опередил ее.

— Я не помню ничего из прошлого Здебора, но при этом без труда нашел его дом. Меня будто что-то вело. Не память – чувство направления. И моя магия – я не знаю, как ею пользоваться, но уже дважды она спасала меня. Это нечто выше моего понимания. Но оно работает. Работает в ответ на внешние раздражители. Какие? Не знаю.

Дарина нахмурилась. Идея таскать за собой не пойми кого в теле мага средней руки ей явно не улыбалась.

— В конце концов, это расследование и меня касается, — продолжал Сергей. — Не уверен в своих новых возможностях, но не думаю, что стану обузой.

— Твое лицо, — проговорила девушка.

— Что с ним?

— Его могут узнать.

Сергей чертыхнулся. Об этом он совершенно забыл.

— Балахон с капюшоном, плотная одежда, перчатки... Искусственные борода с усами... Чем вообще занимался господин Вятич? Многие в городе знают его в лицо?

— Немногие, — Дарина поднялась на ноги, прошлась по комнате. — Но это ничего не значит. Те, кто его убил, знали. Если Воскрешенного в имении оставили именно они (а других вариантов я пока не вижу), то о тебе могут уже знать. А значит – искать.

— Там мог быть любой. Любой мог разбудить ту тварь. Или нет?

— Я бы не стала на это надеяться. Что-то мне подсказывает: Воскрешенный ждал именно тебя. Хотя полной уверенности нет.

— А как ты прошла лестницу? — резко сменил тему разговора Сергей.

— Какую лестницу? — не поняла Дарина.

— Винтовую. В имении. Не знаю, что с ней не так, но ощущения от спуска не из приятных. Не знаю даже, с чем сравнить... как в снежной буре побывал.

— Наниматели из Малого Собрания подозревали, что господин Вятич может защитить свой дом разными ловушками. Потому дали нам пару зачарованных медальонов. Они и нейтрализовали действие чар.

— Тогда почему прошел я?

— А это надо у тебя спросить, — девушка внимательно посмотрела на собеседника. — Какая-то сила в тебе есть.

Сергей и сам ощущал таящийся в теле Здебора Вятича потенциал. Точно погибший маг часть своих умений каким-то образом умудрился передать своему «наследнику». По собственной ли воле? Насколько велик этот потенциал и как его использовать? Пока что магия отзывалась лишь в момент крайней опасности. Вернее сказать, в момент сильного эмоционального напряжения. Но так быть не должно! Необходимо искать ключ к управлению собственным магическим потенциалом, чем бы, по сути, эта магия не являлась!

— Так что, мы договорились? — спросил Сергей, отвлекая Дарину от рассматривания какой-то мелочи с одного из столов.

— Насчет чего? — спохватилась девушка.

— Я иду с тобой.

Дарина прислонилась к стене, расправила на платье несуществующие складки, затем сложила руки на груди.

— Возможно, ты и прав... Сделаем так: чтобы исключить твое опознание, будешь молчать. Шрамы и татуировки закроем. Лицо тоже. Ни во что не ввязываемся – только задаем вопросы. Я задаю. Осторожно.

— Само собой, — поднялся Сергей.

Несмотря на спокойный тон, с которым говорила Дарина, ее лицо напряглось. Глаза хищно сузились, будто девушка высматривала добычу. Сергей внутренне ухмыльнулся. Ну и везет же ему: второй помощник в новом мире – и тоже женщина. Остается надеяться, что помощь Дарины не закончится в каком-нибудь вонючем переулке. Хотя какой ей с этого резон? Хотела бы – уже убила и сдала тело на опыты.

Сергей мотнул головой. Так недалеко и до мании преследования дожить.

Сражающемуся с чудовищами следует позаботиться о том, чтобы самому не превратиться в чудовище.

(с) Ницше Фридрих Вильгельм

— Куда мы идем? — спросил Сергей, следуя за Дариной.

Первым делом они решили поговорить с кем-нибудь из гильдии Сборщиков. Организации, как оказалось, весьма замкнутой и нелюдимой. Ее представители не то чтобы не шли на контакт, их просто трудно отыскать. Никакого официального представительства или руководства. По крайней мере, широко известного. И если работа с Домом Жизни и Домом Исцеления давно налажена, то все прочие дела Сборщиков интересовали мало.

— Мы не станем шататься по городу в надежде на случайную встречу, — ответила девушка. — Нам нужен любой. Крупными новостями они обмениваются друг с другом. А труп мага – новость очень заметная.

— И?

— И мы идем в Буй Тур. Считаю, нам повезло. Сегодня один из Сборщиков будет там дежурить.

— Что это?

— Увидишь.

Они вышли, как только солнце коснулось крыш домов. Район, в котором прятались, действительно оказался тихим и спокойным. Похоже, здесь больше не жили. Дома, большей частью одноэтажные и деревянные, глубоко вросли в землю. Многие крыши провалились, а стены напоминали решето. При всем при этом здесь не пахло отбросами. Гнилым деревом, глиной – это да. Но подобные запахи совсем не беспокоили. Быть может все дело в том, что недавно прошел сильный дождь. Улицу под ногами развезло, появились огромные лужи.

Впервые со времени пребывания в новом мире Сергей чувствовал себя действительно одетым. Не в какие-то лохмотья, еле прикрывающие наготу, а в нечто куда более качественное и удобное. Дарина довольно долго рылась в закромах убежища, прежде чем извлекла на свет сверток с одеждой. Материал напомнил Сергею кожу, но очень мягкую и носкую. Он несколько не стеснял движения, хотя на первый взгляд казался дубовым. Брюки и куртка на изможденном теле мага висели довольно несуразно, но зато полностью скрывали и шрамы, и татуировки. На голову нашелся глубокий капюшон, но на всякий случай нижнюю часть лица и ладони пришлось обмотать чистыми тряпками.

Дарина тоже переделалась – облачилась в нечто очень похожее на то, в чем она была в имении Здебора Вятича. Причем сделала это в присутствии Сергея, несколько его не опасаясь. Только попросила отвернуться. Несмотря на искушение подсмотреть, он все же сдержался.

Вскоре навстречу начали попадаться первые люди и первые зомби. Последних, к слову, оказалось больше. Они в основном занимались уборкой улиц, приводили в порядок торговые лотки, беззвучно зазывали в заведения самого различного толка.

Несколько раз Дарина резко толкала Сергея в бок, понуждая его отступить к самым домам, под крыши, где скапливалась самая вода и до сих пор бежали грязные ручьи.

Поначалу ничего не поняв, он замер в нерешительности, но, услышав недовольное шипение девушки, сделал, как она хотела. Они успели как раз вовремя, чтобы укрыться в разрастающейся тени. На улице показались вооруженные люди – всего три человека. Двое с короткими мечами и небольшими щитами на запястье левой руки. Один с чем-то вроде рапиры, но гораздо проще, нежели найденная в имении Здебора Вятича. Все трое в кожаных набивных доспехах и кожаных же шлемах с железным шишаком сверху.

Дарина замерла, практически растеклась по стене, слилась с тенями. Сергей чувствовал себя рядом с ней неловким увальнем.

— Кто это был? — спросил он, когда троица скрылась за поворотом.

— Стражники, — проговорила девушка, выбираясь обратно на улицу. — Ни к чему им тебя видеть.

Не поспоришь. Объясняться с каждым патрулем, почему ты идешь в капюшоне и с лицом, замотанным тряпкой, — дело не благодарное. Если бы еще не приходилось нырять в топкую грязь. А ее, несмотря на мощеную улицу, меньше не становилось. Такое ощущение, будто жидкая глина (вперемешку со всяким мусором) падала прямо с неба или стекала с крыш домой. Впрочем, последнее предположение не казалось невероятным – стены большинства строений действительно были в грязных потеках и разводах.

Буй Тур оказался чем-то вроде деревянного амфитеатра, обтянутого заплатками шкур.

— Гладиаторы? — недоверчиво спросил Сергей.

Дарина пожалала плечами:

— Кулачные бои.

— До смерти?

— Когда как. До смерти доходит не очень часто, но Сборщик обязан присутствовать на каждом бое. Это его хлеб – его деньги.

— И что – все это разрешено?

— Конечно, — девушка замедлила шаг, нахмурилась. — Сергей, ты задаешь очень странные вопросы. Я старалась отвечать на все, но ты же не знаешь элементарных вещей. Как такое может быть?

Их обгоняли люди. Шумная, веселая толпа, стремящаяся попасть на кровавое представление.

— Я их действительно не знаю, — улыбнулся сквозь повязку Сергей. — Ваши места мне незнакомы.

— И это все? Просто – незнакомы?

— А что еще?

— Хорошо, пока оставим эту тему. Ты что-то скрываешь – это ясно. Я не стану давить. Пока не стану, — ее глаза блеснули зеленым.

Толпа гудела, в воздухе стоял запах пота и пива. То там, то здесь раздавались громкие выкрики, слышалась брань, звуки затевающихся потасовок – небольших и скоротечных. Иногда бились один на один, изредка сходились стенка на стенку. Дерущихся тут же окружала орущая, подбадривающая толпа. Иногда кто-то вырывался из нее и с молодецким криком врзался в бьющуюся свалку людей. Насколько понял Сергей, дрались без оружия и раненых не добивали. Несмотря на это, крови на камнях скапливалось все больше. Виднелись выбитые зубы. Некоторые участники потасовок оставались лежать или сидеть на месте, охая, придерживая поврежденные части тела. Грязь и проходящие мимо люди их нисколько не смущали. Но все же большинство, выпустив пар и получив свою долю тумачков,

с радостными лицами направлялось дальше.

С большим трудом Сергеем со спутницей удалось пробиться к входу в амфитеатр. Здесь им вручили помятые, выдавшие виды жетоны – пропускные билеты на представление. Оплачивать посещение пришлось, конечно, Дарине.

— Помни, мы пришли смотреть не на бой, — напомнила девушка. — Нам нужен Сборщик.

— Как его узнать? — Сергей смотрел на желтую арену. Она оказалась утоплена ниже уровня земли. По всей видимости, и вся инфраструктура, обеспечивающая работу столь необычного увеселительного заведения, располагалась под землей.

Места им достались весьма удобные – над дверьми, через которые должен выходить один из бойцов. Никогда в жизни он не думал, что станет свидетелем гладиаторских поединков. Зрители еще не полностью заполнили трибуны, но уже сейчас можно сказать, что на представлении ожидается аншлаг.

— Узнаешь. Он появится на песке, если кто-то не сможет подняться.

— Зафиксировать смерть?

— Да.

Серое небо еще давало свет, но совсем немного. Зато по всему периметру арены в стенах горели факелы. Не менее двух десятков. Их свет трепетал на ветру, отчего воздух в кругу плыл и дрожал, будто над песком парили призрачные тени.

Не проще проводить бои днем? А если бы дождь пошел сейчас или, чего хуже, во время боя?

— Почему не спуститься сразу вниз? Он же должен откуда-то смотреть бои, — сказал Сергей.

— Должен. Но иначе его не вычислить. У Сборщиков нет единой формы одежды, нет явных отличительных знаков. Тем более нас там не ждут. Пока не ждут... – она загадочно улыбнулась.

— Какие-то они очень таинственные ребята получают. Почему?

— Так повелось со времен Темных веков. Мор унес много жизней. Поветрие распространялось со скоростью ветра. Самого быстрого ветра. Там, где находили следы мора, уже через день–два гибли целыми семьями. Мертвецов не успевали сжигать, а хоронить в земле боялись. Адепты будущего Дома Жизни не спали сутками, валились от усталости с ног, но не успевали обработать все тела.

— Обработать?

— Да – именно мертвецы становились теми опухолями, в которых зрела зараза. Зрела, а потом выплескивалась. Вымирили целые города. В летописях говорится, что крысы стали размером с хорошую собаку, а вороны отяжелели настолько, что не могли летать. Падальщики пировали на наших костях. Дым от пожарищ затмевал солнце. Люди начали терять веру в предков. Матери умерщвляли своих детей, только чтобы не видеть их страданий. Отцы со слезами на глазах вырезали свои семьи, а потом сжигали себя вместе с ними, закрывшись в домах. Закон перестал существовать. Множились отчаянные шайки, стремящиеся обогатиться на чужом горе. Но мор не щадил никого. Он прокатился по всем княжествам, оставив за собой лишь грязь, пепел и запах тлена.

Сергей смотрел в лицо Дарины, но девушка не замечала его пристального взгляда. Она будто по памяти читала какую-то книгу. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, хотя глаза остекленели.

— Вот тогда и появились первые Сборщики. Люди, которые каким-то образом противились морю. Они ходили среди гниющих мертвецов, среди пирующих крыс, но не заболели. Их было немного, но именно они дали первый по-настоящему серьезный отпор морю. В борьбе с эпидемией годился лишь огонь и созданный адептами бальзам. Его следовало употреблять всем, кто не хотел заболеть. Для уже заболевших выбора не оставалось. Их просто убивали, заметив первые признаки – раздутая, покрасневшая шея и бурые пятна на лице. Впоследствии эти пятна темнели, пока не превращались в гнилостные раны, быстро расползающиеся по коже.

— Приятного мало, — проговорил Сергей просто потому, что Дарина замолчала. — И Сборщики сжигали мертвецов?

— Да. Они собирались небольшими группами и при поддержке магов шли от города к городу, от деревни к деревне. Некоторые из них не выдерживали того напряжения и количества смертей, что свалилось на их плечи, — и сходили с ума. Говорится, что молодые и сильные мужчины, ступив на путь Сборщика, всего за несколько дней теряли блеск в глазах, а их волосы седели. Многие погибли, многие пропали без вести. Но мор удалось остановить.

— Почему же они скрываются? — не понял Сергей. — Они же герои.

— Они не скрываются, — Дарина наконец оживила, усмехнулась. — Они не показывают себя. Понимаешь, то, чем они занимались во время мора, с одной стороны, вызвало в сердцах людей искреннюю благодарность. Но с другой стороны, поставило Сборщиков вне общества. Их словно вытолкнули. Отстранились от них.

— Хороша благодарность, — поморщился Сергей.

— Но так случилось. Со временем города отстроили вновь, воспоминания о море остались лишь на страницах летописей. Многие теперь даже не знают, кто такие и откуда пошли Сборщики. Относятся к ним как к неизбежному злу – до сих пор каждый труп либо сжигается, либо проходит специальную обработку в Доме Жизни. А трупы надо собирать и перевозить. Кроме того – Сборщики чувствуют смерть. Не знаю, как. Но любой из них без ошибки отыщет свежего покойника в огромном доме или лабиринте. Они ходят вслед за смертью и убирают за ней.

— Я понял, — Сергей протяжно выдохнул. — Вроде понял.

Между тем амфитеатр заполнился зрителями. Странное дело, если за пределами этих стен люди вели себя развязно и даже агрессивно, то сейчас притихли, переговаривались лишь шепотом. Над ареной царил почти мертвая тишина.

— Сейчас начнется, — сказала Дарина.

Двери внизу отворились – и на песок вышел старик. Толпа взревела. Старик степенно прошествовал к центру арены, осмотрелся. Ростом он был под добрых два метра, широкий в плечах, с множеством шрамов на обнаженной коже. Одетый лишь в набедренную повязку и легкий плащ до земли, он мог сойти за полубога, прошедшего сотни войн. Мышцы все еще бугрились под уже не столь упругой кожей, лицо пересекали глубокие морщины.

Старик поднял руки – и рев толпы моментально стих.

— Испокон веков заведено в земле Славского княжества, — раздался сильный раскатистый голос, — быть его сынам сильными и отважными. Мужчине негоже показывать врагу спину, негоже дрожать в страхе. Ты можешь упасть, можешь выть от боли – но никогда не сдавайся! — последние слова он выкрикнул – и толпа снова взорвалась одобрителем ревом. — Наши сыны растут и превосходят нас в силе и ловкости, — продолжил старик,

когда гул голосов стих. — Дадим же им шанс показать свою удачу. Дадим им право называться мужчинами!

— Это что, вроде процедуры инициации? — спросил Сергей, повысив голос, чтобы перекричать толпу.

— Да. Каждый отец вправе выставить своего сына на поединок, когда тому исполнится шестнадцать лет. Если отрок заслужит оvation (независимо – выиграет он поединок или нет), Родослав Беспалый нарекает его мужчиной.

— Родослав – это тот старик?

— Да – один из самых прославленных воинов Славско–Сулманской войны.

— Ты сказала: имеет право. То есть обряд необязателен?

— Нет. Сразу после мора каждый отрок был обязан пройти Буй Тур. Со временем необходимость в умении каждого мужчины держать меч отпала. Теперь инициация – больше дань традиции. Способ показать себя. Иногда лучших поединщиков забирают на обучение княжеские вербовщики. Далеко не все из отобранных в будущем удостоиваются чести служить в личной дружине князя, но упустить такой шанс решаются немногие.

Родослав представил первых бойцов, но за объяснениями Дарины Сергей прослушал их имена. Вскоре на песке появились двое юношей. Довольно крепкие, хотя один явно плотнее. Сергею почему-то сразу представился сын кузнеца. Одеты лишь в легкие штаны, они сошлись в центре арены. Лица сосредоточены.

Над амфитеатром разнесся пронзительный звон – и двое пустились в «пляс». Никакой разведки, никаких сложных комбинаций. Сила на силу, кулак против кулака. В неверном свете факелов схватка казалась размытой, будто неведомая сила исказила на арене течение времени.

Первым же удачным ударом парнишка, что был поплотнее, угодил своему противнику в область солнечного сплетения. Тот согнулся пополам, припал руками к песку, но сумел уйти от уже неминуемого удара коленом в лицо. Перекатился через бок, снова оказался на ногах. Толпа встретила его маневр одобрительными криками. Еще некоторое время они кружили по арене, обмениваясь несильными ударами, когда оправившийся от тычка в грудь юноша умудрился четким, резким ударом отправить своего обидчика в легкий нокдаун: его кулак с глухим стуком врезался в челюсть «кузнеца», отчего голова последнего дернулась назад. Развивая успех, юноша дважды ударил противника по корпусу, затем попытался перехватить за шею, тем самым закончив бой удушающим приемом. Не вышло. «Кузнец» хоть и нетвердо стоял на ногах, но сил сохранил достаточно, чтобы разорвать замок, так и не успевший сомкнуться на его горле.

Они бились еще несколько минут. То падая, свиваясь ожесточенным клубком, то снова вставая в попытке закончить поединок на кулаках. Наконец звон повторился – и бойцов словно ударной волной оттолкнуло друг от друга. Они с трудом держались на ногах, но не падали. Тела, покрытые каплями пота, напряжены до предела, дыхание вырывается со слышимым хрипом. Лица опухли, покрылись сильными кровоподтеками. И все же даже сквозь боль и усталость виднелся триумф – каждый из них выстоял, каждый сумел показать максимум того, на что способен.

Зрители аплодировали бойцам стоя. А те, немного отдышавшись, обнялись, что-то говоря друг другу. Сергей невольно вспомнил произошедшее недавней ночью на неизвестной ему площади – вспомнил деревянный помост и людей, собравшихся полюбоваться на жестокою казнь женщины. Что он думал тогда? Что испытывал? Смещение чувств, но надо

быть честным перед собой – он бежал потому что в том смешении преобладало отвращение ко всему увиденному. Но теперь, при взгляде на измученных, побитых, но от души поздравляющих друг друга бойцов, новый мир казался не столь мрачным. Честность перед лицом достойного противника – качество, достойное уважения. Качество, достойное человека.

На арене появился Родослав Беспалый.

— Мне отрадно видеть, — заговорил он, — что земля Славская продолжает дарить нам достойных сынов. Достойных славного прошлого наших предков. Нажир и Стоум, ваши дети показали себя отличными воинами. Гордитесь ими, — стрик говорил, обращаясь куда-то в толпу, словно среди множества лиц видел родителей недавних противников. — Посмотрите на них еще раз, — властный жест рукой. — Отныне они мужчины.

Под одобрительный шум зрителей счастливые ребята покинули арену. Родослав Беспалый объявил новых участников.

Сергей и Дарина стали свидетелями еще трех поединков. В двух из которых противники снова оказались достойны друг друга, будто опытный промоутер с особенным тщанием отбирал тех, кто сможет биться на равных. А вот третья схватка завершилась быстро. Низколобый парень с копной выющихся рыжих волос не то споткнулся, не то остутился, но мгновенной потери ориентации в пространстве хватило, чтобы пропустить сокрушительный боковой удар в челюсть. Даже в неверном свете факелов было видно, как веером разлетелись капли крови. Парень взмахнул руками – и мешком повалился на песок. Бросившийся было его добивать противник, остановился с занесенным кулаком. Рыжий еще пытался подняться, что-то выкрикивал, но ноги его подгибались, а голова безвольно моталась из стороны в сторону.

— Нокаут, — проговорил Сергей.

Зрители, примолкшие в ожидании продолжения, взорвались. Победитель поднял руки, а затем подошел к противнику, похлопал того по плечу. В ответ же рыжий выбросил навстречу подошедшему руку – с раскрытой ладони сорвалась горсть песка. Впрочем, воспользоваться своей подлостью он так и не сумел. Собственные ноги по-прежнему подкашивались, а победитель успел отвернуться.

В следующее мгновение Сергей подумал, что оглохнет. Люди вокруг кричали и свистели. В сторону рыжего неудачника летели десятки оскорблений. Гвалт прекратился только после того, как на песке появился Родослав, да и то ему пришлось выждать несколько минут, прежде чем самые недовольные, наконец, заткнулись.

Рыжий, который более-менее пришел в себя, рванулся было восстанавливать утраченные позиции, но был остановлен одним только взглядом старика. Парень аж дрожал от негодования, но всего, что сделал – развернулся и торопливо покинул арену.

Оставшегося участника скорой схватки зрители приветствовали победителем.

— Где Сборщик? — спросил Сергей.

— Пока нет трупов или подозрения на серьезную травму, он не появится. Не беспокойся. Вторая часть схваток редко заканчивается без жертв.

Сергей нахмурился. Вторая часть?

Некоторое время внутри амфитеатра царил неравномерный гул. На самой арене ничего не происходило, зато люди с воодушевлением обсуждали увиденное только что. Как и следовало ожидать, наибольшие споры вызвал последний поединок. Рыжего бойца кляли на все лады, кое-кто даже похвалялся отыскать его в городе и отделать так, чтобы не то что

ходить не мог, а из дому не показывался.

Когда на арене появился человек, Сергей заметил не сразу. Его выход не сопровождался никакими звуковыми эффектами. Подобно размытой тени он скользнул по песку. В дрожащем свете факелов его очертания дрогнули, расплылись. Постепенно, словно кто-то плавно уменьшил громкость на огромных колонках, зрители стихли. Глаза всех пришедших следили за человеком. А тот, сделав круг по арене, вышел в ее центр – и только теперь стал виден отчетливо.

Сергей сморгнул. Что на наваждение? Пора бы уже начать привыкать к магии.

Человек был невысок, сух и жилист. Гладко выбритая голова татуирована парой змей. Кожа на лице будто восковая – натянутая. Черты лица сглажены. Словно после сильного ожога. Глаза глубоко посажены, пронзительные. Даже стоя на трибунах, Сергей чувствовал тяжелый взгляд, которым человек обводил собравшихся. Таким взглядом впору обладать хорошему гипнотизеру или... колдуну... глаз, что называется, «нехороший».

Рука Дарины коснулась ладони Сергея.

— Блуд, — проговорила она шепотом.

— Его так зовут?

Девушка кивнула.

— Странная и таинственная личность. Бывший маг средней руки. Говорят, был пленен во время Славско–Сульманской войны. Его долго и жестоко пытали, а потом почему-то отпустили. Но магические способности ушли безвозвратно.

— Так бывает?

— Очень редко. Из-за сильного шока – болевого или эмоционального.

— По тому, как он смотрит, не скажешь, что что-то утратил.

— Взгляд – все, что у него осталось...

Человек в освещенном круге арены поднял руку, хотя все внимание собравшихся и так приковано к нему.

— Игры закончились, — проговорил он. Слова будто давались ему с трудом, а голос напоминал шелест сухих листьев. — Вы знаете, зачем пришли сюда, — он указал тонким пальцем на кого-то в толпе. — Вы все знаете. Время детских забав минуло. Кровь и ярость – вот чего вы ждете. Я прав?

Люди на трибунах взорвались согласными воплями.

— Я прав?! — шелестящий голос поднялся над шумом толпы.

— Да! — раскатилось по амфитеатру.

Сергей передернул плечами. Кем бы этот Блуд ни был, какими бы силами ни обладал, но управлять толпой явно умел.

— Встречайте, Двуликий и Полруки!

Блуд развел руки в стороны, ожидая, пока из раскрывшихся дверей появятся названные им люди.

В то, что схватка не обойдется без жертв, Сергей поверил, как только получше рассмотрел бойцов. Полруки был одет в короткие, порядком потрепанные, рваные штаны и нечто вроде кожаной перевязи, от живота и ниже превращающейся в широкий кожаный же фартук. Одну половину его лица рассекал длинный шрам, отчего верхняя губа была приподнята в постоянном оскале. В руках Полруки держал парные короткие мечи.

— Это тоже какая-то проверка? — спросил Дарину Сергей.

— Нет, — усмехнулась девушка. — Это необходимое зло...

Двуликий оказался полноватым крепышом со странным лицом. Сергей присматривался, напрягая глаза, пока не понял, что боец скрывается за маской. Но маской необычной и вряд ли способной спасти от ранения. Собственное лицо Двуликого пряталось за маской из человеческой кожи, натянутой на плешивый череп с помощью пары тугих веревок.

— Какое еще зло?

— Толпа должна выпустить пар. Они видят только работу. День ото дня. На протяжении всей своей жизни – одно и то же. Редко, когда сын выбирает себе иную дорогу, чем ту, по которой идет отец. Однообразие, спокойствие и отсутствие войны делает людей... опасными. Буй Тур позволяет им почувствовать вкус крови. Пусть и лишь в качестве зрителей.

— И не только Буй Тур, — пробурчал Сергей, вспомнив ночную казнь.

Двуликий огласил арену утробным рыком, взмахнул тяжелым двуручным топором. Полруки продолжал стоять спокойно, сверля противника ненавидящим взглядом и поминутно покачивая из стороны в сторону головой.

— Покажите, на что вы способны, или проваливайте к предкам, — прошепестел Блуд – и снова подернулся зыбким маревом, растворился в тенях.

Двуликий не ждал ни мгновения – бросился на противника, явно намереваясь разрубить его пополам. Топор на длинной ручке взвился в воздух, прочертил широкую дугу и обрушился на Полруки сверху. Но того на месте уже не было. Быстрым движением он ушел в сторону, тут же нанес прямой режущий удар. Сталь коснулась бока Двуликого, брызнула первая кровь.

Толпа охнула.

Полруки отпрянул, выгнувшись назад – и вовремя. Лезвие топора, выброшенное Двуликим, прошло в считанных сантиметрах от затянутой в перевязь груди. Работая будто мельница, обладатель кожаной маски теснил противника. Широкие, размашистые движения наверняка отбирали много сил. И Полруки, похоже, был того же мнения. Потому больше не пытался атаковать, а лишь парировал удары либо уходил от них, выгадывая момент, когда противник утомится. Но тот, напротив, удвоил напор.

Лезвие топора отбрасывало багряные блики. Взмах – и человек отскочил боком, минуя смертоносное лезвие. Еще взмах – Полруки вскользь принял его на собственные клинки, но сила удара отбросила его к стене. Глухой удар плоти о камень – и тут же искры и скрежет металла в том месте, где только что стоял человек. Снова мимо, но снова близко.

Видимо поняв, что долго так бегать не сможет, Полруки изменил тактику. На каждый взмах топора он начал отвечать короткими выпадами. Не все из них достигали цели, но несколько увенчались успехом, оставив на взмокшем теле Двуликого алые кровоточащие рощерки. Но боль только подстегнула крепыша. Раскрутив топор над головой, он ударил противника по ногам, потом, развернувшись вокруг своей оси и не теряя ускорения, ударил в грудь. Полруки привычно отклонился назад – и тут Двуликий разжал пальцы. Тяжелый топор подобно тарану сбил его с ног.

По рядам зрителей пронеслись волны одобрения.

Двуликий бросился на поверженного противника. Легко отбил вылетевшую было навстречу руку с коротким мечом. Дважды тяжелый кулак опустился на голову Полруки. Удивительно, но тот не только оставался жив и в сознании, но и пытался сопротивляться. Окровавленный, обезоруженный, он умудрился извернуться – и выбраться из-под нависшего над ним бойца. Но мало выбрался – с силой ударил того ногой под колено, а потом в

кувырке метнулся к брошенному мечу. Двудликий дернулся, потянулся к живучему противнику, но неожиданно взмахнул руками – и повалился на песок. Подбитая только что нога выключилась. Он попытался подняться, но не смог.

Сергей сощурился. Похоже, боец одним точным ударом умудрился выбить Двудликому колено. Покачиваясь и держась за развороченную грудную клетку Полруки направился к противнику. Тот попытался подняться, опираясь лишь на руки и одну ногу, но не успел. В свете факелов блеснула сталь короткого меча – и одна рука Двудликого отделилась от тела. Брызнул фонтан крови. Полруки ощерился, смачно плюнул Двудликому в маску, а затем полоснул ему по второй руке.

Побледневший крепыш с растерянным удивлением уставился на собственные, валяющиеся под ногами конечности, отсеченные по локоть.

Толпа зашлась в приветственных криках. Краем глаза Сергей отметил, как отвернулась и что-то невнятно пробурчала Дарина.

Между тем Полруки зашел Двудликому за спину и легонько, эфесом меча, ударил его по затылку. Крепыш вздрогнул – и обмяк. Кровавая лужа вокруг него разрасталась.

— Неизбежное зло? — спросил Сергей, совершенно не заботясь о том, чтобы его услышала Дарина. — А бойцы выходят на арену тоже из принципа? — спросил уже громче.

— Принципа? — не поняла Дарина. — Им за это платят. Участвовать может любой, если пройдет предварительные испытания. Никому не нужен самоубийца, не способный постоять за себя.

По арене будто порыв ветра пронесся. Огонь факелов сник, почти погас. По песку поползли причудливые тени. Как Сергей ни напрягал взгляд, но их источника так и не увидел. Тени вырастали из ничего – из пустоты. При этом медленно извивались, точно гибкая танцовщица. Постепенно тени сгущались, накладывались друг на друга, из прозрачных призраков превращаясь во вполне осязаемую фигуру. Прошло еще несколько секунд – и факелы снова вспыхнули, а черная фигура (сосредоточение непроглядного мрака) распалась клочьями пепла, исчезающего не долетая до песка. На ее месте остался стоять Блуд.

— Предки наградили нас жизнью, — прошелестел он. — Мы же награждаем друг друга смертью. Полруки – наш победитель! — его голос поднялся над ареной, закружился по амфитеатру и исчез в черном небе.

Победитель поклонился, развернулся и отправился к дверям, откуда недавно вышел. Теперь, когда адреналин в крови схлынул, а азарт боя стих, его плечи поникли, а ноги сделались ватными. Он начал прихрамывать, но все же покинул арену самостоятельно. Двери за его спиной захлопнулись. К ним тянулась цепочка темных капель.

А вот за Двудликим пришли. Пришли трое. Двое худых грязных мальчишек тащили тряпичные носилки. Ребят сопровождал человек в длинном черном плаще. Сергей даже не поверил собственным глазам: наряд Сборщика (а вряд ли это был кто-то иной), настолько выделялся из толпы разношерстных обывателей, что спутать его с кем-то еще просто невозможно.

— Это он? — спросил Дарину.

Девушка кивнула.

— Не выглядит человеком, который не желает привлекать к себе внимание.

— Они тоже люди. Кто-то сливается с толпой, другие становятся в ней белыми воронами.

— Скорее черными.

— Это кому как.

— Что теперь? — спросил Сергей.

— А теперь идем за мной, — девушка резко схватила его за руку и потянула за собой.

Сергей даже не успел опомниться. Он еле успевал за верткой, миниатюрной Дариной, с легкостью лавирующей между зрителей. Ему же вслед неслись ругательства, недовольные возгласы.

Они вырвались из людского столпотворения, нырнули в узкий лестничный проход, спустились на уровень земли. Здесь было просторно и тихо. С арены доносились сильно приглушенные голоса, но слов не разобрать.

— Не отставай, — бросила через плечо Дарина.

Девушка огляделась, а затем уверенно направилась по загибающемуся вдоль амфитеатра коридору. Насколько понял Сергей, сооружение имело в своем основании каменную стену—кольцо. На ее базе с внутренней стороны возведены места для зрителей, а с внешней располагаются переходы и нечто вроде деревянной обрешетки, на которую и натянуты всевозможные шкуры. Дарина то и дело поглядывала на стены, хмурилась. Затем резко остановилась у ничем не примечательного участка. Тонкие руки легли на камень—другой, раздался тихий скрип — и в монолите стены появилась трещина.

— Помоги, — сказала девушка.

Они надавили на кусок стены, тот с противным скрежетом поддался.

Дарина зашипела сквозь зубы.

Они нырнули в открывшийся черный провал, торопливо задвинули потайную дверь на место.

— Что это? — с удивлением спросил Сергей. Он и помыслить не мог о каких-то тайных ходах внутри обычного амфитеатра.

— Иногда на бойцов ставят деньги, — ответила Дарина, чем-то усиленно шурша в темноте. — Так... замри. Вот, иногда большие деньги. Иногда человек не хочет рисковать — и поединок не должен преподнести сюрпризов. Этот ход — один из способов обезопасить свою ставку.

— Ты меня пугаешь... — в шутку сказал Сергей. — Конечно, спасибо за пояснение. Но ведь это тайна. Так?

Шорох прекратился, а затем Сергей почувствовал у самого уха горячее дыхание. Послышался шепот:

— Не переживай. Если что — я тебя убью...

Дыхание исчезло, шорох возобновился. Это она пошутила или нет?

— Вот он... — довольным голосом проговорила Дарина.

Тихий щелчок — темноту прорезал тусклый луч света, затем появился квадрат люка.

— Я иду первая. Если все тихо — зову тебя.

Фигурка Дарины мелькнула в люке — и исчезла.

— А если не все тихо? — одними губами проговорил Сергей.

Он остался стоять почти в полной темноте. Снаружи доносился гул голосов. Где-то недалеко капала вода. Потрескивали от напряжения деревянные конструкции.

— Сюда...

Услышал шепот. Послышалось или нет?

Наплевав на осторожность, Сергей нырнул в люк. Падения он не успел осознать.

Жесткий пол ударил в ноги, но не лишил равновесия. Он оказался в тесном закутке. Рядом, вжавшись в стену, стояла Дарина.

— Идем, — проговорила девушка. — Веди себя естественно, будто мы имеем право здесь находиться.

Она осторожно отодвинула тяжелый, пропитанный чем-то масляным гобелен. В нос тут же ударил запах пота, железа и еще чего-то неуловимого – каких-то трав.

Здесь было грязно и душно. Довольно широкий коридор (по-видимому, огибающий всю арену) освещался чадящими факелами, дым от которых просачивался сквозь зарешеченную вытяжку в потолке. В стене, обращенной к арене, кое-где имелись небольшие окна, сквозь которые проникало немного воздуха. Где-то впереди по коридору, за плавным изгибом, слышалось громкое позвякивание металла о металл, наставительные голоса.

Сергей с Дариной переглянулись, направились на голоса. Вскоре коридор резко расширился округлой площадкой, на которой в нервном ожидании застыл ожидающей своей очереди боец. Он нетерпеливо переминался с ноги на ноги, то и дело похлопывал чуть искривленным мечом по щиту. Рядом с ним стоял кособокий наставник. При взгляде на него возникало ощущение, будто вся правая часть его тела если не парализована, то подчиняется с большим трудом. Человек то и дело оседал на подкашивающуюся ногу, начинал сползать по стене.

Ни дать ни взять – тренер готовит воспитанника к выходу на ринг. Дает последние указания.

Дарина напустила на лицо беззаботное выражение. Сергей же не смог удержаться от соблазна осмотреть все внимательно, чем вызвал неодобрительный взгляд ожидающего бойца.

Дарина незаметно дернула Сергея за руку, понуждая его поторопиться.

— Перед выходом бойца ему никто не должен мешать, — прошептала она. — Такой закон.

И действительно, стоило им отойти на каких-нибудь пару десятков метров, как коридор наполнился людьми. В основном – обслуживающим персоналом, среди которого Сергей заметил нескольких зомби. Мертвяки сидели в длинной комнате с многочисленными стойками и полками, заполненными всевозможным холодным оружием. С безучастным выражением лиц безмолвные работники медленно, но верно продолжали шлифовать клинок за клинком.

Вдоль стен коридора стояли многочисленные бочки. Некоторые пустые, другие – плотно запечатанные. Между бочками скапливалась грязь и росла паутина, но, по всей видимости, изничтожать их не считали нужным. Паутину Сергей отметил и под потолком.

Пройдя дальше, Сергей заметил на полу след крови, будто здесь кого-то тащили. След тянулся от темного ответвления и направлялся в соседнюю с оружейной комнату. Запах трав стал сильнее.

— Он должен быть где-то здесь, — проговорила Дарина. — Давай поделимся.

— Хорошо.

— Далеко не расходимся.

Девушка двинулась дальше по коридору, а Сергей направился по кровавому следу. У дверного проема комнаты, где скрывался след, трудился мальчуган лет десяти. Он стоял на коленях и с остервенением драил деревянный пол, пытаясь вытравить из него бурые кляксы. Рядом с парнишкой стояла бадья с грязной водой.

— Бог в помощь, — сказал Сергей, остановившись рядом с мальчиком, с запозданием вспоминая, что ни разу в этом мире не слышал о каких-либо богах. Только о предках. — Мне нужно поговорить со Сборщиком. Ты не знаешь, где я могу его найти?

Парнишка оторвался от грязной тряпки, провел рукой по лбу, будто стряхивал капли пота, и только потом посмотрел на задавшего вопрос.

— Простите, добрый господин, — на лице мальчугана появилась неуверенная улыбка.

— Сборщик. Где он? — терпеливо повторил Сергей.

Его взгляд невольно упал на руки паренька: кожа темно-серого цвета, вся в красноватых трещинах; пальцы тонкие, но с заметными узловатостями; ногти сбиты или попросту вырваны. Увиденное произвело на Сергея отталкивающее впечатление. Сам выросший в благополучной семье и, по сути, никогда не видевший крайней степени нищеты, он оказался застигнут врасплох.

Парнишка затравленно оглянулся.

— Я не знаю. Простите, если хозяин увидит, что я бездельничаю...

— Извини. Уже уйду.

Все еще пребывая в небольшом ступоре, Сергей отошел от мальчика. В этот момент из комнаты выскочил рыжий парень. Тот самый, который недавно с позором покинул арену. На его скуле красовался пунцовый синяк, один глаз наполовину заплыл. Что-то покричав через плечо, рыжий походя отшвырнул с дороги моющего пол мальчишку, с силой пнул бадью с водой. Загрохотав по деревянному полу, она опрокинулась. Грязная вода плеснула во все стороны. Тут же из комнаты показалось худое, осунувшееся лицо с большими ухоженными усами.

— Растяпа! — со злостью прошипел он. — Десять розог. А сейчас — все быстро убрать. Навязали тебя на мою голову! Правильно не хотел...

Чего не хотел усатый, Сергей уже не узнал, так как мужчина снова исчез в комнате. Зато самодовольную ухмылку рыжего выродка рассмотрел отлично.

— Обязательно было это делать? — спросил громко, когда рыжий проходил мимо.

Тот резко остановился. Его лицо исказилось презрительной гримасой.

— Чо? — сплюнул он на пол.

— Обязательно было трогать парня?

— Послушай, пугало, — рыжий осклабился. — Ты бы шел по своим делам. А то ведь и тебя трону. Ненароком.

Наглость молодого драчуна поражала. Только что получил по морде на виду у многочисленной толпы — и все еще не успокоится. Неужто столь велико желание показать собственную крутость? Даже если под горячую руку попадет десятилетний пацан.

— Я тебя видел на арене, — нарочито спокойно сказал Сергей. — Отлично выступил. И награда отличная, — он многозначительно уставился на синяк незадачливого бойца.

Лицо рыжего исказилось ненавистью, кулаки сжались. Он было сделал шаг, чтобы наказать обидчика, но замер, услышав раскатистый возглас:

— Предки меня побери, ты где шляешься?!

К рыжему быстрым шагом подошел здоровенный мужик с красным мокрым лицом. Его рубаха обильно пропиталась потом, давно не стриженные волосы прилипли ко лбу.

— Я тебя по всей говенной яме должен искать?! — ладонь с мясистыми пальцами наотмашь хватанула мгновенно присмирившего горе-бойца. Тот ссутулился, вмиг утратив всякую спесь и желание донимать кого бы то ни было. — Оглох что ли?!

Краснолицый схватил рыжего за грудки, сильно тряхнул.

— Я уже шел, батя, — прохрипел тот. — Он меня задержал...

— Все, что хотел сказать этому сопляку, можешь сказать мне, — краснолицый посмотрел на Сергея.

В его взгляде не было презрения – нет. Он смотрел так, как если бы видел перед собой мелкую букашку.

— Ты уверен, что у твоего сына от криков и побоев прибавится ума? — спросил Сергей. Теперь причины характера неудачливого бойца не вызывали у него вопросов. Папаша хотел увидеть победу сына, а вместо того стал свидетелем позорного избиения и низости. Теперь оба срывают злость. И все равно на ком. Отличная привычка.

Лицо краснолицего побагровело еще больше, налилось темно-красным, точно спелый помидор. На лбу проступила пульсирующая жила. Того и гляди лопнет от напряжения. Здоровяк оттолкнул сына так, что тот, не устояв на ногах, растянулся на мокром полу.

— Чтобы каждая помойная шавка учила меня, как жить, — чуть не задыхаясь прохрипел он, нависая над Сергеем. — Ты кто такой?

— Я никто...

Разговор приобретал оттенок опасности. При этом такой опасности, что после не собрать костей. Краснолицый одним ударом вполне мог раскроить человеку голову. Но и отступить Сергей не собирался. Наглость здоровяка разожгла в нем злость, заставила позабыть о здравомыслии.

Голоса и шум вокруг стихли. Люди собирались в кольцо, ожидая близкое представление.

— Никто? Никто?! — дважды повторил краснолицый, будто ответ выбил его из колеи. — Никто не смеет учить Миробуда, как ему воспитывать своего сына. Ты понял?!

Здоровяк вытянул руку, тыча пальцем Сергею в грудь. Тот немного отстранился.

— Не слышу ответа, — краснолицый подался вперед. От него здорово несло перегаром.

— Мне плевать на тебя, — проговорил Сергей. — А ему, — он кивнул в сторону рыжего парня, наблюдающего за всем происходящим, — еще жить. Плохо, если он станет такой же свиньей, как его отец.

Сергей и сам удивился, как легко дались ему слова. Сердце бешено колотилось, разум метался в тщетных попытках обуздать то нечто, что заставляло ступить на край острого лезвия. Он боялся, отчаянно боялся. И все же давил страху на горло.

В глазах краснолицего промелькнула череда эмоций. От непонимания до удивления – и, наконец, животной ярости. Его губы искривились, глаза налились кровью. Сергей успел заметить момент начала удара, но не успел на него среагировать. Тело мага оказалось слишком медлительным. Тяжелый кулак врезался в челюсть. В глазах вспыхнуло ярким, а затем пол ударился в спину. И все же он не потерял сознания. Напротив, с ясной отчетливостью видел приближающегося здоровяка. Шаг, другой – будто опускаются тяжелые колонны. Красное лицо вот-вот готово лопнуть. Кулаки сжаты.

Уже привычные символы и знаки замелькали перед внутренним взором. Уже привычное ощущение огня в жилах. Сергей оперся на одну руку, а другую выставил перед собой. Пальцы сложились замысловатым знаком. Воздух дрогнул, за долю секунды свился спиральными нитями, образовав воронку. Глаза краснолицего расширились, но было уже поздно. Воздух с силой ударил ему в грудь, отбросил назад. Он пролетел несколько метров, сбил кого-то из зрителей.

Сергей тяжело поднялся. Голова гудела. Но и здоровяк уже оказался на ногах. Он дотронулся до груди, поморщился.

— Говноед помойный, — прошипел сквозь зубы.

— Остановись, — проговорил Сергей, уже видя, как краснолицый, подобно быку, набирает скорость, по всей видимости норовя снести противника плечом.

Не вышло. Уже раз сработавшее заклинание легко отозвалось, повинувшись осознанной воле Сергея. Он направил удар в ноги здоровяку. Самое сложное оказалось не переборщить с силой. Калечить хамоватого наглеца не хотелось. Краснолицего резко дернуло назад. Он все еще продолжал бежать, но ноги вылетели из-под него. Что-то неразборчиво выкрикнув, он на всей скорости рухнул лицом вперед, но успел выставить руки. Доски врезались в предплечья и ладони.

— Довольно! — послышался уже знакомый раскатистый голос.

Из кольца зевак появился Родослав. На нем до сих пор была лишь набедренная повязка и плащ. Вблизи старик казался еще более могучим и суровым.

— Негоже биться силой кулаков супротив силы, дарованной духами. Сновид, тебе ведомо, что творится здесь? — он обратился к рыжему парню, что замер в нерешительности внутри круга. Он вроде бы и хотел помочь отцу, но никак не мог решиться.

— Да, наставник, — поклонился старику рыжий.

— В том есть твоя вина?

— Да, наставник, — чуть помедлив и явно через силу проговорил парень.

Краснолицый встал на ноги, исподлобья посмотрел на старика.

— Хорошо, — сказал Родослав. — Сновид, сегодня ты вел себя недостойно. Я не осуждаю — я предлагаю выбор. Если и дальше думаешь строить гнусности — твоя дорога лежит к Блуду. Я не потерплю рядом с собой грязи. Говорю это в первый и последний раз.

— Я понял, наставник, — потупился рыжий. — Простите.

Родослав кивнул, затем смерил тяжелым взглядом обоих участников небольшой драки — и ушел.

Сновид все же решился — и подошел к отцу, что-то сказал. Тот тяжело дышал. Его кулаки непрестанно сжимались и разжимались. Бросив взгляд на Сергея, он махнул рукой и направился прочь. Рыжий постоял еще немного — и направился за отцом. Сергей догнал его, дернул за плечо, развернул к себе.

— Не держи зла. И скажи то же самое отцу.

Сновид было дернулся, но потом сдержанно кивнул.

Сергей не надеялся, что парень вдруг изменится и воспылет ко всему человечеству уважением. Но реакция рыжего на слова Родослава оказалась неожиданно сдержанной. Кто знает, может быть, сегодняшней пинок станет переломной точкой в его жизни. Главное, чтобы отец хотя бы не мешал ему в этом. О помощи говорить не приходится.

— Тебя опасно оставлять одного, — услышал он голос Дарины.

Девушка вышла из начавшего рассеиваться круга зевак. Похоже, она все видела. Интересно, с какого момента? Хорошо, не стала вмешиваться — умная девочка.

Сергей пожал плечами:

— Бес попутал.

— Этот бес мог сломать тебе шею.

— Приятно твое беспокойство.

— Не хочу потерять работу и деньги, — ее глаза сузились. — Из-за чужой глупости.

Из-за твоей глупости!

— Кстати, о глупости, спасибо что напомнила.

Сергей быстрым шагом направился к комнате, возле которой и зародился конфликт. Мальчишка по-прежнему сидел на полу и старательно драил его тряпкой. Бадья стояла рядом.

— Ты куда? — донесся со спины возмущенный возглас Дарины.

Но Сергей ее не слушал. Он ворвался в комнату, будто намеревался взорвать ее изнутри. Человек с худым лицом и ухоженными усами воззрился на него, словно на грабителя. Отшатнулся. Запах трав здесь был почти непереносим. Посреди комнаты стояли два стола, сейчас пустые. Рядом, на небольших столиках, разные инструменты, иглы, нитки, какие-то баночки и прочий хирургический инвентарь. Под потолком яркий фонарь – надо думать, магического пламени.

— Прошу прощения, — заговорил Сергей, видя, что человек собирается кричать. — Тот мальчик, что моет пол, он ваш работник?

— Да, — неуверенный кивок.

— Он не виноват, что вода разлилась. Не наказывайте его.

— Добрый господин, а вам какое до него дело? — усатый нахмурился, приободрился.

— Просто не наказывайте его.

— Странная забота о Даннике. Но хорошо. В этот раз он избежал наказания.

— Спасибо.

Сергей развернулся и покинул комнату.

— Извини, надо было уладить одно дело, — сказал Дарине. — Ты нашла Сборщика, ведь так?

— Конечно, нашла, — в голосе девушки слышалась не то обида, не то недовольство. Что ж, ее можно понять. — Он ждет нас. Надеюсь, еще ждет... Идем.

Они прошли по коридору, свернули в какое-то узкое ответвление. Здесь с покачивающихся стен свешивались лохмотья пыли и паутины, а под ногами что-то хрустело. Сборщик ждал в небольшой комнате без окон. Даже не комнате – камерке, отгороженной от прочих помещений плотными шкурами. Он стоял к вошедшим спиной: высокий, худой, в длинном кожаном плаще с капюшоном, сейчас откинутом. Кроме простого деревянного стола и стула другой мебели в комнате не было.

— Что вам? — спросил он, не оборачиваясь. — У меня мало времени.

— Вы знаете, кто доставлял тело господина Здебора Вятича в Дом Исцеления? — спросила Дарина.

— Об этом вам никто не скажет, — Сборщик обернулся. Бледное лицо с острыми, выдающимися вперед скулами, пронзительные черные глаза, будто вовсе без зрачков.

— Тогда хотя бы, где его нашли?

— Его нашли к северу от Дома Жизни. В районе центрального Могильника. Но ранен он был не там.

— А где?

Сборщик пожал плечами:

— К Могильнику его притащили.

— То есть убийство произошло не там?

— Не знаю.

— Он что-нибудь говорил, когда его нашли?

— Нет.

— Может быть, у него что-то было с собой. Что-то необычное...

— Нет.

— Кто-то может проводить нас на место, где его нашли? Это очень важно.

— Нет.

— Какие-то следы магии поблизости?

Сборщик ненадолго задумался:

— Нет.

Сергей закатил глаза. Очень информативные ответы, ничего не скажешь.

— А нет ли чего необычного на улицах? — спросил он, улучив момент, пока Дарина думала над следующим вопросом.

Сборщик вопросительно поднял брови.

— Большие желтые глаза с вертикальными зрачками. В темноте. Только глаза, будто тел нет.

Лицо Сборщика вытянулось. Он сглотнул, но быстро взял себя в руки.

— Откуда вам известно о них?

— Неприятная встреча.

Сборщик задумался.

— Это не просто глаза, они управляют мертвыми, — отдельно проговорил Сергей.

Сборщик обошел стол кругом, сел на стул. Его пальцы нервно подергивались.

— Расскажите, что вам известно о них, — сказал он, наконец. Его глаза сделались мутными.

— Почти ничего. Они появляются только в темноте, боятся света. Глаза принадлежат тварям, похожим на больших рогатых собак. Я их видел уже дважды. Первый раз — в вонючих бедных кварталах. Второй раз — в имении господина Вятича. В имении обладатели желтых глаз вызвали к жизни Воскрешенного. Только странного... — Сергей посмотрел на Дарину, ожидая, что она перехватит нить его объяснений.

Девушка хмурилась, ее взгляд блуждал где-то в складках пыльных шкур.

— Странного Воскрешенного... — с нажимом повторил Сергей и тронул Дарину за руку. Та вздрогнула, будто вырванная из крепкого сна.

— Да, — кивнула поспешно. — Он был сильнее, чем обычный выходец из подвалов Дома Жизни. Но даже не это главное. У него осталась свобода воли. Он самостоятельно принимал решения. Не знаю, возможно, он действовал в каких-то рамках, но выглядело это... — она замолчала, подбирая слово.

— Выглядело это, как будто эта тварь может думать, — закончил за нее Сергей. Несмотря на то, что с ходячими мертвецами он встретился совсем недавно, разницу между обычным зомби на улице и тем толстяком уловить успел. Сила и способность самостоятельно принимать решения не так бросаются в глаза, как взгляд: пустой и безразличный у обычных зомби, яростный и разумный у твари из имения Вятича.

— Они появились месяца четыре назад, — заговорил Сборщик. — Ничего опасного — только глаза в темноте. Обернешься, их уже нет. Рассказни нищих, пьяниц мы в расчет не брали. А зря. Со временем глаза встречались все чаще. Они следили за нами, но не приближались вплотную. Выдавалась редкая ночь, чтобы в темноте какой-нибудь подворотни или из темного угла не пялились желтые шары с вертикальными зрачками.

— Холод, — резко прервал его Сергей. — От них исходит холод?

Сборщик задумался.

— Не знаю. Я не встречался с ними вплотную. А те, кто встречался, — уже ничего не расскажут.

— Почему?

— Они мертвы.

— Что случилось?

Сборщик резко поднялся, вышел из-за стола.

— Мне надо идти. Работа. Некоторые из нас не вернулись из поиска. Некоторых мы нашли, другие пропали без следа. Сборщики всегда находились вне конфликтов. Мы — санитары любого города. Но теперь что-то изменилось. Ни один из нас не чувствует себя в безопасности, выходя в поиск. Возможно, все дело в простых совпадениях — и мои братья стали жертвами грабителей. Возможно. Не знаю. Но мой вам совет, — он почти уже покинул каморку, но развернулся за порогом, — увидите в темноте желтые глаза — бегите.

— Спасибо за совет, — сказал Сергей. — Но мне кажется, нам это уже не поможет.

— Сочувствую. Тогда мы обязательно скоро встретимся. Вы и кто-то из Сборщиков. Мы придем забрать ваше тело.

— А вы сообщили о смертях Сборщиков Большому Собранию? — спросила Дарина.

— Да. Они приняли к сведению. Попробуйте поговорить еще с кем-то из братьев, но не думаю, что узнаете больше.

— А кто знает больше? — спросил Сергей.

— Наверняка — никто, — усмехнулся Сборщик. — Можете обратиться к Большому Собранию. Вдруг они что-то выяснили. А можете сходить в Наслаждение Болью. Я бы начал со второго места. Тем более непонятно, куда опаснее идти...

Где-то за пределами пыльного закутка, завешанного тяжелыми шкурами, раздался нарастающий вой толпы. Схватки на арене шли своим чередом. И, похоже, у Сборщика сегодня будет немало работы.

Сделай первый шаг – и ты поймешь, что не все так страшно.

(с) Сенека Луций Анней

Сергей проснулся от того, что кто-то планомерно долбил его по голове. Раз за разом вгонял в череп гвозди. Удар – гвоздь пробивает кость. Еще удар – острие протыкает мозг, входит в податливую массу. Еще удар – шляпка расплющивается, не выдерживая силы бьющего.

Что такое?

Сергей пошевелил головой. Такое ощущение, будто гвозди в ней еще торчат, но неведомый молотобоец отошел в сторону, продолжил работу со следующим объектом.

Он лежал на стопке старых покрывал возле камина. Огонь догорел – и теперь в темноте черного зева неуверенно тлели последние искры. Сергей на ощупь добрался до камина. На полу должны остаться дрова. Он это отлично помнил. Спустя минуту поисков рука нащупала поленья. Победа! Вскоре огонь в камине заиграл с новой силой, с удовольствием набросившись на предложенное угощение.

Сергей сел на полу, подпер голову руками. После разговора со Сборщиком они вернулись обратно, в лачугу–склад, затерянную где-то в старых кварталах Москвы. Дорогу он запомнил плохо, но все же уже мог более–менее ориентироваться. Почти все время, пока шли, молчали. Молчали оба. Погруженные в свои мысли. Ни у кого не возникало желания завести разговор, обсудить услышанное. По крайней мере, так показалось Сергею. Дарина выглядела озадаченной. Похоже, она рассчитывала получить иную информацию. Обладатели желтых глаз с вертикальными зрачками не вписывались в ее планы. Что ж, Сергею именно они казались наиболее важным звеном в расследовании смерти господина Вятича. Появление тварей в подвале имения мага просто не могло быть случайностью. Они явно кого-то ждали. И дождались, а как следствие – выпустили погулять толстопузого мертвяка.

Сергей передернул плечами. Вид ощеренной морды с гноящимися глазами до сих пор заставлял ежиться. И как только местные могут сосуществовать рядом с чем-то подобным? Только подумать – зомби–рабочие. И какое больное воображение родило идею использовать трупы в качестве рабочей силы?

Они же трупы! Мертвые!

Сергей осмотрелся. В лачуге никого нет, кроме него. Странно. Пора бы Дарине уже вернуться. Девчонка сопровождала его сюда, потом немного посидела, как в воду опущенная, — и вдруг вскочила на ноги, засобиравшись куда-то идти. Ему, конечно же, ничего не сказала, но выглядела рассеянной. Как бы чего не случилось. Обещала обернуться быстро.

Сергей сощурился. Теперь понятно, кто загонял ему в голову гвозди – на улице шел сильнейший ливень. И как бы не с редким градом. В сплошном шелесте дождя то и дело слышалась жесткая канонада по худой крыше. Крыша текла. Сразу в нескольких местах. Причем потоки воды, заливающие лачугу, вполне могли устроить здесь небольшой бассейн. Или хотя бы болото. Пока же вся вода уходила через щели в полу.

По такой погоде Дарина вряд ли вернется. Возможно, именно ливень ее и задержал.

Сергей встал, потянулся. Тело отозвалось ноющей болью. То ли усталость, то ли

последствия побоев. Очень болела челюсть. В голове неотвязно крутились какие-то слова. Сон – не сон... Черт знает. Что-то навязчивое, но вроде бы важное. Будто кто-то что-то говорил. Вот только что? Сергей тряхнул головой, помассировал виски. Все бы ничего, но ощущение того, что упустил нечто важное, не отпускало.

Сергей наклонился к кувшину с бульоном. Вроде бы там еще что-то должно остаться. Вдруг равномерный шум дождя разорвался пронзительным воплем. Сергей чуть не подпрыгнул на месте. Крик повторился – нет, это не может быть галлюцинацией. Кричали где-то совсем рядом. Причем кричала женщина.

Сергей, по пути опрокинув кувшин, бросился к двери. Сердце пустилось в пляс. Он даже не стал одеваться – выбежал, как был, в одной набедренной повязке. Упругие, тугие ливни ударили в лицо. После тепла лачуги дождь показался обжигающе ледяным. Сергей сжал зубы, прислушался. Снова крик – но на этот раз отрывистый, будто кому-то пережали горло. Или разорвали...

Несколько первых шагов – еще необдуманных, на одних эмоциях. Ночь озарилась белым светом – длинная, ветвистая молния пролегла через все небо. И через секунду мир раскололся раскатом грома. В такую ночь добрый хозяин собаку на улицу точно не выгнал бы. Только всякие идиоты выскакивают, не успев надеть штаны.

И все же он не развернулся. Холод уже окутал тело сплошной колючей пеленой, а вода била по лицу и глазам, не давая нормально рассмотреть что бы то ни было даже в пяти метрах. Сергей запомнил направление, оттуда доносился крик, и теперь шел туда. Настырно и как мог быстро.

Под ноги попадались острые камни, куски дерева, какой-то металлический мусор. Приходилось ступать осторожно. Днем, когда он был в сапогах, местные улицы показались Сергею куда более гостеприимными.

Впереди замаячили очертания каких-то строений. Черные квадраты на фоне темного, расплывающегося ничто. Над головой прокатился новый разряд молнии, на мгновение осветивший ближайшие окрестности. Так и есть – скопление полуразрушенных домов. В них и днем-то соваться себе дороже, того и гляди – не выдержат гнилые балки, рухнет крыша или провалится пол. А сейчас...

Дождь стремительно стихал. Из мирового потопа превращаясь в назойливую изморось. Зубы Сергея стучали, зато ступни уже не ощущали холода. Они вообще ничего не ощущали, полностью онемев.

Из одного из домов Сергею почудился громкий шорох. Медленно, на цыпочках, он двинулся на звук. Несмотря на литры проглоченной только что дождевой воды, в горле пересохло. Темнота таилась, выжидала, казалось, скрывая в своих недрах сонмы голодных тварей. Они ждут, они видят добычу. Еще шаг, еще ближе. Еще чуть-чуть. Сергей кожей чувствовал присутствие чего-то потустороннего. И это ощущение ему не нравилось. Лучше бы все это оказалось игрой воображения. Лучше бы...

Шорох повторился. На этот раз неведомая тварь задела что-то внутри дома, опрокинула какую-то посуду. Шорох сменился звоном битых тарелок и прочих крынок. Кто-то гулко протопал из одной комнаты в другую – и вернулся.

Сергей стоял у раскрытой настежь двери. Ступени, ведущие на низкое крыльцо, прогнили и провалились. Взявшись за пошатывающиеся перила, Сергей ступил на первую ступень – с самого края, где доска казалась покрепче. При этом он не отводил взгляда от темнеющего дверного проема. Тепло уже разливалось по венам. С каждым разом волшебство

давалось ему все легче. Разум будто адаптировался к новому телу и тем знаниям, что неведомыми символами мельтешили перед внутренним взором.

Он каждое мгновение ожидал увидеть светящиеся желтые глаза. Но темнота надежно хранила свою тайну.

Сергей вошел в темные сени дома. Замер, прислушиваясь. Казалось, стук собственного сердца заглушает все иные звуки, но нет. В глубине дома что-то двигалось, пыхтело и чавкало.

Сергей сглотнул сухую горечь. Идти и дальше в полной темноте – полное безумие. Еще шаг – и он сойдет с ума от демонов, рожденных собственным сознанием.

Жар в крови разорвал тонкие стенки сосудов, вспорол кожу, выплеснулся наружу парой огненных всполохов. Подобно северному сиянию они растянулись по комнате, дрожа и переливаясь. В алеющем свете он разглядел ту тварь, что продолжала чавкать, несмотря на вспышку и появление на пороге незваного гостя. В порядке захламленной комнате, среди переломанной мебели и остатков валяющегося на полу шкафа, лежал труп женщины. Рваные лохмотья плохо скрывали тщедушное грязное тельце, вокруг которого расплылась черная, маслянисто поблескивающая лужа. Над несчастной сидело нечто, напоминающее человека. На твари не было никакой одежды. Красно-коричневую кожу покрывали многочисленные язвы и трещины. В некоторых местах трещины разошлись, обнажив ярко-красную плоть с желтыми вкраплениями не то жира, не то какой-то непонятной дряни.

Тварь смотрела на Сергея исподлобья, щурясь. При этом она одной рукой тянула внутренности из развороченного живота женщины, а второй старательно запихивала их себе в рот. По подбородку существа текла кровь вперемешку с густой слизью. Длинные капли растянулись до самого пола.

— Ты еще что за сволочь? — тихо проговорил Сергей.

Не выпуская тварь из поля зрения, он шагнул вперед. Существо зарычало, припало к трупу, обхватив его руками-лапами с короткими пальцами, каждый из которых увенчан кривым когтем. Оно не казалось сильным. Отталкивающим, омерзительным, но не опасным для взрослого человека. Слишком худое, слишком напуганное. Возможно, женщина спала, когда тварь на нее напала.

— Пошел вон! — прикрикнул Сергей и бросил в вущество куском ножки от стула.

Кусок дерева попал твари в голову. Та ощерилась, зашипела, показав ряд желтых кривых зубов, но с места не сдвинулась.

— Ну, как хочешь, — в тон ей проговорил Сергей.

Он уже чувствовал, как магический жар обретает форму. Главное – ударить точно, не повредив тела несчастной женщины. Ни к чему уродовать ее еще больше.

Тихий скрип заставил обернуться. На лестнице, всего в двух-трех метрах от Сергея, замерла еще одна тварь – такая же, как и та, в центре комнаты, что продолжала сверлить его ненавидящим взглядом. Существо передвигалось на четырех конечностях, припадая к самому полу. Поняв, что обнаружено, — бесшумно бросилось в атаку.

Сергей успел отшатнуться в последний момент. Тварь метила в горло. Кривые когти готовились изодрать податливую плоть в клочья, но всего лишь полоснули по левому плечу. Брызнула кровь. Существо ловко перекатилось по полу, опрометью метнулось обратно, не на Сергея – к двери, будто заранее предполагая возможность отступления противника. Противника ли? Скорее – добычи.

Сергей окинул комнату затравленным взглядом. Во все еще алеющих всполохах она

выглядела так, будто на потолке, на стенах, на полу, на всех истлевших предметах мебели – везде была кровь. Она текла, собиралась в сгустки, подрагивала тонкой пленкой на сквозняке.

Между тем тварь, что сидела возле женщины, начала двигаться. Она бесшумно перетекла через труп, ступила в черную лужу, растекшуюся под телом. Оставляя за собой следы, двинулась к Сергею. Второе существо последовало ее примеру, стало заходить от двери. Их глаза горели голодным блеском, челюсти беспрестанно двигались. Мягкие шаги. Мягкие движения. Не человеческие – кошачьи.

Можно попытаться выскочить в окно. Плевать, что закрыты ставнями, — вряд ли выдержат. Стекол нет. Но что потом? Вряд ли существа позволят ему так просто уйти.

Жар полыхнул в груди, разлился по венам. Злость раздувала пламя магической силы. Он не станет бегать. Не от этих тварей.

Существо, крадущееся от двери, замерло – и прыгнуло. Тощее тело взвилось в воздух, выставило перед собой когтистые руки. Сергей замахнулся правой рукой, выбросил ее в направлении твари, одновременно раскрывая ладонь. С пальцев будто огненные капли брызнули. Яркие и раскаленные, они попадали на кожу, тут же прожигая в ней черные туннели. Но существо это не остановило. Оно даже не пискнуло – налетело на Сергея разъяренным вихрем. Не устояв на ногах, он рухнул на пол. Под ним что-то хрустнуло. В раненое плечо впились зубы, когти полоснули по груди.

От твари воняло мертвечиной. Воняло так, что тошнота подступала к горлу. Еще немного – и его вывернет наизнанку. Голова кружилась. То ли от болевого шока, то ли от вони. В ноге родился новый комок боли. Зажатый будто в тиски, Сергей отчетливо понимал: еще немного – и его сожрут заживо. Отчаяние придало сил. Мысли заработали слаженно, выискивая из десятков мельтешащих перед глазами фигур, нужную.

И снова жар хлынул по рукам. Но на этот раз его проявление не ограничилось неопасными сияющими всполохами. Кулаки сжались сами собой, а еще через мгновение превратились в пару охваченных огнем факелов. С губ Сергея сорвался отчаянный рык – боль затуманивала сознание. Хотелось кричать, хотелось выть.

Он наотмашь саданул по морде сидящую на груди тварь. Та рыкнула, дернула головой – и тут же горящий кулак человека врезался ей в раззявленную пасть. Пламя сделалось еще злее. Воздух наполнился едким запахом горячей плоти. Существо взвыло, кубарем покатилося по полу, оставляя за собой удушливый дымный след.

Вторая тварь замерла, провожая взглядом отвалившуюся товарку. Грязные когти глубоко врезались Сергею в бедро, окровавленная пасть полураскрыта. Он с силой оттолкнул тварь все еще горячей ладонью. Существо отпрянуло, но отступать не собиралось, тут же снова припав к полу.

Последние барьеры, сдерживающие океан боли, прорваны. Сметены напрочь, будто их и не было. Левая рука повисла безжизненной плетью, бедро кровоточит так, что впору подставлять ведро.

Налились огненной жизнью сияющие всполохи. Воздух раскалился. Тварь, наглотававшая жидкого огня, каталась по полу и отчаянно молотила себя руками по тлеющей голове. Кожа с нее уже облезла, глаза лопнули и вытекли, а плоть рассекали змеящиеся огненные змейки. Тварь глухо завывала, но с каждой секундой ее движения становились все менее активными. Второе существо прыгнуло на Сергея, но уже в воздухе постаралось изменить траекторию полета, остановиться. Не вышло – и без того обожженная

морда врезалась в истекающую пламенем ладонь. Зашипев, тварь отскочила прочь, метнулась к трупам женщины.

Сергей затушил факелы вокруг запястий и, тяжело дыша, поднялся на ноги. В комнате дерево кое-где уже начинало заниматься пламенем. Висящие в воздухе всполохи дрогнули, начали растягиваться, тянуться к обеим тварям. Но если одна уже почти не двигалась, то вторая отчаянно металась, пытаясь избежать смертоносной стихии. Она то бросалась к трупам, вцеплялась в него зубами, начинала с ожесточением драть когтями, то начинала бегать кругами, рвалась от двери к окну. Но завеса ревущего ослепительно-жёлтого огня неизменно перекрывала ей путь. В конце концов, совсем обезумев, тварь метнулась к дверному проему. Пара узких всполохов, точно пара плетей, сверкнула в дрожащем воздухе. Ноги и одна рука существа отделились от тела. Тонко взвизгнув, тварь грохнулась на пол.

Сергей попытался унять вызванную им стихию, но в голове мутилось. Потеряно слишком много крови. Пламя вот-вот выйдет из-под контроля. Надо уходить, пока не поздно. Взойти на костер, разложенный собственными руками, — нет уж, увольте.

Чуть не растянувшись от резко накатившей дурноты, он поднял отсеченную руку второй твари. Само существо настырно продолжало двигаться к спасению — скоблило когтями по полу, стараясь подтянуться единственной оставшейся рукой.

Сергей, из последних сил сдерживая огненные всполохи, доплелся до двери, кое-как спустился по ступеням на улицу, рухнул в грязную лужу, оставшуюся после дождя. За спиной полыхнуло. Во все стороны полетели снопы искр. Жар сделался почти нестерпимым. Но теперь уже не страшно — дождь не даст обуглиться. А ожоги... заживут.

Он полз, не особенно понимая, в каком направлении. Прохлада ночного дождя немного прояснила голову, но ненадолго. Вскоре он стал выпадать из реальности.

И почему магия ставит его самого на край бездны? Уже не в первый раз.

Где-то рядом послышались шаги. Торопливые. Его резко перевернули на спину. Тело зашло в судороге, из горла вырвался хриплый стон.

— Да что же с тобой делается?! — в голосе Дарины звучали беспокойство и возмущение. — Зачем ты туда полез? А это еще что?! — она вытащила из его руки сохранный трофей. — Где ты это взял?

— Там, — только и смог пробормотать Сергей. — Услышал крик. Думал, на тебя напали. Вышел помочь.

— Помог? — она говорила с какой-то непонятной горечью.

— Не успел. Они убили ее. Но я убил их.

Капли дождя падали на лицо. Боль отступала все дальше. Тело стало легким, невесомым. Только почему-то тяжелела голова.

— Делай что хочешь, а надо встать и идти, — зло сказала Дарина, пытаясь приподнять Сергея. — Помогай мне, я тебя не дотащу.

И он помог. По крайней мере, ему показалось, что он смог подняться. Неуверенно, будто во сне. Но сознание не особенно отметило этот факт. Следующее воспоминание, которое он смог более-менее сформировать в мыслях: что-то мокрое и противное на лбу, дощатый потолок и алые блики на темных стенах. Они все же добрались до лачуги. Победа.

А потом была лихорадка. Или горячка, или черт знает, как оно называется. Сергей ненадолго приходил в себя. Иногда в поту, иногда дрожа от холода. Иногда его мучила страшная жажда, иногда тело выворачивало жестокими судорогами, рождающимися в животе. Но большую часть времени он плавал в тягостном, липком ничто. Больному телу —

больные образы. Они приходили, чтобы снова и снова терзать его разум. Живые мертвецы тянули к нему свои руки, их когти впивались ему в кожу – и по венам начинала бежать черная, загнивающая кровь. Горбатые твари с желтыми глазами ходили рядом, что-то вынюхивали, чего-то ждали. Они не боялись, чувствовали себя хозяевами. От них исходил холод – мертвенный холод вечных снегов. Но никакой чистоты в них нет. Холод мог убить, мог лишить воли, расколоть тело на части. В гнетущей темноте витали неосязаемые призраки. Они что-то шептали, что-то спрашивали, что-то хотели услышать. Но Сергей не мог разобрать слов в сплошном шелесте их голосов. Правда, их это не останавливало. Они продолжали говорить, пока сознание не взрывалось от сводящего с ума шепота.

Наверное, прошел не один день, пока организм справился с болезнью. Сергей проснулся оттого, что просто выспался. Он не ощущал ни жара, ни холода. Только голод. Страшно хотелось есть. Приподнялся на локтях – тяжело, тело заметно обессилело. Он лежал у знакомого камина. Рядом стояли какие-то плоские. Некоторые плотно закрытые, другие открыты. Мази, настойки, сухие травы.

Через всю грудь проходила свежая, чистая повязка. Такая же повязка на бедре.

— Сходил за хлебушком, — проговорил сам себе.

Он осмотрелся. Рядом, свернувшись калачиком, спала Дарина. В длинном простом платье с разрезами до бедер. Ее волосы спутались, а в руках она зажала кусок бинта. Лицо выглядело спокойным и умиротворенным. Хотя и немного осунувшимся.

Это что же, девушка все это время за ним ухаживала?

Стараясь не шуметь, Сергей попытался встать. Опираясь на руки, сел – и тут же зажмурился. Перед глазами замелькали черные мошки, комната пошла кругом. На лбу выступила испарина. Тяжело дыша, Сергей откинулся на жесткую подушку.

Дарина вздрогнула, резко поднялась. В заспанных глазах еще плавали тени недавних снов.

— Извини, разбудил, — сказал Сергей.

— Как себя чувствуешь?

— Есть хочу.

— Это хорошо, — улыбнулась девушка. — Ну и напугал ты меня, Сергей. Думала, не выживешь.

— Сам напугался, — усмехнулся тот. — Ты забрала руку, которую я вытащил из дома? Я же ее вытащил?..

— Не переживай. Ею занимаются адепты Золотых башен. Очень странная рука. Но скорее всего, принадлежит Воскрешенному.

— Вам, конечно, виднее, но эти твари чуть не загнали меня в угол. Действовали слаженно, с умом. И вообще мне кажется, что это была ловушка.

Дарина нахмурилась. Не верит? Ничего удивительного. Сергей и сам не особенно верил себе. Но параноя продолжала развиваться, разрастаясь подобно поднимающемуся тесту.

— Держи, только осторожно – горячо, — Дарина протянула Сергею глиняную миску с густым, наваристым бульоном, в котором плавали небольшие кусочки хлеба.

Сергей снова попытался сесть. На этот раз медленно. Голова кружилась, но несильно.

— Спасибо, — проговорил он. — А тела этих тварей нашли?

— Нет, — девушка покачала головой. — Пока нет.

— Почему?

— Нечего искать, — Дарина поднялась, прикрыв глаза, потянулась. — Не знаю, что ты

там сотворил, но дом выгорел дотла. До фундамента, даже камень оплавился. Если бы не дождь – выгорел бы целый квартал.

— Вдруг все же что-то уцелело? Кости?

— Я долго искала место, где меня никто не станет искать, — глаза Дарины сузились. — Я его нашла. И не собираюсь рассказывать о нем никому. Даже Малому Собранию. С них достаточно и руки.

— И они не спросили, откуда она?

— Спросили. Я сказала, что ты принес – избитый и расцарапанный. Сейчас лежишь без сознания.

— А ваши зомби... – Сергей замотал головой. — Воскрешенные. Они никогда ни на кого не нападали?

— Нет, ты что. У них нет такой потребности. Только выполняют команды. Несложную работу.

— И никогда не было срывов?

— Нет. Сергей, пойми, они мертвы: не думают, не чувствуют.

— А те твари чувствовали, — Сергей отставил опустевшую миску на пол. — Чувствовали боль. Мне так показалось.

Дарина пожала плечами.

— Отличные работники по низкой цене? — спросил Сергей. Поев, он почувствовал себя гораздо лучше. С выпитым бульоном по телу растекалось приятное тепло и силы.

— Кто тебе это сказал? Далеко не все способны скопить достаточно денег на покупку помощника из Дома Жизни. К тому же каждый Воскрешенный нуждается в особом уходе. И чем он старше, тем сложнее становится содержать его в приемлемом виде.

— Гниет что ли?

— Да, процесс разложения продолжается. Замедляется, но не останавливается. Иногда таких работников перепродают за половину или даже четверть от начальной стоимости. Их используют на тяжелой работе, вдали от людей.

— А как же договор? Ведь по нему человек даже после смерти может помогать своим родственникам.

— Сам придумал? — усмехнулась Дарина. — При заключении договора действительно выплачивается небольшая сумма. С этих пор тело человека, после его смерти, полностью принадлежит Дому Жизни. И только он решает, кому его продать после воскрешения.

Сергей почесал затылок.

— Но ведь мертвецов должно быть много. Откуда такие цены?

— Поднимаются далеко не все. Процесс долгий и сложный. Основная часть обрабатывается особым образом и захоранивается в Могильниках.

— И что там делал господин Вятич?

— Не знаю. Могильники – вотчина адептов Дома Жизни и Дома Исцеления. Маги туда не ходят.

— Почему?

— Не принято. Кроме того Могильники защищены множеством заклинаний. Некоторые из которых... неприятны, что ли, адептам Золотых башен.

— И все же он туда пошел. Сам. А мы можем осмотреть эти Могильники? Нам нужен центральный. Так?

— Так. Только пока мы не знаем точного места, нам должно очень сильно повезти,

чтобы наткнуться на его следы. Тем более – дождь.

— Что же делать? Обратиться к магам? В конце концов, я... то есть господин Вятич – один из них.

— Нет – это опасно. Мне показалось, в Малом Собрании не все спокойно. Не стоит просить у него помощи. Тем более, они для того меня и наняли, чтобы я отыскала следы – не они.

— Темные дела у вас творятся. Никому нельзя доверять.

— Темные, — вздохнула Дарина.

Девушка стояла, облокотившись на один из столов – и Сергей то и дело ловил себя на том, что откровенно пялится на ее ноги. В высоком разрезе они смотрелись очень притягательно. Он глубоко вздохнул. Только-только чуть не протянул собственные ноги, а туда же. Но как же хороша, чертовка. Впрочем, Дарина будто и не замечала его взглядов.

— Ты все еще хочешь идти со мной? — спросила она.

— Конечно! Спрашиваешь.

— Вдруг передумал. Хотя оставлять тебя одного опасно. Это мы уже проверили.

— Куда мы пойдём?

— В Наслаждение болью.

Сергей помнил это название. О нем говорил Сборщик.

— Что это?

Дарина загадочно улыбнулась.

— Я была там всего раз. Уже давно. Место странное. Опасное. Я бы ни за что не пошла туда снова, если бы оставался другой способ узнать о смерти Вятича. Но другого способа я не вижу.

— Нас там ждут?

— Да. Мне удалось договориться об аудиенции, — лицо девушки перекошилось, словно она надкусила кислый лимон.

— Тебя что-то беспокоит?

— Да. Слово Госпожи твердо, но изменчиво. И это пугает меня.

— Госпожа? Ее так зовут?

— Она так себя называет.

— И когда нас ждут?

— У тебя есть три дня, чтобы набраться сил.

Жизнь – это непрерывный праздник. Но не всегда твой.

(с)

В воздухе стоял густой запах сырой рыбы и тины. Казалось, рыбой здесь провоняло все: камень под ногами, деревянные балки и поручни, канаты, парусина. Сергей даже умудрился нацеплять на себя рыбью чешую. Причем непонятно где. Вроде бы шел аккуратно. И, тем не менее, в свете огромной луны, лениво ползущей над горизонтом, он видел на рукавах собственной куртки тускло поблескивающие чешуйки.

Плевать, не до них. Куда важнее смотреть по сторонам. В крадущихся вдоль улицы тенях ощущается угроза. Там никого нет. Сергей знал. И все же не мог избавиться от преследующего его чувства опасности. Он то и дело резко оборачивался на малейший шум, на каждую иллюзию движения.

Даже Дарина, идущая рядом, напряжена, точно натянутая струна. Не показывает вида, но Сергей уже успел немного изучить ее: сощуренные глаза, сжатые в кулаки руки, полнейшая собранность. Она больше не выглядит той беззащитной девчонкой, какой показалась ему недавно – три дня назад, одетая в длинное платье с разрезами. Теперь Дарина превратилась в опасную хищницу, вышедшую на охоту.

Они шли по каменной набережной, и влажный ветер обдувал им лица. Он же приносил негромкие звуки набегающих волн и поскрипывание деревянных судов, оставленных за спиной. От набережной дальше, в бухту, убегали деревянные мостки. На одном из них Сергей заметил сидящего человека. То ли моряк, то ли работник порта – он сидел, не шелохнувшись, уставившись на луну.

Сергей тронул Дарину за руку, указал на человека. Девушка только отмахнулась, кивнула вперед. Там ровная набережная теряла свои правильные очертания и переходила в нагромождение больших камней. Настоящих валунов. Странно, что их до сих пор не раскололи и не растащили на стены или фундаменты. Из тени валунов вышли двое. Замерли в молчании.

— Воняет тут, — проговорила Дарина, остановившись в паре метров от молчаливой парочки.

— Ветер с воды – всегда вонь, — отозвался приглушенный мужской голос.

— Есть чем смочить горло?

— Только козляная моча. Но холодная.

— Подойдет.

«Что за бред?» – думал Сергей.

— Спокойно, не шевелитесь, — послышалось из-за спины. — И оборачиваться не надо. Оружие при себе есть? Сдаем скорее.

Сергей только развел руками. Дарина выудила из широких рукавов несколько метательных кинжалов. Еще пара кинжалов показалась из голенищ сапогов.

— И это все? — поинтересовались из-за спины. — Обыскать.

Их обыскали – не особенно церемонясь, но и не наглея.

— Пустые.

— Вам завяжут глаза, — продолжал невидимый голос. — Впереди вас ожидает небольшое путешествие. Отказаться можно, но только сейчас. Потом будет поздно.

— А что будет потом? — спросил Сергей. Он почти физически ощутил, как напряглась Дарина. Да уж, с вопросами надо быть аккуратнее.

— Ничего не будет...

В спину Сергея уперся острый металл.

— Вас убьют. Еще вопросы? Нет? Дивно.

Идти в полной темноте оказалось непросто. Мало того, что под ногами то и дело попадались камни, а вскоре началась длинная лестница со стершимися ступенями, так проводники не удосуживались даже предупредить о близких препятствиях. Сергей дважды чуть не падал, а раз ощутимо задел плечом за что-то острое. Судя по отрывистым репликам Дарины, она испытывала те же трудности. И все же они шли.

Запах рыбы и тины сменился удушливым смрадом гниющих водорослей. Звуки сделались более отчетливыми, появилось протяжное эхо. На пути вроде бы попадались другие люди, но Сергей не был уверен. Дважды ему казалось, что откуда-то сверху раздастся шепот, сыплется мелкая каменная крошка. А потом их ждала лодка и однообразные звуки опускающихся в воду и поднимающихся весел. Время потянулось медленно и тоскливо. Гребцы успели несколько раз смениться, прежде чем деревянное судно ткнулось во что-то твердое.

Наконец-то представилось возможность размять затекшие ноги. Но на этот раз идти пришлось недолго. Небольшой подъем, раскрывающиеся двери — судя по звуку, большие. От хлынувших в лицо звуков и запахов Сергей чуть было не задохнулся.

— Добро пожаловать в Наслаждение Болью, — проговорили рядом — и повязка с глаз исчезла.

Сергей зажмурился. Его толкнули в спину, понуждая идти. Когда глаза привыкли к свету, картина внутренних помещений таинственного заведения начала складываться. Вернее, пока только одного помещения.

Наверное, в основу Наслаждения Болью некогда были положены восточные гаремы, здесь доведенные до пика своей разнузданности и развращенности. По обе стороны от длинного широкого коридора, выложенного крупной плиткой, разместились многочисленные секции-комнатки, отделенные друг от друга полупрозрачными шторами. Некоторые шторы были задернуты, другие — открыты. Но даже закрытые мало что скрывали. Комнатки просвечивались насквозь, будто неведомый архитектор нарочно разбросал светильники таким образом, чтобы создать иллюзию одного, единого пространства. А шторы в этой иллюзии — не больше чем облака, воздушные и невесомые.

Сказать, что здесь занимались сексом, — не сказать ничего. Люди сплетались целыми клубками, где не разглядишь, кто кого имеет. Мужчины и женщины, отринув стыд, со всей страстью и неистовством отдавались совокуплению. Стоны и крики сливались в невообразимую какофонию, в которую вплетались тонкие мелодичные звуки каких-то струнных. Но самих музыкантов нигде не видно. От запаха благовоний кружилась голова, становилось трудно дышать. Впрочем, Сергей не поручился бы, что в воздухе не кружится след какого-нибудь наркотика.

Сергей ощутил напряжение ниже пояса. Увидел ухмылку одного из провожатых. Мужчина средних лет, с аккуратной бородой с проседью, кивком указал на ближайшую оргию. Совсем небольшую. В ней женщина, молоденькая, вряд ли ей исполнилось больше

шестнадцати, старательно удовлетворяла сразу троих мужчин.

— Нравится? — спросил бородатый.

Сергей выдавил кривую усмешку, пожал плечами.

— Если Госпожа вас не убьет, то может позволить один бесплатный сеанс. Хочешь — возьми свою подружку. Хочешь — без нее, — он обернулся к Дарине. — Тебя это тоже касается, милашка. Хороший член любой бабе поднимет настроение. А то ты совсем загрустила, смотрю.

— Благодарю. Буду иметь в виду, — лилейным голосом проговорила Дарина. Но Сергей уловил в ее словах тщательно скрываемое отвращение.

— Идемте. Госпожа ждет. Тем более это, — бородач обвел похотливым взглядом совокупающихся людей, — только начало.

Сергей посмотрел на Дарину, но та даже не взглянула в его сторону.

Они быстрым шагом шли по коридору. Но каково же было удивление Сергея, когда первое помещение, заполненное стонами и криками, сменилось другим. Здесь царил приглушенный свет, а секции-комнатки имели уже настоящие стены, пусть и не очень толстые. Изменились и звуки. Во-первых, их стало значительно меньше. А во-вторых, откровенные стоны наслаждения уступили место крикам, больше напоминающим болезненные возгласы. Слышалось позвякивание чего-то металлического (цепей?), отрывистый свист рассекаемого воздуха, натужное поскрипывание и что-то еще, чего Сергей никак не мог определить. Тусклый свет нескольких факелов даже мельком не позволял выхватить происходящее за закрытыми дверьми, хотя в каждой из них имелось зарешеченное окошко.

Впрочем, Сергей и не старался что-то рассмотреть. Единственное, за что зацепился его взгляд, — за медленно выползающую из-под одной из дверей темную лужу. Густая жидкость, словно нехотя, просунулась под дверь, расплылась поблескивающей в свете факелов кляксой. Кровь. Много крови. Будто там, в небольшой комнате, только что перерезали горло живому человеку.

Ощущение мерзкой, липкой грязи на руках и лице, точно брызги крови попали на кожу, просочились в глаза и рот. Сергей непроизвольно сплюнул. Место ему не нравилось. Возможно, он ошибается, но вряд ли цена человеческой жизни здесь высока.

Следующее помещение встретило их гулом голосов и веселой музыкой. В большом зале стояли длинные деревянные столы и лавки, где сидели посетители Наслаждения Болью. Люди ели, выпивали, при этом вели себя довольно смирно и тихо. Никаких тебе громких выкриков, брани и тем более драк. Между столами и людьми ловко сновали полуголые официантки. На подносах дымилось мясо, пенились кружки с пивом, зазывно пахла желтокожая картошка. Под куполообразным потолком висел огромный круглый светильник с несколькими десятками больших, ярко горящих свечей. И чистота. Дощатый пол разве что не блестел.

Если бы не оставленные за спиной вместе взятые Содом и Гоморра, то этот зал вызывал бы самые благоприятные впечатления. Странно, почему не он расположился первым на дороге увеселения плоти. Или откровенный, свободный секс привлекает клиентов куда больше банальной еды и выпивки? Может быть...

На новоприбывших гостей посматривали, но не пристально.

К чему вся эта экскурсия? Неужели нет короткого служебного хода? В то, что местные хозяйка или особые клиенты (а их не может не быть) будут каждый раз проходить через

свалку голых тел и гудящую столовую, Сергей не верил.

Их вывели через узкую дверь, по обе стороны от которой застыли два здоровяка в набедренных повязках. Каждый из них вполне мог весить под полторы сотни килограммов – и это практически одних мышц, без раздутых жировыми отложениями животов. Небольшой коридор, винтовая лестница вниз, снова коридор. В конце концов, Сергей потерял ощущение направления.

Бородатый остановился возле массивной деревянной двери, усиленной толстыми стальными полосами.

— Просто совет, — проговорил он, обернувшись, — отвечайте, когда вас спрашивают. Молчите, пока к вам не обратились. И еще – Госпожа не любит долгих разговоров, — он протянул руку, взялся за сверкающее медью кольцо на двери. — Но если вы ей не понравитесь, она вас все равно убьет.

В лицо пахло жаром и запахом благовоний. Здесь, в самом сердце Наслаждения Болью, смешались все три небольших мирка, увиденных Сергеем и Дариной чуть ранее. По деревянному полу (впрочем, дерева почти не видно – кругом расстелены ковры с высоким ворсом) стелился прозрачный дымок. Он исходил из висящих прямо в воздухе небольших сфер, каждая из которых сплетена из тончайших золотых и серебряных нитей. На коврах много подушек самых разных форм и размеров. От совсем небольших – до целых толстых матрасов. Разноцветные, украшенные броской вышивкой. От потолка к стенам и полу свисают тончайшие занавеси. Они колышутся, сами превращаясь в дым. Золотистый свет исходит сразу отовсюду. Теплый, приглушенный, но неравномерный. Стены отступают в недосказанном полумраке, а центр комнаты освещен хорошо. Но свет не режет глаза.

И снова люди. Много людей. Десятка три, может, больше. Некоторые, устремив взгляд к полу, застыли по периметру комнаты. Молодые мужчины и женщины – обнажены. Их тела блестят, будто умащенные маслами. Первая ассоциация – невольники. Не забыты и подушки. На них восседают, возлежат, предаются радостям секса. Медленно, с подернутыми мутной поволокой глазами. Или, напротив, быстро – с яростным огнем во взгляде.

Сергей поморщился. Пожалуй, дымок может исходить не от простых благовоний. Наркотик? Как бы не потерять трезвость мыслей. Еще не хватало – «уплыть» в этом славном месте.

В тон легким, еле ощутимым дуновениям ветра откуда-то сверху доносилась музыка, сопровождаемая переливчатым пением птиц. Птицы? Здесь, глубоко под землей? Музыка несла вперед – к центру комнаты, к хозяйке Наслаждения Боли.

Она полусидела–полулежала на большом мягком кресле, которое впору назвать диваном. Высокая, стройная, очень бледная даже в золотом свете. Одеждой ей служили два плотных черных отреза ткани, туго стягивающих бедра и немалую грудь. На запястьях и лодыжках красовались тонкие браслеты, украшенные сверкающими камнями, на шее висела цепочка с массивным кулоном. Иссиня–черные волосы распущены и струятся по плечам густым водопадом, в котором нет–нет да промелькнет блеск драгоценного вкрапления. Госпожа была красивой. Простой наряд с минимумом украшений только подчеркивал ее красоту. Вызывающая, эффектная, властная. В каждом небрежном движении сквозила уверенность в себе, в окружающем мире – ее мире.

Сергей и Дарина медленно шли в направлении Госпожи. Кресло, на котором она полулежала, стояло на возвышении в виде ступенчатой пирамиды. На ступенях сидели те, кого Сергей окрестил про себя невольниками. Но в отличие от стоящих вдоль стен, на шее

каждого сидящего невольника закреплен золотой ошейник, от которого бежит тонкая цепь. Второй конец цепи теряется в небрежно разбросанных по ступеням подушках.

Вдруг Дарина вздрогнула, на мгновение замедлила шаг. Сергей успел заметить, как ее взгляд метнулся за спинку кресла. Там стояло двое. Абсолютно лысый здоровяк, с кривым, сломанным носом, со скучающим выражением лица, поигрывал тонким стилетом. Но внимание Дарины привлек явно не он, а не менее гладко выбритый тип, с хищным лицом стервятника и желтой кожей. Он был одет в белый балахон, длинный подол которого набросил на руку.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — глубоким грудным голосом проговорила женщина на кресле-диване. — Я – Госпожа. Вы хотели меня видеть?

Дарина преклонила колено. Сергей с небольшим запозданием последовал ее примеру. Как бы ему это ни нравилось, а они гости – и им следовать заведенным здесь законам.

— Меня зовут, Дарина, — сказала девушка. — Моего спутника – Сергей. Мы пришли просить помощи.

— Чем Госпожа может помочь вам?

— Информацией, — Дарина поднялась. — Мы расследуем убийство мага. Странное убийство. Возможно, ты что-то о нем знаешь.

— Возможно, — на лице Госпожи появилась плотоядная улыбка. — А скажи мне, девочка, почему я стану вам помогать?

— Мы заплатим.

— Заплатите? — Госпожа рассмеялась. — Посмотри вокруг, девочка. Ты думаешь, что сможешь предложить достойную цену?

— Думаю, да, — Дарина вытянула правую руку ладонью вниз, затем левой нажала на незрачный камешек на небольшом колечке безымянного пальца. Камень треснул – и из него брызнул тонкий сноп белого света, в котором медленно начали проявляться очертания... птицы? Да, это небольшая птица, вроде соловья. Только золотая. Прошло примерно полминуты, пока птица проявилась окончательно. Взмахнув крыльями, она зависла в воздухе.

Лицо Госпожи засияло, словно у девчонки, получившей новое платье.

— Ты хорошо информирована, — проговорила она и протянула руку.

Золотой соловей направился к ней. Сергей так и не понял – настоящий он или всего лишь иллюзия?

Госпожа взмахнула рукой – пение птиц и музыка стихли. Зато запел подарок Дарины. Его голос больше походил на звук, как если бы ветер колыхал тончайшие податливые струны какого-нибудь диковинного музыкального инструмента. Не голос птицы, но надо отдать должное – очень красиво.

Госпожа улыбнулась, легонько похлопала в ладоши, затем снова взмахнула рукой. На этот раз соловей поднялся к потолку, где и исчез. Комната снова наполнилась музыкой и птичьими голосами.

— Должна признать, ты меня удивила, — сказала Госпожа. — Какая тебе нужна информация?

— Ты что-нибудь знаешь об убийстве господина Вятича? Адепта Золотых башен, — спросила Дарина. Сергею показалось, что из голоса спутницы исчезло напряжение. Не все, но держаться Дарина явно стала увереннее.

— Что-то слышала, — чуть заметно кивнула Госпожа.

— Никаких подробностей?

— Никаких.

Дарина замолчала. Похоже, она надеялась услышать нечто иное.

— Это очень важно, — снова заговорила спутница Сергея. — В Москве творится что-то странное. Что-то, что может обернуться большой бедой.

— Девочка, я открыта перед тобой, словно книга, — широко улыбнулась Госпожа. — Но ты не сможешь прочесть в ней то, чего там нет. Мага убили, но мои люди не имеют к этому никакого отношения. О заказчике я тоже ничего не слышала. Согласна, магов теперь убивают нечасто. Но подумай: и мы люди, и в Золотых башнях тоже люди. Хоть и считают себя солью земли. У всех свои мечты и чаяния. Каждый сам выбирает пути к их достижению. Члены Малого Собрания мало что не свора голодных шакалов — готовы вцепиться друг другу в глотки. Начни с них. Наслаждение Болью тебе не поможет.

Дарина уставилась куда-то в сторону и вниз. В направлении ее взгляда тесно возлежали две голые девицы, время от времени поглаживая друг друга. Одновременно они с интересом рассматривали стоящих гостей. Но Сергей не поручился бы, что Дарина их вообще замечает. Одна девица, заметив взгляд Сергея, прикусила полную губу, поманила его пальцем. Ее подруга в притворном недовольстве нахмурилась, что-то прошептала. Первая девица вскинула брови, затем ее губы расплылись в улыбке. Решительным движением она пригвоздила подругу к полу, залезла на нее.

«Наверное, будет просить прощения», — подумал Сергей.

Все шло к тому, что встреча, окутанная секретностью и осторожностью, не принесет ровным счетом ничего полезного. Ну, хоть живыми уйти — и то хорошо, памятуя предупреждение бородача.

— Что-то еще? — спросила Госпожа.

— Нет, — проговорила Дарина. — Благодарим за аудиенцию.

— Приходите еще, — пожала плечами Госпожа. — А хотите — можете задержаться. В качестве компенсации. Наслаждение Болью выполнит любую вашу прихоть. Не сдерживайте свою фантазию.

Дарина поклонилась и уже развернулась, чтобы уходить.

— Скажи, Госпожа, — заговорил Сергей. — Когда лучше идут дела? Когда на улицах льется кровь и царит паника или когда горожане сладко спят в своих постелях?

Взгляд Дарины не говорил, он кричал, чтобы Сергей заткнулся, но он не собирался отступать.

— Зачем ты спрашиваешь? — тонкие брови Госпожи приподнялись.

— Затем, что вскоре Москву может захлестнуть волна убийств. Жестоких и кровавых.

— Это угроза?

— Нет. Пока это всего лишь предположение. Но если упустить время сейчас — потом что-то менять может быть поздно.

— О чем он говорит? — наморщила аккуратный носик Госпожа. — Дорогой, или ты все сейчас объясняешь, или...

— До тебя не могли не дойти слухи об исчезновении Сборщиков, — Сергей не полностью осознавал, что говорит. Все дни, пока он приходил в себя, пытался сопоставлять известные ему факты. Картина получалась размытой и невнятной, но кое-что начинало прорисовываться. Дело осложнялось еще и тем, что он все еще плохо представлял себе устройство нового для себя мира.

— Допустим... – Госпожа нахмурилась, подалась вперед.

Сергей в общих словах пересказал ей все то, что знал относительно исчезновения Сборщиков и учащения появления желтых глаз с вертикальными зрачками. Рассказал о собственной стычке с парой странных тварей, убивших женщину и пытавшихся расправиться с ним.

— А теперь представить, что завтра желтоглазые твари погонят на город голодных убийц, — закончил он свою речь. — Как это отразится на твоих делах?

Госпожа снова откинулась на спинку кресла, закинула ногу на ногу.

— Вьюн, — приподняла руку в приглашающем жесте. Человек в белом балахоне и с желтой кожей вышел вперед, склонил лысую голову. — Ты что-нибудь узнал?

— Пока нет, Госпожа, — прокаркал тот на ломаном русском. — Позвольте... – он понизил голос и что-то прошептал на ухо своей повелительнице. На лице той появилась задумчивая улыбка.

— Хорошо... – Госпожа, уже посерьезневшая, снова посмотрела на гостей. — Я растрогана твоим рассказом, но что он меняет?

Желтолицый снова отступил за кресло.

— Если ты не обладаешь нужной нам информацией сейчас, то можешь поднять своих людей на ее поиски, — сказал Сергей.

— А ты наглец! — в ее голосе прозвучал яд. После спокойного разговора изменение разительное. Госпожа перестала быть радушной хозяйкой, вмиг превратившись в смертоносную, готовую броситься в атаку кобру.

— Я не хотел обидеть тебя, — поспешил оправдаться Сергей. Шансы завершить переговоры миром стремительно таяли. — Это расследование позволит тебе самой подготовиться к возможному изменению ситуации в городе. А подготовившись, встретить ее с наименьшими потерями.

Госпожа смерила его странным взглядом. Словно рентген. Заглянула сквозь плоть, в самую душу.

— Как, говоришь, тебя зовут?

— Сергей.

— Кто ты? И почему до сих пор прячешь лицо? Мне это не нравится. Я сижу перед тобой – и ничего не прячу.

— После встречи с той парочкой и пожара в доме мое лицо выглядит не очень хорошо, — сказал Сергей. — Я никто. С недавних пор помогаю Дарине. Отрабатываю долг – она спасла меня от смерти.

Поверила или нет? Судя по выражению лица – не очень.

— Нашла его в сточной канаве с ножом в спине, — поддержала его Дарина. — Пришлось потратиться на лечение.

— Нашла в канаве... – задумчиво проговорила Госпожа. — Ближним надо помогать... предки будут довольны...

Желтолицый вышел из-за кресла и что-то снова прошептал своей хозяйке. Та кивнула.

— Твои слова заставили меня задуматься, Сергей, — уже спокойно проговорила она. — Но мне надо подумать. Недолго. Пожалуйста, располагайтесь, — она обвела рукой комнату. Затем, видя, что гости медлят, добавила: – Я настаиваю.

Сергей ухватил Дарину за руку, потянул за собой. Он углядел относительно свободное местечко среди редких подушек. Сидеть там пришлось бы почти на полу, но зато рядом

никто не пыхтит и не охает. Спутница не протривилась, но с ее лица не сходило выражение крайней озабоченности.

— Ничему не удивляйся и ничего не делай, — шепотом проговорила Дарина, усаживаясь на колени рядом с Сергеем.

— А что такое?

— У Госпожи есть одна странная привычка – думать в не совсем обычной обстановке.

— Поимеет ее, что ли, кто?

— Ее? — Дарина поморщилась. — Скорее, она. Любого или любую, кого захочет.

— Ладно, ее дело. А что это за лысый хрен с желтой мордой? Злой, какой-то. Да и странный. Не местный?

Госпожа, видимо, услышав обрывки их разговора, посмотрела на говорливых гостей.

— Помолчи... – процедила Дарина сквозь зубы.

Между тем, Госпожа о чем-то переговорила со здоровяком, что стоял за спинкой ее кресла – и тот покинул комнату. На некоторое время присутствующие, возлежащие на подушках, занялись своими делами. Кто-то решил перекусить расставленными тут и там яствами, кто-то о чем-то тихо переговаривался. Парочка девиц, как ни в чем не бывало, занимались удовлетворением друг друга. Им, похоже, глубоко плевать на все, что происходит вокруг. Так думал Сергей. Но он ошибся.

В комнату ввели двоих – мужчину и женщину. Оба напуганы, оба озираются по сторонам. Губы женщины дрожат – вот-вот заплачет. Но терпит. Мужчина старается выглядеть спокойным, но в его глазах паника. Странно, но оба облачены в простую, но чистую одежду, будто только что вышедшую из-под иглы мастера.

Испуганных пленников вели четверо крепких парней, вооруженных короткими мечами. Руки мужчины, в дополнение ко всему, связаны за спиной.

Все шестеро следовали за лысым здоровяком. На этот раз он не стал возвращаться к своей хозяйке, а остался стоять подле пирамиды.

— Доброй ночи, голубки, — проворковала Госпожа. — Это что же получается, никому нельзя верить?

Мужчина хотел было что-то сказать, дернулся, но получил увесистую оплеуху по затылку – снова замер.

— Говоришь с людьми по-хорошему, говоришь, — продолжала хозяйка Наслаждения Болью. — А оказывается, тебя не слушают. Или нет – тебя обманывают. И не случайно, а намеренно сговорившись. Так, голубки?

— Ты сожгла нашу лавку! — в отчаянии выкрикнула женщина, и из ее глаз все-таки брызнули слезы. — Как мы могли отдать тебе долг?

— А у тебя между ног что – дырки нет? — ощерилась Госпожа. — Или кто-то рот зашил? Я просила не так много. Неужели суженый не понял бы?

Женщину всю передернуло.

— Или подожди, — нахмурилась Госпожа, — может, ты не умеешь? Как тебя... Вторак? — она посмотрела на мужчину. — Твой член побывал в ней? Расскажи мне, как это было?

Ответом ей было свирепое молчание.

— Необычная обстановка? — прошептал Сергей. — Эта стерва...

— Молчи-молчи, умоляю, — Дарина сильно сжала его ладонь.

— Я так и знала, — звонко засмеялась Госпожа. — Бедный мальчик. Ты очень напряжен, я вижу. Тебе не хватает женской ласки. Ласки настоящей женщины. У меня

сегодня хорошее настроение. Я дам тебе шанс. Не удивляйся – тебе. Твоя истеричка меня расстроила. Она не нужна тебе. Я докажу...Вьюн...

Желтокожий резко выбросил вперед руку, сжал пальцы в кулак.

Мужчина выгнулся дугой, застонал. Женщина рванулась к нему, но ее крепко держали. Лицо мужчины исказилось гримасой боли, он издал протяжный стон, захрипел.

— Не делайте этого! — взмолилась женщина.

Сергей готов был сорваться с места, но рука Дарины крепко сжимала его ладонь. Ее ногти впивались ему в кожу. Но боли он не чувствовал.

— Развяжите ему руки, — скомандовала Госпожа. — Девочки...

Две невольницы, что стояли у стены, просеменили к несчастному.

Желтолицый разжал кулак, немного приподнял руку. Мужчина тут же закашлялся, но, похоже, боль оставила его. Он тяжело дышал, из уголка рта открылась тонкая струйка крови. Женщина билась в крепких руках охранников, заходила в истерику.

— Видишь, она не владеет собой, — глубоко вздохнула Госпожа. — А мои крошки – владеют. Они большие умницы...

Ноги мужчины оторвались от пола. Он приподнялся сантиметров на пять, завис без движения. Сергей видел, как человек пытается сделать хоть что-то, но мышцы будто не подчинялись ему.

Невольницы стащили с мужчины штаны. Одна тут же встала на колени, принялась за дело. Руки второй легли на его живот, потом поднялись по груди. Странно, но, несмотря на оцепенение, ярость и страх мужчины, действия невольниц явно имели успех. Постепенно с его лица начала исчезать гримаса злости. Он пытался сопротивляться, но тело жило своей жизнью, отвечая на ласки наложниц.

Женщина больше не плакала. Она обвисла в руках охранников и пыталась отвернуться. Но ее голову держали, заставляли смотреть.

— Ты чувствуешь? — дыхание Госпожи сбилось. — Чувствуешь ее жар? Она достаточно хороша для тебя? Возьми его глубже, девочка. Возьми его всего.

Мужчина застонал.

Сергей сжал зубы. Этот извращенный метод не то пытки, не то какого-то дикого обучения вызывал в нем омерзение. Мир снова утратил крохи света и надежды, сделавшись грязным и липким.

Да пусть их всех сожрут, он и пальцем не пошевелит!

Его внимание привлек желтолицый. Маг? Что ж, похоже, в этой комнате колдовать умеешь не только ты.

Ярость и чувство омерзения выплеснули в кровь жар. Ненадолго перехватило дыхание. Дарина с беспокойством бросила взгляд на спутника. Но Сергею было уже плевать. Он почти наяву видел мерцающий желтоватый шлейф, протянувшийся от руки Вьюна к мужчине.

«У каждого должен быть выбор», — мелькнуло в голове.

Он постарался действовать мягко и не обрушить на голову желтолицего гада потолок. Будто хирург, проводящий сложную операцию, он усилием воли сотворил огненный скальпель и направил его к желтому шлейфу. Короткий разрез – и шлейф задрожал, истончился, лопнул.

Ноги мужчины коснулись пола, от неожиданности он взмахнул руками. Оцепенение исчезло. Невольницы отшатнулись от него. Одна так и шлепнулась на задницу.

Мужчина развернулся и отрывисто ударил по руке охранника. Тот разжал пальцы, короткий меч упал. Вернее, должен был упасть. Сергей предвидел такое развитие событий – и попытался замедлить падение клинка. Получилось. Мужчина схватил оружие, снизу вверх полоснул охранника. Заливаясь кровью и держась за рассеченную промежность, тот рухнул на колени.

В комнате раздались крики, поднялся визг. Парочка любвеобильных девиц разлетелась. Только–только начавший набирать темпы любовный акт разметало брызгами крови.

Между тем мужчина крутанулся на месте и резко припал на колено. Второй охранник, успевший изготавиться к обороне, парировал было удар в область груди, но сталь пришлось ему по животу. С чавкающим звуком его внутренности показались в окровавленном разрезе тонкой рубахи. Впрочем, возможно, звук Сергею только почудился. Охранник охнул, выпустил меч и обеими руками попытался остановить выпадение собственной требухи. Не особенно удачно – разрез оказался серьезным и расходился, будто старая гнилая тряпка. Человек повалился на колени.

Все произошедшее с момента, когда Сергей прервал заклинание Вьюна, заняло не больше двух–трех секунд. Их с лихвой хватило лысому здоровяку, чтобы оказаться возле пленника. Стремительный выпад тонкого кинжала – и ладонь мужчины с зажатым в ней мечом раскрывается, выпуская оружие. Запястье рассечено тонкой линией, к полу устремляется поток крови. Пленник попытался перехватить оружие другой рукой, но здоровяк не дал ему шанса: ударил ногой, целясь в колено, одновременно с этим начал заходить за спину.

Сергей подался было вперед, но Дарина изо всех сил вонзила ногти ему в ладонь. Маникюр у нее не сказать чтобы идеальный, а ногти длинные, но боль от них прокатилась по всему телу, взорвавшись в голове.

«Глупо... глупо... глупо», — пульсировало в мозгу. И его не спасешь, и сам сдохнешь. Рационализм, от которого впору блевать.

Лысый здоровяк обхватил пленника сзади за шею, приставил клинок в область печени. — Браво! — сдержанно похлопала в ладоши Госпожа. — Сколько страсти, сколько силы. И все зря. Обидно. Глупо, но смело. Знаешь, ты мне понравился, — она поднялась на ноги. Мягкой, грациозной походкой спустилась по ступеням. Движения будто у змеи. — Понравился, даже несмотря на то что слаб.

Пленник дернулся и тут же застонал. Здоровяк ощутимо ткнул его кинжалом. — Кто слаб – тот мертв, — продолжила Госпожа. — Но ты дал шанс своей маленькой шлюшке, — легкий кивок в сторону жены мужчины. — Шанс выжить появился у нее. Возможно, будет кому помолиться за тебя предкам.

Госпожа кивнула – и тут же здоровяк погрузил кинжал в тело пленника по самую гарду. Тот захрипел, выгнулся дугой. Но убийца не остановился. Резким движением он запрокинул голову несчастного и полоснул по горлу клинком.

В зале раздались подбадривающие крики, смех.

Заливаясь кровью, пленник сделал шаг к своей жене, протянул к ней руку. Его рот открывался, но с губ не слетело ни единого слова. Только булькающий хрип. Еще шаг. Ноги подогнулись – и мужчина повалился лицом вперед. Грохот его падения ненадолго прекратил в комнате все звуки, кроме музыки и пения птиц. Под легкие струнные переборы и тонкие птичьи рюлады люди смотрели на троих мужчин, лежащих на полу. Один из них, получивший рассечение паха, все еще корчился, тихо подвывая и зажимая промежность.

Сергей с силой сжал зубы. Если бы они сейчас начали крошиться, он бы даже не заметил.

Госпожа медленно подошла к луже крови, расплзающейся вокруг головы пленника, макнула в нее палец и поднесла к своим губам. Мгновение рассматривала, а потом с наслаждением облизала.

— Убрать здесь все, — проговорила, разворачиваясь обратно, к пирамиде. — А шлюшку отправьте к Смехачам. Пусть порадуются мягкой нежной коже. Своих-то сучек не так сладко трахать.

Женщина, ставшая свидетельницей смерти собственного мужа, казалось, потеряла разум. Она безвольно висела в руках охранников и всхлипывала, что-то бубня себе под нос.

— У нас осталось одно незавершенное дело, — Госпожа обернулась, не доходя до кресла. — Вы, мои гости... — она посмотрела на Дарину и Сергея. — Я обдумала ваши слова.

Дарина, не выпуская руки спутника, поднялась на ноги. Сергей встал следом. В голове у него была пустота. Поток мыслей как-то резко схлынул, оставив после себя звенящую пустыню.

— Я помогу вам, — продолжила Госпожа. — Некоторые слухи до меня уже доходили, но проверить их все не хватало времени. Сейчас, похоже, самое то.

— Благодарим тебя, — сказала Дарина.

— Уверена, мы сможем помочь друг другу, — улыбнулась Госпожа. — Мне нужно спокойствие. Война и голодные чудовища прибавят лишних проблем. А кому они нужны?

— Никому, Госпожа, — кивнула Дарина.

— А чем ты, Сергей, говоришь, занимался? — неожиданно сменила тему Госпожа.

— Что? — выдернутый из звенящей пустоты, он не сразу понял сути вопроса.

— До того, как тебя нашли в канаве. Чем занимался?

Сергей пожал плечами:

— Мелкие поручения. Принеси то, сбегай туда.

— Понятно, — протянула Госпожа. — Ну, тогда до встречи. Я сейчас же отдам необходимые распоряжения. Если узнаю что-то интересное — сразу дам вам об этом знать. Надеюсь на взаимность.

— Разумеется, — несколько поспешно сказала Дарина. — Прощайте.

Они вышли в ту же дверь, что и вошли. По пути к ней Сергей спиной чувствовал чей-то пронзительный взгляд. А возможно, и не один. Или показалось? Его сжигало желание обернуться. Это просто чудо, что желтолицый маг не понял, кто прервал его заклинание. Но радости от этого нет. Сергей понимал, что потом, скорее всего уже в лачуге, ставшей ему новым домом, будет думать, почему не пошел до конца? Почему остановился, предоставив человеку шанс, заведомо ведущий к гибели? Ответ найдется, в этом сомнений нет.

Одно он знал точно: сюда по собственному желанию он больше не вернется. Иметь дело с Госпожой — не уважать себя. Должны быть другие способы расследовать смерть господина Вятича.

Деревянная дверь с гулким стуком захлопнулась за спиной.

— Надо же, вышли сами, — усмехнулся бородач, отлипая от стены.

— А как еще можно выйти? — пробурчал Сергей.

— Никак. Вынесли бы.

Сергей кивнул.

— Теперь к девочкам?

— Теперь домой.

— Уверен? — бородач удивленно вскинул брови. — Подумай. Хорошая баба (а лучше две) заставит забыть обо всем.

— Домой, — ровным голосом повторил Сергей.

— Ну, как знаешь, — бородач взглянул на Дарину, но, заметив брезгливость на ее лице, больше ничего предлагать не стал. — Идем, — проговорил сухо.

Сергей успел сделать несколько шагов, когда в грудь ударил поток морозного ветра. В глазах на мгновение помутилось, свет померк. Легкие ошметинились острыми ледяными иглами, изнутри пронзающими тело, испаряющими податливую плоть. Дыхание сбилось. А потом пол под ногами исчез. Сергей взмахнул руками – и рухнул в неизвестность.

Самое легкое в жизни – умереть, самое трудное – жить.

(с)

В чувства его привел приглушенный женский визг. Сергей глубоко и часто задышал, вскочил на ноги, пригнулся. Тишина. Только звук собственного дыхания да шум далекого ручья. Ничего не видно – темнота, хоть глаз выколи. Воздух влажный, затхлый.

Магия отозвалась с похвальной покорностью. Пара огненных всполохов рассекла таинственную черноту. В ответ на свет снова раздался вскрик. Сергей дернулся на звук. К стене старого, поросшего мхом кирпича жалась женская фигурка.

— Не бойтесь, — проговорил он.

Женщина подняла на него заплаканное лицо – и Сергей чуть было не выругался. Он узнал ее: видел всего несколько минут назад в комнате Госпожи, обвисшую на руках дюжих охранников. Недавно чистая, одежда промокла, покрылась темными, грязными пятнами.

— Где мы? — спросил Сергей, осматриваясь по сторонам. Помещение напомнило ему просторный круглый колодец, с одним коридором. Кирпичные стены плавно переходили в сводчатый потолок, в центре которого виднелось нечто, напоминающее закрытый канализационный люк. Высоко, метров пять–шесть. Какие-то катакомбы или водосточный коллектор, по щиколотку заполненный дурно пахнущей жижей.

— У Смехачей... – всхлипнув, сказала женщина.

— Кто это?

Сергей пытался выискать взглядом Дарину. Судя по всему, он рано расслабился. Госпожа или вовсе не собиралась отпускать гостей, или поняла, кто помешал работать ее магу. И вот наказание. Что ж – расчетливо. Ни к чему проливать кровь в собственных апартаментах, когда можно зашвырнуть неудобного возмутителя спокойствия к черту в задницу.

Женщина встала, робко подошла к Сергею. Ее била крупная дрожь, но слезы больше не лились.

— Нас убьют и съедят, — сказала она.

— Смехачи?

— Да.

— Кто это?

— Они живут в старом городе. Здесь почти нет другой еды.

— И чем они питаются, когда им не бросают подачки?

— Едят друг друга, — пожалала плечами женщина. — Еще говорят, что дикие научились выращивать какой-то необычный мох, который не растет на поверхности. Им и питаются. Но это только разговоры.

Она вытерла ладонями лицо, пригладила растрепавшиеся волосы. Совсем девчонка, курносая, с небольшими веснушками. Глаза все еще на мокром месте, губы дрожат. Но держится, прижав кулачки к груди.

— А почему ты спрашиваешься? — в ее раскрасневшихся глазах появилось недоверие.

— Я не знаю ваших мест. Приехал недавно издалека. Не успел освоиться.

— Понятно...

То ли поверила, то ли решила просто оставить тему и не надоедать странному незнакомцу?

— Я Сергей. Как зовут тебя?

— Искра.

— Можно я задам тебе несколько вопросов? Это очень важно.

Женщина неопределенно повела плечами, немного отступила. Не доверяет? Ничего странного. Особенно после того, что ей пришлось пережить в комнате Госпожи.

— Скажи мне, Искра, Смехачи – они люди или звери?

— Люди. Только дикие.

— Хорошо. А что это за старый город?

— В нем жили старые люди. Давно. Еще до Темных веков, до мора. Потом старые люди умерли, а город разрушился и ушел под землю. Потом на его месте построили Москвию.

— Отсюда есть выход? Можно попасть наверх?

— Нет, — понурилась Искра. — Раньше дикие люди выходили на поверхность и убивали, а мертвых и раненых забирали с собой. С ними трудно сражаться. Они не чувствуют боли и не знают страха. Тогда все выходы из старого города завалили камнями. Их было немного. С тех пор дикие люди не выходят.

— Может, они уже все передохли без еды? На одном мхе долго не протянешь.

По губам Искры скользнула горькая улыбка.

— Госпожа подкармливает Смехачей. Но даже если они умерли, нам все равно не выбраться отсюда. Старый город – это большой лабиринт.

— А мы попробуем, — Сергей постарался вложить в голос как можно больше уверенности. Его распирала злость. И это очень кстати. Нет, теперь он обязательно возвратится к Госпоже. Вернется, чтобы вернуть долг. По собственной воле. Но для этого сначала надо выбраться из старой, прогнившей клоаки.

— Мы?

— Конечно.

И снова горькая улыбка.

— Ты маг?

— Не знаю, — честно ответил Сергей. — Но кое-что у меня получается.

Губы Искры дрогнули, глаза заблестели – того и глядишь, опять разрыдается.

— Убей меня, — прошептала она.

— Что?

— Убей меня быстро. Мне очень стыдно признаваться, но я трусиха, — ее руки дрожали. — И еще – боюсь боли. Смехачи не убивают сразу. Особенно женщин. Я знаю. Я слышала. Не хочу, чтобы они... – она опустила голову, замолчала.

— Давай без слез, — Сергей осторожно взял ее за плечи. — Здесь и без них мокро. Я очень странный маг, но все же маг. Давай попробуем выбраться. Мне тоже страшно. Очень. А вдвоем бояться сподручнее.

— Мне незачем жить, — сказала она, не поднимая глаз. — Они убили Вторака. Они...

— Он умер с оружием в руках, как мужчина, — попытался успокоить ее Сергей. Он понятия не имел, какие произносить слова. — Умер, защищая тебя, хотя мог подчиниться Госпоже. Неужели это ничего не стоит?

Она молчала, продолжая тихо всхлипывать.

— Он хотел, чтобы ты жила. Не сдавайся.

— Не сдамся, — прошептала она.

— Молодец, — улыбнулся Сергей, хотя Искра и не могла этого видеть. — А теперь давай вытрем слезы.

Искра шмыгнула носом, утерла рукавом глаза.

— Я готова.

— Мы пойдем осторожно. Держись рядом и смотри по сторонам. Если что увидишь или услышишь – сразу говори. Договорились?

— Конечно.

— Тебе известны повадки Смехачей? Что-то, что может нам помочь?

— Обычно они нападают стаями. По одному – редко.

— Боятся?

— Нет, — Искра замотала головой. — У каждой стаи есть вожак. Его слово – закон. Они хоть и дикие, но не глупцы. Знают, что числом завалить добычу проще.

— Ты говоришь «стая». Они настолько близки к зверям?

— Так все говорят, — пожалала плечами Искра.

— Хорошо, — Сергей еще раз осмотрел стены колодца. Дарины нет. Значит ли это, что спутницу отправили в другое место или же скормить Смехачам решили только его? Кто знает? Но пока не стоит забивать голову всеми проблемами сразу. Выбраться на поверхность – вот единственная на данный момент цель.

Он глубоко вздохнул. Чуть было не закашлялся от спертого, затхлого воздуха. С вентиляцией здесь явные проблемы. И, тем не менее, она есть. Значит, и идти следует за воздушным потоком.

Сергей вытянул руку ладонью вверх. На влажной коже тут же появилось пламя. Чуть больше свечного. Огонек горел почти ровно, лишь изредка подрагивал. Сергей отпустил ладонь – пламя осталось висеть в воздухе, немного подросло, а затем медленно поплыло вперед.

— Идем? — спросил он Искру.

— Да.

Женщина все еще дрожала, но выглядела увереннее, чем пять минут назад.

Жижка под ногами шла небольшими кругами. Пол под ней казался каменным, но Сергей не поручился бы в этом. Ступать он старался аккуратно, плавно переносил вес с ноги на ногу. Скорость передвижения от этого снижалась, зато возрастала уверенность не провалиться в какую-нибудь яму.

Несмотря на всю осторожность, под ногами чавкало. Сергею казалось, что этот звук, отраженный от стен, разлетался далеко по катакомбам. Наверняка дикие должны обладать отменным слухом, если живут в крошечной темноте.

Спустя минут десять они добрались до первого перекрестка. Три абсолютно одинаковых ответвления, наполненных непроглядной темнотой. Огонек поочередно сунулся в каждое из ответвлений.

— Сюда, — уверенно сказал Сергей, сворачивая направо. Ему показалось, что здесь пламя дрогнуло сильнее, нежели в других ответвлениях. Сомневаться времени нет. В конце концов, может случиться, что им действительно придется бродить по лабиринту не один день.

Искра без слов последовала за ним.

Вскоре огонек высветил в стене округлый провал диаметром чуть меньше метра. Кирпич здесь обвалился, будто выпертый изнутри. Сергей замедлил шаг, осторожно заглянул в дыру. Огненные блики отразились от глинистых стенок, покрытых прозрачной слизью. В длину ход имел не больше полутора метров, после чего обрывался тупиком.

— Что это? — спросил Сергей.

— Не знаю, — Искра выглянула из-за его плеча, поморщилась.

— Похоже на ход червя. Очень большого червя.

— Ползуны?..

Сергею пришлось напрягать слух, чтобы расслышать ее слова.

— Кто это?

— Темные века породили много новых, страшных зверей. Ползуны — одни из них. Большие безглазые черви. Но их давно истребили...

— Насколько давно?

Сергей присел на корточки. Осторожно, чтобы не упасть, просунулся в ход, дотронулся рукой до стенки-тупика. Глина там была мягкая, влажная, неоднородная — испещрена множеством слипшихся, но все же отдельных комков. Словно недавно кто-то набросал лопатой.

— Вскоре после мора.

— Либо мор у вас закончился дней десять назад, либо кто-то из Ползунов благополучно выжил и недавно проделал эту дыру.

Искра молчала.

Час от часу не легче. Теперь к дикарям прибавились черви-переростки. Кто следующий в очереди отхватить кусочек человечины?

— Ладно, черт с ним, — сказал Сергей. — Стимул быстрее двигать ногами.

Шум далекого ручья неожиданно прервался. Все это время его слабое эхо носилось между кирпичными стенами — и вдруг исчезло. Сергей замер, даже дышать перестал, прислушался. Глухая тишина.

Вода холодит ноги, влажный воздух проникает под одежду, растекаясь по телу липкой пленкой, будто извалялся в слизи червя.

— Слышишь? — прошептал одними губами.

Искра мотнула головой:

— Нет. Ничего.

— В том-то и дело, что ничего.

Сергей сделал шаг, когда журчание ручья возобновилось, а вслед за этим темноту расколол пронзительный хохот. Так могла бы смеяться гиена, но не человек.

Искра вжалась в стену. Ее глаза полыхнули ужасом.

— Смехачи, — произнесла она беззвучно.

— Зачем открывают себя?

— Играют. Пугают.

Надо признать, испугать получилось. Там, в крошечной темноте, в жидкой грязи, между старых стен, стоящих на честном слове, прятались людоеды. Твари, когда-то бывшие людьми, но по собственной воле отброшенные назад — к каменному веку. Жить здесь, подобно червям... кто может добровольно согласиться на такое? Никто, находясь в добром здравии. Сергей уж точно не понимал столь абсурдного, с его точки зрения, выбора. А ведь эти твари идут по его следу. Его и Искры — доверившейся его якобы магическим

способностям. И даже не таятся. Уверены в себе.

— Идем, — Сергей взял спутницу за руку. — Больше ни к чему скрываться.

Они прибавили шаг. Огненный поводырь, направляемый волей Сергея, рассекал темноту – отличный опознавательный знак. Осталось вывесить табличку «Кушать подано». Но оказаться в полной темноте еще хуже.

Некоторое время они бежали, слыша лишь собственное дыхание да плеск разлетающейся в стороны жижи. А потом в одном из ответвлений коридора снова послышался дикий, нечеловеческий хохот. Хохот вспорол холодный мрак, ударяясь о стены, разлетелся тысячами осколков, засел в голове Сергея.

Бег. Бег без цели, без чувства направления. Бег по бесконечным туннелям. Бег зверя, преследуемого незримым хищником. Бег от всего мира. И пусть сейчас мир сконцентрирован всего в нескольких горловых звуках, то и дело пронзающих темноту.

Подбегая к очередному перекрестку, Сергей краем глаза уловил движение. Даже не движение – намек на легкую тень.

— К стене! — громко прошипел он, толкая Искру в сторону. Сам вылетел на перекресток – и тут же ударил.

Сергей оказался быстрее. Человекоподобная тварь (бледная, как мел, тощая, покрытая коростой не то грязи, не то каких-то болячек) бросилась на него, заноса над плешивой головой сучковатую дубинку. Во впалую грудь людоеда ударил поток туго сжатого воздуха. Смехача подхватило и с силой приложило об угол двух расходящихся коридоров. Раздался чавкающий звук. Голова твари раскололась, обдав кирпич кровавыми брызгами.

— Быстро! — почти закричал, протягивая Искре руку.

Та метнулась на крик. Ее ладонь уверенно легла в его руку.

Молодец девчонка, собралась! Ее лицо было не менее бледное, чем кожа Смехача, но, похоже, именно страх подталкивал ее действовать, а не стоять столбом.

— Почему он напал? — бросил Сергей, когда от перекрестка с трупом их отделяла пара десятков метров.

— Не знаю, — выдохнула Искра. — Возможно, хотел показать своим силу и ловкость.

— Показал, — зло прохрипел Сергей.

За спиной раздался протяжный вой, перемежающийся какими-то щелкающими звуками.

— Нашли труп, — пояснила Искра.

Хохот не стихал. Их по-прежнему вели, но предпочитали держаться в отдалении.

— Пригнись... — Сергей резко остановился посреди одного из коридоров.

Искра послушно присела на корточки. Огненный поводырь разросся еще сильнее, до размеров баскетбольного мяча, от которого во все стороны расходятся раскаленные языки пламени. Прошло с полминуты – и поводырь распался на два одинаковых шара. Сергей присел рядом со спутницей. Шар пролетел над ними, остановился метрах в трех.

— Так-то лучше. Можно идти дальше, — вставая, сказал Сергей.

И снова бег. Но теперь под прикрытием пары сыплющих искрами шариков. Управлять ими обоими оказалось довольно сложно, точно смотришь одновременно в противоположные стороны.

Хохот несся со всех сторон, бешеным псом вцепился в спину. Куда их гонят? Что ждет впереди? Мысли готовы расколоть собственный череп, вырваться на свободу.

Сергей резко изменил направление бега, нырнув в узкое ответвление, из которого мгновение назад хохотал людоед.

— Стой! — крикнула Искра.

— Мы не пойдём у них на поводу, — выплевывая слова на выдохе, прокричал в ответ Сергей.

Из темноты выпрыгнули две тени – и тут же воздух наполнился отчаянными воплями. Смехачи отшатнулись, бросились в жидкую грязь. Но обычная вода не могла погасить магическое пламя. Огонь вгрызался в тела жертв, прокладывая себе дорогу в агонизирующей плоти.

Людоеды ещё бились в судорогах, а Сергей и Искра уже продолжили путь. Хохот стих. По всей видимости, получив первый отпор, твари изменили тактику. Раз не получилось загнать, будут выискивать момент для внезапной атаки.

Сергей до того привык бежать по коридорам, до того сосредоточился на тенях и шорохах, что чуть было не пропустил момент, когда летящий по ходу бега огненный шар осветил пустоту. Бесконечную, черную пустоту. Искра успела притормозить в самый последний момент, да и то врезалась Сергею в спину.

Они замерли у обрыва, за которым открывалась огромная пещера. Вниз под острым углом уходила каменная лестница со стершимися от времени ступенями. По обеим сторонам от лестницы в пол вбиты два металлических прута, каждый из которых увенчан человеческим черепом.

За спиной взвыли, захохотали. Послышались какие-то выкрики, но Сергей не поручился бы, что в них есть какой-то четкий смысл.

— Спускаемся, — сказал он. — Иду первым. Не отставай.

Прежде чем начать спуск, Сергей развернулся. В темноте, за огненным шаром, маячили вопящие и потрясающие каким-то оружием людоеды. Они пытались подобраться ближе, но огонь отпугивал их. Странно, что вообще смогли подойти столь близко – наверняка яркий свет выжигает им глаза.

Что ж, пусть подождут ещё немного. Огненный шар начал медленно вращаться. При этом к уже закипающей под ним жиже потянулись раскаленные капли. Падая в грязь, они тут же превращались в горящие лужицы. Сергей понимал, что не сможет удержать оба шара, если станет спускаться. Потому попробовал импровизировать, оставил за спиной небольшое, умирающее «солнце». Вряд ли его хватит надолго. Но лучше несколько минут форы, чем вообще ничего.

Спускаться пришлось чуть ли не ползком. Стертые ступени практически не давали возможности уцепиться, а о перилах неведомый строитель не подумал. Ноги то и дело оскальзывались. Приходилось придерживаться руками, но и это помогало не очень.

Сергей взмок, одежда липла к телу, стесняя движения. Пот стекал по лбу, заливал глаза. Он поднял голову, посмотрел на Искру. Та упорно следовала за ним, не жалуясь, не отставая ни на полметра. С края обрыва, над которым все ещё стояло огненно-красное зарево, неслись протяжные вопли. Людоеды не уходили. А жаль – могли бы пока сожрать своих менее везучих сородичей.

Лестница растянулась в бесконечность. Казалось, она ведет в самую Преисподнюю. Тело Здебора Вятича явно не привыкло совершать быстрые марш-броски, а потом ещё ползти по истертым ступеням. Хорошо ещё, что лестница ведет вниз. Подняться бы Сергей точно не смог. К тому времени, когда он достиг ровной широкой площадки, поясница и плечи уже даже не отваливались – они горели так, будто под кожу впрыснули кислоту, а кости и суставы превратились в трясущийся студень. Он с тяжелым стоном растянулся на камне. В

горле стоял солоноватый привкус.

Холод площадки приятно охлаждал спину. Вряд ли это полезно и без того ослабленному организму мага, но зато проясняет голову.

— Нам нельзя задерживаться, — услышал он голос Искры.

Спутница стояла рядом и смотрела наверх, на обрыв. Огненное зарево меркло. Еще немного – и людоедов ничто не сдержит.

— Да-да, — Сергей сел, поморщился. Много он бы отдал, чтобы вернуться в собственное тренированное тело.

«Интересно, а что с ним стало? До сих пор лежит в квартире на полу? Или кто-нибудь озаботился пропажей Сергея Разина и нашел его бездыханный труп? Тогда есть все шансы оказаться в морге...»

Сергей бесшумно выругался. Нашел, о чем думать!

— Идем.

Холод отчасти снял боль в пояснице. Если не очень рваться, то идти вполне можно.

Площадка оказалась действительно широкой. Огненный шар так и не смог высветить ее полностью. Зато он высветил несколько ржавых металлических прутьев, вбитых прямо в брусчатку. На каждом пруте красовался человеческий череп.

Что это? Предупреждение?

Искра присела, провела пальцами по брусчатке.

— Старый город... – проговорила шепотом. В ее голосе слышались восхищение и трепет.

Только теперь Сергей обратил внимание на саму брусчатку. Это не природный камень, которым мостились улицы Москвы, а вполне себе обычная тротуарная плитка. Обычная, но для его, Сергея, времени. Плитка растрескалась, некоторые бруски и вовсе раскрошились, но даже в таком виде они повергли Искру в восхищение, а Сергея в ступор.

Зарево над обрывом замерцало. Вопли людоедов усилились, а потом вдруг стихли. Сергей резко вскинул голову. На верхних ступенях показалась человеческая фигура, объятая пламенем. Человек пытался сбросить с себя огненные лепестки, но те лишь сильнее разгорались. Не произнеся ни звука, людоед рухнул в пропасть. За ним тут же показали две фигуры. Но огня на них нет.

Темноту разорвал раскатистый хохот. Вот и вся фора.

Бежать по хорошо уложенной брусчатке – совсем не то, что хлюпать по жидкой грязи. Жаль, что бежать пришлось недолго. Похоже, старый город (как его называла Искра) или какая-то его часть начиналась именно здесь. Затопленные грязные катакомбы явно возводились много позднее и, скорее всего, совершенно другими людьми. Такой вывод Сергей сделал, увидев руины первого попавшегося на пути здания. Оно не было большим, не было красивым. Когда-то скучная темно-серая коробка в два этажа, с десятком окон. Но коробка, сложенная из бетонных панелей. Сквозь зевы оконных проемов виднелись обрушенные перекрытия, застарелый мусор, покрытый толстым слоем пыли.

Они обогнули развалины – и оказались на широкой улице. По черному асфальтовому покрытию пролегли огромные трещины. Иногда, подобно арктическим льдинам, вздыбливались целые пласты, обнажая под собой подложку из гравия и песка. Дома вдоль улицы превратились в изломанные остовы, побитые пятнами гари. Будто гнилые зубы во рту больного цингой. И снова – каждый дом выстроен из бетонных панелей. Все однотипно – один цвет, одна этажность, одно расстояние между домами.

Пока что Сергей старался примечать все подробности, все мелочи, чтобы потом, в спокойной обстановке (если до нее удастся дожить), осознать все увиденное. Никаких поспешных выводов. Кроме одного вопроса: как пещера подобного размера вообще может существовать и не обрушиться? Каково же ее размеры, что внутри поместились развалины пусть даже не целого города, а какой-то его части?

— Там кто-то есть, — громко прошептала Искра и указала на развалины одного из домов.

Сергей не остановился. Они и так перешли всего лишь на быстрый шаг. Терять времени больше, чем того требовали элементарные меры предосторожности не сломать ногу, не хотелось.

— Кто?

— Не знаю. Я слышала шум.

Плохо, если Смехачи забрались так далеко. Но как бы то ни было – бежать. Пусть свет огненного шара привлекает внимание аборигенов. Пусть руины домов скалятся провалами дверных и оконных проемов. Пусть дрожащие, точно от озноба, тени обретают очертания людей – давно погибших, но не сумевших покинуть родной город, а понурые фонарные столбы больше напоминают виселицы.

Вскрик Искры и последовавший за ним глухой стук падающего тела заставил Сергея остановиться. Спутница уже тяжело поднималась, шипела от боли, потирая ушибленную руку.

— Прости, — виновато сказала она. — Поскользнулась.

Улицу пересекал прозрачный след, шириной примерно в метр. Что ж, вот и исчезнувший Ползун? Пахнувшая прогорклым жиром слизь еще не успела высохнуть. След тянулся до развороченного канализационного отверстия у самого тротуара, где и пропал.

Безумный хохот подстегнул подобно злой плети.

Они миновали два перекрестка. Чем дальше, тем сильнее становились разрушения. Если в самом начале улицы темные стены домов стояли довольно уверенно, то теперь большая их часть превратилась в груды бетонного крошева, из которого все еще торчали внутренности арматуры. Похоже на последствия землетрясения или взрыва.

— Свет! — вскрикнула Искра и тут же метнулась в сторону, упала на камни.

Сергей, уже понимая, что произошло, развернулся, выбрасывая перед собой руку. Воздух дрогнул, сгустился – и широким конусом покатился по улице. Несколько Смехачей разбросало, точно невесомые спички, другие успели укрыться в развалинах. Точное их количество в темноте не разглядеть, но, похоже, погоня немалая. Почувяв добычу, людоеды заголосили во всю глотку. Казалась, хохот доносится сразу со всех сторон, из-за каждого угла, из каждой тени.

Сергей, не церемонясь, схватил Искру за руку, рывком поднял на ноги, толкнул перед собой. Женщина не нуждалась в понукающих словах – припустила так, что только поспевай. И Сергей, стиснув зубы, постарался не отстать. Вслед им полетели камни, но не прицельно.

Поворот – под ногами предательски подламывается асфальт, обрушивается с сухим треском, норовя утянуть за собой, но удача на стороне Сергея. Еще поворот – на пути встает железобетонный завал, тянется к беглецам острыми щупами, цепляет за одежду, оставляет на коже длинные царапины. Кровь. Смехачи где-то рядом. Легко преодолевают препятствия. Почему медлят? Неужели боятся? Тупик! — высокая стена, перегородившая улицу. Сердце подскакивает к самому горлу, в висках стучит.

— Сюда...

Искра ныряет в еле заметную щель у самой земли. Сжать огненный шар до небольшого лепестка пламени, метнуться за девчонкой. Тесно. Очень тесно. Звук рвущегося рукава заставляет затаить дыхание. Неужели застрял?! Но нет. Напряженным комком выкатиться на противоположной стороне от преграды. Срочно зажечь шар. Вовремя. Тут уже ждут. Искра прижата спиной к острым каменным обломкам. Над ней склонился Смехач (тощий уродец с глазами навывкате и морщинистым лицом, испещренным шрамами), зажал женщине рот, пытается сорвать с нее одежду. Корявые пальцы с остервенением рвут прочную ткань рубахи острыми ногтями, больше похожими на когти, полосую ее на лоскуты. Искра бьется, но ее сил явно не хватает. В ближайшей темноте кто-то заливается истерикой. Звук быстро приближается.

Сергей ощерился, с его губ непроизвольно сорвался отрывистый рык. Огненный шар вспыхнул ярко-желтым пламенем, с шипением взрезал мрак, взрезался в землю, тут же обратившись костром. Его пламя ревело, выбрасывая вокруг себя целый фонтаны искр.

Смехач, нависший над Искрой, дернулся, на мгновение ослабил хватку, за что тут же получил коленом между ног. Скалясь, он схватился за промежность, но вместо стона — захихикал. Уплотнившийся перед людоедом воздух толкнул его назад. Тварь громко охнула — и влетела в костер. Кричала она недолго.

Искра сорвалась с места, подбежала к Сергею. Передняя часть ее рубахи пришла почти в полную негодность. Под бахромой разодранной ткани виднелись кровоточащие царапины.

— Спасибо, — коротко бросила она.

— Еще успеешь поблагодарить.

За костром материализовалось еще три Смехача, но Сергей был готов к их появлению. Каменная крошка под ногами дрогнула, поползла прочь от беглецов. Три одинаковых смерча поднялись над землей, набирая силу. Три смерча, воздух внутри которых вращался с все возрастающей скоростью. Людоеды слишком поздно осознали грозящую им опасность. Размахивая над головой корявыми дубинками, они бросились к загнанной добыче, чтобы через мгновение оказаться в смертельной ловушке. Воздушные вихри подхватывали оголодавших охотников и тут же затягивали их в свое бушующее нутро. Каменное крошево полосовало кожу, забивало дыхательные пути. Возникшие было крики быстро стихли, а вслед за ними исчезли и смерчи, предварительно выплюнув Смехачей в костер.

Воздух наполнился запахом горелого мяса.

— Я видела свет, — проговорила Искра, когда пламя поглотило новую порцию жертв. — Запомнила направление.

— Веди.

Сергей чувствовал, как внутри него что-то надрывается. Он не столько устал от бега, сколько от использования магии. Сила по-прежнему бурлила в крови, но для своего проявления она требовала нечто такое, о чем он не имел понятия. Нечто глубинное, сокрытое под покровом плоти. И это нечто явно начинало заканчиваться.

От костра отделились два огненных шара, завращались вокруг Сергея и Искры. Сам костер тут же опал, рассыпался несколькими еле теплящимися языками пламени, отчаянно цепляющимися за обугленные тела Смехачей.

— Приятного аппетита, — проговорил Сергей в темноту.

Атаки людоедов участились. Твари кружились рядом, продолжали завывать. Больше того, они с завидной ловкостью скакали по верхушкам стен и остаткам крыш.словно

призраки, витали над головой, готовые в любое мгновение спикировать и раскроить голову дубинкой. Одной твари это даже почти удалось. Сергей как раз отбивался от троих хохочущих Смехачей, когда стоящая рядом Искра резко взмахнула рукой с зажатым в ней булыжником и метнула его в темноту. Послышался вскрик – и глухой удар тела о землю. Как уж девчонке удалось высмотреть прыгнувшего из ниоткуда людоеда, Сергей так и не понял.

— Квиты, — сказал он, улыбнувшись.

Искра только кивнула в ответ. В ее лице не осталось эмоций, будто та испуганная девочка, недавно жавшаяся к стене просторного колодца, спряталась, уступив место расчетливой подруге.

И все же их теснили.

— Почему они не нападают скопом? — выкрикнул Сергей, отбросив в черноту очередного Смехача.

— Не знаю. Может быть, боятся огня и света.

Казалось, нагромождение бетонных плит никогда не кончится. Ноги гудели от длительного бега. Настоящий лабиринт – дурная прихоть архитектора-авангардиста: стены разных размеров и форм, расположенные друг к другу под всевозможными углами. Словно ловкая мышка, Искра находила в них брешь и без страха ныряла в неизвестность. Сергей одергивал ее, опасаясь новых ловушек, но спутница не слушала. Конечно, ее безрассудство позволило здорово ускорить продвижение, не задерживаясь на поиски выхода из очередного тупика. Но опасность... Один раз Сергей успел вовремя, но успеет ли снова?

И все же Искре везло. Она почти безошибочно выбирала направление, ни разу по-крупному не сбившись и не запаниковав. Шла так, будто знала план города наизусть.

Наконец, нагромождения железобетонных развалин расступились, уступив место относительно ровной и свободной от разрушений местности. Она неожиданно показалась из темноты и вполне могла оказаться приличных размеров округлой впадиной с удивительно ровными краями. Такое ощущение, будто взрыв, превративший эту часть города в руины, случился именно здесь. И все же взрыв, насколько бы мощным он ни был, не повредил огромных темных колонн, угадывающихся в свете огненных шаров. Колонны выростали необработанными глыбами природного камня в несколько обхватов толщиной. Не похоже, что рукотворного происхождения, но и в их природную сущность верилось с трудом. Слишком уж ровные, точно возведенные специально для поддержания потолка пещеры, но со временем утратившие былую форму, растрескавшиеся и сильно облупившиеся. Подойти бы, рассмотреть поближе, но не теперь, когда за спиной висят голодные человекоподобные твари.

Под ногами что-то хрустнуло. Сергей опустил взгляд и рассмотрел лишенную плоти человеческую руку – целую, до самого плеча. Не хватало разве что двух пальцев. Огненные блики играли на выбеленной кости.

— Во имя предков, — услышал он сдавленный голос Искры. — Что это?

Останки обглоданной руки оказались только началом. Дальше, по краю впадины, на несколько метров тянулся целый ковер голых костяков. А в центре этого адского ковра застыла, немного накренившись, бетонная плита, по всей видимости, активно используемая аборигенами. Увидев ее, Сергей сглотнул подкативший к горлу ком. Не плита – самый настоящий алтарь. Или, тем паче, место кормежки. Отполированную серую поверхность покрывали многочисленные темные пятна. Тут же стояла примитивная посуда (в основном глубокие миски), то ли из глины, то ли из плохо обработанного, согнутого металла.

Отдельной кучей в стороне лежали, надо думать, личные вещи и одежда несчастных. Слова Искры о том, что когда-то Смехачи посещали Москвию, полностью подтвердились. Почти вся одежда в коричневых пятнах, с множеством рваных отверстий. Несколько сломанных копий, ржавые мечи. Странно: пользуясь примитивными дубинками, людоеды бросили трофейное оружие.

— Не будем задерживаться, — проговорил Сергей и потянул Искру за собой. Похоже, на нее увиденное произвело гораздо большее впечатление, чем на самого Сергея. Испуганная девчонка в ней вернулась. Вероятно, этому страху есть какое-то объяснение. Ведь местные жители должны привыкнуть к смерти — все-таки жизнь непростая, умирают часто. А тут такой шок. Хотя, надо признать, зрелище действительно отталкивающее. Сколько людей здесь погибло? Даже трудно представить. Несколько сотен — никак не меньше.

В воздухе до сих пор стоит тяжелый запах разложения.

Промедление обернулось беглецам стремительной атакой Смехачей. Твари, вконец обезумев, выскакивали из темноты с воем и улюлюканьем.

Искра отступила, ее нога попала в какое-то углубление. Взмахнув руками, женщина упала на кости. Сергей уже встречал первых смельчаков. Воздух привычно уплотнялся, завивался спиралями — и невидимым тараном устремлялся к бегущим нелюдям. Не каждый удар достигал цели. Некоторые Смехачи, точно почувствовав опасность, падали на землю или уходили в перекате в сторону, пропуская смерть над головой. И все же почти десяток тварей отправился обратно во мрак, чтобы уже никогда не подняться.

Но что такое десяток, по сравнению с целой стаей?

— Держись! — прорычал Сергей поднявшейся Искре. — Отходим медленно.

Пара огненных шаров начала вращаться с все возрастающей скоростью. Пришлось до боли сжать зубы, чтобы удержать непокорную стихию в повиновении. Смехачи продолжали выныривать из темноты. Они бросались на огненное кольцо, в которое превратились шары, и тут же с криками и воем отлетали обратно. Но каждая такая атака забирала силы. Каждый такой прыжок заставлял вздрагивать от болезненных уколов, сопровождающих натиск людоедов — точно отдача от собственного оружия.

Признавай Смехачи метательное оружие, все могло бы уже закончиться, но те довольствовались одними лишь дубинками.

В груди нестерпимо зашипало — Сергей застонал. Огненное кольцо вокруг него и Искры резко поблекло. Людоеды отозвались победным хохотом. Еще несколько тварей бросились на верную смерть. Сергей закашлялся, почувствовал, как рот наполняется кровью. Огненные шары замедлили движение, кольцо разомкнулось.

Мир начал плыть. Ноги обмякли, подогнулись.

Фигуры Смехачей сливаются с темнотой, исчезают. Хотя бы не видеть последнего удара — и то хорошо...

Его резко дернули сзади. Сергей почувствовал, что падает. Он перекувырнулся через голову, ударился обо что-то мягкое, заскользил, остался лежать лицом вниз.

Шло время, а никто не торопился разбивать ему голову или живым тащить на алтарь. Где-то далеко голосили Смехачи, но их смех не приближался. Сергей повернул голову, выплюнул слизистый комок, немного отдышался.

Желудок нестерпимо крутило.

— Ты жив? — голос Искры прозвучал над самым ухом.

— Похоже, да, — промямлил Сергей. Омерзительный привкус во рту оставался — будто

сожрал протухшего слизняка.

— Они не идут дальше.

— Почему?

— Наверное, святое для них место.

Сергей приподнялся на руках. Под пальцами что-то противно разъезжалось.

В бледном свете единственного огненного шара, все еще висящего в воздухе, виднелись очертания Смехачей, отчаянно машущих дубинами. Людоеды выстроились тесной цепью, исступленно кричали, но не осмеливались сделать и шага.

— Как мило с их стороны, — сказал Сергей. Он сел, поднес ладони к глазам — измазаны в густой липкой слизи. Какая гадость! — Мне кажется, или нас уже сожрали?

— Что?

— Чувствую себя, будто в желудке у здоровенной твари.

— А, нет, — голос Искры оживился. — Слизь — она тут везде. Зато мы почти добрались до света.

— Отлично, — прохрипел Сергей.

И действительно — в крошечном мраке растекалось бледное свечение, исходящее ориентировочно из центра впадины. И как девчонка заметила его раньше? И как он не заметил его сам?

— Пойдем туда? — спросил Сергей, кивнув в сторону свечения.

— Пойдем, — кивнула Искра. Грязная, в исполосованной когтями рубахе, измазанная в слизи, она выглядела спокойной и уверенной в себе. Впору учиться подобной стойкости.

Жжение в груди стихло, и Сергей засветил оставшийся шар ярче. Он почти не источал тепла и не мог служить оружием, но, как фонарь, работал отлично. Бросив последний взгляд на беснующихся Смехачей, беглецы направились в сторону бледного свечения.

Идти пришлось нелегко. Ноги липнут. Вся поверхность впадины равномерно измазана прозрачной слизью. Длинные тонкие нити тянутся за подошвой при каждом шаге. Кроме того — еще и скользко.

Сергей чертыхнулся, чуть было не растянувшись при первых же шагах. Постепенно из темноты стали выступать очертания угрюмых серых стен, каких-то строений: кубических, низких, точно прибитых к земле. Не видно не то что окон, но даже дверей. Не строения — каменные гробы или саркофаги.

— Смотри, — Искра указала на ближайшую стену.

— Странно, что не решились идти за нами...

Смехачи явно навешали это место, и не раз: стены пестрят корявыми рисунками. Думать, чем их наносили, не хочется, но оттенок «краски» тот же, что и у пятен на алтаре, и у сваленной в кучу изорванной одежды. Похоже, людоеды стремились запечатлеть здесь моменты своих побед — как на охоте или в стычках с себе подобными, так и в личной жизни. Сцены пестрели схематическими изображениями охоты на больших червей и на людей, а также показывали процесс поедания и тех, и других. Каждая такая сцена заканчивалась обязательной массовой оргией.

— Осторожно! — остановила Сергея Искра. — Смотри.

В земле зияло отверстие диаметром чуть меньше метра, еле-еле затянутое тонким слоем слизи.

Сергей выругался.

— Вот почему они не пошли за нами. Похоже, испугались Ползунов. Странно, что

приходили раньше.

— Может, черви пришли недавно? — предположила Искра.

— Может... — протянул Сергей. — Но так загадить все это за короткое время? — он обвел рукой впадину.

Сергей специально обошел вокруг одного серого строения, внимательно присматриваясь, выискивая хотя бы намек на щель дверного проема, — ничего. Монолит. Посмотреть бы, что внутри. Надо думать, сооружения возвели уже после катастрофы. Возвели на совесть. Хотели что-то спрятать? Жаль, сил совсем не осталось.

Между строениями-гробами то и дело попадались отдельные могилы — небольшие холмики земли, каждый из которых украшен подобием грубого креста, составленного из пары переплетенных толстых проволок. На крестах висят ожерелья. Сергей даже не сразу понял — из чего они сделаны. Зато когда присмотрелся, его передернуло: скальпы — сухие и скукоженные. Некоторые могилы провалились, видимо, подрытые червями.

— А может, и не Ползуны их остановили, — потер небритый подбородок Сергей. — Как думаешь, могут Смехачи захоранивать здесь своих... не знаю... вожаков или почетных воинов?

— Наверное, — согласилась Искра, брезгливо рассматривая ожерелье из скальпов. — Но тогда мы все еще в опасности.

Сергей криво усмехнулся.

— Кто же спорит? Потому давай поторопимся.

Призрачный свет исходил из-за невысокой каменной стены, кольцом охватывающей похуже на бункер сооружение. В ее крыше разместился излучатель, из которого на несколько метров вертикально вверх выстреливал снап света. Очень странного света. Либо здесь, во впадине, сильный туман или дым (чего не ощущается), либо излучение представляет собой неизвестную Сергею субстанцию: снап не был особенно ярким, но при этом он не терял светимости по всей своей длине. Больше того, вокруг него, подобно пару, клубилось облако. Еле заметное у основания, оно расползлось кверху, в конце концов превратившись в подобие ядерного гриба — одноцветного и застывшего, почти недвижимого.

— Что за черт? — задрал голову, проговорил Сергей.

— Они и тут были, — сказала Искра. Ее внимание больше привлек не свет, а то, что стояло по внешнему периметру каменного кольца.

С вбитых в землю толстых труб, перевитой арматуры и переплетений проволоки на незваных гостей смотрели пустые глазницы распятых людей. Их тела превратились в подобие мумий, но не обычных, сухих, каких себе представлял Сергей, а влажно поблескивающих в бледном сиянии «гриба». На останках все еще виднелись клочья порядком истлевшей одежды.

— Не местные? — предположил Сергей.

— С поверхности, — кивнула Искра.

Ее кулачки сжались.

— Тогда давно висят.

Спутница оставила его реплику без внимания.

— Выглядят странно. Почему такие... свежие? Смехачи держат пленных?

— Не знаю, — голос Искры звучал глухо. — Не помню, чтобы слышала о таком.

Озаряемые призрачным светом, мертвецы выглядели... опасными. Стоило немного повернуть голову — и взгляд пустых глазниц перемещался следом, не отпуская, оценивая.

Казалось, несчастные в любое мгновение готовы вырваться из пут ржавой проволоки – и спуститься, поприветствовать гостей. Вот только вряд ли такое приветствие будет теплым – место в переплетениях проволоки и арматуры еще есть.

— Они меня пугают, — наконец прошептала Искра. — Уйдем отсюда.

— Уйдем, но чуть позже. Стой здесь.

Сергей осторожно шагнул к кольцу ограды. Да, он говорил уверенно, но внутри уверенности ни на грош. Косясь на полуразложившихся стражей, нависших над головой, он заглянул за ограду. Кроме бункера с излучателем – ничего. Зато теперь стала хорошо видна арматура и проволока, которая удерживала мертвецов на месте. Их покрывал странный налет. Даже не налет – нечто вроде тончайших нитей паутины, кольшущихся на несуществующем ветру. Каждая нить покрыта темным налетом, точно пеплом.

Что за дрянь?

Сергей поморщился. Отчего-то налет казался ему живым. Дотронься – и эта гадость тотчас прорастет в тебе.

Издалека послышались возгласы Смехачей. Что же им все нейдет?!

Пристальнее осмотрев ограду на предмет странного налета и не обнаружив его, Сергей оперся об отполированный камень, перебрался внутрь кольца. Его ноги коснулись плотно уложенной плитки. Даже вблизи бледное свечение не резало глаз, а внутри снопа шло постоянное неторопливое движение мельчайших частиц. Зрелище завораживало, гипнотизировало. Будто отрываешься от земли, окунаясь в молоко облаков. Растворяешься в них.

Сергей потрянул головой, проморгался. Так недолго и голову потерять.

«А это что такое?»

Вокруг излучателя двумя витками шли письма. Причем языка Сергей не понял. Нижний виток – витиеватый мелкий шрифт, буквы которого больше похожи на клинопись. Верхний виток состоит всего из нескольких крупных знаков. Наверное, их можно назвать пентаграммами, если бы не множество дополнительных штрихов и дуг. Каждый знак индивидуален.

Сергей провел пальцами по одному из знаков. Материал на ощупь немного шершавый, но не бетон. Скорее, нечто вроде... полимера? Сам же знак, как и более мелкие письма, вырезан с идеальной точностью. Разумеется, если смотреть невооруженным глазом.

За спиной снова захохотали, но на этот раз Сергей не счел нужным отвлечься. Он осторожно вытянул руку, кончиками пальцев коснулся странного столпа света. Ни жара, ни холода – вообще ничего.

«Маяк, что ли?»

Странно, по всей видимости, эта штука стоит здесь очень давно. Людоеды тоже не вчера оккупировали старый город. Тогда почему излучатель не то что не разбит, но на нем нет и намека ни на царапины, ни на варварские рисунки? Ведь стены приземистых зданий разрисованы чуть не до крыш. Или твари настолько боятся света, что не решаются подходить к нему вплотную? Могли бы забросать излучатель камнями...

Сергей вздохнул. Строить предположения можно долго. Похоже, история этого мира состоит из нескольких крупных пластов (причем соприкасающихся друг с другом), уровень развития общества в которых различается кардинально.

Что же у них случилось? У кого бы узнать подробности? Но не слухи, а информацию, хотя бы частично основанную на фактах.

От прикосновения к плечу Сергей подпрыгнул на месте, судорожно обернулся.

— Они идут, — с вызовом проговорила Искра, глядя ему в лицо.

— А? Кто? — Сергей откашлялся.

— Смехачи.

Мысли в одно мгновение встали на место. Точнее, исчезли сторонние размышления.

Их уже было видно. Твари шли бесшумно, призрачными фигурами выныривая из темноты.

— Уходим, — прошептал Сергей.

— Куда? — на губах Искры появилась тоскливая улыбка. Женщина указала в одну сторону, потом в другую. Их окружили. Призрачные тени виднелись везде.

Сергей со злости ударил кулаком по знакам. Любопытство кошку сгубило, а теперь сгубит и его. Он затравленно осмотрелся. Не прорваться — людоеды замкнули кольцо. Будь у него достаточно сил, можно было бы попробовать разметать тварей, но сейчас его хватит только на то, чтобы подбросить в воздух двух–трех человек. А что потом?

И когда только успели обогнуть впадину? Человечину жрут — но мозги работают, пусть даже инстинкт самосохранения развит слабо.

— Попробуем прорваться. Цепь я прорежу, уверен. А потом надо будет бежать очень быстро. Искра, — он взял спутницу за плечи. — В тебе осталось больше сил. Потому меня не ждешь. Увидишь брешь...

— Я не вижу в темноте, — улыбнулась та. — Далеко я убегу?

— Значит, будет прорываться вместе! — прорычал Сергей. Даже понимая, что ничего хорошего впереди не светит, он не собирался отступить. Сдохнуть в желудках полудиких тварей — ну уж нет! Впрочем, сдохнуть в желудках любых других тварей не хочется столь же сильно.

Искра хотела что-то возразить, но Сергей ладонью закрыл ей рот. Времени на разговоры больше нет. Аргументы закончились.

Они перепрыгнули каменное кольцо. Сергей вдохнул жизнь в огненный шар. Тот вспух, засиял ярко–желтым. Возможно, не все так плохо.

Смехачи не торопились. Словно хорошо вымуштрованное военное подразделение. Остановились метрах в тридцати от излучателя.

— Что с ними? — спросила Искра. Женщина жалась к Сергею, и он чувствовал, как ее бьет мелкая дрожь.

— Не... — он так и не закончил фразу.

Людоеды завyli. Протяжно, на одной ноте. Вой погребальным плачем пополз по впадине, смешался с темнотой, опустился на беглецов могильной плитой. Хотелось вжаться в землю, закопаться так глубоко, чтобы больше никогда не видеть света, не услышать ни одного звука. Сергей поморщился, его взгляд упал на Искру. Та втянула голову в плечи, зажала уши руками.

Что это?! Что за адские песнопения?

Темнота — она укроет, она спасет. Она снимет усталость, заберет боль. Никакой боли. Никогда.

Ноги сами собой подогнулись. Сергей опустился на колени. Глаза слипались, и лишь огромным усилием воли удавалось держать их открытыми. Слабость сковала мышцы, превратила их в дряблый студень. Огненный шар потускнел, теряя свою силу. Впрочем, к чему свет? Темнота — в ней хорошо и уютно. Она добрая, приютит и не даст в обиду. Ничего

не болит, умиротворение, покой.

Перед глазами замаячила размазанная фигура. Она покачивалась из стороны в сторону, приближалась. Темное пятно на фоне бледного света и красных бликов. Сергей блаженно улыбнулся, протянул к пятну руку. Но пятно остановилось. Почему? До него так хотелось дотронуться. Оно должно подарить вечное спокойствие и направить в лоно темноты.

Сергей с натугой попытался подняться, но ноги не повиновались. Он снова выбросил перед собой руку, мысленно потянул пятно к себе, будто тащил его на аркане. Мелькнуло что-то алое – и пальцы обожгло острой болью. Сергей заорал, схватился за покрасневшую руку. Перед глазами замер почти погасший огненный шар. Откуда он здесь? За шаром, глядя исподлобья, стоял Смехач. Трудно сказать, мужчина это или женщина. Обтянутый бледной кожей скелет прикрывала свисающая грязными колтунами набедренная повязка. На руках и ногах звенят браслеты черного металла. Ощеренная морда сверкает подпиленными зубами, одного глаза нет, второй – запал, будто смотрит внутрь собственного черепа. В узловатых руках, покрытых пятнами желтоватой коросты, Смехач держал длинную палку, украшенную скальпами, зубами и усохшими костяшками пальцев. И эту палку он направлял на беглецов.

Шаман?!

Замершие плотным кольцом людоеды продолжали завывать. Почти неуловимо, но шаман двигался в такт заунывным стенаниям. Вот откуда его покачивания. Тварь будто пребывала в трансе, что-то шептала, иногда постукивала палкой по земле.

Сергей почувствовал, как тяжесть завываний снова сжимает голову, — и больше не стал медлить. Бледный шар огня вспыхнул с новой силой, с новой злостью. Раскаленным росчерком он метнулся к шаману, превратил его в вопящий факел.

Завывание Смехачей прервалось. Несколько долгих секунд, за которые Сергей за шиворот поднял Искру с земли и с силой встряхнул, царила мертвая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящего тела. А потом людоеды разразились безумными воплями: кто-то безумно захохотал, кто-то начал выть, некоторые издавали и вовсе неопишуемые звуки. А потом все они бросились с места. Но, вопреки ожиданиям Сергея, — в разные стороны. Часть тварей явно намеревалась добить непокорный ужин, но большая часть повернула вспять.

Сформировать широкий ударный конус, метнуть его в набегающих людоедов. Воздух врезается в податливые тела, крошит кости, разрывает внутренности. Теперь развернуться – огненный шар прочерчивает широкую дугу и захватывает еще троих Смехачей. Двое увернулись, припали к земле. Искра без сил осела у ног Сергея.

Черт с ней, пусть приходит в себя!

Неожиданно крики где-то там, в темноте, сменились воплями ужаса и боли. Раздался громкий, утробный рев. Это не люди.

В спину и плечо что-то тяжело врезалось. Сергей не устоял на ногах – и полетел вперед, в последний момент успев выставить перед собой руки. Он еще не остановился, а рядом уже кто-то мелькнул. Следующий удар пришелся по ноге, чуть выше колена. Боль резанула сознание. Сергей ударил без подготовки, наотмашь. Воздух вокруг него сжался – и разошелся в стороны двойной волной. Тень исчезла.

Рев повторился, но уже с противоположной стороны впадины. Сергей поднялся на ноги, зашипел от боли. Раненая нога почти отнялась, кровь в ней пульсировала болезненными ударами. Отчаянно хромя, он доковылял до Искры. Та только-только начала приходить в себя: глаза мутные, на губах блуждают остатки умиротворенной улыбки.

— Вставай. Пожалуйста! — Сергей подхватил женщину под мышки, поставил на нетвердые ноги, затем перекинул ее руку себе на плечо.

«Полторы калеки!» — с раздражением подумал он, злясь прежде всего на себя. Если бы не развесил уши, разглядывая излучатель, сейчас могли быть уже на другой стороне впадины. Уйти по-тихому. Что ж, теперь жаловаться и ругаться поздно. Надо шевелиться, благо пока позволяют Смехачи. Твари выныривали из темноты и снова пропадали в ней. В их сумбурном движении нет закономерности, нет логики. Они будто разом сошли с ума.

Перед самым носом Сергея, из-за угла бетонного саркофага, расписанного сценами обезглавливания пленных, выскочил людоед: лицо перекошено маской не то ужаса, не то боли, одна рука отхвачена по локоть, а из обрубка хлещет фонтан крови. Тварь была перепачкана в слизи и тихо завывала. Увидев недавнюю дичь, Смехач остолбенел, а потом его рот раскрылся в безумном хохоте. Сергей поморщился, но не стал трогать гада — взял в сторону, поковылял дальше. А тварь все так же продолжала стоять и смеяться, окропляя землю вокруг себя алыми каплями.

— Куда мы идем? — заплетающимся языком спросила Искра.

— Подальше отсюда, — бросил Сергей. Вдаваться в разъяснения — впустую терять силы, а легкие и без того начинают гореть.

— Это была песнь ведуна, да?

Сергей молчал.

— Не знала, что у Смехачей есть ведуны.

Очень хотелось узнать, кто такие ведуны и почему они не могут вскрыть ходы, ведущие на поверхность. Но эти вопросы терпят. Куда интереснее: что за зверушки заставили неугомонных людоедов показать спину?

Будто в ответ на его немой вопрос земля впереди вспучилась, брызнула в стороны. По ногам прошла ощутимая вибрация, в воздухе разлился острый запах прогорклого жира. Из образовавшегося в земле отверстия показалось склизкое, белесое тело. Бледная плоть разошлась округлым, испещренным длинными зубами ртом. Тварь взревела, начала выталкивать себя из-под земли.

Сергей и не заметил, как Искра убрала руку с его плеча.

— Ползун, — прошептала она.

— Знакомиться не будешь?

Боль в ноге сделалась далекой и несерьезной. Адреналин бушевал в крови, разгоняемый чувством страха. Спустя десятка полтора шагов беглецы стали свидетелями того, как длинный червяк медленно заглатывал верещащего Смехача. Ноги людоеда уже исчезли в пасти хищника, но сам дикарь оставался жив. Из его носа обильно текла кровь, но Смехач продолжал отчаянно молотить руками по безглазой, покрытой вздымающимися складками морде.

— Не будем им мешать... — проговорил Сергей.

На этот раз земля вспучилась прямо под ногами. Сергея подбросило чуть не на метр. Он упал, откатился в сторону, отплевываясь. Но встать уже не успел. Над ним нависло нечто, истекающее длинной, тягучей слюной. Раскрылась чернота зловонной пасти. От вида трех рядов зубов, расположенных по кругу, Сергея передернуло. Он взмахнул рукой, посылая в червя огненный шар, все еще висящий в воздухе. Пламя с жадностью вгрызлось в предложенное угощение. По кольчатому телу Ползуна пробежала судорога. Он взревел, резко свернулся спиралью. Хвост с остервенением молотил по земле. Червь, длиной метров

восемь, мог задавить в агонии, даже не заметив.

Сергей, опираясь на руки, отскочил – и тут же уперся в бок другого Ползуна.

Да что же это такое?!

Уплотнившийся воздух всколыхнул белесое тело, но червь только недовольно взрыкнул, повернул тупую башку в сторону обидчика. Где-то взвизгнула Искра. Сергей до боли закусил губу, почувствовал привкус крови.

Не сдаваться! Это всего лишь черви, пусть и очень большие.

Со стоном Сергей поднялся на ноги, но тут же был опрокинут обратно. Вблизи пасть, оснащенная тремя рядами зубов, походила на нутро какой-то диковинной бурильной машины. Трубчатый язык осторожно пробовал воздух. Дышать стало почти нечем. От вони, исторгаемой бездонной глоткой, слезились глаза.

Мысли в голове завели бешеный хоровод. Спасаться! Не сидеть! Попытка создать новый огненный шар окончилась неудачей – в сумраке что-то невнятно вспыхнуло и тут же погасло. Периферийным зрением видно: Ползунов становится все больше. Призрачное свечение будто впитывается в их шкуру, делает ее прозрачной. Удивительно, но Сергей действительно увидел перекачивающиеся под толстой шкурой могучие мышцы, толстые артерии. Задержи взгляд немного дольше – и доберешься до внутренностей.

Но почему они не нападают?..

И действительно, черви ползали рядом, почти касаясь его телами, но не проявляли агрессивности. Даже тот Ползун, что раскрыл над ним пасть, отстранился, водя мордой из стороны в сторону.

— Искра... – вполголоса позвал Сергей, боясь испугнуть подземных тварей.

— Я здесь, — услышал он тихий, сдавленный шепот.

— Все хорошо?

— Не знаю...

— Ты ранена?

— Нет.

— Хорошо.

Осторожно, без резких движений, он поднялся на ноги. Черви по-прежнему реагировали на него, точно он пустое место. Очень странная перемена, учитывая первоначальную агрессию. Осторожный шаг, еще один. Ползун с разинутой пастью отвернулся, а потом и вовсе пополз в сторону излучателя. Там уже собралось по меньшей мере полтора десятка червей – они лежали, вытянувшись, не шевелились. Ни дать, ни взять – отдыхающие на солнечном пляже.

Искра стояла, вытянувшись в струнку, и, кажется, не дышала. Сергей осторожно обнял ее за плечи.

— Спокойно. Все хорошо. Похоже, они не собираются нас есть.

— Почему?

— Бесы их знают. Может быть, нажрались аборигенов?

— Кого?

— Смехачей. Пойдем отсюда?

Искра только кивнула.

— Они обнюхали меня, — сказала спустя минуту. — Мне так показалось.

— Меня тоже. Думаешь, дело в запахе?

— Не знаю.

Они медленно шли от излучателя. Сергей засветил небольшой огненный фонарь. За всем переполохом он потерял направление и потому теперь не имел понятия – идут ли они в противоположную сторону от алтаря с кучей костей, или возвращаются.

— Не оборачивайся, — проговорил тихо. — Мы не одни.

Искра резко дернулась, обернулась. За ними на небольшом расстоянии беззвучно следовала свита из трех Ползунов.

— Охраняют. Бояться нечего, — ободряюще улыбнулся Сергей.

Искра только зябко повела плечами.

— Ты знаешь, что это за место? — спросил, надеясь отвлечь спутницу от дурных мыслей.

— Старый город.

Логичный ответ.

— А что это за свет?

— Не знаю.

— В Москве такое кто-нибудь делает?

Женщина задумалась.

— Адепты Золотых башен иногда зажигают воздух. Не огнем, как ты. По-другому.

— Кстати о магах, кто такие ведуны?

Искра с подозрением посмотрела на спутника.

— Ты странный. Спрашиваешь о том, что всем известно.

— Мне неизвестно, — пожал плечами Сергей. — Представь, что я приехал издалека.

— Откуда?

— Разве это так важно?

— Нет, — Искра ненадолго замолчала. — Ведуны похожи на магов. Но они другие.

— Как это?

— Ну... ты маг, ты знаешь, откуда берешь силу для своих заклятий.

— Она рождается внутри меня... — неуверенно предположил Сергей.

— Вот! А ведуны такой силы лишены. Зато они могут впитывать силу других людей.

— Так вот к чему были все эти завывания.

— Да. Опытному ведуну достаточно пройти сквозь толпу — и он насытится силой. Некоторые используют жертвоприношения. Я не знаю точно, но такой ритуал требует времени на подготовку, но и сил дает намного больше. Опытный, старый ведун, напоенный силой, может на равных схлестнуться с адептом из Малого Собрания.

— Значит, нам повезло.

— Угу. Но сейчас ведунов почти не осталось. Золотая башня истребила почти всех.

— Почему?

— Из-за страха. Ведуны неуправляемы, их поступки нельзя предсказать. Пока ведун не начал тянуть силы из других — он ничем не отличается от обычного человека. Маги говорят: это зависимость. Стоит всего раз подпитаться за счет ближнего — и остановиться уже нельзя. Ведун может взять немного сил, а может выпить до дна, до самой смерти. Во время мора, когда целые города сжигали вместе с жителями, иногда еще живыми, ведуны подходили к стенам или шли по улицам. Говорят, мор обходил их стороной, и они, точно падальщики, сползались к особенно крупным очагам болезни. Страдания и боль — вот их хлеб и вода.

— Есть основания их не любить, — хмыкнул Сергей.

Они шли еще некоторое время, когда за спиной раздался трубный рев. Сергей

обернулся. Ползуны остановились, развернулись градусов на двадцать к тому направлению, в котором шли беглецы.

— Пойдем, пусть уходят, — Искра потянула Сергея за руку. — Они с нами прощаются.

— Нет, подожди.

Один из червей снова протрубил.

— Они чего-то хотят... Ну-ка...

Сергей развернулся, двинулся к Ползунам.

— Ты куда?! — в голосе Искры звучало беспокойство.

— Идем. Если я не прав — ничего страшного не случится... надеюсь, — добавил он тихо.

Черви терпеливо ждали и только, когда Сергей немного обогнал их, — снова сдвинулись с места.

— Они что, показывают нам дорогу? — удивилась Искра.

— Похоже на то. Эти твари здесь неспроста живут. И неспроста их боятся Смехачи. Не удивлюсь, если кто-то оставил их в качестве надзирателей.

— Ползунов? — недоверчиво усмехнулась спутница.

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю.

— Их нельзя приручить и тем более заставить что-то делать, — убежденно замотала головой Искра. — Твари Темных веков жестоки и кровожадны. У них нет других помыслов, кроме как убивать.

— Не будем спорить.

Черви сопровождали их до окраины впадины, а затем просто развернулись и направились обратно.

Сергей почесал затылок, осмотрелся. Никаких признаков разрушений или завалов. Впадина плавно перетекала в каменистый подъем. Камни были округлые и влажные, покрытые налетом плесени. Где-то между ними отчетливо журчала вода.

Пламя импровизированного фонаря заметно задрожало.

— Пойдем на звук, — сказал Сергей. — Похоже, здесь сквозняк.

Они старались ступать как можно тише, не разговаривали. Каждый прислушивался к журчанию, пытаясь выискать источник ручья. Подняться для этого пришлось весьма высоко. Осклизлые камни то и дело норовили выскочить из-под ног. Здесь вода капала и сверху, с невидимого потолка.

— Здесь! — воскликнула Искра, указывая на чернеющий проем.

— Молодец!

Теперь огненный фонарь трепетал постоянно.

В узкий проем Сергей сунулся первым. Поначалу идти пришлось боком, цепляясь за острые выступы. Ручей протекал прямо под ногами, причем течение ощущалось весьма отчетливо. Но вскоре стены отпрянули, идти стало легче. Но ненадолго.

— Надеюсь, мы не выйдем прямо в подземную реку, — сказал Сергей, в очередной раз попав под ледяной душ.

Искра заметно дрожала, ежилась, но не жаловалась.

Вода струилась отовсюду: бурлила под ногами, стекала по стенам, рушилась на головы тугими струями. Удивительно, что коридор до сих пор держится, а не сложился, подобно карточному домику. Наверняка порода испещрена трещинами и с каждой минутой

вымывается все больше.

Идешь, будто сквозь мерцающую пелену. Почти в полной темноте. Поддерживать хотя бы видимость горения огненного фонаря почти не удавалось. Тлеющий уголек указывал лишь примерное направление и то, что коридор все еще не кончился.

— Дай руку! — прокричал Сергей, перекрывая шум воды. В ладонь ему легли дрожащие пальцы Искры. — Держись, — попытался приободрить спутницу.

Он почти захлебывался в хлещущем со всех сторон потоке. Вода поднялась до колен. Каждый шаг давался с огромным трудом. Искра оступилась, но не разжала руки. Сергей немного подтянул ее к себе – и женщина сумела зацепиться ногами за дно, поднялась.

Они напали внезапно. Бесшумно. Обошлись без опостылевшего хохота. Несколько теней одновременно скользнули откуда-то сверху. Сергей пропустил бы их появление, если бы не громкий всплеск. А потом началось безумие. Людоеды взвыли так, что зазвенело в ушах. Не обращая внимания друг на друга, толкаясь и суетясь, они бросились в атаку. Вероятно, потоки воды мешали и им, иначе бы для беглецов стал фатальным уже первый, самый безумный натиск.

Удары дубинок сыпались градом. Сергей попытался прикрыть собой Искру, но цепкие пальцы Смехачей вырвали ее из его объятий, отбросили на стену. Женщина пронзительно вскрикнула, но не растерялась – преодолевая сопротивление воды, ногой ткнула уже было бросившемуся на нее людоеду между ног. Тварь взвизгнула, отпрянула.

Сергей пропустил удар в плечо. Рука тут же онемела. Развернуться, толкнуть людоеда в грудь.

Ногу пронзила острая боль – другой Смехач вцепился в нее зубами, повис, словно бультерьер. Отрывисто рыкнув, Сергей попытался отмахнуться от него, но тварь только сильнее впиалась в плоть. Похоже, кожа штанов ее совершенно не останавливала.

В голове все шло кругом. Попытки создать воздушную волну ни к чему не приводили, выходили лишь слабые потуги, почти сразу разрушаемые потоками воды. А людоеды наседали. Сергею удалось увернуться от удара дубинкой в лицо, но тут же что-то острое процарапало спину. Тело мага стремительно слабело, одна нога подогнулась. Слишком много потрачено сил. Нужна передышка, хотя бы небольшая.

На Искру набросились двое. Женщина отчаянно отбивалась, царапалась, но ее попытки лишь раззадоривали веселящихся тварей.

Сергей взревел, рука нащупала на дне бульжник. Размахнувшись, он что есть сил впечатал его в череп Смехача, грызущего ногу. Место укуса пронзила новая волна боли, но тварь отвалилась. Еще одна навалилась сзади, перехватила горло.

Искра увернулась от рук Смехача, бросилась бежать, но глубокая вода замедляла движения. Два шага – и ее настигли. Сергей с ужасом видел, как людоед замахивается дубинкой, как сучковатая палка врезается в голову спутницы. Удар пришелся в область виска. Женщина покачнулась и упала. Ее тут же за волосы подхватила одна тварь, потащила обратно – к впадине.

Ярость затопила сознание. Мир подернулся яркими бликами. Звуки слились в один глухой гул. От головы к ногам метнулась огненная судорога. Тело болезненно сжалось, а потом распрямилось, исторгая из себя раскаленный жар. Ближайших Смехачей разметало. На горло больше никто не давил.

Сергей выбросил перед собой руку – в грудь людоеда, держащего Искру, врезался невидимый воздушный локомотив. Грудная клетка схлопнулась – и тварь отбросило далеко в

темноту коридора. Искра упала в воду. К ней тут же метнулись оставшиеся твари.

— Мясо, отдай нам ее... – неожиданно выдавил из себя Смехач, вышедший перед Сергеем. Его безумные глаза готовы испепелить, черный язык беспрестанно облизывает губы. — Она наша. Ты – уходи.

Кровь до боли стучала в висках.

Он не отдаст ее! Ни за что!

Сергей не понимал, что делает, вверившись сокрытым в сознании навыкам. Однако вокруг него ширилась область, свободная от воды, — воздушный пузырь, отливающий голубыми бликами.

— Оставьте ее, — прохрипел он.

Смехачи засуетились, но добычу не выпустили.

— Я сказал – отпустите! Она моя!

Сергей рванулся вперед. Еще два Смехача отлетели к стенам переломанными мешками с костями. За спиной новый всплеск, раскатистый хохот.

Сергей подхватил Искру на руки. Та тяжело дышала, из пробитого виска толчками выплескивается кровь.

Развернуться. Дорогу к спасению преграждают пять людоедов – скалятся, что-то выкрикивают. Плевать – ярость и ненависть выплескиваются плотными, расходящимися в стороны волнами. Они сметают тварей, потерявших человеческий облик, дробят камень. Грохот и треск. Пол вздрагивает, по стенам бегут трещины. Удар, еще удар – внутри тесного коридора волны колотятся кузнечными молотами. Что-то рушится, с потолка сыпется каменный дождь.

Когда мутную полумглу прорезал первый луч света, Сергей даже не удивился. Грохот нарастал, пока не взорвался обвалом. Стены и потолок коридора, испещренные трещинами, крошились, проседали. Под грудами породы гибли Смехачи, не успевшие вовремя остановиться. А Сергей продолжал идти на свет. Воздушная защита надежно укрывала его и Искру от тяжелых камней. На несколько мгновений уровень воды сильно поднялся, но вскоре опал, проложив себе новый путь в толще обрушившейся породы.

Спотыкаясь, еле-еле переставляя ноги, Сергей брел по мелководью. Искра покоится у него на руках. Холодная и безжизненная. Невесомая, как пушинка. Воздушный пузырь исчез. За спиной осталась заводь, сейчас взбаламученная, с плавающими на поверхности белыми корнями и кусками камыша.

— Мы выбрались, — прохрипел Сергей, опускаясь на берегу на колени. Силы покинули его вместе с улетувившейся яростью.

На посиневших губах женщины появилась легкая улыбка. Веки дрогнула, открылись. В глазах нет ни боли, ни страха.

Сергей осторожно уложил ее голову себе на колени. Кровь продолжала сочиться из развороченной раны.

— Все будет хорошо. Я отнесу тебя к лекарю.

— Возьми это... – ее рука неуверенно зашарила по шее, нащупала там тонкий кожаный ремешок, дернула его. Ремешок порвался, в руке Искры остался простой деревянный амулет в виде половинки четырехлистного клевера. — Вторая часть осталась у Вторака. Мы получили их на свадьбу. Подарок. Должен был принести удачу. Не принес. Не хочу, чтобы он пропал. Возьми, пожалуйста.

— Он не пропадет, ты сама его сохранишь.

— Возьми, — ее рука дрожала. В глазах мольба.

Сергей принял амулет:

— Я сохраню, обещаю.

— Я знаю...

Рассветное солнце медленно выползло из-за крон высоких деревьев, растекаясь по небу грандиозным пожарищем. Сергей закрыл глаза, подставил лицо теплу. Он прижимал Искру к себе, баюкая, будто та просто уснула.

Она хотела жить. Хотела, несмотря ни на что. Боролась до последнего. К чему вся его магия, если в момент, когда это действительно необходимо, она оказывается бесполезной? К чему сила, если она не способна вернуть жизнь?

Все имеет свой закат. Только ночь заканчивается рассветом.

(с)

Сергей чувствовал, как проваливается в сон. Веки отяжелели – не открыть. Надс подняться и идти, но сил нет. На плечи будто водрузили многотонную плиту. Будто вся та порода, все то каменное крошево, в которое превратился спасительный коридор, обрушились разом. И не на воздушный пузырь–защиту – на собственную спину.

Он то ли уснул, то ли провалился в тягостное бессознательное забытие. Но времени прошло прилично. Солнечный диск уже давно миновал зенит и все активнее клонился к закату.

«Хорошо посидел...»

Голова тяжелая, гудит огромным пчелиным ульем. Но это еще полбеды. Суставы ломит так, будто невидимый экзекутор брался за них раскаленными клещами и медленно, со знанием дела выворачивал, дробя в мелкую труху. Жилы стягивает жестокой судорогой. По спине точно прошлись оглоблей, а укус на ноге до сих пор кровоточит.

«Не было бы заражения...»

И, тем не менее, он все еще жив. Жив, а значит, сможет терпеть. Должен терпеть.

Сергей осторожно положил Искру на речной песок. Сам, морщась, поднялся. Понадобилась не одна минута, чтобы заставить тело вновь повиноваться. Кровь нехотя разливалась по венам, неся за собой жжение и новые приступы судороги. Немного придя в себя, Сергей осмотрелся: довольно широкая, метров пятьдесят, река, с крутыми каменистыми берегами. Течение неспешное, тут и там виднеются небольшие наносные островки, поросшие камышом. Метров через триста по течению, вдоль берега, тянутся простые деревянные мостки. Похоже, деревня или городская окраина. Видны фигурки людей. Большею частью женщины, полощущие белье, и дети – купаются в тучах сверкающих брызг. Значит, туда и идти. Скрываться по канавам и кустам желания нет. Если кто и узнает господина Вятича – плевать. Он уже и без того наследил порядком.

Сергей вернулся к Искре, поднял женщину на руки. Спина отозвалась ноющей болью в пояснице. Пень трухлявый! Неужели маг не в состоянии поддерживать собственное тело в приличной физической форме? Неужели для этого нет необходимых заклинаний? Или все дело в неумелом использовании магии?

Долго идти вдоль берега не получилось – вскоре ноги начали вязнуть в топком иле, сменившем песок. Пришлось подниматься по склону. Если бы не его каменистая основа, то тело господина Вятича издохло бы еще на середине подъема. А использовать магию Сергей не решился. До сих пор с ее помощью он лишь убивал или оборонялся. Нанести Искре, пусть и мертвой, дополнительные повреждения не хотелось.

Пятнадцать метров склона длились бесконечной чередой мелких шагов. И все же он добрался доверху.

— Ее душу забрали предки, ее тело заберу я, — услышал спокойный мужской голос.

От усталости Сергей даже не нашелся, что ответить.

В нескольких шагах от края склона, на двухколейной дороге, стояла деревянная повозка,

запряженная мохноногим гнедым тяжеловозом. Возле повозки застыл человек. С беспристрастного, немного полноватого лица смотрели пронзительные черные глаза. На щеках незнакомца играл здоровый румянец, а под подобием коричневой рясы, подпоясанной веревкой, угадывался внушительный живот.

Сергею человек напомнил дородного монаха из какого-нибудь небедствующего аббатства. Выбрался святой отец в город за пивом или какой снедью.

— Ты кто? — прохрипел Сергей, продолжая держать Искру на руках.

Удивительным образом одна бровь незнакомца сдвинулась к переносице, а вторая приподнялась. Он склонил голову набок, окинул Сергея недоуменным взглядом.

— Я Сборщик. И я помогу ее телу завершить земной путь.

— В виде безмозглого зомби? — зло спросил Сергей. После того что он успел увидеть в Доме Жизни и позже, на улицах города, судьба тела Искры представлялась ему весьма однозначной.

— Зомби? — Сборщик пригладил редкие волосы толстыми пальцами. — На все воля распорядителя Дома Жизни. Только он решает — как использовать новопривывшее тело бездыханное.

— Ее надо похоронить, — упорствовал Сергей. — У вас есть Могильник. Я знаю.

— Есть, — кивнул Сборщик. — Но это тело кажется мне здоровым и весьма подходящим для дарования ему второй жизни.

Его глаза оценивающе пробежались по Искре.

— Она и без того пережила многое, чтобы страдать и после смерти.

— Страдать? — толстяк засмеялся, отчего румяные щеки запрыгали, будто пара бурдюков с вином. — Ее душа далеко отсюда. В краю предков. А тело — лишь оболочка, ничего более. Скажи мне, добрый человек, кто ты? Я чувствую смерть на тебе. Много смертей, но не ее.

— Побывали в старом городе. Познакомились со Смехачами. Я выжил, она — нет.

Сборщик резко посерьезнел.

— Открылся ход? Где?

— Нет. Нас сбросили в старый город. Выбрались через какую-то нору. За нами не пройти.

— Ай-ай-ай, — поцокал языком толстяк. — Я провожу тело женщины в последний путь, а ты, добрый человек, сходи к Золотым башням. Подай прошение Большому Собранию. Им будет полезно напомнить о людоедах проклятых.

— Обязательно схожу, — кивнул Сергей. — Могу я проводить мою спутницу до Дома Жизни?

— С чего желание такое?

— Хочу поговорить с распорядителем насчет судьбы ее тела.

— Возражать не могу, — пожал плечами Сборщик. — Располагай ее в повозке, и в путь двинемся.

Сергей осторожно уложил тело Искры на дно повозки. Самые простые доски, даже немного подгнившие, но испещренные мельчайшими, аккуратно вырезанными письменами. Непонятными письменами. Сборщик, видя интерес неожиданного попутчика, пояснил:

— Дабы тела сохранить в виде надлежащем.

— Прошу прощения за несдержанность, — проговорил Сергей спустя несколько минут безмолвной поездки. — День выдался трудный.

— Поверь, добрый человек, сегодня ты доказал себе и всему миру, что предки еще не ждут тебя за своим столом. Их кубки не поднимутся в твою честь. Немногие спускались в старый город и возвращались на своих ногах. Подумай об этом.

— Подумаю, — поморщился Сергей. — Скажи, а как ты оказался рядом? Это не случайность, ведь так?

— Это провидение, — важно сообщил Сборщик, наставительно подняв указательный палец.

— А что будет с телами людоедов и их жертв? Там, внизу, очень много останков тел. Это не опасно?

— Это риск, на который мы вынуждены пойти. Мор в лету канул. Нет прежней надобности в обработке всех тел. Москва еще не забыла тот ужас, что поднимался к ней из старого города. Смехачи — зло. Они должны быть уничтожены, а их жилища выжжены пламенем. Но не сейчас. Не сейчас.

— А вы уверены, что потом будет время?

— На все воля предков. Только им ведомы пути дня завтрашнего.

Сергей надеялся на другой ответ. Надеялся, что зацепит Сборщика, но тот, похоже, не терял бдительности и не собирался вступать в споры.

— Дивлюсь на тебя, добрый человек, — неожиданно продолжил толстяк. — Странно говоришь, странные вопросы задаешь. По моему разумению, нужно тебя сдать городской страже. Потолкуют с тобой по-свойски. Предки мне в свидетели, вроде и наш, а чужой.

Сергей напрягся. Он только немного пришел в себя — и что, снова драка? Благодушный толстяк не выглядел опасным, но полагаться на одну внешность глупо. Вряд ли, шатаясь по самым злачным местам и темным подворотням, Сборщики оставались всего лишь учтивыми собирателями трупов.

— Смерть на тебе, и смерть идет за тобой, — его голос звучал задумчиво.

— С удовольствием бы отвязался от нее, — буркнул Сергей. — Смерть не та подруга, с которой хочется идти об руку.

— Не всегда дано нам выбирать проводников наших.

— Так что со стражей? — хотелось поскорее расставить все точки над «i» и не коситься на каждое движение Сборщика, ожидая какой пакости.

Толстяк самодовольно усмехнулся:

— Не мне судить тебя, добрый человек. Предки рассудят, а я, если на то будет их воля, помогу твоему телу завершить земной путь. Но дам совет: не каждый станет выслушивать вопросы, не каждый после них займется своими делами. Люди не доверяют незнакомцам. А незнакомца, задающего глупые вопросы, проще на помост возвести. Ума ради.

— Видел уже такое, — поморщился Сергей. — Только на помосте была своя. Не очень ей это помогло.

— Знамо дело — знаний возжелала запретных. Вот и ты не желай большего, чем можешь съесть.

— Почему ты мне все это говоришь?

Сборщик сокрушенно помотал головой:

— Беда с тобой, добрый человек. Голосу разума не внемлешь...

Они обменялись еще несколькими ни к чему не обязывающими репликами и всю оставшуюся дорогу провели в молчании.

К Дому Жизни повозка подъехала довольно узкими, хотя и чистыми переулками. Здесь

не было людей, редкие окна плотно закрыты ставнями и вроде бы даже заколочены. В просторном дворе, где с легкостью могло разместиться десять таких повозок, на какой приехали Сергей и Сборщик, царила тишина. Солнце уже покраснело и наполовину скрылось за домами, отчего по камню двора поползли длинные тени. Почти полная тишина. Звуки будто обходили это место стороной.

Сборщик слез с козел, кряхтя и охая, потянулся. Он настолько сильно отличался от того человека, с которым Сергей разговаривал во внутренних помещениях арены, что причислять их к владеющим одним ремеслом казалось совершенной глупостью. Между тем толстяк прошествовал к широким двустворчатым дверям, возле которых, внутри полукруглой арки, на веревочных растяжках висел гонг. Идеально начищенный металл отливал оранжевым. Почти зеркало, разве что сильно искажающее. Сборщик подхватил висящую тут же колотушку и от души ударил в блестящую тарелку. По двору раскатился низкий, насыщенный гул.

Вскоре двери отворились, и в них появился высокий человек в черно-сером, ниспадающем до пят одеянии. Сергей сощурился. И чего они все на одно лицо? Как их отбирают? Такое ощущение, что людоеды из старого города питаются примерно так же, как и эти ходячие скелеты. Те же обтянутые кожей черепа.

Сборщик показал что-то на пальцах, адепт Дома Жизни кивнул – и тут же из-за его спины высыпало четверо коротконогих уродцев в грязных фартуках и сапогах. Они деловито просеменили к телеге, невнятно переругиваясь, попытались достать из нее тело Искры.

— Подождите! — крикнул Сергей. Уродцы остановились, уставились на него. — Я бы хотел попросить вас не воскрешать эту женщину, — Сергей подошел к адепту Дома Жизни.

— Кто вы?

— Меня зовут Здебор Вятич. Я был у вас... несколько дней назад. Меня доставили по ошибке, но все разрешилось благополучно.

— Здебор Вятич, — медленно произнес адепт. — Да, я помню это имя. Вы не посетили Дом Исцеления?

— Не довелось, — поморщился Сергей.

— Напрасно. Скверно выглядите.

— Я знаю.

— Судьбу каждого тела решает распорядитель, но вы можете выкупить право распоряжаться телом по собственному усмотрению.

— Сколько это стоит? Мне положена компенсация. Должен забрать на днях. Ее хватит?

— Пожалуй, — кивнул адепт.

— Вы похороните ее, как полагается?

— Разумеется. Через три дня. Северо-западная часть Могильников. Дом Жизни будет проводить плановое захоронение. Можете прийти в полдень. Как ее имя?

— Искра. Спасибо, — чуть склонил голову Сергей.

Он вернулся к повозке. Постоял, глядя, как уродцы осторожно извлекают тело Искры. Больше никакой ругани, действия строгие и отработанные. А всего-то надо было заплатить. Как это знакомо...

Сергей разжал кулак, в котором все это время покоился амулет в виде половинки четырехлистного клевера. Он обещал его сохранить – и уж это обещание выполнит. Завязать кожаный ремешок на шею – дело нескольких секунд. Больше здесь делать нечего. Можно уходить.

В конце концов, что такое смерть? Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытываем в жизни.

с) Аркадий Стругацкий

Сначала Сергей хотел вернуться в убежище Дарины. Очень уж странным у них вышло расставание. Знала она, куда Госпожа планировала выбросить его, не знала? А если не знала, то какую участь хозяйка Наслаждения Болью уготовила его спутнице? Вопросы, которые требуют ответа. Но не немедленного. Краснощекий Сборщик оказался столь любезен, что угостил Сергея глотком терпкого вина и хлебом с куском вяленого мяса. Поступок странный, но толстяк не пожелал его объяснить. Мысли отказаться не возникло, а потому, немного перекусив и восстановив силы, Сергей шел туда, куда разум настойчиво идти запрещал, — в имение господина Вятича.

Выбор, мягко сказать, не самый разумный. Если где его и ждут желтоглазые твари, то именно там. И все же какая-то сила не то чтобы тянула туда — звала. Будто в имении осталось нечто крайне важное. Странное чувство, но противиться ему Сергей не стал. Как бы то ни было, но дорогу к убежищу Дарины он мог найти только от имения господина Вятича. В конце концов, если ощущение важности исчезнет, на само пепелище можно просто не заходить.

Ощущение не исчезло. Напротив, оно росло, звало, позволяло почти безошибочно ориентироваться на городских улицах. Нет необходимости в точности повторять тот, самый первый путь сквозь зловонную каменную кишку, куда его завела любезная Видана.

Людей на улицах почти нет. Редкие прохожие жмутся к домам, стараясь не выходить из тени. Зато во всевозможных питейных и едальных заведениях шумно — слышится смех, громкие выкрики и иногда звуки потасовки. Все как всегда — нормальный ритм жизни. Уж лучше проводить время за кружкой пива, чем с факелом в руке плясать возле столба назначенной ведьмы.

Один раз мимо, сверкая босыми пятками и что-то прижимая к груди, пролетел парнишка лет десяти. Спустил полминуты, задыхаясь и матерясь, протопали стражники. Сергей благоразумно встал в тень, и потому его не заметили. Стражники так шумели, что было ясно: вряд ли надеялись поймать воришку в полумраке засыпающего города. Но свой хлеб отработывали честно, хотя бы созданием видимости погони.

Лишь на подходе к имению господина Вятича Сергея посетила мысль: а что, если маги Золотых башен засекли его схватку с мертвяком? Что, если выставила охрану? Хочет ли он встречаться с братьями по цеху? Хочет ли объясняться насчет всего произошедшего в имении и собственного состояния? Собственной смерти?

Может, развернуться и уйти, пока не поздно?

И все же время сомнений ушло. Таинственная сила манила, сулила ценную информацию. Уйти сейчас — потом наверняка жалеть. Сергей остановился за каменной оградой, прислушался. Кроме стрекота сверчков — никаких звуков. Стих даже ветер. Отсюда, в свете выкатившейся на небо луны, остов двухэтажного особняка выглядел темной кляксой на фоне ночного неба. Там, в неизвестности, мог поджидать хоть десяток голодных

мертвяков, а он все равно бы ничего не увидел и не заподозрил. Ну и плевать!

Осторожно ступая, Сергей двинулся к главному дому. Все та же развороченная центральная часть, те же останки стен, стоящих на одном честном слове. Запах гари выветрился.

Сергей сощурился, до боли в глазах всматриваясь в темноту развалин. Он выискивал не столько тени, сколько блеск желтых глаз. Но полагаться на одно зрение глупо. В тот раз в подвале он ощутил холод. Именно он стал предупреждающим звонком к появлению призрачных тварей. Но сейчас ничего подобного нет. Остается надеяться, что холод – это обязательный атрибут появления желтоглазых. Жаль, Сборщик на арене ничего определенного по этому поводу не сказал. Хорош источник информации. Впрочем, как и Госпожа. От воспоминания о хозяйке Наслаждения Болью Сергея передернуло. Жестокая стерва!

Он переступил порог дома. Зажечь бы огонь, да его только слепой не увидит. Осторожно, не провалиться бы в дыры в полу. Где же они были?

— Я знал, что ты придешь... – прошептала темнота.

Сергей вздрогнул, замер, пытаясь определить направление источника голоса.

— Ты чуть было не опоздал, — голос доносился сразу отовсюду. Тихий, шелестящий, будто ветер поднимает сухие листья. — Не бойся. Здесь никого нет.

— А ты?

Отрывистый смешок.

— Меня тоже нет. Я умер.

— Очень жаль, — Сергей немного пришел в себя. — А что, в Доме Жизни не приняли?

— Как же – приняли. Только не меня. Тебя.

— Вятич?! — выдохнул Сергей.

— Да. Я Здебор Вятич – хозяин этого поместья, адепт Золотых башен и кандидат на вхождение в Малое Собрание.

— Докажи, — ухмыльнулся Сергей. Отчего-то все напряжение вмиг слетело.

— Доказать?

— Да. Откуда я знаю, что за вон той кучей мусора не спрятался какой-нибудь бродяга, нашедший себе кров на ночь?

— Ты нашел это место, не зная дороги. Я позвал тебя. Мне неизвестно твое имя, но ты занимаешь мое тело. Занимаешь его непозволительно долго.

— Я никуда не спешу, — посерьезнел Сергей.

— Даже обратно, в родной мир?

Удар не в бровь, а в глаз. Такого предложения Сергей не ожидал.

— Это возможно?

— Да, если поторопиться. У нас есть два дня. Может быть, три. Потом уже ничего не исправить.

— Я весь внимание.

Темнота дома дрогнула, поплыла, сгущаясь в очертания человеческой фигуры. Сергей отпрянул на шаг. Нет – это не желтоглазая тварь. Нечто иное. Очертания набухли, будто выдавились из общего полумрака, а затем слабо засветились белым.

— Наверняка тебя мучают вопросы, — сказала тень.

— Сотни вопросов. Это твое тело?

— Мое тело у тебя, — на лице призрака проступили неясные черты. — Это всего лишь

иллюзия. Так проще говорить.

— Хорошо. Как я оказался в этом мире, в этом теле?

— Случайно, — развела руками тень. — Я ошибся. Поторопился.

— Хочется подробностей. Только прежде вопрос: в прошлый раз, когда я тут был, меня встретили не очень радушно. Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Знаю, — шелест превратился в змеиное шипение. — Но все по порядку. Сейчас их здесь нет. Ты в безопасности.

Сергей с недоверием осмотрел темную комнату. Втянул носом воздух.

— А где мертвяк? Должен вонять. Разве нет?

— Ты всегда задаешь столько вопросов?

— Да. Хочется быть в курсе дел.

— Получается?

— Нет.

Призрак усмехнулся.

— А ты дерзок... — сказано это не то с издевкой, не то с большим недовольством.

— Окружение располагает. Заезаешься — головы уже нет. Ну, так я слушаю.

— Да-да, — снова зашуршал призрак. — Признаюсь, я не знаю, кто ты и откуда. Тебя здесь вообще не должно быть, — очертания человеческой фигуры расплылись, почти слившись с полумглой, снова собрались воедино. — Я действительно Здебор Вятич. Вернее — его ментальное тело. Сознание, если хочешь. Некоторое время назад я случайно наткнулся на странную аномалию в одном из пустынных районов Москвы. Аномалия оказалась нестабильной и вскоре рассеялась. Мне не удалось установить ее природу, но вот назначение... оно было очевидно.

Сергей окинул взглядом комнату, выскивая, куда бы сесть. Не найдя ничего подходящего, уселся прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Главное не уснуть.

— Аномалия оказалась трещиной в ткани реального мира, — продолжал призрак Здебора Вятича. — Я видел, как сквозь нее на улицу выбрались две полупрозрачные твари с огромными желтыми глазами. Меня они не заметили... как мне показалось тогда. Моя ошибка — я не сообщил об аномалии Малому Собранию. Попытался разобраться самостоятельно. Оказалось, подобные образования весьма кратковременны и не имеют жестких ограничений в местообразовании. Я встречал их по всему городу. Выявил лишь одну закономерность — они всегда появляются в ночное время суток. Лучше, если небо затянуто тучами. Любой свет убивает аномалию.

— И что, каждый раз из этой дырки кто-то вылезал?

— Нет. Несколько раз мне удавалось наблюдать зарождение аномалии, но она так и осталась пустым грязно-бурым пятном.

— Что дальше?

— Я не знаю, когда меня заметили. Возможно, в самый первый раз. Предки, как я был слеп! Они начали охоту. Сущности, которые выбрались из аномалии, не имеют физического тела. Полагаю, в таком виде им легче преодолевать разрыв. Или же в их родном мире царят иные законы. Сейчас это не так важно. Важно то, что в нашем мире они не могут напрямую воздействовать на физические объекты.

Сергей поморщился. Для него стиль речи мага не вязался с окружающим миром. Ощущение нереальности происходящего. Будто попал в плохо поставленный спектакль, где актеры говорят современным языком, не обращая внимания на время и строй.

— Значит, они неопасны?

— Напротив – они сверхопасны, — возразил призрак. — Пришлым сущностям каким-то образом удается манипуляция с мертвой тканью. В частности – с мертвыми человеческими телами. Не знаю, принципиально ли для них использование именно тел людей. Возможно, с животными происходит то же самое. Вероятно, способности сущностей лежат где-то рядом с методикой воскрешения Дома Жизни. Они вновь запускают жизненные процессы в уже мертвом теле. Но если Воскрешенные, вышедшие из дверей Дома Жизни, — это исполнительные автоматы и только, то продукт воздействия пришлых способен самостоятельно принимать решения и делать выводы.

— Эта тварь была разумной, — поморщился Сергей.

— Ты о ком?

— Мертвый толстяк, который чуть было не прибил меня здесь.

— Они приняли тебя за меня.

— Я так и подумал: пришли говорить с тобой, а попался я. Подожди... – Сергей даже подался вперед. — Ты был здесь все это время. Так?

— Да.

— Значит, это ты пытался залезть в мою голову?! — тень молчала. — Здесь, когда мертвяк разворотил камин и выбрался наружу.

— Я пытался помочь, — прошелестел Здебор Вятич. — Ты слаб и неопытен. Ты пользуешься силой так, как если бы для поимки докучающего ночью комара поджег весь дом. И что главное – тратишь на это очень много сил. Крайне неэффективная работа.

— Помочь?! — Сергей поднялся на ноги. — Чем? Той зеленой иллюминацией?

— Ядовитый щит. Он и спас тебя.

— Охотно верю. А других способов помочь не было?

— Нет, — голос призрака мага не менялся. Монотонный шелест. Так и хочется прикрыть глаза, насладиться его спокойствием. — Ты бы умер, а я не мог этого допустить.

— Почему?

— Потому что мне нужно мое тело.

— А я?

— А ты отправишься домой. Ты же этого хочешь?

Сергей кивнул, снова сел:

— Почему помог только тогда? Твое тело могло умереть и до, и после. Даже прошлой ночью.

— Я привязан к этому месту. Я предвидел свою гибель – и успел подготовиться. Внутри этого особняка заложен определенный магический контур. Он поддерживает мое ментальное тело.

— Кто тебя убил?

— Я сам...

Глаза Сергея расширились.

— Но зачем?

— Мне было необходимо выиграть время. От сущностей из-за разрыва реальности не скрыться. Уверен, они отличные ищейки. Вывод один: достаточно укрыть может только смерть.

Маг-самоубийца. Кто бы мог подумать? Сергей внутренне пожал плечами. А он-то строил догадки, искал заинтересованные стороны. Детектив выискался – нечего сказать!

— И что, время выиграно? — спросил он, широко зевнув.

— Да, но все обернулось не так, как я планировал. Потому надо спешить.

— Хочешь обратиться за помощью к Золотым башням?

— Нет, — налетевший порыв ветра подхватил ответ, разнес его по всему дому. — Малому Собранию доверять нельзя. Чтобы попасть в него — мало иметь высокий магический потенциал, мало в совершенстве этот потенциал развить. Среди кандидатов на вступление идет постоянная борьба. Иногда тихая, иногда открытая, но всегда ожесточенная. О любой твоей слабости становится известно конкурентам. И будь уверен, они ею обязательно воспользуются. Я сейчас не в том положении, чтобы надеяться на помощь Золотых башен.

Сергей помотал головой. Что же так клонит в сон?

— Я видел с тобой женщину. Она помогала тебе идти после схватки с Воскрешенным. Кто она? — спросил призрак Здебора Вятича.

— Ее наняли расследовать твое убийство.

— Кто нанял?

— Угадай...

Очертания мага поблекли, свечение ненадолго стихло.

— Малое собрание?

— Да. Озабочены твоей кончиной.

Тень снова налилась мраком. Вроде даже раздалась в высоту и вширь, выросла. За ее спиной появились очертания не то крыльев, не то угловатых отростков. Черты лица, обозначенные белым свечением, проступили с удивительной четкостью. Сергей лениво подумал, что до сих пор ни разу не удосужился посмотреть в зеркало.

— Что ей известно?

— Немного.

— Ты говорил с ней?

— Немного. Она дважды помогла мне.

— Ей нельзя доверять! Каждый, кого ты встретишь на пути, может работать на моих конкурентов. Тем более если он сам ищет с тобой встречи.

— Не она искала. Я ее нашел. Здесь. Забыл?

— Где она сейчас?

— Не знаю.

Тень мага немного поблекла.

— Ты так и не сказал, что от тебя нужно желтоглазым? — спросил Сергей

— Как что? Убить меня.

— Зачем?

— Я научился их видеть. Заметил — люди проходят вплотную к ним, но только вздрагивают от неожиданного холода. Кроме того, наверняка это все лишь авангард. Разведка. Дальше будет хуже. Пойми — это мой мир, и мне здесь жить. Нельзя просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не происходит. Если не начать действовать сейчас, потом может быть слишком поздно. Я слишком поздно понял их подлинную опасность, но еще могу все исправить, — он немного помолчал, потом добавил: — Знаешь, я никогда никого ни о чем не просил. Теперь понимаю, не всегда так следует поступать. Ты единственный человек, к кому я могу обратиться за помощью.

— Я их тоже видел желтоглазых. И Сборщики... — задумчиво проговорил Сергей, проигнорировав последние слова мага.

— Сборщики? — тень задрожала, будто раздираемая порывами ветра.

— Да. И, похоже, что охота началась и за ними.

— Все еще хуже, чем я предполагал. Ты поможешь мне?

— А у меня есть выбор?

— Есть, но тогда ты проживешь недолго.

— Хорошая альтернатива. Что надо делать?

— Тебе придется немного побегать по городу. Во-первых, найдешь мою лабораторию.

Я расскажу как. Войти в нее сможешь только ты. Запомни это. Любой другой умрет на пороге. Амулеты не помогут. Снять защиту не пытайся – я постарался, ставя ее. Твоих умений не хватит. Из лаборатории принесешь мне транспортную призму. В ней я некоторое время смогу находиться вне поместья. Во-вторых, нам понадобятся ингредиенты для проведения... ритуала. И последнее – придется отыскать одного человека. Он помогал мне в первый раз. Поможет и сейчас. Но это уже после того, как будет сделано все остальное.

— Какой прошлый раз?

— Ты же не думаешь, что я просто наложил на себя руки.

Сергей снова зевнул, ничего не ответил. Он уже почти ничего не соображал. Глаза то и дело закрывались.

— Это был ритуал, с помощью которого я должен был разъединить свои тела – ментальное и физическое. Временно в физическом теле должен был оказаться мой ассистент. Спустя некоторое время, когда бы меня посчитали мертвым, мы бы вновь повторили ритуал, но в другую сторону. Но я ошибся.

— А если ошибешься снова?

— Это невозможно. Я просчитал все вероятности повторного ритуала. Больше никаких ошибок.

— Тебе было нанесено множество ножевых ранений. Это нормально?

— Адепты Золотых башен весьма живучи...

— А почему я не чувствовал боли, когда очнулся?

— Я подготовил тело к пробуждению, заложил в него программу восстановления. Не очень сложную и сильную, иначе бы ее заметили в Доме Исцеления, да и не специалист я в этом. Как вижу, ее хватило.

— Ну да, выгляжу живым. Только все тело в шрамах.

Призрак мага издал звук, словно приливная волна набежала на песчаный берег.

Сергей потер глаза и тут же чуть было не провалился в сон. Он оперся руками об пол, попытался встать, но тело реагировало на команды вяло. Откуда такая резкая усталость? Сквозь наполовину смеженные веки он видел, как призрак господина Вятича теряет четкость, расплывается черной простыней, затмевая собой и небо, и комнату. На непроглядном пятне отчетливо видны лишь штрихи лица – жесткие, угловатые.

— Все получится, — шелестело в ушах. — Этот мир не твой. Но я помогу тебе... доверься...

Голова все больше наливалась тяжестью. Руки опустились вдоль тела, подбородок коснулся груди. Дыхание стало спокойным и поверхностным. Странно, но Сергей все это чувствовал – пусть с запозданием, но отдавал себе отчет в происходящем. Он засыпал, тело напрочь отказывалось повиноваться, но разум отчего-то сопротивлялся сну. Сопротивлялся, будто вовсе и не устал. Как такое может быть?

Лица кто-то коснулся. Еле-еле, точно дуновение ветра. В ушах все еще стоял шелест

листьев. Что-то не так! Сергей попытался открыть глаза – тщетно: веки – многотонные плиты. Его приподняли – тело легкое, невесомое. Вокруг плещутся ласковые волны. Это расслабляет, укачивает. Тело погружается в толщу воды. Здесь трудно дышать, а движения, должно быть, плавны и неторопливы. Хочется посмотреть, наверняка зрелище должно завораживать. Но вода становится слишком плотной, слишком тяжелой. Она давит со всех сторон, сжимает. Голова начинает кружиться, немного тошнит. Вздохнуть удастся через раз, да и то не воздух – какую-то сухую взвесь, от которой першит в горле.

Нет, это не вода.

Что-то влажное, жаркое. Оно забирает силы, цепко держит в своих объятиях. От влажных прикосновений по всему телу пробегает судорога. Ощущение, будто лежишь в куче склизких внутренностей, еще свежих и горячих.

Чувство отвращения заполнило сознание. Выбраться! Быстро, иначе он сойдет с ума!

Острая боль пронзила неподвластное ему тело, пронеслась от головы до ног. Давление тут же опало, почти исчезло. Сергей внутренне ощерился. Боль и ярость – вот что еще ни разу не дало сбой в новом мире. Два чувства, идущие рука об руку. Они толкают вперед, высвобождают резервы сил. Только благодаря им он до сих пор жив. Плевать! Если это работает – боль станет постоянной спутницей.

Сергей закусил губу. Сильно, отчаянно. На голову точно ведро холодной воды опрокинули. Глаза распахнулись, из горла невольно вырвался болезненный хрип. Тьма развернулась, отпрянула.

С неба по-прежнему светила луна. Обгорелые остовы стен, обвалившиеся перекрытия, выгоревший второй этаж – все на месте. И призрак мага здесь. Витает над полом – дерганый, рваный, того и глядишь – развеется в ничто.

— Что с тобой творится?! — увидев, что Сергей поднес к лицу руку, зашелестел призрак. — Предки, дайте мне силы! Ты начал уходить.

— Куда? — заплетающимся языком спросил Сергей. Во рту стоял привкус крови. Кровь же текла по подбородку. Довольно обильно. Хорошо прихватил.

— Ты чуть не умер! — Здебор Вятич подлетел вплотную. Черты его лица сгладились, поблекли. Выражения не понять.

Сергей закашлялся.

— Ты уверен, что здесь нет глазастых тварей?

Подняться, подождать, пока закончится головокружение. Уже почти не тошнит.

— Ушли еще вчера. Не знаю куда. Возможно, решили – здесь ждать больше нет смысла. Потому я тебя и позвал.

Сергей утер ладонью кровь, поморщился.

— Тебе нельзя показываться на улице ночью, — прошелестел призрак. — В идеале – найти прочное и удаленное убежище. Есть такое?

— Удаленное разве что, — передернул плечами Сергей. — А все же, где мертвяк?

Призрак мага издал звук, больше похожий на плевок.

— Иди за мной. Не оступись, здесь...

— Знаю – дыры в полу.

Они прошли по дому, вышли в комнату с разгромленным камином. Сергей шарил взглядом по полу, но сожженной им твари не видел. Здебор Вятич обернулся, указал на темнеющую в полу дыру. Сергей хотел было возмутиться глупой шутке, но почувствовал слабый сладковатый запах разложения. Почти неуловимый. Пальцами он провел вокруг

дыры – и тут же отдернул руку. Что-то склизкое осталось на подушечках.

— Что это? — он обтер руку о штаны.

— Еще одна особенность воскрешения от наших иномировых друзей. Если наши Воскрешенные при должном уходе имеют вполне определенный срок работы и их тела не претерпевают резких изменений на протяжении всего срока эксплуатации, то тело повторно убитого тобой мертвеца распалось под первыми лучами солнца.

— Он исчез, что ли?

— Не совсем. Тут больше подошло бы – расплавился.

— Бред какой-то.

— Если спустишься вниз, найдешь его останки. Там наверняка натекла целая лужа.

— Ну уж нет. Спускался уже. Хватило раза с твоими ловушками.

— Всего лишь небольшая предосторожность, которая, к слову, не помогла против настоящих воров. Твоя подружка с напарником прошли сквозь нее, даже не заметив. Кто-то их неплохо экипировал.

Они разговаривали еще довольно долго. Призрак Здебора Вятича рисовал в воздухе светящуюся схему Москвы, на которой отмечал места, которые Сергей должен посетить. Мест оказалось немного – всего четыре, вот только разбросаны они в разных концах города.

— У тебя должны быть деньги – компенсация от Дома Жизни, — сказал маг и замолчал, глядя на Сергея.

— Я их еще не получил, — не повел бровью тот.

— Напрасно. Ингредиенты стоят денег. Некоторые из них придется заказать и ждать, пока доставят. Надеюсь, это не займет много времени. Кроме того...

— Подожди, — оборвал его Сергей. — Компенсация принадлежит мне. С чего бы мне платить за твои ошибки?

Тень мага вздрогнула, разлетелась клочьями черного тумана, плеснулась в углах комнаты.

— Мои ошибки? — шелест снова доносился сразу со всех сторон.

— А разве нет? Давай начистоту: если бы кое-кто сразу обратился к адептам Золотых башен, всего случившегося можно было бы избежать – по улицам не шныряли бы неизвестные твари, а я бы сейчас спокойно отдыхал в отпуске. Ты говоришь о большой опасности, но в то же время трясешься за свое мнимое членство в Малом Собрании, хотя на деле до сих пор являешься всего лишь претендентом. Возможно, твое место уже занято кем-то более расторопным. Или завтра Москву наводнят твари с желтыми глазами, или из могил поднимутся мертвецы. Ты останови меня, когда я скажу какую-нибудь чушь. Я схожу в Дом Жизни, мне несложно. Компенсация наверняка ждет у самого порога. Только скажи, Здебор, зачем мне возвращаться сюда снова? Что-то мне подсказывает: без помощи нервного призрака я самостоятельно справлюсь с делами. И затратю на это ненамного больше времени.

— Замолчи... – тень мага снова слилась воедино. — Я бы повернул время вспять, если бы это было в моей власти. В моей лаборатории есть деньги. Не очень много, но тебе должно хватить.

— Отлично. Тогда никуда не уходи, я вернусь, как только найду призму.

Он развернулся и направился к ближайшему проему в стене.

— Я понимаю, ты чувствуешь себя здесь чужим, — прошелестел в спину Здебор Вятич. — Но я не прошу многого. Твоя жизнь в обмен на мою. По-моему, обмен равноценный.

Он говорил что-то еще, но Сергей уже не слушал. Маг утомил его. Ощущение такое, будто сам Сергей вручную раскатал имение по камню. В голове все еще крутилось множество вопросов, но продолжать разговор нет ни сил, ни желания. Господин Вятич явно недоговаривает. Либо он настолько самоуверен, что даже собственная смерть страшит его меньше, чем обращение за помощью к собратьям из Золотых башен. Что более вероятно? Ясно одно: господин Вятич не привык, чтобы ему перечили. Не привык отдавать и не особенно доверяет окружающим – и это мягко сказано. Вполне возможно, что этому недоверию есть объективные причины, но Сергей пока о них не знал. Полагаться же целиком на слова мага он не спешил.

Чем дальше он отходил от имения, тем лучше себя чувствовал. Сонливость как рукой сняло. То ли благотворно действовала ночная прохлада, сдобриваемая поднявшимся ветром, то ли атмосфера в сгоревшем доме действительно тяжелая. Странно, что в прошлый раз ничего подобного не ощущалось.

Дорогу к убежищу Дарины он нашел довольно легко. Оказывается, в памяти отпечатался практически весь путь. И это, несмотря на полуобморочное состояние незадачливого мага, который после схватки с мертвяком вырубился еще в имении и очнулся уже в холодной яме. Слова Вятича насчет истинных целей нанимателей Дарины смутили, заставили задуматься, вспомнить все, связанное с девушкой. Связано не так много. Дарина вполне могла оказаться как шпионкой, так и убедительной воровкой или наемником, расследующим странную смерть мага. Можно, конечно, постараться держаться от девчонки подальше вряд ли ей удастся найти его в большом городе. Но тогда ее истинные цели так и останутся загадкой. К тому же в Сергее подняло голову банальное чувство противоречия – сделать наперекор Вятичу. Маг слишком испуган, слишком зациклен на своих страхах и подозрениях. Хорошо бы ткнуть его носом в его же ошибки. Мальчишество, но слишком много в последнее время случилось странного и необъяснимого, чтобы ко всему относиться с полной серьезностью. Разум старается найти хоть какую-то отдушину.

За размышлениями Сергей добрался до той заброшенной части города, где находилось убежище Дарины. Здесь он постарался выбросить из головы всю ерунду, сосредоточился. Небо заволкло тучами – и луна практически исчезла. Улицы погрузились во мрак. В таких условиях ориентироваться оказалось очень непросто. Сергей несколько раз сбивался с пути, возвращался. Никаких особенных ориентиров здесь нет: все дома одинаково старые и разрушенные. Бродить среди них можно не один час. Тем более – ночью. Приходилось вспоминать количество уличных поворотов.

Убежище он нашел. Оно стояло в глубине одного из переулков, с трех сторон застроенное более крупными сооружениями. Со стороны – сарай сараем. Видно только фасадную часть с покосившейся дверью. Но дверью знакомой.

Сергей остановился в двух шагах от двери, прислушался. В отличие от имения, где некоторый шум создавали сверчки, здесь тихо, точно в древнем склепе. Ощущение мертвого безмолвия усиливали стены стоящих рядом строений и запах гнилого дерева и земли. Сергей осторожно потянул дверь за ржавое кольцо. Та легко поддалась, скрипнула. Навстречу никто не прыгнул.

Внутри темно. Пахнет свежим костром. Сергей остановился на пороге, зажег в воздухе небольшой огненный шар, пустил его перед собой. Никого.

— Кто-нибудь дома? — позвал на всякий случай.

Никто не отозвался. Сергей прошел внутрь, затворил дверь. Через несколько минут он

уже сидел напротив камина, в котором языки пламени облизывали предложенные поленья – немного сыроватые. Отчего по комнате растекался сизый дым. Вытяжка работала из рук вон плохо. Но Сергею было не до дыма. Он держал в руках записку, поспешно накарябанную на измятом листке бумаги, покрытом желтоватыми пятнами.

«Надеюсь, ты прочтешь эту записку. Знаю, что это почти невозможно. Из старого города так просто не возвращаются. Да, я знаю, куда тебя отправили. Могу представить, о чем ты думаешь. Мои слова будут звучать оправданием, но я ничего не знала о планах Госпожи. Они сказали – это проверка для тебя. Я ничего не смогла сделать. Если ты выжил, дожись меня. Я прихожу каждое утро. Возле камина найдешь мясо, хлеб и вино».

Ни подписи, ни обращения. Впрочем, и без них понятно, кому адресована записка и кто автор. За текстом шли две приписки. Одна старательно заштрихованная, другую легко прочесть.

«Со мной связался Сборщик из Буй Тура. Обеспокоен, но не говорит чем. Назначил встречу. Хочет показать нечто важное. Упомянул о тенях с желтыми глазами».

Сергей дважды перечитал приписку. Надо думать – предыдущая содержала информацию, которая теперь уже не актуальна. Значит ли это, что встреча со Сборщиком еще не состоялась? Вот и думай: посвятить ли все время подготовке к ритуалу, который может вернуть в родной мир, или параллельно продолжить расследование появления странных тварей?

Чужой мир, чужие проблемы. Стоит ли окунаться в них? Желтоглазые уже показали себя, показали, что могут быть опасными. К чему излишний риск?

Сергей уселся на подстилку перед камином, взял кувшин с вином, сделал большой глоток. Ароматное, в меру сладкое. Не виноградное. Но из чего? Еще глоток, на этот раз более вдумчивый. Нет, не понять. Да и какая разница? Алкоголь – то, что надо, чтобы снять напряжение. Практически не пьющий в своей прошлой жизни, Сергей уверенно вознамерился осушить кувшин до дна. Ему не столько хотелось есть (похоже, маг не особенно баловал свое тело едой), сколько пить.

Он с удовольствием скинул с себя грязные, рваные лохмотья, в которые превратилась его одежда. Громко фыркая, умылся – холодная вода стояла в небольшой бочке тут же, в комнате. Откуда только взялась? Неужели Дарина наносила? Оставшись в одной набедренной повязке, растянулся у камина.

Дрова высохли – и комнату затопил жар. Он окутывал мягким покрывалом, вытеснял дурные мысли. Не хотелось думать о завтрашнем дне, о выборе и проблемах. Сегодня нет мира за пределами деревянных стен. Там пустота. Здесь же есть все, что необходимо: огонь, вино и мясо с хлебом. Оказывается, для счастья надо так мало.

Он проснулся от ощущения пристального взгляда. Глаза открыл не сразу. Рядом какое-то движение. На всякий случай приготовился дать гаду отпор, сконцентрировавшись на заклинании воздушного конуса, как сам для себя его обозвал.

— Почему не разбудила? — спросил нарочито сонным голосом.

По комнате ходила Дарина – из угла в угол, погруженная в свои мысли. Слова Сергея вырвали ее из размышлений, на лице появилась радостная улыбка.

— Не стала беспокоить. Время еще есть, а ты, наверное, устал... – она посерьезнела. — Извини.

Никаких объяснений, никаких оправданий. Что ж, это даже к лучшему. Он все равно не сможет проверить искренность ее слов. Похоже, это понимала и она.

Сергей поднялся на локтях. В голову точно гвоздь забили – хорошо вчера выпил.

— Время есть до чего? — спросил, ища глазами воду.

— Ты прочитал мою записку? Тот сборщик из Буй Тура, он сам нашел меня вчера.

Говорили мало, он торопился. Сказал, что за городом появилась странная зараза. Расползается по деревьям, кустам. Источник – местный погост.

— Погост? Я думал, всех мертвецов свозят в Дом Жизни.

— Тогда бы в город шли нескончаемые подводы с покойниками. Нет, Сборщики работают по всему княжеству и свозят мертвецов к ближайшим населенным пунктам, где имеется представительство Дома Жизни. В деревнях такое представительство может состоять из одного человека. После должной обработки тело покойного захоранивается на местном погосте. Иногда необходимые процедуры проводят сами Сборщики. Обычно это случаи, когда человек погибает в дороге или до представительства Дома Жизни не близко – тело может испортиться. Но такая практика не поощряется.

— Понял. Но при чем тут желтоглазые?

— Не знаю. Вроде как зараза связана с ними.

Сергей почесал щетину на подбородке. Вятчич ничего не говорил ни о какой заразе.

— Когда встреча?

— Сегодня после полудня. Ты со мной?

Сергей задумался, чем вызвал у Дарины явное недоумение.

— Что-то не так? — спросила, нахмурившись.

— Сколько у нас до полудня? Мне кажется, я кое-что вспомнил. Хотелось бы проверить.

— Вспомнил что?! — Дарина подалась вперед. — Сейчас раннее утро, солнце еще не встало.

— Не знаю. Сначала проверим. Надеюсь – это не хмельные галлюцинации.

Он не собирался рассказывать о встрече с призраком Здебора Вятчича и посвящать спутницу в ночной разговор. Червь недоверия все же вгрызается в сознание. Но решение уже принято: он пойдет на встречу со Сборщиком, а Дарина будет рядом. Так легче понять, что она затевает на самом деле.

— Ты что-нибудь знаешь о человеке с именем Дей Зоб? — спросил Сергей.

— Кто это?

— Он знахарь. Лечит травами, отварами. Использует простые заговоры. Живет где-то в южной части города.

— Имя мне незнакомо, но могу узнать. Зачем он тебе?

Сергей поднялся. Гвоздь из головы исчез – хорошее вино.

— Хочу сделать заказ.

— Ты болен? Ранен? — спохватилась девушка. Ее взгляд зацепился за амулет, висящий на шее Сергея. Рассмотрела, но ничего не сказала.

— Нет. Все нормально. Насколько это возможно. Дело не в лечении.

— Тогда в чем?

— Не знаю, как объяснить. Извини.

— Хорошо, но ты знаешь, сколько будет стоить заказ?

Сергей про себя выругался. Все решил, все распланировал, а о такой малости, как деньги, забыл. Значит, перво-наперво надо навестить лабораторию господина Вятчича.

— Не знаю. Но у меня... точнее, у господина Вятчича должны быть деньги. Судя по

останкам имения, при жизни он не бедствовал.

— Маги большую часть своих ценностей хранят в пределах Золотых башен. Каждый адепт имеет свою небольшую комнату, защищенную индивидуальным заклятием, снять которое можно строго определенным образом. Тебе известен способ, используемый господином Вятичем?

— Нет.

— Тогда не думаю, что ты получишь доступ к его ценностям.

— Есть одно место, куда я смогу проникнуть...

Одному идти – дорога длиннее кажется. Вдвоем идти – дорога короче. День как час пролетает.

(с) турецкие сказки

День обещал быть насыщенным. До полудня следовало не только отыскать лабораторию Здебора Вятича и проникнуть в нее, но и успеть сделать заказ недостающих ингредиентов у знахаря.

До места, описанного магом, как точка входа в лабораторию, пришлось добираться на нанятой на полдня повозке, запряженной тройкой зомби. Оказывается, в городе существовала гильдия перевозчиков, которая имела несколько представительств по всей Москве и иногда сдавала свои повозки в аренду. Надо только внести залог – и четырехколесное деревянное средство передвижения твое. Вернуть его можно в любом представительстве. О кормежке и уходе за движущей силой думать нет необходимости.

Сергей скептически отнесся к такой идее, но нехватка времени заставила позабыть о брезгливости. Воскрешенные оказались весьма быстрыми. Двигались со скоростью средне бегущего человека. При этом не уставали и не изменяли темпа движения, лишь иногда приостанавливаясь на перекрестках улиц или пропуская зазевавшегося прохожего. Функции возницы взяла на себя Дарина. Она уверенно держала в руках поводья, правя нехитрым средством передвижения.

Странное чувство, будто в каком-то искаженном виде вернулось крепостное право. Сергей до сих пор не мог заставить себя воспринимать Воскрешенных не как людей, а как бездушные автоматы, существующие для одной–единственной цели – помощи живым. Порядком ободранные, с серой, обвисшей кожей, облаченные в какое-то рванье, зомби напоминали ему бурлаков, тянущих за собой пусть не баржу, но повозку с обезумевшим от безделья хозяином. Интересно, а что думают люди, видя таких «скакунов»? Каждый из живых после смерти может занять их место. Судя по безразличным взглядам прохожих, люди не думали ничего. Что это? Привычка? Уверенность, что душа после смерти отправится на пир предков, а физическое тело ничего не значит? Возможно, они и правы... Но от этого на душе не становится менее мерзко. Жаль, нанять повозку, запряженную лошадью, не удалось – слишком большая редкость.

Они почти выехали за пределы Москвы. Остановились на городской окраине. Впереди возвышались нагромождения каменных руин, над которыми курился тонкий дымок. Еще один отголосок древнего мира?

— Мать богов, — Дарина остановила повозку. Зомби послушно замерли. — Тебе сюда надо?

Сергей молча вылез из повозки. Призрак мага говорил о какой-то Матери богов, но он представлял ее неким величественным изваянием. Пусть даже древним, но сохранившим хотя бы черты былого величия. А здесь что? Куча вытянутых каменных блоков, сваленных в большую кучу. Все равно, что один из разбушевавшихся богов подхватил английский Стоунхендж и по дороге рассыпал его здесь. Но что странно – из города к руинам вьется хорошо укатанная дорога. Значит, место посещаемое.

— Что это? — спросил Сергей.

— Тебе краткую версию или полную?

— Давай оставим повозку здесь... вон, в кустах. Никто не заберет? Сами не уйдут? Дальше пойдем пешком. По дороге и расскажешь.

Так и сделали. Дарина, ведя зомби в поводу, отогнала повозку за кусты акации, разросшиеся в небольшом отдалении от дороги.

— В летописях говорится, — начала девушка, когда они сделали первые шаги по пыльной дороге, — именно здесь в древности произошла великая битва, в которой сошлись властители того мира. Несметные армии сходились ожесточенными волнами и разбивались о сталь и дерево. Тогда с небес сошли молодые боги. Они еще не обрели полной силы и мудрости, но попытались образумить сошедших с ума людей. Те же не слушали наставлений. Они жили на крови, спали на крови. Вокруг умирали враги и соратники. Смерть стала для них смыслом существования. Каждая сторона посчитала богов лазутчиками врага, его тайным оружием. Говорящих о мире и милосердии пришельцев схватили и пытали.

— Пытать богов?

— Да. Маги древности обладали куда большими силами, чем современные. Объединившись, они обездвижили тех, кто попытался примирить их. Бога нельзя убить, но его можно ранить. Он чувствует боль много сильнее смертных. Страдания пришельцев растекались по землям ядовитыми волнами, вселяя в сердца людей необъяснимый ужас. Кто-то бросил меч и бежал, кто-то бросился на собственный клинок. Но таких было немного. Люди разучились дорожить жизнью. Неважно — собственной или чужой. Они впадали в боевое безумие и резали всех, кого видели перед собой. Кровь затопила землю.

Сергей невольно бросил взгляд на окружающий ландшафт — ничего необычного. Если не считать руин, чьи размеры поражали даже издали. В остальном же — необработанные поля, поросшие редким кустарником. Хотя... все же необычно — сама земля. Она пустовала. Ни домов, ни следов возделанной почвы.

— Крик терзаемых молодых богов достиг небес. Услышав их, Мать бросилась на помощь своим сыновьям. Она бродила среди гор мертвых тел. Тучи мух набрасывались на нее, как на лакомую добычу. И в горах мертвецов она находила части тел своих детей. Люди разрубили их и разбросали там, где сражались. А сражения проходили далеко отсюда. Со слезами на глазах Мать собирала сыновей по клочку, по кусочку. Не один день провела она в поисках. И, наконец, завершила их. Части тел она принесла сюда, — Дарина указала на руины. — Но люди прознали о ней — и решили уничтожить, вина ее во всех своих бедах. Они бросили к этому месту все силы уцелевших армий. Позабыв о распрях, солдаты и маги шли по телам товарищей, движимые единственной целью — убить странную бледную женщину с заплаканными глазами. А она защищалась как могла. Поднимала вокруг себе земляные стены, отбрасывала противника водой и ветром, отпугивала ревушим пламенем. Она могла бы вернуться на небеса, но для этого пришлось бы оставить людям останки своих детей. Тогда Мать богов закричала так, как никогда не кричала до этого. Ее голос, наполненный болью и страданием, облетел весь мир. А когда отзвуки первого крика вернулись сюда, на месте развороченного стихиями холма, на котором скрывалась бледная женщина, появился каменный заслон. Сколько ни бились маги, сколько ни громили его сталью воины, но камень не поддавался.

Дарина замолчала.

— Подожди, так значит, они до сих пор лежат там?

Девушка пожала плечами.

— Не знаю. Об этом летописи умалчивают. Некоторые считают, что Матери богов удалось оживить своих детей и они снова вернулись на небо, но больше никогда не смотрели вниз. Другие уверены, что они до сих пор покоятся под толщей камня. Потому и приходят сюда, оставить им подношения и помолиться в надежде, что когда-нибудь в нашем мире снова появятся небесные создания.

— А как думаешь ты?

Сергей не особенно поверил в услышанное, но и полностью отменить историю не спешил. В мире, где человек способен повелевать стихиями и поднимать мертвых, возможно все.

— Я стараюсь держаться подальше от таких мест, — сказала Дарина.

— А их много?

— Нет... я имею в виду места, дошедшие к нам из Темных веков и до сих пор несущие на себе печать былых событий. Мне в них неуютно.

— Неужели неинтересно, что было раньше? Взять тот же старый город. Меня он удивил. Очень. Если бы не людоеды, я бы с удовольствием побродил по нему.

— Зачем ворошить прошлое? — поморщилась девушка. — Оно на то и прошлое, что умерло и больше не вернется. Настоящее куда важнее... и опаснее, — добавила, немного подумав.

— Иногда и прошлое возвращается. Особенно если забываются былые ошибки.

— Ты говоришь как Сборщик, — остановилась Дарина. — Они тоже любят забить голову всякой мутью. Конечно, когда открывают рот.

Сергей неопределенно повел плечами. Он не собирался доказывать спутнице то, во что верил сам. Для него история всегда оставалась той наукой, которую следует знать каждому уважающему себя человеку. Пусть не досконально, пусть не запоминая многочисленные даты (сам он их запомнить не мог никогда). Но факты – как можно развиваться, не понимая всей цепи событий? Жаль, правда, что частенько одна цепь подменяется другой и уже понять, где правда, а где ложь, становится крайне непросто.

Вблизи Матерь богов выглядела еще внушительнее. Нет, камням Стоунхенджа до блоков руин очень далеко. Некоторые составные части Матери богов в длину достигали не менее двадцати метров, а возможно, и больше. Руины явно имели рукотворную природу. В основании блоки образовывали нечто вроде огромного сруба, как если бы его начали возводить из каменных деревьев. Верхняя часть конструкции представляла собой шалаш, широким ворохом длинных, но более тонких блоков накрывающий основание. Каким образом «шалаш» держался на «срубе» и до сих пор не рассыпался – абсолютно непонятно.

Дорога упиралась прямо в руины, но также и огибала их, устремляясь куда-то стороной. Отличное место, чтобы спрятать что-либо. Вот только как теперь во всем этом каменном хаосе искать вход в лабораторию? Вряд ли он имеет обычную дверь.

— И что мы будем искать? — спросила Дарина.

— Не мы – я, — ответил Сергей и посмотрел на спутницу. Глаза той вспыхнули, сощурились.

— Я не набивалась тебе в провожатые – ты сам предложил ехать. А теперь оставляешь загорать в чистом поле?

— Дарина, — Сергей говорил тихо и спокойно. — Я не знаю, что меня ожидает впереди. Если я действительно найду лабораторию господина Вятича, то ты в нее не

сможешь пройти.

— Откуда ты знаешь? У меня есть...

— Дарина, я знаю.

Девушка вздохнула, что-то прикинула в уме.

— Долго тебя ждать?

— Мы же обещали быть к полудню. Я помню и потому потороплюсь.

— Тебе еще искать своего знахаря, — на лице Дарины появилась легкая усмешка. Глаза потеплели.

— Успеем. Если что — знахаря оставим на завтра.

— Знать бы еще, зачем он тебе?

Как сказать, что готовишься отправиться домой, а на твоем месте появится совершенно другой человек? Но Сергей решил тянуть с конкретными ответами до последнего, когда подготовка к ритуалу завершится, а Здебор Вятич переместится в транспортную призму. Уходить не прощаясь он не хотел.

— Я расскажу, но чуть позже. Хорошо?

Дарина демонстративно пожалала плечами.

— Иди. Только постарайся миновать беду.

— Буду осторожен.

Сергей направился по дороге, огибающей руины. Он понятия не имел, как должен выглядеть вход в лабораторию, но решил не особенно забивать этим себе голову. Остаточная память Здебора Вятича должна подсказать.

По пути ему попались две женщины. По всей видимости — паломницы. На их головах виднелись черные платки, а в руках небольшие пустые котомки. Завидев Сергея, женщины отшатнулись на обочину. Они вроде бы смотрели себе под ноги, прятали глаза, но исподлобья все же наблюдали за странным человеком. Похоже, внешность Сергея не укладывалась в привычные рамки для тех, кто обычно посещал это культовое место. Ничего удивительного — вряд ли поклониться богине приходят в драных, грязных одеждах, пряча лицо. В убежище Дарины перед выходом Сергей хоть и попытался привести свой наряд в более или менее приемлемый вид, но получилось не очень. Ладно — хотя бы смысл пятна запекшейся крови.

Дорога действительно огибала руины, при этом постепенно поднималась выше — часть основания Матери богов оказалась утоплена в вырастающий под ним холм. Примерно на середине первого витка дорога резко изменила направление и устремилась к каменным блокам. Здесь, в месте стыка пары громадных булыжников, каждый высотой почти с Сергея, виднелся узкий проход. Практически щель, края которой блестели, отполированные множеством прошедших через нее людей.

За щелью открылось подобие узкого коридора: массивные темно-серые стены и нет потолка. Если посмотреть вверх — видишь блоки перекрытий, огромных, давящих. Волей-неволей чувствуешь себя маленьким и слабым. Стоит одному из таких камней рухнуть — и от паломника мокрого места не останется. Сергей усмехнулся: но зато вечная надгробная плита — и какая монументальная.

Коридор, образованный внутренними стенами основания Матери богов, несколько раз повернул, пока не вывел в небольшую (примерно три на четыре метра) полость. У дальней стенки полости стоял правильный куб, на нем — сверкающая золотом большая чаша, из которой медленно и лениво поднимается столб клубящегося дыма. Похоже, именно его

видно на подъезде к руинам. На полу разбросаны бутоны цветов – живые, исключительно бордовых оттенков. Перед кубом на коленях замер тщедушного вида старичок: в поношенных лаптях, латаных–перелатанных штанах и рубаше, подпоясанной веревкой. Он что-то бубнил, простирая раскрытые ладони к дымящейся чаше. Услышав за спиной шорох, обернулся, близоруко сощурился.

— День добрый, — сказал Сергей первое, что пришло в голову.

Лицо старика сморщилось, точно сухофрукт. Он порывисто поднялся на ноги, отряхнул колени и, не говоря ни слова, направился к выходу из полости. Напоследок что-то пробурчал через плечо, сплюнул на пол.

Сергей только пожал плечами. И чем не угодил деду? Впрочем, даже лучше, что тот ушел. Осматриваться удобнее в одиночестве.

Было бы что осматривать... Четыре стены, пол и куб–алтарь. Никаких знаков, символов. За что уцепиться?

Столб дыма дрогнул, искривился, будто обладал собственной волей. Сергей медленно подошел к кубу, заглянул в чашу – на ее дне что-то еле заметно тлело. Но иного запаха, кроме аромата цветов, нет. Не отдавая себе отчета, он вытянул руку, коснулся пальцами дымного столба. Тот резко выпрямился, а через мгновение от него отделился серый жгут. Отделился, пополз по земле, закручиваясь вокруг незримой точки в спираль. Прошло еще секунды три – спираль набухла, а потом опала сплошным кругом пепла. Воздух в круге завибрировал. Такое ощущение, будто сквозь плотную пелену дождя смотришь на улицу.

Сергей бросил опасливый взгляд на проход за спиной, а потом ступил в круг.

Переход оказался быстрым. В лицо ударило спертым воздухом, на мгновение перехватило дыхание – и вот он уже стоит в тускло освещенном коридоре. Темноту лениво разгоняла пара белых сгустков света. Такие же, какие Сергей видел в подвале имения Здебора Вятича.

«Опять коридор! Почему не комната, увитая цветами и заполненная сладкоголосыми гуриями?»

Сергей мотнул головой. Все эти подвалы и катакомбы успели ему изрядно надоесть. Он обернулся: за спиной стояла точная (или очень похожая) копия каменного куба из полости. Но чаши нет. Дым идет прямо из камня и без следа растворяется в полутьме в трех десятках сантиметрах над поверхностью куба.

Вот она, дверь. Кто бы мог подумать?

Сергей снова развернулся к коридору, не опасаясь подвоха, выбросил перед собой руку. С пальцев сорвались тонкие алые нити, протянувшиеся на несколько метров вперед. Примерно то же самое он использовал в доме, где дрался с двумя человекоподобными тварями. Нити растеклись широкими полосами, засияли.

Так-то лучше.

В пожелтевшем свете отчетливо проступили стены. По ним, на высоте выше человеческого роста, бежали связки кабелей, стянутые металлическими хомутами. Большой частью обмотка кабелей обуглилась либо растрескалась от старости. Сергей вытянул вверх руку, провел пальцами по связке, до которой смог дотянуться.

— Вот тебе и Матерь богов... – прошептал вслух и пошел по коридору.

Чуть ниже кабелей через равные расстояния встречались полуразбитые светильники без ламп. Зато на полу, в пыли и каменной крошке, обнаружилось битое стекло.

Сергей пошел дальше. Дважды он встречал закрытые двери – обычные, стальные, с

большой круглой рукоятью в центре. Но либо механизм замка заблокирован, либо он пришел в негодность со временем. Повернуть рукоять не удалось. Попадались и ответвления, но все они завалены плотными грудами слежавшегося камня. То ли господин Вятич не смог их разгрести (во что не особенно верилось), то ли просто не посчитал нужным это сделать.

В конце концов, проплутав по подземным ходам минут пятнадцать, Сергей вышел в круглую комнату с двумя сейчас закрытыми дверями. Что здесь было раньше – сказать сложно. Растекающиеся в стороны светящиеся алые нити вырывали из темноты нехитрую обстановку. Низкий потолок, грязный пол, мятые элементы металлических конструкций, у одной стены собралась целая куча каких-то обломков, кусков рваной ткани. Напротив – широкий стол с гладкой столешницей. Пластик? Пара таких же стульев рядом. На столе бардак не меньший, чем на полу, разве что нет столько грязи. Зато всевозможных агрегатов и запчастей очень много. Сергей пробежался по ним глазами, затем сел на стул. После старого города удивляться бы уже ничему не надо, но остаться спокойным не получилось. Сергей протянул руку, взял со стола прибор. Тяжелый, порядком измятый, запачканный какой-то липкой дрянью. И кто же так по-варварски обращался с микроскопом?

Он еще несколько минут просидел на стуле, пытаясь упорядочить мельтешащие в голове мысли. Что же должно было произойти в этом мире, если высокоразвитая цивилизация уступила место средним векам? И ведь не просто уступила. Изменился сам мир. Дом Жизни. Золотые башни, Сборщики... кто еще здесь владеет магией? И что здесь вообще такое – магия? Откуда она взялась?

Самый главный вопрос, который не давал покоя: другой ли это мир, или тот же, где жил Сергей, но спустя сотни, а возможно, и тысячи лет?

Но нет, не этим следует забивать голову! Последнее дело – всматриваться в развалины за спиной, когда у самого перед носом горит мост.

Сергей резко поднялся. По обе стороны от стола стояли массивные металлические шкафы без дверок. Неизвестно, из чего были сделаны в них полки раньше, но теперь ими служили рассохшиеся куски досок. На центральной полке одного из шкафов, на самом видном месте, стояла прозрачная призма – не то стеклянная, не то изготовленная из какого-то очень чистого минерала. Сергей взял ее в руки – почти невесомая. Осмотревшись еще, он нашел на полках соседнего шкафа три мешочка, которые отозвались мелодичным позвякиванием, стоило немного их потрясти.

Что ж, похоже, и все. Ничего сложного – призма и деньги на руках. Можно возвращаться. Времени на поиски знахаря предостаточно.

Сергей уже было собрался выйти из комнаты, когда его взгляд снова упал на две плотно закрытые двери. Подумав, поставил призму на стол. По дороге он пробовал открыть все. Не стоит делать исключений. Впрочем, к одной он даже не стал подходить – по всему ее периметру шел хорошо заметный сварочный шов. Кроме того, сам металл двери сильно обгорел и даже оплавился.

По контуру второй двери бежала вязь незнакомых Сергею символов. Темно-бордовые, они настолько въелись в металл, что не размазывались даже от сильного трения. Кроме того – они обжигали или, вернее, кололи, словно покрыты множеством тончайших, не заметных глазу, игл. Сергей отдернул руку – на пальцах не осталось ни следа, но ощущение укола никуда не делось. Пожав плечами, он потянул за круглую рукоять. Дверь легко поддалась.

В лицо ударило с такой силой, что, казалось, голова разлетелась сотнями окровавленных осметков. Все органы чувств умерли разом. Не поймешь – стоишь или

лежишь, распластанный в луже собственной крови.

Первым вернулся слух. Рядом, в полной мертвой темноте, слышались стоны. Сначала далекие и отрывистые, но с каждой секундой нарастающие. Люди, много людей. Им очень больно. Они кричат, молят о пощаде. Мужчины, женщины, дети. Но неведомому палачу все равно. Он планомерно обходит ряды несчастных, причиняя им нестерпимые страдания. Кричит молодая женщина – надрывно, протяжно, будто с нее заживо сдирают кожу. Ей вторит детский голос – испуганный плач перерастает в тонкий визг, обрывающийся хриплым кашлем. Грубая мужская брань внезапно стихает, чтобы уже через мгновение взорваться отчаянным воплем – долгим, с какими-то булькающими всхлипами.

Сергей попытался зажать уши руками. Бесполезно. Крики и стоны звучат в голове. Их много. Очень много. Они способны свести с ума.

Нет! Пусть они замолчат!

Темнота отступила. Багровые разводы режут глаза, выжигают их изнутри. Больно. Руки сами тянутся вырвать сгустки боли из глазниц. Терпеть нельзя. С губ срывается стон. Он переплетается с другими криками, сливается с ними в безумной какофонии. Но вот разводы тают. Перед глазами комната – такая же, как и первая, но чистая, с металлическим столом в центре. Это не просто стол – отдаленно он напоминает кресло дантиста, но почти плоское. Сейчас почти плоское. Сложный механизм, наверное, способен изменять его геометрию, а несколько привязных ремней надежно удерживают на столе тело хоть взрослого человека, хоть ребенка.

Кругом кровь. Она на полу, на стенах. Сам стол блестит от влажных потеков. Почему она не сворачивается? И кругом тени – они изгибаются в немыслимых позах, корчатся, бьются в агонии. Стонут именно они. Им больно до сих пор, но они не в силах покинуть заклятой комнаты.

Заклятой?!

Да, так оно и есть. Комнату окружает какое-то поле. Барьер, через который не проникнуть. Запертые здесь, несчастные вынуждены снова и снова проходить через пытки – жизнь и смерть в вечном круговороте. В вечном кольце страданий и боли.

Голова постепенно снова обретала способность мыслить. Но пока туго. Мозг будто погрузился в густое марево гниющей плоти. Сколько человек здесь умерло? Сергей сглотнул тягучую слюну. Он знал: не все закончили дни на адском столе под инструментами жестокого палача. Некоторые умирали долго, в течение нескольких дней, сидя у покрытых кровью стен. Они не могли двигаться, не могли кричать – только тихо стонали. Но и этот звук раздражал повелителя их боли. Наказание следовало незамедлительно – новые разрезы, новые ожоги. Особенно серьезные раны он прижигал, чтобы жертва раньше времени не истекла кровью.

Перед глазами Сергея промелькнули отрывистые видения. Люди, обездвиженные и обессиленные, лежат вповалку. Некоторые умерли. Другие еще живы. А белые черви деловито ползают и по тем, и по другим. Для них здесь пиршество.

Видение длилось еще пару минут, а потом резко оборвалось, точно иссяк бушующий горный поток. Сергей стоял, вцепившись в край двери. Ноги предательски дрожали. В голове все еще звучали отголоски отчаянных стонов, во рту стоял привкус крови. Он сплюнул на пол – слюна густая, тягучая, но прозрачная.

Что это было?

В глазах зашипало. Сергей провел ладонью по лицу, смахнул капли холодного пота.

Тело начал бить озноб. На негнувшихся ногах шагнул в комнату. Уйти теперь он просто не мог.

Светящиеся нити протянулись в темноту, рассекая ее широкими всполохами.

Ни мертвых тел, ни кровавых разводов. Комната–изолятор, комната–тупик. В центре зловеще замер металлический стол–трансформер. В начищенном до блеска металле отражаются алые блики. Под потолком висят цепи – затаившиеся перед броском змеи, вооруженные острыми ржавыми крючьями. Сергей поморщился, отгоняя остаточные видения. Вдоль голых стен проложена сточная решетка, а в сами стены встроены крепления, сквозь которые пропущены стальные тросы с наручниками. Подарочек из прошлого?

Карцер, камера предварительного заключения или дознания? И, похоже, неведомый палач из нынешнего мира облюбывал это место, вдохнул в него новую жизнь, привнес в остатки бывшего тюремного снаряжения нечто свое.

Но действительно ли палач неведом? И что на все это скажет господин Вятич? Сергей решительно вышел из комнаты смерти. Что он, собственно, знает о маге Здеборе Вятиче? Адепт Золотых башен, кандидат на вхождение в Малое собрание – некое закрытое общество внутри магической братии. Вятич обнаружил какие-то дыры в ткани реальности, стал свидетелем появления желтоглазых тварей, из-за чего те начали за ним охотиться. И что – это все? Чем он занимался, чем зарабатывал на жизнь, к чему стремился? Простые вопросы оставались без ответа.

Сергей резким движением захлопнул за собой дверь. Сразу стало заметно легче. Похоже, символы на двери каким-то образом держали произошедшее в комнате под замком, не давали безумию, что свило там гнездо, распространиться вокруг, вырваться за пределы лаборатории. Очень предусмотрительно.

Сергей остановился возле стула, взглянул на стоящую на столе призму. В ее гранях мелькали алые искры. Если ко всему, что произошло в комнате за закрытой дверью, причастен господин Вятич, он навечно останется бродить в обгоревших руинах собственного поместья. Сергей с силой пнул несчастный стул, затем обрушил кулаки на столешницу. На пол что-то посыпалось, зазвенело.

Немного постоять – успокоиться. В груди клокотала ярость. Но что самое поганое – внутренний голос сверлил сознание зудящим червем: а сможешь ли ты отказаться от возвращения домой из-за убийства незнакомых тебе людей? Не все ли тебе равно, как живут люди в чужом для тебя мире? Чужом! Им нет до тебя дела. Они не знают о тебе. Оставь и ты их в покое. Не суйся! Ты не герой. Никогда им не был!

— Посмотрим, — пробурчал Сергей.

Он взял со стола призму. Поискал глазами сначала на столе, потом на полках шкафов, нашел кусок промасленной тряпки – завернул в нее найденный артефакт. Ни к чему светить его каждому встречному.

Обратно он шел, не оборачиваясь. Спину жгло от ощущения просящих взглядов. Будто какая-то неуспокоенная душа все-таки выбралась из комнаты–ловушки и теперь пытается докричаться до уходящего человека. Нет никаких душ, нет никаких голосов! Все они умерли давным–давно.

И все же шаг сам собой убыстрялся. К дымящемуся кубу в тупиковом коридоре Сергей добрался почти бегом. Его гнали, за ним гнались. Шум стенающих голосов стоял в ушах плотной волной. Сергею даже начало казаться, что из-за закрытых дверей, которые он встречал на пути, доносятся глухие удары. Кто-то настойчиво рвался на свободу. Тишина и

мертвое умиротворение, которые встретили его сразу после шага в пепельный круг, растаяли без следа. Он будто отворил дверь в Преисподнюю, откуда по пятам за ним гнались голодные демоны.

Но вот он, куб, с курящейся над ним ниткой дыма. Так... что делать? Рукой коснуться серой струйки, подождать, пока от нее отделится тонкое неосязаемое щупальце. Как же долго! Будет злой насмешкой – выбраться отсюда живым, но тронуться рассудком.

— Пошли вон! Я вас не слышу, — процедил Сергей сквозь зубы, наблюдая, как на полу образуется заветный пепельный круг.

Отличный ответ на вопрос: есть ли кто дома?

У каменного куба внутри руин Сергей вывалился чуть ли не кубарем. Хорошо, что в полости никого нет. Впрочем, заклинание перемещения, оставленное здесь господином Вятчем, должно предусматривать такую возможность и не допускать ненужных встреч. Немного отдышавшись и возвратив лицу более или менее спокойное выражение, Сергей направился прочь. В руке он крепко сжимал транспортную призму, а во внутренних карманах его одежды покоились мешочки с деньгами. За всем этим безумством, что охватило его после открытия комнаты смерти, он даже не посмотрел, насколько стал богаче. Не стал смотреть и теперь. Откровенно говоря, очень хотелось выговориться, поделиться с кем-нибудь своими подозрениями, мыслями, страхами. Держать все в себе – это для какого-нибудь специально обученного бойца. Неподготовленного же человека постоянное копание в себе может здорово подкосить. Решено. Если Дарина еще раз спросит, что он делает и зачем, — обязательно расскажет ей о призраке Здебора Вятча.

Но Дарина не спросила.

— Все нормально? — осведомилась скорее для проформы.

— Да, — немного помедлил с ответом Сергей.

— Хорошо. Ты быстро. Теперь куда?

— В южную часть города. Дей Зоб живет там. Я надеюсь...

Девушка кивнула.

Почему-то Сергей чувствовал себя перед ней виноватым. Только не мог понять, в чем именно.

Они вернулись к повозке. Зомби по-прежнему стояли в кустах – неподвижные статуи в густой тени. Услышав крик Дарины, они встрепнулись, выбрались на дорогу.

День выдался жарким. Если по пути сюда все еще сохранялась ночная свежесть, то теперь солнце все больше раскаляло каменные улицы. Хорошо, что Москва замощена далеко не вся. И, тем не менее, трястись в поскрипывающей повозке оказалось непросто. К тому моменту, когда Дарина объявила, что они добрались до окраины южных кварталов города, Сергей успел наглотаться пыли на год вперед. По крайней мере, ему так показалось. Глядя на Дарину, такого сказать нельзя. Девушка чувствовала себя отлично.

— В этой части расположены лавки тех, кто обычно обслуживает запросы адептов Золотых башен, обоих Домов и прочих граждан, имеющих в кармане золото, — пояснила спутница.

И действительно, дома здесь выглядели куда более основательными, чем привык видеть Сергей. И это при условии, что не все из них сложены из камня. Встречались и бревенчатые, но вытесанные, будто терема, насколько их помнил Сергей. Украшенные резными наличниками, флюгерами, расписанные в зеленые и красные цвета, они действительно радовали глаз. Люди здесь не бедствовали. Даже бродящие вдоль домов зомби одеты

опрятно, да и выглядят почти как люди. Некоторые (особенно женщины), накрашены, с аккуратными прическами.

— Здебор знал, куда обращаться, — процедил Сергей. — Ну что, будем заходить во все лавки и спрашивать?

— Выглядишь ты, конечно... — Дарина поморщилась. — Воскрешенные — и то живее.

— Я заметил.

— Чтобы избежать лишних вопросов — я вхожу первая, спрашиваю. Ты — за мной. Если человек нужный — в дело вступаешь ты. Я выхожу и жду за дверью.

— Можешь не выходить, у меня нет секретов.

Девушка только фыркнула.

Поиски не затянулись. Уже во второй лавке им указали примерное направление, а еще минут через двадцать они уже стояли перед человеком, даже сейчас, в жару, укутанным в теплый байковый халат. На его голове красовался белый тюрбан, на ногах мягкие туфли с загнутыми носами. Лицо смуглое, с чуть раскосыми глазами. Человек постоянно нешироко улыбался, демонстрируя на удивление белые и ровные зубы.

В приемном зале, где стояли все трое, пахло какими-то пряностями и травами. Запах был настолько концентрированный, что у Сергея почти сразу запершило в горле. Он с трудом поборол желание чихнуть. Дарина чувствовала себя не лучше. Девушка то и дело морщилась, точно что-то мешало ей дышать.

— Да, Дей Зоб, — поклонился человек. — Чема могу служить, добрый люди?

Голос у него был тонкий, а в словах вместо привычных звуков проскальзывало много шипящих.

— Ты меня помнишь? — Сергей снял с лица остатки тряпок.

Человек близоруко сощурился, неуверенно пожал плечами.

— Моя видеть не очень. Но голоса знакомый, да. Знакомый.

— Недавно я делал у тебя небольшой заказ. Необычный... — Сергей предпочел не называться. Вряд ли маг называл свое настоящее имя.

— Да-да. Какая заказ? — оживился Дей Зоб и поманил гостей вглубь зала. Заставленный многочисленными шкапами, полки которых ломились от обилия всевозможных банок, упаковок, пакетов, горшков и прочей тары, зал больше напоминал склад. Очень богатый склад.

— Порошок из колец черной магны, — чувствуя себя полным идиотом, проговорил Сергей. Ему понадобилось немало времени, чтобы запомнить все ингредиенты, необходимые Здебору Вятичу. — Три синих аметиста, два желтых берилла, белый корень Вирна...

— Моя вас помнить, — расплылся в улыбке Дей Зоб. — Очень интересная заказ. Очень сложно достать.

— Я бы хотел повторить.

— Весь список? — удивился Дей Зоб.

— Да. Это проблема?

— Чито вы? Никаких проблем! Как скоро вам нужен заказ?

— Максимум через два дня.

Человек перестал улыбаться.

— Большие торопления — большие деньги.

— Сколько?

— Пятьдесят золотых!

Стоящая чуть поодаль Дарина издала сдавленный возглас, закашлялась.

— Двадцать – и заказ я хочу получить через сутки! — раздельно проговорил Сергей.

Дей Зоб всплеснул руками, его лицо побледнело так, что практически утратило смуглый оттенок.

— Покарай меня Иблис! Двадцать! Добрый человек, моя детей продать, жена продать, лошадь и дом продать – и только так сделай заказ. Сорок пять золотых и ни золотой меньше.

Они препирались еще не меньше получаса, пока знахарь не сбавил цену до тридцати семи золотых. К этому времени Сергей успел взмокнуть и несколько раз потерять терпение. Он бы бросил этот базар давным-давно (в конце концов, деньги не его), но Дарина умудрялась возобновить торг – одним-двумя словами, которые заводили Дей Зоба, заставляли его глаза блестеть от восторга. Под занавес пререканий и доводов Сергею уже казалось, что слова сами по себе ничего не значат. Не значит и конечная сумма. Знахарю нравится сам процесс. Вся бледность с него слетела уже через минуту после начала торгов.

— Приходить завтра вечером, — кланялся Дей Зоб, провожая гостей. — Все сделаю. Как для себя. Не беспокоиться.

— Надеюсь, — проговорил уже на улице Сергей. Голова раскалывалась от обилия едких запахов, витающих в лавке знахаря. И как только можно жить в такой газовой камере? — К чему все это? — спросил Дарину.

Девушка стояла, открытым ртом жадно вбирая жаркий городской воздух.

— Что – это?

— Торг.

— Тебе не жаль денег?

— Они не мои. Пусть господин Вятич плачет о растратах.

— Мертвые не плачут, — Дарина закрыла глаза, подставила лицо солнцу. — Уверена, сумму можно было скинуть еще на треть. Два золотых – это стоимость хорошей лошади. Ладно, нам пора. Почти полдень.

Сергей хотел было сказать, что не все мертвецы уходят навсегда, когда в него кто-то врезался. Плечистый мужик, от которого несло потом и луком, вылетел из разношерстной толпы, чуть не сбил с ног. Сергея отбросило на стену – и только она спасла от падения. Дарина напряглась, ее взгляд стрельнул по толпе, выискивая потенциальную опасность.

— Покорнейше прошу прощения, — плечистый тут же бухнулся на камень улицы. — Извините меня, господин.

— Все нормально, — сказал Сергей, потирая ушибленное плечо. Довольно больно. Еще и призму чуть было не выронил. Надо ее убрать. Вроде бы во внутренних карманах еще есть место.

Плечистый поднял глаза, нахмурился. На мгновение в его глазах промелькнуло удивление, которое он поспешил скрыть, как только заметил пристальный взгляд Сергея.

— Простите, господин, — повторил он еще раз и ткнулся лбом в мостовую.

— Идем, — почти прошипела Дарина.

— Что с ним? — спросил Сергей, когда они снова взобрались в свою повозку.

— Тебе лучше знать.

— Почему?

— Ты разве не заметил? Он узнал тебя. Узнал и испугался.

— Мало ли с кем общался Вятич, — пожал плечами Сергей. — Может быть, он частый

гость какой-нибудь лавки.

— Смеешься? Адепты Золотых башен, так же как и адепты Дома Жизни, никогда не делают покупки самостоятельно. Это не занятие для сильных мира. У них много других, куда более важных дел.

— Но к знахарю сам заходил.

— И что? Сомневаюсь, что в открытую.

— То есть этот молодец знал Вятича по каким-то другим делам?

— Возможно.

— И теперь может кому-то рассказать, что видел мага живым?

— Возможно.

— Это очень страшно?

Дарина усмехнулась:

— Возможно...

Смерть, ты помнишь свой первый погост?

(с)

«И как ему только не жарко?» – думал Сергей, двигаясь вслед за Сборщиком.

Ехать под палящим солнцем в черном плаще и с наброшенным на голову капюшоном – это же смерти подобно. Ну, капюшон еще ладно – вполне может защитить от солнечного удара. Но плащ!

Они встретились, как и было назначено, — в полдень. Сборщик ожидал Сергея и Дарину, заранее обзаведясь тройкой лошадей. С одной стороны, животные – это привычное средство передвижения, не то что зомби. Но с другой стороны – никогда прежде Сергей не ездил верхом. И это стало проблемой. Но только на первые минут десять, пока он пытался самостоятельно совладать с норовистой гнедой кобылкой. Та, будто почуяв неуверенность седока, первым делом попыталась укусить его сначала за плечо (пока он примеривался, как бы залезть в седло), а потом за ногу, когда Сергей вертел в руках поводья, прикидывая, как лучше их держать.

Битва с животным вызвала у окружающих смех. Люди останавливались, чтобы подивиться на странного человека, ведущего себя так, будто он впервые видит лошадь. Но Сергей не обращал на глазающих внимания. Просто не мог. Отвлекись немного – и тут же окажешься на земле, в пыли. Потерявшая терпение Дарина уже было хотела выхватить поводья из рук незадачливого наездника и привязать их к седлу своей лошади.

— Подожди, — сказал Сергей, обливаясь потом.

Девушка вздохнула, но отошла.

И тогда Сергей попытался отключить голову, довериться телу Здебора Вятича, довериться мышечной памяти. Не сразу, но получилось. Постепенно действия стали уверенными. В городские ворота он уже выезжал так, будто не один час провел в седле.

Дарина прошла по нему подозрительным взглядом, но ничего не сказала.

До нужной деревни добрались часа через три. Сначала ехали по довольно оживленному тракту, потом свернули на нечто, напоминающее торную тропу. Поля, перемежающиеся небольшими перелесками, сменились сплошным лесом. Тропа петляла между деревьями, точно ее проложил пьяный. Больше того, она постоянно ветвилась, разбегаясь в стороны тонкими нитками. Но Сборщик, промолчавший всю дорогу, безошибочно выбирал нужное ответвление.

Деревня, цель их путешествия, оказалась довольно крупной, имела не менее ста дворов и несколько улиц. Насколько смог рассмотреть Сергей, дворы отделялись друг от друга небольшими загородками или плетнями. Все на виду.

Дорога к деревне шла через горбатый деревянный мост, перекинутый через реку. У моста их встречали двое мужчин.

— Приветствую вас, путники, — поклонился один мужчина, уже пожилой, но до сих пор не утративший блеска в глазах. Он опирался на узловатую клюку и чуть заметно морщился, стараясь перенести вес тела на одну ногу. Похоже, давно ждуг. — Я местный староста. Зовут меня Сулимиром.

— Я чувствую смерть, — вместо приветствия ответил Сборщик и снял капюшон. Удивительно, но его бледность, несмотря на жару и долгую дорогу, никак не изменилась — в лице ни кровинки. — Его душу забрали предки, его тело заберу я.

— Вы правы, господин, — сказал Сулимир. — Беда у нас большая.

— Что случилось?

— В лесу хворь завелась. Пытались мы ее огнем извести, а все одно разрастается, поганая. Трое наших полегло ни за что.

— Мой брат?

— Нашли вчера, поутру, — потупился староста. — У самого погоста. Ох, и досталось ему.

— Где он сейчас?

— В холодной. Все четверо.

— Ваши обработаны?

— Да, господин успел все справиться. Но хоронить их мы не торопимся.

— Почему?

— Страшно, господин.

— Есть где остановиться, кому приглядеть за лошадьми?

— Да, конечно, — староста отошел в сторону, пропуская вперед себе подростка лет четырнадцать. — Санко — сын мой. Проводит вас. Мы все подготовили.

Во время разговора голос Сборщика оставался спокойным. Сергей так и не понял, что спутнику уже известно из рассказанного старостой, а что стало новостью.

Деревня встретила гостей настороженным молчанием. Людей на улицах почти нет. Впрочем, это и не удивительно. Основная часть местных должна заниматься повседневными делами. Странно отсутствие детей. В понимании Сергея малышня должна резвиться где-то возле домов. Но на подъезде к деревне, во дворах, он никого не видел.

— Нас встретил староста, — сказал Сергей тихо, чтобы не расслышал идущий впереди мальчишка. — Это нормально?

— Знак большого уважения, — пояснила Дарина.

— А откуда информация о заразе?

Девушка пожала плечами, посмотрела на Сборщика. Тот молчал и внимательно всматривался в дома и редких встречавшихся по пути жителей. При виде незнакомой троицы те поспешно отходили к домам, останавливались, провожая проезжающих настороженными взглядами.

— Знак уважения? — проговорил Сергей, ни к кому конкретно не обращаясь. — Да они напуганы.

— Сообщения доставил посыльный, — неожиданно заговорил Сборщик и посмотрел на Сергея. В его черных глазах с удивительно маленькими зрачками, казалось, клубится тьма.

Наркоман, что ли?

— Первое послание было написано братом, — продолжил Сборщик. — Он сообщал о деревне, в которой остановился, дабы исполнить долг сбора. Раны на телах усопших показались ему странными, а местные жители напуганными. По словам последних, с некоторых пор в ближайших лесах завелась странная хворь. Гнездится она на деревьях, кустах, траве, отчего те чахнут и умирают. Исходит хворь с погоста.

— Прощу прощения, — перебил его Сергей. — Послание доставлено кем и кому? У вас разве есть открытое представительство?

Сборщик криво усмехнулся, но на вопрос не ответил.

— Второе послание было написано старостой деревни. Он сообщил, что брат погиб при невыясненных обстоятельствах. Просил помощи.

— А при чем тут твари с желтыми глазами? — снова встрял Сергей.

— В первом послании имелась приписка, — Сборщик помолчал, будто сомневался, посвящать ли спутников в свои знания. — Нам известны некоторые признаки, сопровождающие появление существ с желтыми глазами. В приписке был указан один такой признак.

Несмотря на жару, по спине Сергея пробежали мурашки. Возникшая в голове мысль на время вытеснила из нее все прочие вопросы. Погост — кладбище — отличное место для создания небольшой армии. И, судя по первым жертвам, раны на телах которых смущают даже видавшего виды Сборщика, первые солдаты уже приступили к зачистке территории.

— Вам следовало обратиться к Большому Собранию, — прервала его размышления Дарина. — Это дело для адептов Золотых башен.

— Это внутреннее дело братства, — жестко отрезал Сборщик.

У ворот, ведущих на просторное подворье, Санко остановился.

— Прощения просим, — проговорил немного заискивающе. — Не серчайте. Все дома в деревне заняты, да и не под стать они таким гостям, как вы. Это, — он указал рукой на подворье, — дом старосты. Не извольте беспокоиться за лошадок ваших — накормим, почистим. И вас с дороги стол дожидается да банька. Да только не одни вы в доме будете... — парнишка примолк, исподлобья глядя на реакцию гостей.

Впервые за всю поездку лицо Сборщика дрогнуло в вопросительной гримасе.

— Страх нас обуял, — продолжил Санко. — Два послания батька написал: вам и Большому Собранию. Адепты Золотых башен аккурат вас опередили — только-только в дом их провели.

«Маги здесь?!»

Сергей скрипнул зубами. Этого еще не хватало! А что, если кто-то из них узнает бывшего коллегу?

— Веди, — бесстрастно сказал Сборщик. Его лицо — снова восковая маска.

Странный человек, будто не от мира сего. Понятно: если постоянно иметь дело с мертвецами, волей-неволей начнешь терять человечность. Но если вспомнить добродушного толстяка, который забрал Искру, в нем не было и доли той холодности и отрешенности, которую буквально излучал бледнокожий Сборщик с черными цепким глазами.

Дарина, видимо заметив беспокойство Сергея, направила свою лошадь рядом с его.

— Спокойно, адептов в Золотых башнях много. Далеко не все знают друг друга в лицо, — произнесла тихо.

— Предлагаю поскорее разобраться со всеми странностями и уезжать. Не хочу мозолить им глаза.

— Конечно, — согласилась девушка.

Оставив лошадей заботам местных работников, троица прошла в дом. Аккуратный сруб встретил гостей ароматом свежего хлеба. У Сергея аж живот подвело.

— Сначала за стол или в баньку? — спросил в сенях Санко.

— Сначала дело, — отрезал Сборщик.

— Не побрезгуйте хлебом-солью. Что с голодным брюхом ходить? В холодной вас уже ждут. Вместе и направитесь. Проходите...

В светлой комнате, за столом, накрытым белоснежной скатертью и заставленным посудой со снедью, сидели трое. Мужчина, средних лет, с кустистыми, сросшимися у переносицы бровями и аккуратной бородой, заплетенной в пару косичек. Его пытливый взгляд скользнул по вошедшим, уголки рта чуть заметно опустились. Одет он был в коричневую кожаную куртку, сейчас расстегнутую до середины широкой груди. Под курткой виднелась белая рубаша. На шее огненно-красным горит какой-то камень. Необычный. Огонь в нем пульсирует – то исчезает, то вновь загорается.

— Адепт Золотых башен, господин Драган Эйч, — представил Санко, указывая раскрытой ладонью на бородатого. — И два его помощника: Рында и Курбат.

Помощники выглядели значительно моложе своего начальника – каждому лет по двадцать, не больше. Одеты так же, но без амулетов на шее. Курбат – с открытым, немного женственным лицом, обрамленным длинными, до плеч, волосами. Рында – ширококостный крепыш, с вздернутым носом и круглым лицом, испещренным следами оспин. Его щеки, покрытые сетью красных капилляров, постоянно двигались, будто парень что-то жевал.

— Разрешите представить, — Санко посмотрел на группу Сергея. — Господин Сборщик со спутниками... – он замялся, не зная, как продолжить.

— Сергеем и Дариной, — пришла ему на помощь девушка.

Санко кивнул.

— Я буду в сенях. Если что – зовите.

— Присаживайтесь, — указал на свободную лавку Драган Эйч. — Очень редко удается поработать с людьми вашего призвания.

Казалось, он говорит только со Сборщиком. Ни Сергея, ни Дарины не видит либо не принимает во внимание.

— Какими судьбами? — спросил маг, когда вся троица уселась за стол.

Сборщик, на удивление, не противился, никуда больше не торопился. Похоже, что-то человеческое в нем все же осталось – голод. Да и стол оказался очень неплох: свежий, из печи, хлеб, молоко, творог, блины с маслом, разная зелень и солености, картошка в мундире, горячее и холодное мясо, рыба. Было что-то еще, но Сергей первым делом взялся за мясо – нежную, обжигающую пальцы свинину, запеченную в тесте и сыре. Запивал прохладным квасом – прямо из кувшина, внешние стенки которого покрылись капельками влаги. Он настолько увлекся поглощением пищи, что на некоторое время выпал из обмена любезностями между Сборщиком и магом.

— Это дело братства, — говорил Сборщик, лениво потягивая молоко и закусывая его куском белого хлеба. — Погиб брат. Нам не нужна помощь.

Нам? Интересно.

— Вот и занимайтесь вашим братом, — пожал плечами Драган Эйч. — Наше дело – погост. Не мне вам говорить, уважаемый, насколько важно вовремя разобраться в проявлениях новых недугов. Буде они коснулись человека или растения.

— Вы не понимаете, куда попали, — Сборщик отставил кувшин с молоком, подался вперед, будто хотел схватить мага за грудки. Тот даже не шелохнулся, продолжая смотреть строго и уверенно. — Я чувствую здесь смерть. Странную. Новую для меня. Она витает над домами, заглядывает в окна. Смотрит сквозь глаза жителей. Она всюду и нигде. Уезжайте, прошу вас, братство все сделает, что требуется, — и предоставит Большому Собранию подробный отчет.

— Благодарю за беспокойство, уважаемый, но я предпочитаю все увидеть своими

глазами. К тому же это своего рода практика для этих достойных отроков, — маг указал на своих помощников.

— Просите предков, чтобы практика не стала для них погребальной молитвой.

Странное дело, Сергей мог поклясться, что Сборщик не угрожает. В его словах нет угрозы, лишь констатация возможного развития событий. Смущала убежденность. О какой смерти говорит Сборщик? Если все настолько плохо, может быть, стоит вызвать дополнительные силы, ввести карантин? Вот Здебор Вятич расстроится, когда узнает, что его тело подцепило какую-нибудь заразу и вот-вот рассыплется кровавыми струпами.

Сергей внутренне покачал головой – ну и мысли за столом.

Сборщик больше почти ничего не ел, но и Дарину с Сергеем не торопил. С магом они больше не препирались. Каждый остался при своем мнении.

Первым комнату покинул Драган Эйч с помощниками. Вскоре вслед за ними поднялся Сборщик. Он точно нарочно выждал, пока троица покинет пределы подворья и скроется за воротами.

— О какой смерти ты говорил? — спросил Сергей.

— Я чувствую беду, — Сборщик заложил руки за спину, отошел к окну. — Чувствую смерть. Жертвы, что лежат в холодной, — не последние.

— Когда ждать новые? — спросила Дарина.

Сборщик помолчал, потом резко развернулся.

— Скоро! Возможно, я зря пригласил вас.

— Теперь поздно, — усмехнулся Сергей. — Мне уже интересно, что же здесь все-таки произошло.

— Поддерживаю, — согласилась Дарина.

— Воля ваша, — сказал Сборщик.

Они вышли в сени. Там, как и обещал, ожидал Санко. Завидев гостей, паренек оживился.

— Готовы? В холодную?

Сборщик кивнул.

Холодная располагалась на окраине деревни, возле небольшой часовни, как ее для себя охарактеризовал Сергей. Небольшое двухэтажное строение, сложенное из почерневших бревен и окруженное низкой оградой. Имелся здесь и небольшой колокол. Внутрь часовни путники не заходили – сразу направились на задний двор. Здесь была выкопана землянка. Тяжелая деревянная дверь плотно закрыта, но замка нет. Санко с наугой потянул ее на себя и, кряхтя и обливаясь потом, отворил.

— Я принесу факелы и позову отца Мешко.

Паренек сорвался с места, метнулся к часовне.

— Зачем нам факелы? — хмыкнул Сергей и развернул светящиеся огненные нити. — Идем?

— Не вижу причин ждать, — сказал Сборщик.

Сергей шел первым. Узкий, укрепленный деревянными опорами коридор резко уходил вниз. Разойтись здесь вдвоем – нереально. Вскоре жара летнего дня сменилась приятной прохладой подземелья. Дышать стало легче. С плеч будто пудовый камень сняли. Но приятный момент длился недолго. Вскоре холод стал настолько ощутимым, что потная спина Сергея покрылась мелкими мурашками. Он шумно вздрогнул.

Наконец коридор развернулся небольшой пещерой. Низкий потолок, влажные стены и

пол. На полу, на деревянных настилах, лежат четыре тела, накрытые отрезами грубой ткани. Ткань на двух телах покрыта пятнами запекшейся крови. В воздухе стоял несильный, но все же хорошо различимый запах гниющих тел.

На Сборщика было жалко смотреть. В алых отблесках созданных Сергеем светящихся нитей его лицо выглядело посмертной маской. За время спуска Сборщик осунулся, вокруг его глаз пролегли темные круги.

— Что случилось?! — насторожился Сергей.

Дарина поспешно поднесла палец к губам, призывая его молчать.

Сборщик на негнущихся ногах обошел тела, постоял рядом с каждым, вытягивая перед собой руки.

— Что он делает? — шепотом спросил Сергей.

— Работает. Думаю, эманации смерти здесь очень сильны. Помолчи.

Сборщик присел на корточки возле крайнего тела. Покрывало на мертвце пестрело многочисленными темными пятнами. Резкое движение рукой — и ткань отлетела в сторону. Сергей закрыл глаза — и снова открыл. Ничего не изменилось, тело не исчезло. А жаль. Сказать, что тело несчастного разделали, — не сказать ничего. У мужчины отсутствовали обе ноги. Одна отсечена по колено — удар явно нанесен острым предметом. Больше того, сама рана и края кожи обуглились. Вторую ногу будто долго грызли: плоть на костях либо отсутствовала вовсе, либо вырвана большими кусками. Сама кость раздроблена в нескольких местах, стопа отсутствует. Та же самая участь постигла правую руку и шею, где сквозь запекшуюся рану видны белеющие позвонки. Живот и грудная клетка рассечены крест-накрест несколькими длинными разрезами, точно били пятерней, оснащенной бритвенно-острыми когтями. С головы содран скальп, вместо глаз — черные провалы.

— Брат, — прошептал Сборщик.

Его рука скользила над изуродованным телом, не касаясь кожи. Сам Сборщик закрыл глаза, к чему-то прислушивался. Сергей передернул плечами, затем нахмурился и, преодолевая брезгливость, подошел к телу.

— Разрешить... — сказал, пристально глядя на Сборщика.

Тот вздрогнул, уставился на него пустым взором.

— Что тебе? — проговорил медленно, через силу.

— Он оставил послание.

— Что?

Сергей потер сухие ладони, сглотнул горький ком, затем коснулся пальцами уцелевшей руки покойника. Кожа на ощупь холодная и склизкая, плоть точно камень. Осторожно, палец за пальцем, он разжал стиснутый кулак мертвого Сборщика.

— Это еще что? — раздался из-за спины удивленный возглас Дарины.

На раскрытой ладони мертвца лежал кусок темного зуба или когтя.

Взгляды Сергея и Сборщика встретились. В черных глазах последнего играли алые блики.

— Смерть, — прошептал он одними губами.

В коридоре раздался шум голосов, топот. Сергей поднялся на ноги, спрятал руку с зажатым в ней когтем за спину. Через секунду в импровизированном морге показался Санко, за ним ковылял тощий старик с длинными седыми волосами, наспех расчесанными по плешивому черепу. Длинный нос старика беспрестанно двигался, руки дрожали. Одет он был в свободную, грязного цвета хламиду, доходящую ему почти до щиколоток. Ноги босы, в

руках деревянный посох с узловатым набалдашником. Но не похоже, чтобы старик нуждался в опоре. Скорее, посох служил неким статусным элементом.

— А мы-то думали, куда вы делись? — сказал Санко. — Милости прошу знакомиться: отец Мешко, наш волхв.

Старик сильно сутулился, но даже так умудрялся смотреть на присутствующих свысока, с вызовом.

— Здравствуйте, отец, — проговорил Сборщик. Он поднялся, но на старика если и посмотрел, то мельком. Взгляд устремлен в пол.

— Здравствуйте, — сказала Дарина и тоже опустила глаза.

Сергей поздоровался, но взгляда не отвел. Напротив – пристально уставился на вошедшего.

Губы старика вытянулись в трубочку, брови сошлись к переносице. Будто нехотя он взглянул на Сергея – и тот чуть не отшатнулся. Глаза Мешко сияли внутренним светом: светло-голубые, с серебристыми росчерками, расходящимися от радужки. За немощным телом явно крылась если не физическая сила, то некая мощь, сейчас выплеснувшаяся лишь вскользь.

Наконец, старик кивнул и заговорил. Голос оказался вкрадчивым, приятным, без старческого скрипа.

— Благодарю, добрые люди, за то, что отозвались на наше прошение. Позвольте, расскажу все, что ведомо мне.

Дарина и Сборщик, как по команде, подняли головы.

— Начались безобразия аккурат прошлым новолунием. Батяшка, — Мешко указал на одно из укрытых тел, — ушел по дрова, да так и не вернулся. Годов-то мальцу много, да умишкой предки обделили. Веселый был, все мечтал. Бывало, пойдет по воду – и пропадет на весь день. Братья ищут его, ноги бьют, а он, болезный, вдоль берега уйдет да встанет, смотрит на какую букашку. Улыбается. Но не сидел в доме, все чем-то помочь хотел. Маялся без дела. Вот родители и позволяли ему в лес ходить – все тропинки знал, паршивец. Все гнезда и норы. А вот не вернулся. Братья-то его посообразительней народились, — кивок на следующие два тела. — Да и те сплеховали. Захотели отомстить за родную кровь. Нашли они Батяшку аккурат возле погоста нашего – покусал кто-то мальчика, порасцарапал. Принесли его в деревню, а сами, обалдуи здоровые, все тайком в лес бегали. Отомстить, значит, зверя выследить. Говорили, видели какие-то следы. Какие? Неведомо нам. В то утро дождь прошел, все следы и смысл. Но братья не отступились, выследили-таки супостата. Не сразу, конечно...

Сергей почувствовал, как холод обнимает ноги. Еще немного – и он пустится в пляс, чтобы согреться. Стыдно перед остальными, но тело Вятича бунтовало, взывало к милости своего нового обладателя.

— На свои головы выследили – однажды и они не вернулись. Тут уж мужики собрались кучно, да и пошли целой ватагой на поиски. Нашли. Оба на погосте. Белояру-то несильно досталось – всего горло перегрызли. А вот Чилигу обидели.

— Следы видели? — спросил Сборщик.

— Да, мужики говаривали, натоптано там, аки сборище прошло. Следы все больше человечьи, но видели и вовсе странные. Но напуганы были дюже. Один другого переверять спешил. Обрато чуть не бегом примчались. Глаза бешеные. А ведь не последние работяги. Да и повидали многое.

— Больше жертв не было?

— Окромя брата вашего – никого. Да и его отговаривали, бедолагу. Не ходи, мол. Ан нет, не послушал. Почувствовал что-то, сказал. А что – не сказал. Хотел сам проверить. На тот уж раз мужики не сразу на поиски вышли. Но не оставлять же в лесу. Вооружились кто чем, пошли. Вернулись скоро. Страху еще больше, чем в первый раз. Говорят, зараза по деревьям да травам раскинулась. Черная, будто сажа, но живая. Брата вашего на подходе к погосту нашли. Следов вокруг – тьма. Земля кровью забрызгана. Дальше не ходили. Страх, говорят, взял, точно следит кто из-за деревьев. Мы, знаете, в этом лесу родились и всю жизнь прожили, благодетелем его считали, защитником. Оборонит от лихостей, ежели что. А тут такое. Одним словом – беда.

Сборщик по очереди подошел к телу каждого из братьев, сдернул с тел покрывало. Сергей уже не чувствовал рук, отчаянно хотелось на поверхность, но он заставил себя смотреть на мертвецов. Батяшке повезло больше всех, если так можно сказать. Вряд ли парень мучился – один порез рассек ему горло, второй – живот. Разрезы ровные и, похоже, глубокие. Несколько небольших укусов на руках и теле, но неглубокие, чуть прокушена кожа. Того же, кого старик назвал Чилигой, рвали почти столь же жестко, как и собрата Сборщика. В теле несчастного зияли глубокие рваные раны, отсутствовали целые куски мяса. И все же и у него повреждения не столь многочисленны, как на теле мертвого Сборщика.

— Такое ощущение, что на первой жертве они только пробовали силы, — проговорила Дарина.

— Кто они? — спросил волхв.

— Не знаю. Волки... может, одинокий секач появился.

— Мужики говорили, что в первый раз видели человечесьи следы. Неужто кто волками али секачом правит? Да и не похоже на них. Не те раны, сама посмотри, девонька.

— Но с пробой сил права, — согласился Сборщик. — Смерть от тела к телу все отчетливее. Она обжигает и уже не остановится.

— Подождите, — спохватился Сергей. — А могилы? Кто-нибудь видел могилы? Они разрыты?

— То мне неведомо, — развел руками Мешко. — На первый-то раз мужики особенно по сторонам не пялились. Не до того – больше за братьев переживали. А уж на второй раз и вовсе не до того – до погоста и не дошли.

— Ты же не думаешь на толстяка из имения, — быстро проговорила Дарина.

— На него – нет. На нечто похожее – да.

— О чем вы, ребятишки? — спросил волхв.

Странно, но больше Сергею не казалось, что старик смотрит свысока. Скорее – по-отечески.

— Боюсь, нам придется навеститься на ваш погост, — сказал Сергей.

Мешко вздохнул, покачал головой.

— Жалко мне вас. Сгинете ни за что. Но раз решили – догоняйте господ магов. С ними об руку все спокойнее будет.

Сборщик чуть заметно поморщился, но ничего не сказал.

— Вот только проводить вас некому, — снова заговорил волхв, когда все пятеро поднялись из холода наверх, к солнцу. — Староста выделил одного проводника. Да и тот ушел с магами.

— Почему одного? — насупилась Дарина.

Девушку явно бил озноб, но она старательно пыталась это скрыть.

— Люди напуганы. Но если им приказать – пойдут.

— Так в чем дело?

— Я не позволю им вступить в лес, — спокойно произнес Мешко.

— Батюшка, разрешите... — вступил было в разговор Санко.

— Ступай с миром, сынок, — сказал волхв.

Парнишка тут же сник и поплелся прочь.

— Дорогу покажу я, — добавил ему в спину Мешко. — На мне лежит ответственность за этих людей. Негоже перекладывать ее на других. Сам недосмотрел – самому теперь из горшка хлебать.

— Далеко идти? — спросил Сборщик.

— Недалече. Скоро обернемся.

Лишь в дороге Сергей почувствовал, что начал отогреваться. Теперь, на солнце, при хорошем освещении, можно рассмотреть находку, выуженную из руки мертвого Сборщика. Сергей раскрыл ладонь, все это время плотно сжатую.

— Отец Мешко, как, по-вашему, кому это принадлежит?

Волхв обернулся, с интересом посмотрел на кусок кости: коричневатого цвета, с отчетливыми, почти черными разводами. Определенно – зуб. И даже видны остатки не то корня, не то мяса – темно-красного цвета, со все теми же черными разводами.

— Похоже на клык... — задумчиво проговорил Мешко.

— Только гнилой, — добавила Дарина.

Вдруг поверхность коричневой кости вспучилась, пошла пузырями. Сергей инстинктивно дернул ладонью. Зуб упал в траву. Вверх тут же поднялась струйка удушливого дыма. Пузыри зашипели, но уже через мгновение опали густой, склизкой массой черного цвета.

— Что ты сделал? — спросил Сборщик.

Сергей перевел взгляд на него, затем, щурясь, посмотрел на солнце.

— Они здесь, — проговорил так глухо, что не узнал собственного голоса. — И они поднимают солдат.

В памяти тревожным набатом звучали слова Здебора Вятича: «Тело повторно убитого тобой мертвеца распалось под первыми лучами солнца». С зубом произошло то же самое. Исчез, как только на него упали солнечные лучи.

— Нам лучше успеть вернуться дотемна, — сказал Сергей.

— Чувствую себя лишним, но кто – они? — спросил Мешко.

— Те, с кем не стоит встречаться, — немного резко ответил Сборщик. — Поторопимся. Ты уверен? — повернулся к Сергею.

— Очень хочется сомневаться, но пока не могу, — усмехнулся тот. — Ты говорил о каком-то послании брата, которое он успел передать. Пора бы рассказать, нет?

— Нечего рассказывать. Он описал ощущения. Непосвященным их не понять. И... — он замаялся. — Холод. В лесу, ближе к погосту. Сказал, что все проверит.

— Пока не стемнело, мы в безопасности, — сказал Сергей. — Ночью я туда не сунусь.

Он ожидал презрительных слов или хотя бы взглядов. Но нет. Похоже, подтверждение версии собрата Сборщика сильно озадачило.

Шаг пришлось ускорить.

Что-то неуловимо странное появилось в воздухе за несколько минут, до того как стали

видны очертания погоста. Не холод, не страх. Ощущение чьего-то присутствия. Ощущение слезки. Охоты.

Сергей резко остановился.

— Вы это слышите?

— Что? — спустя несколько секунд спросила Дарина.

— Тишину.

В лесу царила гробовая тишина. Легкий ветер колыхал кроны деревьев, но и они, казалось, не издают ни звука.

— Беда не приходит одна, — сказал волхв. — С того дня, как погиб Батяшка, скотина с ума сошла. Птица сидит по углам. Коровы и козы отказывают в молоке — мучаются, бедные, а хозяек чураются. Да что скотина — дети малые не спят, как следует. Плачут.

— Глупое предложение... — сказал Сергей. — А перенести деревню в другое место нельзя?

Мешко только усмехнулся, сверкнув глазами.

Погост располагался на просторной поляне, скорее всего искусственного происхождения. Лес резко обрывался, уступая место траве по пояс, но здесь и ей не позволяли расти в полную силу, периодически скашивая. Впрочем, в последнее время заниматься косью было явно некому. Трава набрала силу и начала наступление на многочисленные холмики, увенчанные деревянными крестами. Ни намека на изысканность или даже попытку придать крестам ухоженный вид. Вряд ли в мире волхвов и магии христианский знак имел свое былое значение. Больше похоже на то, что кресты ставили по традиции, нежели руководствуясь какими-то религиозными соображениями.

Наступление травы остановилось примерно на середине погоста. Здесь пролегла отчетливая граница, за которой живая и насыщенная зелень сменялась пожухлой растительностью, припорошенной какой-то пылью.

— Пепел, что ли? — Дарина опустила перед границей на корточки, присмотрелась.

— Руками не трогай! — предупредил ее Сергей.

Чем дальше от границы в сторону, противоположной той, откуда пришли путники, тем крупнее становилась «пыль». Если под ногами она имела коричневатый цвет, то уже в нескольких метрах внутри пораженной зоны — насыщенный черный, матовый. Больше того, на месте иссохшей травы к небу тянулись тончайшие нити, покрытые все тем же странным налетом. Каждая нить колышется — но словно повинуюсь своим внутренним потребностям, не обращая внимания на ветер, гуляющий по погосту.

— Это и есть зараза? — спросил Сборщик, обращаясь к волхву.

— Сам я не видел, — признался тот, — Но, судя по словам мужиков, — она. Только они сказывали — из леса она выбралась, только-только могилки затронула. А тут такое.

— Ползет...

Сборщик стоял, закрыв глаза, и во что-то вслушивался.

— Ты это уже видел? — Дарина встала и подошла к Сергею.

— Не уверен...

— Или не хочешь говорить?

Сергей указал рукой на покрытые черным налетом нити.

— Вот та дрянь. Что-то подобное встретил в старом городе. Но не так много.

Глаза девушки медленно расширились.

— Хочешь сказать...

— Нет. Говорю же: что-то подобное.

Сергей пробежал глазами могилы. На первый взгляд – все целые. Если какая-то тварь из них и вылезала, то делала это очень осторожно. Хотя за довольно густым ковром колышущихся нитей подробностей не разглядеть.

Дарина осмотрелась, затем отошла к деревьям, а когда вернулась, то несла в руках сухую палку.

— Попробуем? — спросила она.

— Давай.

Девушка размахнулась – и запустила палку в гущу черных нитей. В месте падения нити резко дернулись в стороны, будто хотели убежать. Но не прошло и десятка секунд, как все снова успокоилось.

— Ну, хоть не начали щупать деревяшку, и то ладно, — проговорил Сергей. Ему уже стало казаться, что это какие-то живые отростки, подчиняющиеся некому сознанию. Нет – просто противная дрянь, от которой гибнет обычная растительность.

— Ребятишки, — подал голос Мешко. — Что-то горит.

И действительно, в воздухе появился запах костра. Сначала слабый, но с каждой секундой усиливающийся. Кто-то остановился на привал? Не лучшее место.

— Оттуда – указала в сторону леса Дарина.

— Неужто пожар! — всплеснул руками волхв.

На запах дыма бросились почти бегом. Дарина, точно натасканная гончая, — впереди. Следом Сергей, последним семенил Мешко. Сборщик так и остался стоять на месте недвижимым изваянием. По пути пришлось заложить небольшой крюк, чтобы обогнуть зараженную зону.

— Осторожно! — крикнул Сергей бегущей впереди девушке. — Смотри по сторонам. Эта черная дрянь может быть где угодно.

Первые признаки странного налета появились совсем скоро. Сначала как отдельные коричневые пятна на коре и листьях. Потом – целыми пластами, точно нарывами на теле зараженного леса. Но обращать внимание на отдельные отголоски заразы некогда – где-то впереди нарастает шипящий гул, слышится треск горящего дерева и редкие выкрики.

— Это маги! — выкрикнула Дарина.

Они пробежали еще немного, когда сквозь стволы деревьев Сергей рассмотрел отблески пламени. За спиной заохал Мешко: старик зацепился ногой за скрытую травой корягу и чуть не растянулся. На обернувшегося Сергея он замахал руками, мол – все в порядке.

То, чем занимались маги, с первого взгляда выглядело настоящим безумством. Помощник, которого Драган Эйч представил как Курбата, шел между деревьев и выжигал расплывающуюся по ним черную погань. Пламя широкой волной срывалось с его вытянутых вперед рук. Следом, отставая на несколько шагов, шествовал Рында. Вокруг него сгустилось полупрозрачное облако, судя по всему, состоящее из водяных паров. Отрывистыми движениями рук он распылял эту взвесь там, где теплилось пламя, разожженное собратом. За ними шел маг, периодически вносящий поправки в действия подопечных и указывающий либо на пропущенное зараженное дерево, либо на тлеющие искры. Замыкал шествие мужчина с копной светлых волос, перехваченных кожаным ремешком. В руках наготове он держал короткий лук с наложенной на него стрелой. Еще с десятков стрел – в берестяном колчане на левом боку.

— Уважаемый! — закричал Сергей, еще не добежав до магов.

Драган Эйч посмотрел по сторонам, обернулся. На его озадаченное лицо напозла тень недовольства.

— Вы так все спалите к чертям! — выпалил Сергей, подойдя ближе. — Ничего лучше не придумали, чем устроить пожар?

— Вы, простите, кто такой? — спросил маг. Недовольство на его лице сменилось презрительной усмешкой.

— Никто. Просто мимо проходил. Вы знаете, с чем столкнулись?

— Да, с назойливостью, — ответил Драган Эйч. — Не мешайте мне. Я на работе. Мои помощники тоже.

— Ваша работа – жечь деревни?

— Спасать их... – процедил маг. — В том числе от глупости и медлительности. Не стоит нам мешать.

— Ночью здесь опасно находиться, имейте это в виду.

— Обязательно.

— Горан! — послышался надсадный голос волхва. — Сынок! Ступай в деревню. Я провожу гостей.

— Но, отец... – возмутился мужчина с луком.

— Не спорь, сынок. Видишь, я не один.

Светловолосый что-то пробурчал себе под нос, но подчинился.

— Что будем делать? — спросила Дарина.

— Пойдем за ними, — предложил Сергей. — Смотрите, они не выжигают все вокруг – идут целенаправленно. За ними выгоревшая просека.

— И куда идут?

— Возможно, к точке зарождения заразы.

— Уничтожишь зародыш – уничтожишь все?

— Хороший вопрос. Вот и узнаем ответ.

— А как же Сборщик? — Дарина обернулась, шаря глазами между деревьев.

— Не пропадет, наверное...

— Идем–идем, подсобим горемычным, — закашлялся волхв.

— Вы бы тоже в деревню шли, — сказала ему Дарина. — Не заблудимся. Дорога-то одна. Затемно не задержимся.

— Не, — протянул старик. — Привести – привел. Значит – и увести должен. Шевели ногами давай, дочка. Она они уходят уже.

Сергей усмехнулся: а старичок хоть и выглядит развалиной, но боевой.

Они шли, точно по коридору – черному, потрескивающему, смрадному. Сгорая, черные нити оставляли после себя запах паленой шерсти, но с каким-то приторным привкусом. Чем глубже продвигались маги, тем плотнее и толще становились нити. Вскоре некоторые из них в длину достигали до полуметра, а в толщину – в большой палец. Образования беспрестанно шевелились, подрагивали. Лес здесь полностью омертвел. От деревьев остались лишь почерневшие остовы без коры. Под ногами захлюпало. Поначалу Сергей думал, что лес медленно превращается в болото, но нет – влага только в пределах тропы.

— Интересно – это сок или кровь? — Дарина брезгливо поморщилась, рассматривая собственные сапоги, по голенище заляпанные густой черной субстанцией.

— Сок, конечно, — улыбнулся ей Сергей. — Может, помочь им?

— Тебя не узнали. Поможешь – раскроешь себя как мага. А тут два варианта: либо

признаваться, либо ты маг вне Золотых башен. А это костер.

— Понял, — подал плечами Сергей.

Драган Эйч дважды оборачивался, сверлил взглядом неторопливых преследователей и снова отворачивался. Похоже, присутствие посторонних его не особенно волновало. Между тем импровизированный коридор практически скрылся в тени разросшихся отростков, покрытых черным налетом. Идти вдоль пары шевелящихся стен стало не по себе. И больше всего напрягали даже не сами отростки, а отсутствие солнца. На всякий случай Сергей приготовился дать отпор. Неважно кому: желтоглазым тварям, мертвякам или этому шевелящемуся морю. Ощущение силы огнем разбежалось по венам, обожгло руки. На мгновение ладони окутались слабым оранжевым свечением.

— Ты что?! — толкнула его в плечо Дарина.

— Предосторожность не помешает.

— Предки, ниспошлите мне силу устоять в страхах моих, — послышался голос Мешко.

Сергей резко обернулся, готовый ударить всей накопленной мощью. Старик стоял и смотрел куда-то вперед и вверх.

— Они нашли ее, — тихо проговорила Дарина. — Точка исхода заразы.

Это походило на огромное дерево, в несколько обхватов, без кроны. Точно неведомый великан вырвал столетний дуб – и перевернул его вверх корнями, которые теперь извивались подобно рассерженным змеям. Вместо коры иномировое (в этом Сергей не сомневался) создание покрывало нечто полужидкое, постоянно перетекающее узловатыми комками.

Сколько времени понадобилось этой гадине, чтобы вымахать до таких размеров?

— Стойте здесь, — сказал Сергей и направился к магам.

Даже на расстоянии метров сто от исполина чувствовалась исходящая от него недобрая мощь. Он не только убивал лес, но и привносил в мир нечто чуждое, нечто такое, отчего внутри поднимался неосознанный страх. Не то опасение перед нападением, пусть и неожиданным, но все же вполне конкретным и прогнозируемым, не то безотчетный, давящий страх. Что ж, чего-то подобного следовало ожидать. И то – сколько они уже тут шатаются, а давление только-только появилось.

— Подожди... – Дарина подалась к Сергею. Опустила глаза, снова взглянула на него.

— Мы скоро уйдем отсюда, — понял он ее чувства: брешь, пробитая чуждым ужасом, разрастается. — Помогу им. Плевать, что придется объясняться.

Девушка судорожно кивнула. Ее лицо побледнело, губы искусаны в кровь. Похоже, долго держалась. Разная восприимчивость к страху? В этот момент Дарина показалась Сергею маленькой и беззащитной. Куда только делся весь ее напор? Ничего, все вернется. Но для этого придется немного потрудиться.

— Тихо, доченька, — проговорил волхв. Старческая рука взяла девушку за ладонь. Та вздрогнула, точно от удара. — Иди, милоч, — посмотрел на Сергея. — Не по душе мне чудо это огромное. Помог бы, да нет пока мне сменщика в деревне...

— Справимся, — уже на ходу бросил Сергей.

Вычистив вокруг себя место для маневра, троица магов разошлась шеренгой. Черные отростки вздрагивали под огнем Курбата, скукоживались и опадали бесформенными останками, еще некоторое время бьющимися в агонии, растекаясь темной жижей. Пресекать пламя нет никакой необходимости, оно и без того само опадает очень быстро.

Сергей постарался отключить голову. Мысли, мельтешащие в ней, заставляли пригибаться и затравленно оглядываться в ожидании неминуемого нападения. Поддашься

им, поплывешь по течению собственных страхов – и все, остановиться уже не сможешь.

— Помощь нужна? — громко окрикнул магов Сергей, не доходя до них нескольких шагов. Он постарался, чтобы его голос звучал буднично. Не стоит появляться внезапно. Мало ли у кого нервишки не сдюжат.

Широкоплечий крепыш Рында дернулся от вопроса, обернулся. Сергей успел заметить широко раскрытые глаза и крупные капли пота на лбу, когда из полупрозрачного облака, окружающего помощника колдуна, вылетело голубое копьё. Тело сработало на одних инстинктах: руки в защитном жесте взметнулись перед собой, пересеклись крестом. Возникшее перед Сергеем алое марево без труда поглотило смерть.

Вот так, все же нервы у некоторых кандидатов в адепты ни к чертям.

— Ты это что делаешь?

Рында тяжело дышал. Сеть красных капилляров на его щеках проступила еще отчетливее.

— Ты кто? — прохрипел помощник.

Его взгляд медленно обретал осмысленное выражение.

— Отвечай на вопрос адепта Золотых башен, — повернулся к Сергею Драган Эйч. Он выглядел куда спокойнее своего помощника. — Кажется, ты что-то утаил от нас.

— Предлагаю поговорить в деревне. Я никуда не денусь, а эта дрянь не очень хорошо влияет на ваших ребят, — Сергей указал на Рынду. Парень явно нервничал – и очень сильно. Того и глядишь – бросится бежать или решится на какую другую глупость. Наподобие копья, выпущенного со страха. При этом Сергей мог поклясться: помощник мага его просто не узнал или принял за кого-то другого. Знать бы, за кого?

— Обязательно поговорим, — с нажимом произнес Драган. Испуганным он не выглядел. Напряженным – да, но не испуганным. — Хорошо. Делай, что умеешь, но знай – я слежу за тобой. Идем все вместе. Цель – вон та штука, — он указал на огромное чудовищное дерево, с шевелящимися щупальцами–корнями.

— Уничтожив ее, остановим болезнь?

— Полной уверенности нет, но это самое первое, что надо сделать.

— Хорошо. Только присматривайте за своими подопечными. Эта штука пугает их.

— Пугает? — усмехнулся маг. — Вскоре они станут полноправными адептами Золотых башен. Страх – одна из слабостей, которые следует в себе изжить. Сегодня для них отличный урок.

— Но от этого урока зависят жизни простых людей. Там, в деревне.

— Мы начинаем повторяться. Слишком много слов.

— Тогда к делу.

Спор с магом Сергей решил оставить на потом. Все равно им еще предстоит разговор. И приятного в нем будет мало. А пока – чистое, пустое сознание. И огонь. Всепожирающее пламя, что вырывается из окутанных алой дымкой рук.

До того чудовища, вокруг которого разрастались черные отростки, добрались быстро. Правда, последние метры шли, буквально выдирая себя из липкой горячей жижи. Запах паленой шерсти почти не дает дышать.

— Все вместе! — прокричал Драган Эйч и первым ударил в черную, истекающую комьями слизи плоть.

Маг бил целой серией отрывистых огненных росчерков. Взмах руки – и широкая полукруглая полоса, от свечения которой больно глазам, устремляется к цели. В стороны

густо летит слизь. Шипение, дым. В лицо бьет невообразимая вонь, от которой переворачиваются внутренности, а желудок сжимается агонизирующим комком. Рядом пополам согнулся Курбат – не упал только чудом. Рында взревел, точно раненый медведь. Облако вокруг него распалось отдельными туманными клочьями, каждое из которых превратилось в тонкое копьё. Еще выкрик, почти стон – и копыя разом направились к телу исполина. Точно крупнокалиберные пули пропахали его плоть, вырвав целые куски черного не то мяса, не то какой иной субстанции там, где прошли росчерки Драгана Эйча. Отличный эффект, но заклинание отняло у крепыша много сил. Он покачнулся. Вокруг него начало собираться новое облако, но медленно.

Сергей не стал изобретать ничего нового, использовал уже привычные огненные шары. Создал сразу три, каждый размером с метр в диаметре, но постарался в каждом сосредоточить весь максимум бушующей стихии, на который был способен. Раскаленное добела пламя шаров ревело так, что закладывало уши. Еще мгновение – и огненные лепестки распустились на теле иномирового создания.

Сергей метил туда, где верхний слой плоти уже сняли удары Драгана Эйча и Рынды.

В грудь ощутимо толкнуло. Он взмахнул руками, пытаясь устоять на ногах, но все равно повалился в густую жижу, упал на бок. В голове загудел протяжный вой. У него не было источника, его не слышно в реальном мире. Он просто есть в голове, будто трубит огромное раненое животное.

— Мы его пробили! — закричал Драган Эйч и усилил напор. Огненные росчерки с его стороны превратились почти в непрерывную огненную волну, влетающую в расплзающуюся брешь в теле черной твари.

Сергей случайно бросил взгляд вверх. Отростки, которыми усеяна вершина существа, сжались тугими кольцами.

Подняться, помочь.

Курбат наконец пришел в себя. Его руки дрожали, губы кривились в мучительной гримасе. Но парень все равно стоял и даже пытался сплести какое-то заклинание.

Вой повторился – и Курбат беззвучно закричал. Сергей не понимал, что так мучит помощника мага, так как сам не ощущал никакого дискомфорта. Но что-то однозначно мучило.

Новая тройка огненных шаров материализовалась в воздухе. Не столь насыщенные, как первые, но хватит и таких. Огонь и без того уже тянулся по телу исполина, выжигая его изнутри.

Перед глазами мелькнуло что-то неуловимое. Сергей автоматически выпустил шары в пылающее жерло, которым стала пробоина в плоти существа. Бросил взгляд в сторону. Рында стоял на коленях, вокруг него снова клубилось облако водяного пара. Руки подняты над головой, на лице безумная улыбка.

— Курбат! — заорал Сергей, уже предвидя действия широкоплечего крепыша.

Длинноволосый обернулся и еле успел вскинуть руки, как в него метнулось с десятков тонких копий. Что-то прокричал Драган Эйч, но Сергей не разобрал слов. Он метнулся между двумя помощниками мага. Похоже, вой не проходил просто так – кое-кого сводит с ума. Из носа Рынды обильно текла кровь – и он с видимым удовольствием слизывал ее языком.

— Прочь! — рыкнул Сергей на Курбата.

Тот выглядел немногим лучше трупа: белое лицо с уже набухающими синяками, одежда

в нескольких местах порвана, несколько кровоточащих ран. По всей видимости, полностью заблокировать атаку собрата он не смог.

Рында снова ударил, но на этот раз копыя налетели на щит, выставленный Сергеем. Облако вокруг обезумевшего помощника мага поблекло, а еще через мгновение в его грудь врезался тугой таран воздуха. Крепыша протащило по жиже, опрокинуло на спину. Черные брызги рванулись в стороны, облепили человека с головы до ног. Рында обхватил голову руками и завыл – протяжно и надрывно.

— Что с ним?! — выкрикнул Драган Эйч, отвлекшись от уничтожения издыхающего исполина.

— Эта дрянь как-то действует на мозги. Этот не выдержал, — не сводя взгляда с крепыша, проговорил Сергей.

— Придержишь его? Я почти закончил.

И действительно, краем глаза Сергей видел, как исполин начинает заваливаться. Внутренности иномирового существа практически выгорели, остался только прочный внешний панцирь. Не так уж это было и сложно.

Хуже дела обстояли с Рындой. Он ползал в грязи, но даже не предпринимал попыток встать. Парень действительно тронулся рассудком, постоянно завывал, а вскоре начал наносить себе удары по голове и лицу. Не желая подходить к беснующемуся вплотную, Сергей обрушил на него целую приливную волну уплотнившегося воздуха. Рынду прижало к земле, а жижу под ним расплескало, выдавило за пределы невидимого гнета. Все, на что теперь был способен помощник мага, — бешено вращать глазами и завывать. О собственной магии он, похоже, позабыл напрочь.

Сергей развернулся к черному исполину. Из нутра того густыми клубами валил зловонный дым. Но большая его часть устремлялась в небо, подхваченная к тому времени усилившимся ветром. Вонь стояла страшная, но организм сумел адаптироваться к ней. Ощущение все равно гадкое, точно нажрался горелой шерсти. Но жить можно, не выворачивает.

Добивали огромную гадину уже втроем. И то затратили на уничтожение не меньше часа. Перво-наперво аккуратно завалили исполина так, чтобы он не придавил никого из атакующих. Действовали наподобие дровосеков: сначала выжгли в основании черного «ствола» внушительную зарубку, потом Драган Эйч и пришедший в себя Курбат начали с противоположной стороны методично «вгрызаться» в черную плоть. При этом Сергей держал постоянный воздушный поток, направленный примерно на середину «ствола». Работа несложная, но трудоемкая. Непрерывное тяжелое напряжение вытягивало силы не хуже жестокой схватки. К тому времени, когда исполин с раскатистым треском, наконец, рухнул, погребя под собой изрядное количество черных отростков, маги взмокли до последней нитки.

Но отдохнуть времени не осталось. Солнце уже касалось крон деревьев и вскоре вовсе скроется. А тогда, несмотря на победу над огромной тварью, неизвестно чем ответят желтоглазые создания. В том, что они шныряют где-то рядом, Сергей почему-то не сомневался. Потому маги сразу приступили к полному уничтожению останков черного тела. Сжигали основательно, дотла. Когда все закончилось, Сергей еле держался на ногах.

Тяжело ступая, покачиваясь из стороны в сторону, он брел обратно – к тому месту, где на земле до сих пор лежал Рында. Здесь уже его ждали Дарина и Мешко.

— Отпусти его, сынок, — хмурясь, проговорил волхв.

— Он опасен, — мотнул головой Сергей. Больше всего на свете он хотел сейчас прилечь. Плевать куда — хоть на острые камни, хоть сюда — в лужи черной гадости.

— Отпусти. Он больше не будет безобразничать.

Сергей пожал плечами и усилием воли снял удерживающую Рынду воздушную тяжесть. Крепыш тут же ощерился, обнажив окровавленные зубы, попытался вскочить на ноги, но рука Мешко уверенно схватила его за запястье — и парень тут же обмяк.

Несколько секунд волхв без видимых усилий удерживал помощника мага, который совсем недавно чуть было не убил собственного собрата. Но Рында и не думал сопротивляться. Его лицо постепенно разгладилось, из глаз ушло безумное выражение, а вскоре они и вовсе закрылись.

— Что с ним? — спросил Сергей.

Мешко сосредоточенно молчал.

— Он снимает боль, — за волхва ответила Дарина.

— Какую боль?

— Ту, что человек накапливает в себе. Ту, с которой живет. Ту, которая мучает и заставляет бояться собственной тени.

— Тебе тоже помог?

Девушка потупилась.

— Да. Прости, я перепугалась. Сама не знаю отчего.

— Ничего. Ты хотя бы не бросилась ни на кого с ножами, — усмехнулся Сергей.

— Не успела... Знаешь, я видела кого-то. Думаю, что видела. Вроде женщина — высокая, очень худая. Странная какая-то... Глаза очень жестокие.

— Где видела? — насторожился Сергей.

— Вот, в зарослях, — девушка неопределенно пожала плечами. — Вроде появилась пару раз — и исчезла.

— Не обращай внимания. Думаю, это все та черная зараза, что догорает вон там, — кивок за спину. — Паренек вон тоже на нее среагировал. На ее крик.

— Я тоже его слышала, — потерла лоб Дарина. — Но далеко. Думала, показалось.

— Все слышали, — раздался голос Драгана Эйча.

Сергей обернулся. Маг и Курбат стояли в нескольких шагах от него. Глаза длинноволосого то и дело закрывались. Не будь рядом наставника — парень уснул бы прямо здесь.

Маг смотрел пристально, оценивающе.

— Благодарю за помощь, — произнес с явным сомнением в голосе. — В особенности за этого увальня, — указал на все еще бесчувственного Рынду. — Не пойму, что на него нашло. Но я узнаю. Во всем этом, — он обвел рукой мертвый лес, — еще предстоит разобраться Золотым башням. Полагаю, вы можете ускорить разбирательство, рассказав мне все, что вам известно. Вы же не просто так оказались здесь. Так?

— Друг пригласил на природу съездить, отдохнуть от городской суеты, — вздохнул Сергей. — Чего отказываться? А здесь такое...

— Какое совпадение, — расплылся в улыбке Драган Эйч. — Именно сегодня — и именно сюда. Право говорят: причудливы и негаданны дороги предков.

Рында застонал, его веки дрогнули. Рука Мешко тут же соскользнула с его запястья. Старик пошатнулся. Дарина подхватила его за плечи.

— Что с ним? — спросил Сергей.

— Много боли, много страха, — тихо проговорил волхв. — Чуть было не ушел. Настиг на самой грани. Дурное место, дурные страхи.

— Больше никаких страхов, отец! — сказал маг. — Осилили мы гадость эту. День—два — сам почувствуешь, как легче станет.

Мешко с подозрением посмотрел на черные отростки, все еще колышущиеся вдоль выжженной тропы. Сейчас, в свете заходящего солнца, они казались еще более таинственными. Хотя, надо признать, не пугали. В этом Драган оказался прав. И все же приближающиеся сумерки настораживали Сергея. Гадость осилили — тут не поспоришь. Но все ли на этом кончится?

Рында мутным взором окинул стоящих над ним людей, что-то невнятно пробурчал. Теперь он больше всего походил на выброшенную на берег медузу — такой же вялый и аморфный.

— Курбат, делай что хочешь, но доставь это тело в деревню, — сказал Драган Эйч, обращаясь к помощнику. — Даю вам срока до заката. Если опоздаете — адептами Золотых башен можете не стать никогда. За сегодняшний день вам выговор.

Длинноволосый открыл было рот возразить, но маг не дал сказать ему и слова.

— Обоим выговор! Вам должно работать в паре. А что мы видели сегодня? Очень плохо!

Драган Эйч еще раз взглянул на Рынду и твердым шагом направился прочь — к деревне.

— Их нельзя оставлять одних, — бросил ему вслед Сергей. — Здесь еще небезопасно.

— Тем хуже для них, — не оборачиваясь, ответил маг. — Золотой башне не нужны неудачники и слабаки.

— Суровый товарищ, — ухмыльнулся Сергей, когда Драган исчез в тенях тропы. — Давно гоняет вас?

— Нет, — Курбат попытался поднять товарища, но сил явно не хватало. — Господин Эйч один из лучших практикующих наставников. Нам очень повезло, что он согласился вести у нас практику. Говорят, почти все выпускники господина Эйча со временем входят в Малое Собрание. Но нас он постоянно ругает.

— Странно, что оно до сих пор не лопнуло, — пробурчал Сергей. — Столько желающих. Медом там намазано, что ли?

— Положение, власть, — сказала Дарина. — За такое место и убить можно.

— Как вы можете такое говорить?! — возмутился Курбат. — Адепты, входящие в Малое Собрание, — это цвет Золотых башен. Их мощь и опора!

— Ладно—ладно, опора, можешь поднять своего друга?

Длинноволосый покачал головой.

— Отец Мешко, долго он так просидит?

— То не ведомо мне, сынок. Дюже плох был.

— Оставил бы ты его, — сказала Дарина. — Всех не спасешь.

В ее взгляде светилось недовольство. Что, напоминает о произошедшем в Наслаждении Болью? Знает ли она, что он все-таки ослушался ее и вмешался в судьбу несчастной пары?

— А я и не спасаю. Меня бы самого кто спас... — Сергей попытался улыбнуться, но вышло не очень убедительно — скорее, получилась кривая ухмылка. — Ну-ка, отойди, — проговорил Курбату.

Длинноволосый нехотя отстранился.

Сергей попытался обратить заклинание, которым недавно удерживал Рынду. На этот раз

уплотнившиеся струйки воздуха проскальзывали под недвижимое тело, приподнимая его над землей. Несколько минут кропотливой работы – и вот уже крепьш парит в воздухе. Невысоко, не более полутора десятков сантиметров, но больше и не надо.

— Так лучше, — проговорил Курбату.

Глаза парня округлились, будто он увидел собственную смерть.

— Что не так?!

— Я думал, что обознался, — сглотнул длинноволосый. — Я видел вас в Золотых башнях, господин. Мельком. Потому не сразу узнал. Простите меня.

Сергей переглянулся с Дариной, перехватил заинтересованный взгляд волхва. Вот же не вовремя на парня снизошло прозрение. Хоть закапывай его прямо здесь. Все равно никто не найдет, а может, и искать не будут – никчемные же ученики.

— Вряд ли, — медленно проговорила Дарина. — Сергей никогда не был в Золотых башнях. Он издалека. Но имеет официальное разрешение князя на санкционированное чародейство в пределах Москвы.

— Да, конечно, — Курбат мялся, явно не желая соглашаться с услышанным. — Просто вы управляете сразу двумя стихиями. И, прошу прощения, уверен – это не все, на что вы способны.

— Продолжай, — поощрил его Сергей. Похоже, он выдал себя, не сказав ни слова, одними только действиями.

— Моя стихия – огонь, — воодушевился длинноволосый. — Его, — кивок на Рынду, — вода. Даже господин Эйч владеет только огнем и немного землей. Но вы... Вам подчинены сразу две стихии. И это не начальный уровень. Вы очень сильны. Не так, как адепты, специализирующиеся на одной стихии. Но как...

— Универсал, — закончил за него Сергей.

— Да, — на лице Курбата появилась широкая улыбка.

— Когда-нибудь ты поймешь, что не все свои мысли стоит высказывать вслух, — вздохнул Сергей. — Если раньше тебя не прирежут.

— Кто?! — выдохнул Курбат.

— Может, мы пойдем? — с нажимом спросила Дарина. — Скоро стемнеет.

— Конечно! — развел руками Сергей. — К тому же надо найти Сборщика. Не случилось бы с ним беды.

Рында медленно плыл над землей. Постепенно он приходил в себя, лицо налилось здоровым румянцем.

— Кто меня может убить?! — не унимался Курбат. — Я же сказал правду.

— Вот за нее... Выродились вы тут в своих башнях. Ослабели, раз ввели специализацию. В моих землях, управляя одной стихией, долго не проживешь.

— Смотрите! — возглас Дарины заставил замолчать даже неугомонного Курбата. — Они умирают?

Сергей не сразу понял, о чем говорит девушка. Отростки все так же тянутся к небу, все так же изгибаются только в им ведомом танце. Или не так? Если присмотреться, то отчетливо видно, как отдельные отростки опадают, точно под тяжестью невидимого гнета. Они еще дергаются, пытаются подняться, но все напрасно – тяготение земли уже не преодолеть.

— Умирают? — снова спросила Дарина.

— Одно из двух: или умирают, или готовятся ко сну. Предлагаю поторопиться. Не очень

хочется разобраться со всем в потемках.

Сборщика они нашли точно там же, где и оставили. Облаченное в черное тело лежало, раскинув руки, в полуметре от границы неведомой болезни. Сергей про себя выругался. Припустил бегом. Пульс у Сборщика прощупывался. Не особенно уверенный, но хоть что-то. Никаких видимых повреждений не заметно. Неужели его приложил господин Эйч? Но зачем? Или дело в другом...

— Отец Мешко, можно вас попросить о помощи?

Волхв ковылял сзади. Заметно, как старик устал, но держится. Старается не превратиться в обузу.

— Да, сынок, — проговорил, тяжело дыша.

— Не могли бы вы проверить, что с ним? Может это быть тот же страх, что и у Рынды?

Мешко дважды глубоко вздохнул, затем опустился возле Сборщика на одно колено, взял его кисть в свои руки. Не прошло и нескольких секунд, как волхв отпрянул, закашлялся.

— Беда–беда. Беда. Беда–беда... – тараторил он себе под нос.

— Что еще?!

— Захворал он, болезный. Дюже сильно захворал. В часовенку его мою скорее да под лики предков. Авось сподобятся помочь.

— Да что за день за такой?! — с досадой бросил Сергей.

Солнце окончательно скрылось за кронами деревьев. На небе еще виднелись последние алые блики, но и они стремительно таяли. Скоро на лес опустится ночь. Быстрее, чем она придет в деревню.

По ногам повеяло холодом. Сергей невольно вздрогнул, осмотрелся по сторонам, выискивая признаки желтоглазых тварей. Никого. Пока никого.

— Он сам пойдет, — Курбат на удивление бесцеремонно пнул собрата по обучению. Рында в ответ охнул. — Вставай! Я же вижу, ты пришел в себя. Все равно в деревню тебя никто не внесет. Хочешь окончательно провалить испытание?!

— Все равно опоздали, — недовольно пробурчал крепыш, но все же покинул воздушную подушку. На ногах он стоял довольно уверенно, даже Курбата до сих пор немного пошатывало.

«Вот же гаденыш!»

У Сергея руки чесались зарядить Рынде так, чтобы тот подавился собственными зубами. Однако и смену готовят себе Золотые башни. Ничего не скажешь.

От погоста к деревне почти бежали. Сгущающиеся тени гнали в спину, напирали с боков, норовя уцепиться за одежду, остановить.

Холод отступил.

Первым делом направились к часовне волхва. Ни у границ деревни, ни на ее улицах людей не заметили, но зато свет горит почти в каждом доме. Похоже, местные жители предпочитали пережить ночь в кругу семьи. Что ж, оно и правильно. Нечего шататься по улице, когда совсем рядом завелась такая гадость, как только что уничтоженный черный исполин.

Внутри часовня оказалась донельзя тесной. В зале, если его так можно назвать, одновременно, не мешая друг другу, могло поместиться человек десять, не больше. Но очень чисто. Доски под ногами буквально блестят в свете немногочисленных, но больших свечей. Свечи установлены в кованых подсвечниках весьма изящной работы. В воздухе пахнет ладаном. Со стен на гостей смотрят образа, насколько понял Сергей, тех самых предков, на

помощь которых и надеялся Мешко. В отличие от изображения святых на иконах, привычных Сергею, предков изображали скорее в их натуральном виде, без излишней утонченности в чертах и покорности во взгляде. С небольших расписных дощечек взирали мужчины с окладистыми бородами. Большой частью – воины. Но встречались и представители вполне мирных профессий – таких как, кузнец. Людей старались изображать в деле, за привычным им ремеслом, будто выдергивали кадр из жизни.

— Кладите его сюда, — волхв кивнул на Сборщика, затем указал в центр зала, где на полу лежала грубая циновка. — А теперь – идите с добром. Идите, не стойте над душой. Я попрошу за него перед предками. Чужое присутствие ни к чему. Да, — с этими словами он настойчиво выпроводил всех на улицу и следом захлопнул дверь. — Не входить. Я сам позову, ежели понадобится помощь, — прокричал уже из-за двери. — Идите, поешьте...

Помощники Драгана Эйча переглянулись.

— Все равно придется ответ держать, — проговорил Курбат. — Идем к наставнику.

Рында колебался.

— Ладно, пойдем. Только ты не говори, что меня несли. Хорошо? И извини за то, что... там...

— Не скажу. Идем.

— Как его зовут? — нарушил тишину Сергей, когда помощники скрылись в вечерней полумгле.

— Кого? — не поняла Дарина.

— Сборщика.

— Сборщик. У них нет имен.

— Почему?

— Не знаю. Так повелось. Сборщики теряют имя, как только вступают в братство. Считается, с этого времени они исчезают из мира смертных и переносятся в мир теней. В мир мертвых, где имена не имеют значения.

— Неудобно же общаться. Как обращаться, если их несколько?

— Не задумывалась об этом, — пожала плечами девушка. — Пока никто не жаловался. Да и не общаются с ними почти.

— Как деревенским удалось донести до них послание?

— Вот этого не знаю. Вполне возможно, что братство Сборщиков имеет более сложную структуру, чем думает большинство. Вполне возможно, что у них есть что-то вроде представительств или людей вне братства, выполняющих работу связных или информаторов.

— Интересные вы, — Сергей прислонился к стене часовни. — Чего ни спросишь – кругом недоговоренность, двойное дно или ложь. Как вы с этим живете?

— Мы? — удивилась Дарина.

— Ну да. И я тоже... А ведь что мы гадаем? Проще всего найти того посыльного, кто относил письма. Он же местный?

— Должно быть... А зачем тебе?

— На будущее. Вдруг пригодится.

— А я бы не стала лезть в секреты Сборщиков глубже, чем мы уже в них залезли.

— Не так уж и глубоко. Как думаешь, почему нашего друга долбануло сильнее всех? Мне показалось, что та дрянь больше воздействует на неподготовленное сознание.

— У Сборщиков сильно обострено восприятие. Они чувствуют смерть. Что, если именно эта особенность делает их уязвимыми к тому вою?

— Как вариант звучит довольно правдоподобно, — Сергей отлепился от стены. — Пойдем, что ли, тоже поедим. Я устал как собака. Здесь все равно делать нечего.

— А Драган Эйч?

— Шел бы он... Если бы действительно хотел говорить и разбираться – не сбежал бы впереди всех. Тем более ты же слышала: я универсальный маг, — Сергей усмехнулся. — Что мне какой-то практикующий наставник?

— Надеюсь, ты шутишь.

— Шучу–шучу, но есть хочу и голодать не собираюсь. Идем.

Дарина бросила взгляд на плотно закрытую дверь в часовню.

— Хорошо, пойдём. Надеюсь, отцу Мешко будет сопутствовать удача.

Ночь все больше брала свое. Небо еще светлело, но деревенская улица утопала в полумраке.

— Почему ты помог Рынде? — спросила Дарина.

— Я помог Курбату.

— Пусть Курбату. Зачем?

— А почему нет? Была возможность – и помог.

— Они никто для тебя.

— Почему ты поехала со Сборщиком? Кто для тебя все эти люди? А в желтоглазых тварей ты и вовсе не веришь.

— Меня кормят ноги. Больше узнаю – больше шансов заработать. Хотя бы на информации.

— Понятно. Выгода прежде всего?

— Да, — Дарина уставилась на Сергея, будто ожидала от него продолжения темы. Но он решил не лезть не в свое дело. В конце концов, не ему решать, как ей жить.

— Скажи, а что с этими двумя будет, если они не пройдут практики?

— Ничего страшного, не беспокойся. Просто не станут полноправными адептами Золотых башен, но это не лишит их сил. Обычно таких, как они, отправляют в небольшие города и селения. Там всегда нужна помощь мага. Защитить от лесного зверя, помочь с огнем или избавить поле от засухи. Мало ли дел? Их не будет в Большом Собрании, и это крест на дальнейшей службе. Дождаться повышения смогут единицы.

— Почему?

— Жизнь такая, — Сергею показалось, что девушка улыбнулась. — Болезни, мелкие стычки в кабаках. Участие в набегах на соседей.

— На своих же?

— Конечно. Почему нет? Увести стадо коров или смазливую девку.

— А что вообще дает членство в Малом Собрании?

— Власть, деньги, уважение. Члены Малого Собрания управляют Золотыми башнями и распределяют самые дорогостоящие заказы. Они почти не занимаются прикладной магической практикой. В основном – теорией, какими-то тонкими изысканиями.

— Большое Собрание – это все остальные маги?

— Все, кто успешно прошел обучение и сдал выпускные испытания. Члены Большого Собрания имеют право селиться непосредственно на территории Золотых башен или получают наделы земли рядом с ними. Ежегодно каждый из них часть заработанных средств жертвует в пользу Золотых башен, но и работу они получают тоже от них. Некоторых отряжают наблюдать за жизнью тех, кто не сдал испытания. Были случаи, когда они (то ли

от обиды, то ли от нехватки денег) присоединялись к разному отребью. А это пятно на репутации всех адептов. Такие пятна обычно стираются. Очень быстро.

— А тот маг, у Госпожи, желтомордый. Он тоже из несдавших?

— Нет, — голос Дарины стал жестким. — Сульманин. Сразу после войны они не смели показываться в Славии, а вот снова осмелели. Хоть и сидят по норам.

— Их много?

— Сульмане редко выезжают за пределы своих земель в одиночестве. Чаще всего — это хорошо вооруженная группа, ищущая заработка или разбоя. Их маги не очень сильны, если сравнивать их с адептами Золотых башен. Зато компенсируют свою слабость хитростью и коварством. Злопамятны. В отличие от нас, поклоняются каким-то чудовищам. Не то из прошедших Темных веков, не то собственным тварям.

— Может, стоит сообщить магам, что мы видели такого типа?

— Тот сульманин работает на Госпожу, а значит, находится под ее покровительством. С ним не станут связываться. Половина города превратится в руины, а его не поймать. Там же целая система ходов, магических переходов и ловушек. Пока все относительно тихо — нейтралитет устраивает всех.

— Как всегда и везде... — вздохнул Сергей.

Дарина резко остановилась.

— Ты так и не сказал мне, откуда ты? Только не надо сказок о далеких землях.

— Это не сказки, — Сергей тоже остановился, обернулся, желая видеть лицо девушки. Но глубокая тень скрывала его. — Я действительно издалека. Из другого мира.

Он замолчал, ожидая реакции, но Дарина молчала.

— Возможно, из того мира, который существовал до ваших Темных веков. Мне знаком ваш язык, знакомы многие понятия и привычки. Но в то же время я постоянно натываюсь на странности и необъяснимые для меня вещи. Оттого много вопросов.

— Где Здебор Вятич?

— В своем поместье. Ни жив, ни мертв. Призрак. Но говорить может.

— Кто его убил?

— Он сам... организовал собственную смерть, чтобы укрыться от преследователей. От желтоглазых тварей.

— А ты вроде как сторожа для его тела?

— Вроде того. Не думаю, что он именно так все задумывал — какой из меня сторож? Но уж как получилось.

— Знаешь, Сергей, я бы никогда во все это не поверила, если бы не успела пообщаться с тобой. Ты очень странный. Но, предки мне в свидетели, удачливый. Несмотря ни на что. Ты смог уцелеть там, где сложили кости другие, куда более опытные и подготовленные. Сами предки хранят тебя и тех, кто окажется с тобой рядом.

— Только меня, — ответил в темноту Сергей. — Только меня...

Они шли медленно. Ночь выдалась тихой и безветренной. Деревня замерла, будто в ожидании беды. Ориентироваться удавалось только по горящему свету в окнах домов, иначе бы пришлось хорошо проплутать, пока вышли к дому старосты. Ворота к подворью освещались догорающим факелом.

— Нас ждут, — усмехнулась Дарина.

— Ага, заботятся, чтобы лоб ненароком не расшибли.

— Я уж думал, сбежали вы, — приветствовал вошедших Драган Эйч. Он сидел вразвалку

на скамье за столом. Оба помощника, не шелохнувшись, застыли подле. Глаза устремлены в пол.

— От кого? — спросил Сергей, присаживаясь на свободную лавку напротив мага. Дарина села рядом.

— От разговора со мной, разумеется.

— А мне стоит его опасаться? — Сергей взял хорошо зажаренную куриную ногу, с удовольствием откусил большой кусок.

— Не знаю, — Драган медленно протянул руку, взял со стола пучок укропа, но есть не стал. — Вот Курбат утверждает, что видел вас в Золотых башнях.

Сергей бросил на длинноволосого безразличный взгляд. Тот чуть заметно передернул плечами, словно от озноба.

— И что? — с набитым ртом спросил Сергей. Придерживаться каких-либо приличий в обществе этого самодовольного типа не возникло даже мысли.

— Все очень просто. В тебе нет знака адепта. В тебе нет знака непрошедшего выпускное испытание. В тебе нет вообще никаких знаков. Ты чист — а значит, опасен.

— Железная логика.

Наличие или отсутствие каких бы то ни было знаков стало для Сергея открытием. И совершенно очевидно: знак, обозначающий статус мага, не имеет ничего с банальным клеймом. Похоже, он ставится не на тело. Здесь задействованы куда более тонкие уровни. Что ж, а это даже к лучшему.

— Я вправе задержать тебя и препроводить в Золотые башни для дальнейшего дознания, — продолжил Драган Эйч.

— Попробуй, — Сергей исподлобья глянул на собеседника.

— Попытка сопротивления?

— Давай начистоту. Что ты хочешь? Если бы ты действительно хотел оттащить меня к башням, мы бы решили этот вопрос еще в лесу. Я устал и хочу спать. А еще в часовне лежит человек, с которым я планирую поговорить. Так что не будем задерживать друг друга.

На улице завывала собака. На фоне той почти полной тишины, что царила в деревне весь день и еще более мертвой тишины вечером, звук заставил насторожиться всех в комнате. Даже помощники мага, похоже, наказанные, подняли головы, прислушиваясь.

— Не будем задерживать, — согласился маг. — Завтра здесь будут дознаватели из башен — и тебе, Сергей, лучше не попадаться им на глаза. Это понятно?

— Предельно. Что ты хочешь взамен?

— Ничего — достаточно того, что тебя здесь никогда не было. И вас, госпожа, — он посмотрел на Дарину. — Вы уедете из Москвы и никогда сюда не вернетесь.

— Сейчас догадаюсь, — усмехнулся Сергей. — Вы скажете, что ту дрянь в лесу уничтожили самостоятельно.

— Именно, — кивнул Драган. — Я уже не в том возрасте, чтобы мотаться с необученными юнцами и выдумывать им испытания. Устал. Хочется покоя. А сегодняшнее происшествие — отличный шанс уйти на заслуженный и обеспеченный отдых.

— Вон он, — Сергей указал на Курбата. — Тебя первым и сдаст. Парень — молодец. Его не купишь. По крайней мере, пока.

— Не купишь? Он хочет стать адептом Золотых башен и вступить в Большое Собрание, — маг отбросил пучок укропа обратно на стол. — Испытание они провалили — и дальнейшая судьба таких неудачников малоприятна. А я уж позабочусь, чтобы их распределили в такую

глушь, что никакие новости до нее не дойдут до самого возвращения богов.

— А как же Сборщик? — спросила Дарина.

Девушка ела мало, больше слушала.

— Он ничего не видел. Даже соврать не сможет. Скажу ему, что вы уехали. Дела срочные. А с дознавателями он говорить не станет. Да и уедете вы открыто — все это подтвердят. А мало ли кто вы такие были — путники, не больше.

— Хороший план, — подбавив в голос восхищения, сказал Сергей. — Как думаешь? — посмотрел на Дарину.

— Очень хороший, но я уже привыкла к Москве. Уезжать отсюда... пожалуй, нет.

— Соглашусь. А я еще не все достопримечательности осмотрел. Рано в дорогу.

— Как хотите, — маг подался вперед, облокотился о стол. — Рекомендую вам хорошо поесть, хорошо поспать. И вообще — отдохнуть. В руках у дознавателей у вас такой возможности не будет очень долго. А ты, — он уставился на девушку, — дура. Что тебе с ним? Что тебе в Москве? Я бы и отпустил тебя, но не люблю оставлять за спиной тех, кому не могу доверять. Но раз нет — уговаривать не стану. Гонец в Москву отправлен. У вас есть время до утра — еще можете передумать.

— Давай убьем его, — задумчиво проговорил Сергей. — Надоел. Не люблю таких людей.

— Что?! — Драган Эйч снова откинулся на скамье, засмеялся. Затем коснулся пальцами огненно-красного амулета на шее. — Сделай милость. Попробуй.

— В амулет вложено заклятие защиты, — пояснила Дарина, не стесняясь того, что маг все слышит. — И маяк, который сигнализирует о смерти носителя. Но тебе не пробить защиту. Такие амулеты получают адепты Большого Собрания.

Девушка пожалала плечами, улыбнулась, точно извиняясь. Ее следующего движения Сергей не рассмотрел. Дарина стремительно взмахнула руками — и у самого уха Драгана Эйча в дерево стены вонзился тонкий кинжал.

Маг вздрогнул, но, надо отдать ему должное, практически не изменился в лице. Только улыбка из веселой превратилась в хищную, глаза блеснули яростью. Сергей напрягся, готовый отразить возможную атаку что со сторону господина Эйча, что со стороны его помощников.

Ну, девчонка и дает! Чем только думала?! Но молодец, хоть и на большую глупость пошла.

— А вот это уже серьезно, — прошипел маг.

— Куда уж серьезней, — Дарина говорила спокойно, словно речь шла о погоде. — Не надо угрожать. Вы делайте свое дело, мы будем делать свое дело. Я слышала, что хорошая сталь может причинить немало неприятностей даже сильному магу. Как считаете, пустые слухи?

На улице снова послышался вой собаки. На этот раз где-то с другой стороны деревни. К одному протяжному голосу тут же присоединился еще один и еще. Вскоре вой доносился со всех сторон. Собачье племя точно сошло с ума.

Громкие торопливые шаги в сенях оборвались криком:

— Беда! — и в комнату влетел Санко. На сыне старосты не было лица. — Беда! — повторил он и привалился плечом к дверному косяку.

— Вот эти звуки — это нормально? — спросил Сергей.

— Нет! Помогайте, люди добрые. Скотина с ума сошла. Бьется, родимая. Боюсь,

покалечится.

— Ты где-то здесь увидел знахаря?! — Драган Эйч выплеснул на несчастного парня все негодование. — Пошел вон! Пусть старухи нашепчут что надо. Не мешай...

— Они чего-то испугались? — перебил мага Сергей. Он нарочито медленно встал из-за стола.

— Похоже, господин. Рвутся из загонов, с привязи. Не знаем, как и быть.

— Как бы Сборщик не оказался прав...

— В чем? — спросила Дарина.

— Он сказал, что скоро умрет кто-то еще. Мог ошибиться?

— Нет.

— Тогда лучше перестраховаться. Скажи своим, — обратился к Санко, — пусть сидят по домам, но буду начеку. Под рукой – все необходимое. Просто на всякий случай. Не гасите свет, не выходите на улицу. Возможно, придется спешно уходить. Но не раньше, чем прояснится суть проблемы. Понятно?

Сын старосты поспешно кинул.

— Тогда дуй отсюда.

— Хватит! — Драган Эйч ударил кулаками по столу, поднялся. — Не знаю, как вам удалось подговорить этих несчастных, но знайте: я вам не верю. Я уничтожил заразу в лесу – и больше людям бояться нечего. Кроме вас, разумеется. Но это ненадолго.

— Пожалуй, мы пойдем прогуляемся. Что-то здесь душно стало, — процедил сквозь зубы Сергей и направился к двери.

— Стоять! До прибытия дознавателей будите находиться здесь, под моим неусыпным наблюдением.

— Ты можешь просто не мешать? Больше нам ничего не нужно, — обернулся Сергей.

— Взять его, — лениво бросил маг.

Помощники опасливо посмотрели на наставника, потом перевели взгляд на Сергея. Рында неуверенно поднял руку, вокруг которой тут же появилось голубоватое сияние.

— Не делай этого, — сказала Дарина.

Сергей мог поклясться: стоит крепьшу сделать одно резкое движение – и девчонка пустит ему кровь.

— Дарина, не надо, — сказал он. Ни к чему ввязывать ее в противостояние магов.

Она ничего не ответила, а просто вышла из комнаты. Сергей молча последовал за ней. За спиной они оставили гнетущую, напряженную тишину.

Уличный воздух встретил их злым морозом. Не обычный холод, а колючий, точно в зимнюю стужу.

Дарина поежилась.

— Не отходи далеко, — сказал Сергей. — Если все дело в погосте и уничтожения черной твари мало, то и нападения стоит ожидать с той стороны. Пойдем, посмотрим, а заодно проведем Сборщика и Мешко.

Оставлять за спиной обозленного мага нехорошо, но делать нечего – придется рискнуть.

— Думаешь, проблема в погосте? — спросила Дарина.

— У тебя есть другие варианты?

— Нет пока.

В домах все еще горел свет. И не просто горел, его стало больше. Похоже, жители решили, что огонь отпугнет их страхи. Сергею тоже хотелось в это верить. Но пламя факела

или лучины – это не солнечные лучи. Схожим ли окажется их действие? Как же плохо блуждать в потемках незнания, тем более когда информированность может оказаться решающим фактором в жизни и смерти многих людей.

Сергей посмотрел на небо – полностью затянуто тучами. Словно нарочно. Из ближайшего подворья донесся жалобный вой, почти скулеж. И тут же резкая смена – собака рванулась на цепи, зашлась в кашляющем лае. От неожиданности Дарина отшатнулась, выругалась сквозь зубы.

— Не нравится мне все это, — проговорила тихо.

— Мне тоже, — буркнул Сергей.

Очередной поворот улицы – и темноту пронзила пара больших желтых глаз с вертикальными зрачками. Ни намек на тело. Желтые глаза, в которых светится чуждый, холодный разум. Он не боится, не пытается скрыться, чувствует собственную силу. Сергей так и встал на месте, перестал дышать. Девушка остановилась мгновением позже.

— Что-то забыл?

— Ты их не видишь? — Сергей указал в темноту, где плавали глаза.

— Кого?

— Тварь. Та самая, что подняла толстяка в имении Вятича.

Словно по мановению волшебной палочки, в руках Дарины появились тонкие клинки.

— Где она?

Глаза моргнули – и исчезли.

— Пропала... Зараза...

Только теперь Сергей ощутил, как дрожат собственные руки. Только нервного припадка сейчас не хватало.

— Бегом! — он схватил Дарину за руку.

У двери часовни они были спустя каких-то три–четыре минуты. Сергей тяжело дышал, а девушка, казалось, даже не запыхалась. Вот она – разница в подготовке. Будет время – надо будет заняться собственным новым телом... Каким к чертям телом? Он же собрался домой, обратно. Плевать и на это тело, и на желтоглазых тварей! Вот только вопрос: какого рожна он не умчался в Москву при первой возможности? Зачем вообще потащился в деревню, а теперь носится так, будто сможет их всех спасти?

Дарина громко постучала в дверь. Ответом ей была тишина.

— Отец Мешко! — забарабанил Сергей.

Результат тот же.

— Наверное, он еще не закончил со Сборщиком, — сказала девушка. — Не слышит нас.

— Это его проблемы. Отойди.

Сергей и сам отступил на пару шагов. Одним коротким ударом вмиг стусившейся воздушной волны разбил дверь в мелкую щепу. Дарина прикрыла лицо руками, метнулась в часовню. Сборщик по-прежнему лежал на полу, а волхв стоял подле него на коленях.

Молится? Не самое лучшее время.

— Останься здесь и приведи Мешко в себя, — сказал он девушке. — Как очнется, тащите Сборщика подальше отсюда. Понимаю, что тяжело, но надо.

— Ты куда?

— Посмотрю, что там, у леса. Постараюсь вернуться скорее. Меня не ждите. Идите к дому старосты.

— Ты же не собираешься драться в одиночку? С кем бы то ни было?

— Я похож на идиота?

— Да. Только полный дурак стал бы задирать адепта Золотых башен. Он тебе не по зубам, — девушка немного помолчала. — Не знаю, что его остановило. Мог бы спалить тебя на месте.

Сергей усмехнулся.

— Я никого не задираю, просто попросил не мешать. Но отвечая на твой вопрос: драться в одиночку не собираюсь.

Он нырнул в темноту. Странно, но температура внутри часовни заметно выше, чем на улице. И это всего от нескольких свечей? Вряд ли. Старик-то непростой. Очень непростой. Вряд ли волхв будет рад, оттого что его растолкали. Но уж лучше пусть тревога будет ложной, чем какая-нибудь разлагающаяся тварь подберется к деревне неожиданно для всех.

Передвигаться в полной темноте по пересеченной местности, в одиночку, оказалось делом неблагодарным и ужасно давящим на нервы. Сергей то и дело спотыкался или оступался, прислушивался и присматривался, но зажечь свет так и не решился. Холод не отступал, а это значит, что опасность все еще крутится где-то рядом. Вынюхивает.

Внезапно собачий вой за спиной стих. Сергей замер. Холодящая сознание догадка взорвалась в голове светошумовой гранатой: что, если мертвяки уже в деревне?! Проклиная себя за глупость, он развернулся и бросился обратно. Как назло нога зацепилась не то за корень, не то за камень. Сергей успел выставить перед собой руки – и только поэтому не пропахал хорошо утоптанную тропу лицом. И все же ладони содрал в кровь.

Неудачник!

Он успел подняться на четвереньки, держа раскрытые ладони чуть согнутыми (щипало жутко), когда почувствовал в темноте какое-то движение. Именно почувствовал, не увидел. Да и звуки дошли чуть позже. От леса действительно кто-то шел – неторопливо, но довольно уверенно.

Сергей вскочил на ноги, сжал кулаки. В глазах промелькнули алые круги. Он ощутил, как с пальцев на землю стекают капли крови, но рук не разжимал. Боль и ярость – два чувства, неизменно дарившие ему силу.

В нос ударил еле уловимый запах тлена.

Раздумывать и сомневаться времени нет. Сергей взмахнул перед собой рукой, описывая широкую дугу. Капли крови, обильно падающие на землю, обратились сгустками пламени, устремились в темноту. В последний момент Сергей успел изменить траекторию их полета, заставив врезаться в землю, в нескольких шагах от себя. Множество ярких вспышек осветили ночь. А там, за горящей дугой взорвавшихся пламенем капель крови, в нерешительности замерли темные фигуры. Сомнений нет – существа были мертвы. По крайней мере, умерли недавно. Теперь же они направлялись к деревне. На Сергея смотрели белесые глаза, в которых отражались лепестки пламени. Но по ту сторону стояли не разложившиеся скелеты или сухие мумии – нет. Существа выглядели так, будто их похоронили всего несколько дней назад, только предварительно содрали кожу. Поджарые тела блестели от покрывающей их слизи. Разъявленные рты, полные острых, точно иглы, зубов, больше походят на пасти акул. На некоторых тварях сохранились остатки истлевшей одежды, но большая часть – абсолютно голые. На телах ближайших созданий Сергей успел рассмотреть странные наросты, по виду – костяные образования. Наросты не имели четких очертаний и больше напоминали коросту, результат какой-то прогрессирующей болезни. У некоторых тварей такая короста покрывает большую часть тела, у других только начала

проявляться.

От огня создания отшатнулись, утробно завывали. За их спинами, в темноте, промелькнули какие-то быстрые тени. Точно собаки. Только очень большие.

Только собак здесь не хватало! Зато больше ничто не удерживает от действий.

Снова взмах руки – и снова кровь обращается пламенеющими сгустками. Будто почуяв опасность, твари рванули было в разные стороны. Поздно. Не обладая высокой скоростью, они оказались легкой мишенью. Несколько тварей вспыхнули яркими факелами, заметались, оглашая окрестности глухим рыком. Собратья от них отшатывались, старались обойти огненную преграду.

Надо отвести их от деревни! Судя по невнятным попыткам бежать, от тварей можно спастись даже быстрым шагом. Но подпускать их к жилью все равно ни к чему.

Рвануть в сторону, обогнуть мертвяков с фланга – и снова ударить. Сколько их? Только бы снова не упасть!

Сергей снова плеснул пламенем. Ответом ему стал еще более ожесточенный рык. Создания топтались, не понимая, куда им идти. Огонь охотно принял угощение из полугнилой плоти. Пара мертвяков уже рухнула на землю. Они еще продолжали двигаться, цеплялись корявыми пальцами за траву, но с каждой секундой движения их становились все менее заметными.

Умирают! Их можно убить, как и толстяка из поместья Здебора Вятича.

У границ деревни раздался тонкий смех. Громкий, но совсем не такой, как хохотали Смехачи в старом городе. Его звук поднялся в ночи и даже ненадолго перекрыл рык повторно умирающих тварей из леса. А еще через мгновение какой-то дом, стоящий на окраине деревни, погрузился в огненное марево, запылал.

Что там творится?! Неужели Драган Эйч? Но зачем?

Снова смех, чуть дальше от пылающего дома, — и снова огненная вспышка. На этот раз только яркий оранжевый отблеск. Послышались крики – похоже, народ метнулся на улицу. Людей можно понять, никто не хочет сгореть заживо. А кто-то планомерно бьет по деревне. Возвращаться? Сергей стиснул зубы, метнул в мертвяков еще одну россыпь смертоносных сгустков.

Нет, ну не могут же маги вконец обезуметь!

И все же подтачивающий изнутри червяк сомнения не давал покоя. Дурная привычка доводить все дела до логического завершения самостоятельно, не надеясь на помощь других. А в данном случае другие – это люди, к которым нет доверия.

Из-за огненной стены в высоком прыжке выскочило существо. Тут же припало к земле, зашипело. Теперь его можно разглядеть лучше: очень походит на тварей, с которыми Сергею пришлось схватиться в пустующем доме. Красно-коричневую кожу твари покрывали большие язвы, вокруг которых расплывались пятна коросты. В некоторых местах язвы вскрывались гноящимися ранами. На коже существа виднелись следы от многочисленных ожогов, над которыми поднимался прозрачный дымок.

Еще две тени взметнулись из-за стены огня и приземлились в нескольких шагах от Сергея. Только теперь он заметил, во что превратились их ноги – в нечто, напоминающее ноги кузнечика, покрытые плотным слоем черной коросты.

Получается, желтоглазые не только поднимают мертвецов, но и изменяют их. И делают это, опираясь на результаты предыдущих экспериментов. Причем в одном из них невольно поучаствовал сам Сергей. А сколько их было всего?

Руки горят от ссадин. Ладони мокрые от крови. Но боль проходит. Сергей пожалел, что не прихватил с собой обычный нож. Вот что стало бы для него неиссякаемым источником силы: собственная боль, собственная кровь.

Одна тварь повела мордой, пародией на человеческое лицо, втянула носом воздух. Хищник, причем осторожный, голодный, но никак не мертвый, несмотря на отчетливый запах тлена.

— Что, нравится? — Сергей вытянул вперед руку, с силой сжал кулак. К земле устремилось несколько капель крови.

Тварь аж задрожала – и тут же прыгнула, но натолкнулась на возникшую ниоткуда огненную пелену, возведенную столь близкой и доступной добычей. Визжа и корчась, создание упало на землю. Его голова превратилась в сплошную обожженную кость с кусками все еще тлеющей кожи. Две оставшиеся твари приникли к земле, начали отползать, стараясь не попасть в бушующее за ними пламя. Но Сергей не собирался давать им шансов сбежать. Медленно, точно опасаясь уронить хрупкую и ценную реликвию, он поднял руки кверху. Вслед за этим движением из земли поднялась волна огня. Глубокий выдох, толкнуть руками волну – и та покатится вперед широким, расходящимся в стороны полукругом. До леса далеко, бояться нечего.

Дикий рев и отчаянный визг разорвали ночь, заглушив натужный гул пламени.

Теперь можно возвращаться. Если мертвяки и придут в себя, то еще нескоро. Хватит времени, чтобы разобраться с делами в деревне. Или хотя бы выяснить причины воспламенения дома.

Бегом, не теряя ни секунды.

Не сделал он и десятка шагов, как вспыхнул еще один дом, но уже в другой части деревни. И снова тот же тонкий смех. На этот раз слышимый на самой грани, точно далекий порыв ветра.

Деревня бурлила подобно пчелиному рою. Люди повыскакивали на улицу. Многие в панике. Кругом гомон, крики, слышится детский плач. Впрочем, полнейшего бардака нет. Староста все же смог организовать сельчан к первостепенным заботам. Самой главной из которых стало тушение горящих домов. Люди выстраивались цепью и от колодца к пожарищам передавали ведра с водой. Капля в море. Огонь разросся слишком сильно. Спасти пылающее жильё нет никакой возможности. Отстоять бы остатки деревни. Судя по сверкающему потоку искр, поднимающемуся в небо, сделать это будет почти невозможно. Вот когда нужны маги – дознаватели, или кто там они? Плевать. Лишь бы помогли.

От полного выгорания деревню пока спасало лишь отсутствие ветра да значительное расстояние между домами. Но искры разлетаются слишком далеко.

— Кто это сделал? — Сергей бросился к первому попавшемуся на пути мужику. Лицо того покраснелось, брови и борода обгорели.

— Не ведаю! — бросил он, переводя дыхание.

— Где маги?

— Вроде бы там были, — указала куда-то вглубь улицы.

— Вам надо уходить! Всем! Деревню не спасти. Хватайте детей, выводите скотину – и уходите.

Мужик ухмыльнулся, утер рукавом насквозь мокрой рубахи лоб.

— Куда же нам идти, добрый человек? Наш дом здесь.

— Постройте новый. Лес рядом. Руки при вас.

— По миру мы пойдём. Да и негоже оставлять место родимое. Ты, добрый человек, иди. А мы поборемся пока.

Мужик ещё раз утер лоб и побежал по своим делам.

Сергей сплюнул на землю. Да что же это творится? Неужели лучше сгореть заживо? Зачем намертво держаться за обречённое?

— Все в сторону! — закричал Сергей, быстрым шагом направляясь к горящему дому.

На него смотрели с непониманием, некоторые и вовсе не замечали.

— Я сказал – вон! — он развел руки в стороны – на ладонях заплясали огненные лепестки. — Готовьте воду, но не используйте её, пока я не скажу.

Универсал? Подвластны все стихии? Самое время проверить слова длинноволосого помощника Драгана Эйча.

Сергей глубоко вздохнул – раз, другой. Попытался отключиться от жара и криков. Ночь – недавно морозная, обернулась испепеляющим безумием. Но безумие можно унять. Пусть не все. Сейчас – можно. И средство для этого находится под рукой: оно везде – в воздухе, в земле. Протяни руку и возьми. И Сергей протянул. Похоже, часть сознания или умений Здебора Вятича, оставшиеся ему в наследие, адаптировали и соотносили его мысли к тем знакам, что крутились перед внутренним взором. Знакам, за которыми сокрыты заклинания, назначения и мощи которых Сергей пока не знал.

А пока он тянул воду отовсюду, откуда только мог, при этом стараясь не спускаться в поисках слишком низко под землю и не трогать грунтовые воды. Объяснить себе, почему решился на подобное, он, наверное, не смог бы. Неосознанный порыв на грани глупости и безрассудства. И все же ему удалось. Огромное, плотное, донельзя налитанное облако возникло и ширилось вокруг Сергея до тех пор, пока он не сжал его до небольшого шара, размером не больше футбольного мяча, и не метнул в горящий дом. Одновременно с этим он начал тянуть из эпицентра пожара воздух. Тянул по земле, стараясь не поднимать ещё больших искр. Пламя тут же опало, а потом изнутри дома под огромным напором хлынул водяной пар. На все про все хватило нескольких секунд. Полностью затушить пожар, конечно, не получилось, но теперь к дому можно подойти, не опасаясь языков пламени и невыносимого жара.

— Заливайте, — прохрипел Сергей и, глядя себе под ноги, побрел прочь.

Он чувствовал себя так, словно вытянул воду из собственного тела. В горле пересохло, язык распух, в груди невыносимо тянуло.

— На, — раздался детский голос.

Сергей поднял глаза. Рядом стояла босоногая девочка, лет восьми, и протягивала ему кружку с водой. Он принял кружку, с жадностью осушил её в три больших глотка. Вода провалилась в горло точно в сухой песок, но все же немного полегче стало.

— Спасибо, — улыбнулся Сергей, протягивая кружку девочке.

— Ты устал, — с уверенностью сказала та.

— Чуть-чуть. Ничего. Я видел ещё один пожар. Надо помочь затушить. Ты смотри, осторожно, не отходи от взрослых.

Девочка кивнула.

— А пожара почти нет.

— Почему?

— Вон, сам посмотри, — она указала в сторону, где над темнеющими крышами домов ещё виднелось алое зарево. — Огня нет.

— Странно... Но я все равно посмотрю. Еще раз спасибо.

Сергей быстрым шагом направился по улице. До места затихающего пожара добрался за несколько минут, но подходить вплотную не стал. Среди суетящихся с ведрами людей рассмотрел три знакомые фигуры: господин Драган Эйч с помощниками. Похоже, маги все же решились помочь. И то ладно, но пересекаться с ними желания нет. Надо бы, конечно, отыскать того гада, кто занимался поджогами, но вряд ли он покажется в такой суматохе. Разве что на окраине деревни. Очень кстати — как раз стоит проверить Дарину со Сборщиком. Среди общей толпы их нет. Возможно, стоит посмотреть в доме старосты. Если и там нет, тогда часовня. Только поторапливаться.

Он миновал одну улицу, свернул на другую. До дома старосты оставалось не больше ста метров, когда Сергей услышал тихий плач. Он остановился, осмотрелся. В густых тенях, свободных от падающего из ближайшего окна света, кто-то копошился. Заметив, что обнаружен, незнакомец притих, замер.

— Я друг, — сказал Сергей, разведя руки в стороны. — Не сделаю вам зла.

Тень всхлипнула, что-то прижала к груди.

— Здесь опасно. Сейчас лучше не оставаться в одиночестве.

— Мне холодно, — услышал он шепот. Детский или женский.

— Холодно, — согласился Сергей. — Идем со мной. Как тебя зовут?

— Полеля. Очень холодно. Злая ночь.

— Ночь скоро кончится, Полеля. Страхи уйдут. Ты здесь одна? Где твои родные?

— Я не знаю.

— Ты живешь в этом доме?

Тень зашевелилась, видимо всматриваясь в окна.

— Нет.

— Хорошо, тогда пойдем, я отведу тебя к старосте. Он наверняка все устроит.

Сергей сделал шаг вперед, протянул руку.

— Ты такой горячий. Согрей меня. Мне плохо.

— Нет, Полеля, не сейчас. Сейчас здесь опасно. Пойдем к людям.

— Пожалуйста, — неожиданная собеседница снова всхлипнула. — Я так давно мерзну.

Так давно мечтаю о горячих руках на моем теле. Поцелуй меня.

Сумасшедшая, что ли?

Тень медленно поднялась, шагнула к Сергею.

— Твое сердце стучит так быстро. Я слышу его. Тук–тук, тук–тук... Мне многие говорили, что я красивая. Многие хотели обладать мной. Говорили красивые слова, дарили подарки. Знаешь, я очень люблю бархатные ленты. У меня их много. Разноцветные. Они так приятны на ощупь. Хочешь, я покажу тебе их?

Сергей попытался сглотнуть, но во рту встал сухой ком.

О чем она вообще говорит? Какие к чертям ленты?

— Иди ко мне, милый, — она вышла в сноп падающего из окна света.

Ничего удивительного, что ей холодно: на девушке нет никакой одежды.

Она мягко, на носочках, ступала по земле.

— Скажи, я правда красивая?

— Очень, — отозвался Сергей. Собственный голос прозвучал будто издалека.

— Ты бы хотел обладать мной?

— Да.

— Хочешь коснуться моей кожи?

Она повела бедрами, уперла руки в бока.

— Да.

Полеля провела руками по своему животу, коснулась небольшой, но крепкой груди. Взгляд Сергея следовал за тонкими пальцами. Он жадно ловил каждое ее движение. Она застонала. Руки начали движение вниз, снова миновали живот, замерли ниже. Стон сделался сильнее. Девушка закатила глаза.

— Иди ко мне, — позвала она с придыханием.

Сергей порывисто шагнул к той, кто за несколько секунд выбил из его головы все мысли. Он хотел ее, хотел так, как никогда не хотел ни одну женщину. Бедняжка, она так замерзла, пока ждала его. Он будет заботливым и нежным. Сделает так, чтобы она растворилась в его ласках.

Девушка отвернулась к нему спиной. Сергей положил руку на ее плечо, отодвинул длинные волосы в сторону. Полеля вздрогнула, запрокинула голову.

— Да, — сорвалось с ее губ. — Подари мне свое тепло. Подари мне себя.

Ее кожа была холодна, а от волос шел еле различимый запах каких-то трав. Сергей обнял ее, прижал к себе. Девушка задохнулась, застонала в полный голос.

— Да-да...

— Нет! — прервал ее резкий окрик.

Что еще? Ну почему кому-то надо именно сейчас оказаться на улице и все испортить? Сергей почувствовал, как желание перерастает в раздражение.

— Ой! — тонко вскрикнула Полеля. — Они хотят нас разлучить, милый. Хотят отобрать тебя у меня, — ее ногти вцепились Сергею в руку. — Не позволяй им сделать мне больно.

Резкий разворот на месте. Перед глазами все плывет. Ярость затмевает сознание, ярость бурлит в крови, требует выхода. Кто посмел даже подумать о том, чтобы причинить вред самой прекрасной и желанной женщине на всем свете? Его женщине!

В полумраке деревенской улицы маячили трое. Отвратительные чудовища, скрежещущие когтями, клацающие длинными зубами, что еле-еле помещаются в разинутых пастьях. Горящие красным глаза — точно раскаленные угли с недавнего пожара. Зловонное дыхание и тягучая слюна, стекающая на землю. Огромные, чудовищно искаженные волки или какие-то их близкие сородичи. Таких тварей Сергей еще не видел. Он ощерился, широко расставил ноги — не отойдет ни на пядь. Пусть только попробуют пройти.

И они попробовали. Одна из тварей что-то выкрикнула, будто пролаяла. В стороны полетели клочья белой пены. Сергей почувствовал, как в руках поднимается жар, приготовился ударить. То, что произошло дальше, он осознал далеко не сразу. Красноглазая тварь поднялась на задние лапы, взмахнула передними, клацнув когтями. В воздухе что-то блеснуло — и тут же за спиной закричала Полеля. Ее голос менялся — из тонкого и испуганного он превращался в дикий визг, наполненный животной ненавистью. Сергея что-то ударило в бок, отбросило.

Он точно вывалился из сна. Удар о землю отрезвил. Холод тут же ухватился за кожу, полосая ее невидимыми крючьями.

— Вставай! — кричала Дарина.

Девушка стояла в нескольких шагах от него. В обеих руках — тонкие кинжалы. Рядом с ней Мешко и еле стоящий на ногах Сборщик. Он точно спит на ходу.

Откуда они здесь? Где чудовища? Где обнаженная девушка?

Вскочить на ноги, обернуться. На него смотрела та, которая все еще отдаленно напоминала обнаженную, замерзшую красавицу. Когда-то она была женщиной. Возможно, красивой. Но теперь от былой красоты не осталось ничего. Усохшее тело, обтянутое пергаментом белой кожи с черными пятнами коросты. Лицо вытянутое, с пустыми провалами глаз, в которых мерцает багровое пламя. Рот словно наспех зашит кровоточащими жилами. На щеках кровавые слезы. Вместо одежды подобие черной паутины, чьи толстые волокна перетягивают и без того сухое тело. Тварь тряхнула головой. Недавно мягкие волосы обратились кусками ржавой проволоки, торчащей в разные стороны. В левой лопатке создания торчал кинжал Дарины. И как только умудрилась попасть?

— Милый, согрей меня. Я замерзла, — прокаркала тварь.

И вот с ней он минуту назад готов был позабыть обо всем? Ради нее готов был убить? Что же это творится?

— Проснулся, любовничек?! — крикнула Дарина. — Смотреть на нее будешь или уже оприходуешь?

Тварь широко распахнула рот, зашипела. Сковывающие Сергея жилы натянулись тонкими нитями. Кровь плеснула с новой силой.

— Извини, я тебя бросаю! — крикнул Сергей — и поднял под тварью огненный столб.

Но та, вопреки его ожиданиям, не завершала, не пошла ожогами, а захохотала. Дико и самозабвенно.

— Огнем ее не взять, — послышался голос волхва.

Так вот кто поджигал дома!

Тварь перестала смеяться, повела вокруг себя руками. Пламя под ней затрепетало — и потекло вверх, по ногам и выше, впитываясь в усохшее тело.

— Тепло... — прошипело существо. — Ты такой же, как и все. Похотливое животное, — каждое слово она выплевывала. — Все они здесь такие. Мешко, ты помнишь меня? — голос Попели смягчился. — Я тебя помню, волхв. А ты постарел...

Сергей бросил на старика быстрый взгляд. Тот стоял с широко раскрытыми глазами. Кажется, он действительно узнал существо, купающееся в языках пламени.

— Добрый, благочестивый Мешко, — продолжала тварь. — Знаешь, каково это — лежать под грудой гнилых листьев? Каково, когда по тебе ползают черви? Знаешь, как они вгрызаются в твою плоть, как извиваются под кожей, по венам, в которых уже нет крови? Там течет вонючая гниль. И ты тоже гниешь. Медленно. А, Мешко? Ты тоже скоро все это узнаешь. Ведь так?

— Предки, защитите нас, — прошептал волхв.

— Они не придут вам на помощь. Как не пришли ко мне. Дряхлые, трусливые предки, в чьих мозгах давно поселился ветер. Тебе страшно, Мешко?

Тварь подняла руки, любясь на высокие столпы пламени, вырывающиеся с каждой ладони.

Сергей не стал больше ждать. В деревне явно что-то произошло. Довольно давно. Не выяснять это сейчас не к чему. Ночь еще не кончилась. Времени и сил, чтобы собрать из воздуха воду уже нет, придется действовать иначе. Сергей мысленно поместил Полелю в большой прозрачный шар — и резко, на одном дыхании, выбрал из него весь воздух.

Пламя вокруг твари тут же съежилась, опало.

— Вы все умрете, — прошипело создание и резко опустило руки. В стороны брызнули ярко-желтые искры. Прозрачный шар лопнул.

В шею твари тут же по рукоять вонзился кинжал. Спустя мгновение еще один засел в левой части груди. Повинуясь Сергею, воздух перед существом уплотнился, затем невидимый таран отклонился назад – и тут же вернулся, но уже обладая огромной разрушительной силой. Полеля успела выдернуть из груди сталь, отбросила ее прочь, когда направляемая Сергеем смерть снесла ее с места и пригвоздила к стене стоящего за ней дома. Раздался оглушительный треск. Во все стороны полетела щепка, поднялась пыль. Бревна трескались и вминались внутрь. В несколько секунд крепкий и надежный дом, превратился в развалины.

— Ты с ума сошел?! — набросилась на него Дарина. — Деревня и так пострадала. Что ты делаешь?!

— Не рассчитал силы, — процедил Сергей. Он и без чужих нравоучений чувствовал себя жутко виноватым. И все же сделано главное: уничтожена тварь. Вот только надо обследовать развалины. Вдруг там оставался кто-то из жителей. Вероятность небольшая, но кто знает.

Обождая, пока осядут особенно густые клубы пыли, Сергей направился к останкам дома.

— Я должен попросить у вас прощения, — услышал он голос Мешко.

Сергей обернулся.

— Давай обойдемся без признаний. Лично мне ваши скелеты неинтересны.

Стараясь не оступиться, он снова полез по обломкам. Дом сложился так, словно собран из спичек. Восстановить его будет очень непросто.

— Есть кто живой? — крикнул, прислушиваясь.

В ответ под ногами что-то хрустнуло, зашуршало.

— Здесь...

Он не успел закончить фразу. Доски и обломки бревен взорвались изнутри, разлетелись колючей шрапнелью. Сергей еле успел прикрыть рукой глаза. Рядом с ним взметнулось жаркое пламя. Злое, шипящее, с голубоватыми отблесками.

— Живых – нет, — засмеялась Полеля.

Она раскинула руки – и в стороны метнулась расходящаяся огненная волна.

Сергей поставил огненный щит, но мощь волны оказалась столь велика, что щит смело напроць, а его самого отбросило назад.

— Вставай и попробуй защитить всех этих людишек, — доверительно предложила тварь. — Пусть перед смертью вспомнят маленькую Полелю. Вспомнят и ужаснутся своей гнусности.

Еще одна волна, следом – еще одна. Сергей только и успевал отбиваться от них. Отходить. Волны накатывали с огромной скоростью – и лишь это пока спасало деревянные развалины от воспламенения. Впрочем, ненадолго. Кое-где уже курился дымок, виднелись раздуваемые ветром искры.

Новая волна отбросила Сергея на несколько метров назад.

— Вы что стоите? — прохрипел он, поднимаясь. Дарина, Мешко и Сборщик стояли тут же. — Я не смогу прикрывать и вас.

— Остановись! — закричал Мешко. — Во имя предков. Возьми меня. Не тронь добрых людей. Они даже не знают о тебе.

— Добрых людей? — новый взрыв хохота и новая волна. — В это поверила бы дурочка Полеля, когда была жива. Смерть заставляет на многое взглянуть иначе.

Сколько же в ней злобы и ненависти!

— Прошлого не вернуть, — говорил Мешко. — Я очень виноват. Но не другие. Послушай меня, умоляю, — старик упал на колени.

— Волхв, просящий на коленях, — это мне нравится, — захихикала тварь. — Но я все же заберу всех. Там, в царстве червей и тлена, вы узнаете, что такое боль. Полеля вам в этом поможет.

Она снова выпустила волну. Сергей выставил широкий щит, защищая стоящих за его спиной. Силы тают на глазах. Жар проникает даже сквозь огненный заслон. По телу словно прошли горящим веником. За шумом набегающего пламени Сергей услышал усилившиеся крики людей, какой-то шум, звуки ударов, перемежающиеся отрывистым ревом. Неужели мертвяки?

Дарина метнула пару кинжалов, но те не достигли цели, остановившись в считанных сантиметрах от твари.

— Подоспели мои мальчики, — улыбнулась та. — Пожалуй, с ними я поделюсь твоими людьми, Мешко. Мягкие, горячие — они придутся нам по вкусу.

— Отойди, сынок, — рука волхва легла на плечо Сергея.

— Что? — процедил тот, не оборачиваясь.

— Уходите, — проговорил волхв так спокойно, будто отправлялся на привычный ужин. — Вы должны помочь остальным. Пожалуйста.

Прикосновение старика распространилось по телу мягкой прохладой. Боль от ожогов стихла, а раздражение и усталость словно рукой сняло. Сергей невольно отшатнулся. Ему даже показалось, что вокруг волхва появилось бледное свечение.

— Мешко! — ощерилась тварь. — Хорошо, ты будешь первым.

Вокруг создания появилось сразу несколько огненных шаров, которые начали стремительное вращение. Они разгонялись и раскалялись все больше, пока не превратились в сплошное кольцо белого цвета, от взгляда на которое резало глаза. Дерево вокруг твари воспламенилось — и огонь, почуяв обильное угощение, стремительно пополз в стороны.

Полеля залилась диким хохотом — выбросила руки перед собой. В грудь старика ударил поток белого пламени. Дарина что-то отчаянно закричала. Но волхв не упал, даже не пошатнулся. Он продолжал идти к веселящейся твари — и сияние вокруг него становилось все ярче.

Лицо Полели исказилось ненавистью. Она зашипела, усилила натиск. Но все тщетно — Мешко шел к ней, словно и нет перед ним всепожирающего огненного безумства. Но почему, обладая такими силами, волхв кучу времени потратил на уговоры твари? Неужели всерьез надеялся пробудить в ее разуме искры человечности?

А потом пламя резко опало. Сергей успел заметить только, как Мешко простер перед собой руки, — и все закончилось. Ни взрывов, ни криков. На том месте, где мгновение назад стояла ненавидящая весь мир тварь, поднимался обычный костер, в свете которого можно разглядеть две неподвижно лежащие фигуры. Пламя яркое, но далеко не раскаленное — самое обычное.

— Что он сделал?! — спросил Сергей резче, чем следовало. Он начал вытягивать воздух из горящих развалин, пока те не запылали в полную силу. Потушить пожар он все равно не успеет, но забрать тело Мешко следует.

— Каждый волхв обладает правом забрать одну жизнь, — проговорила девушка. — В обмен он должен отдать свою.

— Но она же уже была мертва!

— Не знаю. Но она – нечто новое. Думаю, ты и сам это заметил. И дело не в том, что она способна к магии. Дело в ее разуме.

— Полноценная личность, причем с воспоминаниями из прошлого.

— Да.

Пламя немного опало, но процесс шел слишком медленно, потому Сергей набросил на себя огненный щит – и бросился к тому месту, где исчез волхв. Он обнаружил оба тела. Мешко и Полеля лежали рядом, и огонь уже притронулся к их плоти. Подхватив старика, Сергей выбрался из развалин. Как бы ни было жалко волхва, а отдавать ему последние почести не время. Его и так потеряно слишком много. Крики людей и рев мертвяков все еще слышатся. А значит – расслабляться рано. Да и ночь далека от завершения.

Он осторожно положил тело Мешко на дорогу. Так, чтобы на того падал свет.

— Мы вернемся, — проговорил тихо.

— Это уже слишком! — голос Драгана Эйча резанул по ушам.

Да что же за такое?!

Сергей поднялся.

— Там убивают людей. Им нужна помощь.

— Тут, как я посмотрю, тоже убивают. Ты знаешь, что бывает за убийство волхва? — в словах мага слышалась неприкрытая угроза.

— Он не убивал, — заговорил Сборщик.

Неужели очнулся?

— Пропусти меня, — Сергей сжал кулаки.

— Твоя помощь никому не нужна, — усмехнулся Эйч. — Селянам помогут Рында и Курбат. А вот ты зарвался. Зря я позволил тебе уйти. Но второй раз такой ошибки не совершу.

Маг коснулся рукой амулета на шее – и тут же окутался багряным коконом.

— Ты обязан дождаться дознавателей! — выкрикнула Дарина.

— При поимке бешеного зверя промедление сравни преступлению, — парировал Драган Эйч. — И не тебе, девка, напоминать мне о правилах!

— Остановись, — голос Сборщика звучал тихо, но уверенно.

— Не вмешивайся, — проговорил маг.

— Ну и сволочь ты, — поморщился Сергей, обращаясь к Эйчу.

Безумная гонка последних суток вымотала – и еще одну серьезную схватку вряд ли удастся выстоять. Впрочем, Дарина, похоже, не намеревалась сдаваться. Внешне она выглядела почти расслабленной, но взгляд устремлен на мага. Следит за каждым его движением. Что-то задумала?

В руках Драгана Эйча появился длинный огненный клинок.

— Остановись, — повторил Сборщик.

— Не зли меня! — маг вытянул руку с клинком перед собой. — Видят предки – я не желаю убивать тебя. Но если придется...

— Я позабочусь о твоём теле...

Лицо Драгана Эйча исказилось гримасой боли. Он взмахнул руками, схватился за голову. Огненный меч растаял в воздухе. Кожу мага разрезали черные трещины, или то вздулись и набухли вены – Сергей понять не мог. Прошло не более нескольких секунд – и маг ссутулился, сжался, рухнул на колени. Багряное свечение вокруг него опало и угасло.

Эйч дернулся, что-то прохрипел – и застыл.

Что еще приготовила эта ночь?

— Вы умрете, если об этом кто-то узнает, — проговорил Сборщик. Из его голоса исчезла вся слабость. Он больше не выглядел полуживым доходягой.

С чего бы такая перемена?

— У нас много работы, — продолжил Сборщик. — О ваших телах я заботиться не желаю. Не сегодня.

Сергей и Дарина переглянулись. Из глаз девушки до сих пор не ушло выражение крайнего напряжения – взведенная пружина.

Сборщик больше ничего не сказал. Он подошел к телу мертвого мага, с легкостью взвалил его себе на плечо и удалился в направлении часовни. Похоже, помощи от него ждать больше не придется. Впрочем, оно и к лучшему. От череды неожиданностей, которые Сергей уже даже не пытался объяснить, голова шла кругом. Впрочем, остаток ночи особенных размышлений и не потребовал. Деревня действительно подверглась нападению мертвяков. Тех самых, с которыми Сергей столкнулся у леса и ненадолго задержал.

Ночь вылилась в бесконечное преследование. Если мертвяков, наподобие толстяка из имения Здебора Вятича, довольно успешно рубили сами сельчане (из-за медлительности тварей), то справиться с более мелкими, но куда более проворными созданиями с ногами кузнечика оказалось сложнее. Они передвигались большими прыжками, часто нападали со спины или сверху – с крыш домов. Получив первый отпор от вооруженных мужчин, твари быстро изменили тактику и переключились на более слабые жертвы: на детей, стариков и женщин. Но надо отдать селянам должное: несмотря на неизвестного противника, в панику они не ударились.

Дети постарше хватали малышей, прятали их за собой, не давали расползаться с испугу. Крики и ругань стояли до неба, но, казалось, они даже отпугивают тварей, на свету чувствующих себя не особенно уверенно. И все же чужаки оставались смертельно опасными охотниками, пришедшими за свежей человечиной. И часть своей жатвы им удалось забрать, несмотря на всю организованность и отчаянность оборонявшихся.

В конце концов, селяне разбились на плотные группы возле тлеющих пожарищ, из которых кругом складывали и постоянно поддерживали большие костры. Какая–никакая, а защита от проворных прыгучих тварей. С опасностью вновь запалить всю деревню пришлось смириться. Несколько раз спонтанно возникающие очаги возгорания пресекали помощники покойного Драгана Эйча. Они передвигались вместе, прикрывая друг друга от возможного нападения из темноты, и, насколько успел заметить Сергей, весьма неплохо сработались. Об участии своего наставника они не спрашивали. Впрочем, на то не было времени.

Большая часть тварей вертелась возле костров, пытаясь побороть страх и проникнуть дальше – к вожакам добыче, где их встречали рогатинами и топорами. Но в обороняющиеся круги, очерченные кострами, удалось попасть не всем. Несколько семей, живших на окраине деревни, не успели или не посчитали нужным покинуть дома до нападения мертвяков. Староста, в окружении нескольких вооруженных мужиков, перемещался от одной точки сопротивления к другой. Как поначалу считал Сергей – напрасный риск, от которого толку чуть. Тем не менее, вскоре выявились, что под защитой огненных кругов кое–каких семей нет. На их поиски в сопровождении Дарины и трех кряжистых мужиков отправился Сергей. Он не собирался вызываться и возглавлять спасательную команду, но первая же подобная попытка, организованная самими селянами,

захлебнулась кровью и отчаянными криками, которые роковым предзнаменованием разнеслись над всей деревней. Как оказалось, передвигаться мелкими перебежками между огненными кругами, оцетинившись сталью и острым колем, — еще возможно. Да и то почти каждое такое перемещение приводило к новым, зачастую серьезным, ранениям или гибели. Старосте с его охранением покуда везло. Но стоило отойти дальше, к окраине, и возврата нет. Вдалеке от большого света голодные твари обретали уверенность и остановить их топором или вилами не удавалось. Охотник находил свою добычу.

Все дома обходить не стали. Шли по заранее определенным подворьям. Сергей держал вокруг небольшой группы огненный купол, призванный не столько защитить людей, сколько дать им время понять, откуда последовало нападение. Мертвяки же при соприкосновении с куполом ненадолго отшатывались, унося на себе следы прожорливого пламени. Ходить по улицам таким образом оказалось вполне возможно. Поначалу Сергей вздрагивал от каждого громкого шума или рыка, да и мужики рядом дергались, поудобнее перехватывали топоры. Лишь Дарина выглядела так, будто вышла на ночную прогулку в тихом безопасном парке. Но чем дальше, тем реакция мужчин становилась менее острой.

Неудобства возникли непосредственно во время обследования домов. Держать купол в помещении над всей группой оказалось невозможно, иначе бы дерево быстро пошло языками пламени. Пришлось рисковать. Сергей засветил огненные нити, но не оставил их только подобием светильников — добавил мощи. Теперь каждая такая нить вполне могла если не перерубить мертвяка, то отсечь ему конечность. Но и внимание пришлось усилить. Прежде всего, чтобы не задеть своих.

К первому подворью они опоздали. По нему уже прокатилась волна тварей, охочих до живой плоти. Причем мертвяки не брезговали ничем. Они передушили и домашнюю птицу, и скот, и сторожевых псов. Последние, к слову сказать, практически не подавали голоса. Затаились, точно чувствовали: лишь в тишине теплится надежда дожить до утра. Кровь, остатки шкуры и части внутренностей устилали подворье. В темноте кто-то утробно рычал и чавкал. В сарае послышался грохот, отчаянно завизжала свинья.

— Держитесь рядом, — сказал Сергей.

Он распустил огненные нити, пошел вперед. Каждое мгновение ожидать нападения, каждое мгновение голодная тварь, поднятая неведомой силой из могилы, способна вцепиться в плотку. И не только тебе, но и людям, идущим за тобой. К чертям такую ответственность! К чертям магию и весь этот сумасшедший мир!

В доме царил полный беспорядок. Нехитрая мебель разбита в щепки или перевернута, от посуды остались лишь черепки.

— Есть кто живой? — довольно громко крикнула Дарина. — Мы пришли помочь.

В ответ ни звука, если не считать торопливой возни в одной из комнат. Сергей бросился на звук и замер в дверях. Сомнений нет — они нашли семью. Муж, жена и двое ребятишек лежали в небольшой спальне на двоих человек. Возможно, здесь как раз спали дети. От мужчины мало что осталось — разодранный на части костяк лежал в луже темной крови. Плоти на нем почти нет. Женщина, привалившаяся к одной из кроватей, по всей видимости, пыталась защитить хотя бы одного ребенка. В ее спине зияла огромная дыра, ноги и руки изглоданы до кости.

На несколько секунд Сергей потерял дар речи. Когда он только входил на подворье, то уже представлял нечто подобное, но реальность выбила его из колеи. На кровати он даже не смотрел — и без того на них угадывались остатки окровавленных тел. В углу же спальни

зиял темный провал, из которого и доносилась возня, уже затихающая.

Сергей вывалился из ступора, глубоко задышал – и тут же бросился на корточки, к провалу. Руки заскользили по холодной крови.

— Стой! — крикнула Дарина.

Но Сергей ее не слышал. Не хотел слышать. Все, что произошло здесь, — неправильно. Отчаянно неправильно. Такого не должно быть!

Навстречу ему метнулась тень, в лицо пахнуло гнилостным смрадом. Вокруг кулака вспух сгусток шипящего пламени. Сергей ударил навстречу. Рука врезалась в ощеренную пасть – глубоко, до самой глотки. Пальцы сомкнулись на чем-то отвратительно мягком и податливом. Тварь заверещала, засучила лапами, пытаясь когтями полоснуть обидчика. Но Сергей лишь глубже вогнал руку, продавливая мертвяка обратно в темный провал. Запах горелой плоти затопил небольшое помещение.

За спиной раздался шум, невнятные крики. Сергей ошалело обернулся. Мужики толпились у двери с той стороны, явно готовясь дать отпор невидимому Сергею противнику. Тварь в собственных руках обмякла и затихла. Больше она не принесет никому боли. Но есть и другие – там, за стеной.

Группа Сергея пробилась из мертвого дома с отчаянной яростью. Раскаленные нити испарывали темноту, полосовали атакующих мертвяков. А тех тварей, которым удавалось пробиться сквозь сверкающую паутину, добивали кинжалы Дарины и топоры мужиков.

Подворье оставило в сердцах тягостное настроение. Неужели та же самая участь постигла и все остальные семьи, оставшиеся наедине с жестокой опасностью?

Следующее подворье оказалось именно таким. Кровь и останки тел – ничего более. Нет даже мертвяков. Входя в третий дом, Сергей уже не надеялся найти живых. На ступенях крыльца он нашел изувеченное тело мужчины. Рядом с ним лежал топор и чья-то небольшая кисть. Бледная даже в свете огненных нитей. Женская или детская. На безымянном пальце кисти виднелось простое кожаное кольцо.

И уже привычный беспорядок в доме.

— Есть кто живой?! — надтреснутым голосом крикнула Дарина.

Сергею показалось, что где-то в глубине дома скрипнула половица. Он посмотрел на Дарину. Та лишь пожала плечами. И все же уходить, не проверив все до конца, — не дело.

— Ау! — крикнул он уже громче.

И снова скрип. Нет, скорее, писк. Глаза Дарины расширились – и девушка метнулась на звук.

— Подпол! — проговорила она, ища глазами люк.

Сергей ногой отбросил домотканую дорожку. Так и есть – люк с кольцом.

— Я посмотрю, — остановил девушку.

Он дернул кольцо, готовый к тому, что навстречу бросится очередная голодная тварь. Ничего – темнота и тишина.

— Эй, — позвал шепотом.

Неясный шорох – и внизу показались очертания небольшого тельца. Сергей осторожно приспустил светящиеся нити. На него большими темными глазами смотрела девочка лет трех. Ее лицо и ночная рубашка до пят запачканы в саже. На лбу – небольшая ссадина.

— Или сюда, — Сергей протянул вниз руку. — Не бойся.

Девочка потянулась навстречу.

Она не плакала, ничего не говорила. Казалось, даже не моргала. Но зато дрожала

мелкой дрожью. Постоянно. Ребенок чудом уцелел в кровавой бойне, и остается молить предков, чтобы воспоминания об этой ужасной ночи не приходили к нему во снах все оставшуюся жизнь. Но прежде надо выжить.

На следующем подворье они оказались как раз вовремя, чтобы предотвратить трагедию. Твари уже лезли в окна хозяйского дома, неистовствовали в сарае. Увлеченные близкой добычей, они не сразу заметили новых гостей. Одной рукой Сергей прижимал спасенную девочку к груди, а второй направлял раскаленные нити. Твари навалились на людей – и откатились, завывая и оставляя на утоптанной земле капли черной крови. Одного мужика из группы Сергея до кости полоснули по руке, второму вцепились в ноги, вырвали кусок мяса. Зато из дома удалось вытащить семью из трех человек.

Наскоро перевязав раны, двинулись обратно – к ближайшей точке сопротивления селян. Следом двигались мертвяки. Точно шакалы в ожидании, когда кто-то из раненых ослабеет настолько, что станет отставать. Такого подарка твари не получили. Наученные опытом острой стали и обжигающих нитей, они не торопились нападать в открытую. Хотя одну попытку все же сделали. Неудачно – хватило раскроить череп одному мертвяку и отсечь ноги другому, чтобы твари отстали.

В кольце из горящих костров спасенных сдали с рук на руки сельчан, немного отдохнули и двинулись в новый поиск. Раненых оставили, но ряды группы быстро пополнили. Недостатка в добровольцах не было. Особенно после удачного возвращения.

Спасенную девочку Сергей из рук в руки передал какой-то пожилой женщине. Бедняжка продолжала дрожать и даже какое-то время цеплялась за его одежду, точно не желая расставаться с тем, кто вытащил ее из темного подпола.

В поиск успели сходить еще трижды. Этого хватило, чтобы обойти все указанные старостой подворья. В общей сложности к точке сопротивления селян вывели полтора десятка человек и одну корову. Испуганная скотина увязалась вслед за хозяевами, и оставить ее на поживу голодным тварям просто не поднялась рука. Что особенно отрадно – за все время поиска группа Сергея на поживу тварям не потеряла ни одного человека. Ранения случались, и довольно серьезные, но ничего такого, что бы привело к смерти. Впрочем, полной уверенности в этом не было. Какая зараза может оказаться на клыках и когтях мертвяков – не знал никто. Женщины суетились над мужчинами, промывали раны, прикладывали к ним какие-то травы.

Первые солнечные лучи встречали с отчаянным нетерпением. Ночь для всех растянулась бесконечным марафоном, призом в котором стала жизнь. Скольким селянам не удалось достигнуть финиша – еще предстояло узнать. Но пока люди с волнением следили за светлеющим небом и за тем, как изменяется поведение мертвяков. Твари сделались дергаными и раздражительными, если к ним вообще можно применить такие понятия. Они бросались друг на друга, вырывали у братьев куски плоти, но не жрали ее, а тут же выплевывали. Подходить к кострам никто из них уже не пытался, а вскоре создания и вовсе начали расползаться по деревне в поисках места потемнее. Они отходили в тень, скрывались в пустых домах, даже пытались делать подкопы, прятаться в кустах или погребях, если такие находили.

Костры медленно догорали, люди поздравляли друг друга. Они выстояли. Они выжили. Следы и скорбь будут позже. Пока что на изможденных лицах читалось большое облегчение. Хотя настороженность полностью не исчезла. Возвратиться в собственные дома не получится, пока каждое строение не будет обследовано самым внимательным образом. Но

это еще впереди. А пока люди смогли позволить себе небольшую передышку.

Маги приедут – они помогут.

— Спасибо вам, — поклонился староста, когда небо просветлело настолько, что все мертвяки исчезли с улиц деревни. — Я обязательно сообщу о вас господам адептам Золотых башен. Надеюсь, они вскорости будут здесь. К сожалению, мы не в силах предложить вам достойную плату, но они, я уверен...

— Подожди, отец, — остановил его Сергей. — А давай ваша благодарность будет заключаться в том, что нас здесь вообще не было.

— Не держи зла, добрый человек, но как же так? Не можно скрыть вашего присутствия у нас. Все разговоры в деревне о ваших делах.

— Каких делах? — спросила Дарина. — Мне вот думается, те два молодца и есть настоящие герои, — она указала и Рынду и Курбата, сидящих прямо на земле, привалившись к завалинке. Рядом с ними порхало несколько девиц. По всей видимости, внимание городских магов, пусть пока и не ставших полноправными адептами, очень импонировало селянкам. Помощники же господина Эйча принимали внимание как должное, совсем не вспоминая о собственном наставнике. Что ж, тем лучше.

— Они? — не понял староста.

— Конечно! — подхватил Сергей. — Если бы не их мастерство и отвага, деревня бы выгорела дотла. А мы что? Приехали, погостили – и уехали.

— Вы уезжаете? — удивлению старосты не было предела.

— Срочные дела. Ничего не поделать.

— Вам не придется обманывать господ дознавателей, — сказала Дарина. — Просто не заостряйте внимания на двух путниках. Лучше пусть воздадут настоящим героям.

— Хорошо, — нехотя произнес староста.

И все же с отъездом пришлось немного помедлить. За ночь мертвяки успели пройти почти по всем подворьям, вырезая скот. Лошади, на которых приехали Сергей и Дарина, погибли. А на поиски уцелевших понадобилось время. Пока селяне сновали по деревне и вне ее пределов, пытаясь отыскать пару уцелевших скакунов, Сергей решил не сидеть на месте, а поговорить со Сборщиком. Кого-кого, а вот его искать не пришлось.

Достаточно немного обождать возле часовни. Именно туда Сборщик стаскивал всех, кто не пережил страшную ночь. Сюда же он принес и тела повторно убитых мертвяков, но, в отличие от людей, спрятал их в подвале.

Жертв оказалось больше, чем предполагал Сергей. К предкам отправилось, по меньшей мере, три десятка человек. И, скорее всего, это еще не все. Над телами, обезображенными и покрытыми пятнами крови, кружили стаи мух. Их жужжание повисло тяжелым гулом. Ночной холод еще не улетучился, но днем здесь будет нечем дышать.

— Остаешься? — спросил Сергей, когда Сборщик появился с очередным окровавленным телом на плече.

— Да. Работа еще не завершена.

— Ну и работка...

— Кто-то должен ее делать.

А зачем он ее делает сейчас? Здесь же нет представительства Дома Жизни, деньги платить некому. Кроме сельчан, разумеется. Но сколько они готовы выложить теперь, когда беда так или иначе коснулась почти каждого дома? Или дело все же не только в деньгах?

— Что с погостом и всей этой чертовщиной?

На лице Сборщика промелькнула кривая усмешка.

— Дознаватели разберутся.

— А как же братство?

— Братство останется в стороне.

— Почему?

— Это не наше дело.

Сборщик положил тело на землю. Вся грудная клетка несчастного оказалась выедена, лицо отсутствовало, точно его сорвали, оставив на костях черепа несколько глубоких царапин.

Сергей перевел взгляд обратно на Сборщика. И этот человек ночью еле стоял на ногах? В одиночку, по кишащим голодными тварями улицам он перетаскал сюда всех этих покойников – и ведь даже не сбил дыхания. Выглядит так, будто отлично выспался и отдохнул. Разве что одежда выглядит и воняет так, что даже последний бомж вряд ли бы на нее польстился.

— Вы не собираетесь вести расследование?

— Нет. У нас нет на это времени.

— А вчера было?

— Да.

Односложность ответов, не несущих за собой никакой информации, бесила.

— Черт с тобой. И всеми вами, — поморщился Сергей. — Мы с Дариной уходим. Не будем мешать господам магам.

— Нам еще надо будет поговорить. Потом.

— А стоит?

— Да.

— Хорошо. Найдешь нас.

— Найду. Уходите отсюда не той дорогой, что вел вас я. И в Москве некоторое время не появляйтесь на людях. Вряд ли смерть Драгана Эйча пройдет незаметно для Золотых башен.

— Вот ты и расскажешь им правду, — ухмыльнулся Сергей.

— Нет, я расскажу им то, во что они не поверят.

— Отлично, — засмеялась Дарина.

Больше Сборщик не сказал ничего. Молча развернулся и направился к деревне.

— Знаешь, — сказал Сергей, обращаясь к спутнице, — с вами со всеми можно сойти с ума.

— Может быть, ты уже сошел? — пожала плечами та и улыбнулась.

— Не удивлюсь.

Лошадей им все же нашли. Запуганных и взмыленных, но выбирать все равно не из чего. В проводники вызвался Горан. Сергей сразу вспомнил этого светловолосого селянина с теперь уже опустевшим берестяным колчаном и без лука. Лицо мужчины пересекала двойная царапина. Еще бы чуть-чуть – и следопыт лишился бы глаза. Да уж – поход с магами к погосту оказался для него куда более спокойным делом, нежели ночь в родной деревне.

Перед тем как уехать, Сергей отыскал ту малышку, которую вытащил из подпола мертвого дома. Девочка больше не дрожала. Ее отмыли и накормили. Он не стал подходить к ней близко и беспокоить – малышка играла с какой-то замусоленной куклой без головы. Ребенок как ребенок – даже не скажешь, что пережила гибель собственных родителей и

ужасные мгновения в полной темноте, в окружении кровожадных тварей. Пусть предки сжалются над ней и сотрут из памяти события минувшей ночи. Она это заслужила.

Староста сказал, что всех детей, оставшихся без родителей, расселят по другим семьям. Никто не останется брошенным. Все закончилось. Больше смертей не будет. И все равно покидать деревню было очень тяжело.

— Знаешь, кто такая Полеля? — спросила Дарина, когда лес остался за спиной, а впереди замаячила Москва.

— Тварь, которая чуть было не сожгла всю деревню, — пожал плечами Сергей.

— Нет. Кем она была при жизни?

— Ты что-то узнала?

— Да. Перекинулась парой слов со старостой.

— Не знаю, кем она была, но на деревенских у нее глубокая обида.

— На то есть веская причина. Она какое-то время жила среди них. Довольно давно. Тогда и Мешко, и староста только-только стали зваться мужчинами. Молодая девка — кандидат на вхождение в Большое Собрание. В то время в этих лесах, — она кивнула за спину, — объявилась стая волков: резали скот, да и на одиноких путников нападали. Животные и стали ее последним испытанием.

— Маг-охотник?

— Что-то вроде этого. Испытания — они разные бывают. Дальнейшая карьера мага от них зависит мало. Если, конечно, он становится полноправным адептом.

— Я помню.

— Так вот. Девка молодая, красивая, не прочь посмеяться. В отличие от многих магов, свысока не смотрит. Короче говоря, местные парни за ней увиваться принялись. До драк доходило ни раз. Но девка хоть и смешливая, а близко никого не подпускала. Кто с руками лез — потом неделю от ожогов отходил.

— Огонь... — задумчиво проговорил Сергей. Что ж, этого следовало ожидать.

— Но смех смехом, а про испытание девка не забывала. Выследила волков, пожгла половину, но уничтожить надо всех. Потому дальше через лес, по следам. Сопровождать да следы указать вызвалось несколько парней. Ну, и уши.

— И она не вернулась? — предположил Сергей.

Дарина кивнула.

— Парни-то вернулись через несколько дней. Подранные, побитые. Говорили, будто нашли они логово волчье, да силы не рассчитали. Много очень хищников оказалось. Загрызли Полелю.

— И что, им поверили?

— Не знаю. Тело-то нашли, да уж лес над ним не сжалился. На погосте и схоронили.

— Порезвились ребята и бросили? Лес все скроет?

Спутница только плечами пожала.

— Жаль девчонку. Причины ненавидеть деревенских у нее точно был, — сказал Сергей. — А желтоглазые твари этим и воспользовались. И Мешко — один из тех, кто сопровождал ее?

— Да.

— Как тебе удалось все это узнать? Мне казалось, что подобные случаи обычно замалчиваются. Эдакие скелеты в шкафу. Только принадлежат скелеты куче народу.

— Я сказала, что она может снова вернуться, — ровным голосом проговорила Дарина.

— Сказала, что нужна вся возможная информация о ее прошлом, — это может помочь в борьбе с ней.

— Хитро. Как думаешь, если желтоглазые поднимут всех, кто ушел из жизни с ножом в спине или выпущенными кишками, да даже просто унес с собой большую обиду, — что станет с Москвией?

— Ее просто не станет. Захоронений очень много.

— Мне тоже так кажется. Тем более если среди ходячих мертвяков появятся маги.

— Надеюсь, этого не случится.

— Боюсь, то, с чем мы столкнулись ночью, — это только начало.

— А ты не оптимист, — засмеялась Дарина.

— Обстановка не располагает к радужным предположениям, — ухмыльнулся Сергей.

Некоторое время ехали молча.

— Надо заехать к Дей Зобу, — нарушил тишину Сергей.

— Солнце только поднялось. Рано, — нахмурилась Дарина.

— Потом не смогу, — Сергей чувствовал: стоит ему расслабиться всего на минуту — и он проспит не меньше суток. Даже сидя верхом, он нет-нет, да клевал носом. — Сначала дела, потом отдых.

— Куда-то торопишься?

Сергей посмотрел на девушку. В ее глазах стоял вопрос. Догадывается ли она о том, куда он торопится на самом деле? Понимает ли, насколько он рвется домой — в привычный мир? Впрочем, не понимал уже и он сам. Странно, впервые за все время пребывания в теле Здебора Вятича Сергей всерьез задумался о том, чтобы остаться. И это после ночи, когда кругом гибли люди, когда каждый миг из темноты могла выпрыгнуть голодная тварь, поднятая из могилы. Бред!

«Тебе не может везти вечно! — повторял он себе. — Это не твой мир!»

Но так ли это? Действительно ли мир по-прежнему чужой?

Сергей в отчаянии замотал головой, проверил, не потерял ли в пылу ночного сражения призму. Нет, артефакт покоился во внутреннем кармане. Что это? Ключ домой? Ключ к прежней безмятежной жизни? Рука невольно коснулась шеи, нащупала деревянный амулет в виде половинки четырехлистного клевера.

— Не тороплюсь, — проговорил Сергей медленно. — Думаю, ты права. Дей Зоб подождет.

Бывает, встреча со старыми друзьями оборачивается новыми проблемами.

Сергей проснулся, оттого что во сне куда-то сильно торопился. Его звали. Голос пустой и безразличный, но гадать над его источником – смысла нет. Зовет Здебор Вятич. Больше некому. Что ж, значит, и ждать больше ни к чему.

Рядом, на полу, на стопке одеял, спала Дарина. Сергей улыбнулся. Из головы практически выветрилось, как они добрались до убежища девушки. Он рухнул на пол сразу, не умывшись, не скинув одежды. Вроде бы только перехватил кусок холодного заветренного мяса. Дарине же хватило сил переодеться в уже знакомое Сергею простое платье с разрезами до бедер. Сейчас подол платья задрался, оголив крепкие бедра. Очень соблазнительные бедра.

А что будет, если он дотронется до нее? Сразу прирежет или даст возможность сказать слово–другое?

Стараясь не шуметь, Сергей прошел к входной двери, приоткрыл ее. На улице начинало темнеть. Неужели они проспали весь день?! Вот так: то было рано навещать знахаря – теперь поздно. Но ехать все равно надо. Если только лошади никуда не ушли. Он вышел на улицу. Обе лошадки паслись тут же, привязанные к отходящим от стен доскам длинной веревкой. Паслись – одно издевательство над животными. Из всего корма лишь пожухлая трава да какой-то колючий кустарник.

Сергей вернулся в дом, пробежал глазами по спящей Дарине. Красивая, чертовка. Жаль будет расставаться вот так – не попрощавшись. И все же будить девушку он не стал. Отыскал кусок промасленной бумаги и огрызок грифельного карандаша. Торопливо набросал несколько строк. Затем положил бумагу рядом с лицом спящей – увидит, как проснется.

Уже на пороге Сергей подумал насчет постоянного жилища Дарины. Она же говорила, что убежищем пользуется только иногда. Значит, где-то должна жить постоянно. Где?

Странные мысли – и совершенно не ко времени.

Прикрыв за собой дверь, он уверенно двинулся прочь. Решение принято. Места сомнениям больше нет.

До дома Дей Зоба он добрался без происшествий, благо – дорогу уже знал. Здесь, в южной части Москвы, жизнь была ключом даже на пороге ночи. Лавки–терема раскрасились цветными огнями, нарядились развевающимися на ветру лентами. По улицам степенно прохаживались люди в цветастых одеждах. Тут и там слышался сдержанный смех, полусшепот разговоров. Такого потока и сумбура, как днем, конечно, нет, и все же квартал торговцев не спал. В отличие от тех же районов мастеровых, где в это время открытыми оставались разве что кабаки.

Дей Зоб встретил Сергей на пороге, будто нарочно стоял в ожидании дорогого клиента. На нем был все тот же теплый байковый халат и белый тюрбан. В зубах он держал длинную тонкую трубку, изогнутую причудливой спиралью. На смуглом лице отражалась крайняя степень расслабленности и благоденствия. Но, завидев Сергея, знахарь моментально преобразился. Его узкие глаза сузились еще больше.

— Приветствую, добрый господина, — поклонился он. — Чем могу служить?

Сергей спешил, отдал поводья мальчишке, вынырнувшему из-за спины Дей Зоба.

— Мой заказ. Он готов?

— Да-да-да, — закивал знахарь. — Не желаете ли...

— Нет. Я тороплюсь.

— Разумеется, — поклонился Дей Зоб и исчез в дверном проеме, из которого несло густым ароматом множества трав.

«Все мозги прокоптишь – так жить», — поморщился Сергей и чихнул.

Знахарь появился минут через пять, неся в руках весьма увесистый деревянный сундук, окованный металлическими полосками. Простая, но аккуратная вещь.

— Милости прошу заходить снова, — проговорил он, протягивая Сергею заказ.

— Проверять не буду. Надеюсь на вашу порядочность.

— Вы меня обижать, — помрачнел Дей Зоб. — Спросить любой человек и прохожий: кто такой Дей Зоб? Каждый сказать: честный и скромный торговец. Самый низкий цена за высокий качество. Да.

Сергей еле сдержал ухмылку, вспомнив расширившиеся глаза Дарины, когда самый скромный торговец впервые назвал стоимость заказа.

Попрощавшись со знахарем и прихватив сундучок, Сергей отправился к имению Здебора Вятича. Верхом он добрался быстро, благо улицы большей частью освещены достаточно, чтобы видеть дорогу. Освещены вплоть до холма, на котором расположились Золотые башни. Странно, если учесть, что вокруг кирпично-красной стены разбросаны имения магов. Таятся или способны видеть в темноте? Сам Сергей в темноте не видел, потому оставшуюся часть пути проделал пешком, ведя лошадку под уздцы. У ограды имения привязал ее, наказав никуда не уходить.

На пепелище его ждали. Присутствие господина Вятича Сергей ощутил еще на подходе к имению.

— Ты долго! — вместо приветствия проговорил призрак мага, возникнув в провале обгорелых стен.

— Возникли некоторые трудности...

— Что? Тебе не удалось что-то достать?

— Другие трудности, — Сергей поставил на землю сундук, вытащил из внутреннего кармана транспортную призму. — Вот то, о чем ты просил.

— Слава благословенным предкам, — будто вживую выдохнул призрак и расплылся неразличимым пятном. — Призму необходимо активировать. Но прошу, осторожно, пока я буду находиться в ней. Если ее разбить – мое ментальное тело исчезнет. Значит, так... – пятно снова обрело очертания человеческой фигуры.

— Подожди... – Сергей прикрыл глаза. Он все обдумал – спокойно, без суеты. Хотя в собственное решение не верил до сих пор. — Я остаюсь здесь.

— Что?

— Я остаюсь здесь. В этом мире.

— Ты понимаешь, что говоришь? — призрак было рванулся за пределы дома, но тут же его смяло, точно листок бумаги, метнуло обратно. Послышалось тихое шипение.

— Понимаю. Было время подумать.

— И как ты себе это представляешь?

— Не знаю. Хотел спросить у вас. Похоже, мне нужно другое тело. Так?

— Что ты забыл у нас? Ты чужак. Твое место не здесь.

— Не надо говорить мне, где мое место, — спокойно проговорил Сергей. — Я не собираюсь занимать ваше тело дольше, чем это необходимо. Потому готов выслушать любые

варианты решения нашей проблемы.

— Нашей... – тихим шелестом разнеслось в обугленных стенах. — Для ритуала необходимо тело – реципиент. Все остальное я сделаю сам.

— Любое тело?

— Живое, — в голосе Вятича послышалась насмешка. — Ты же помнишь: его придется убить.

— Иначе никак?

— Нет.

Сергей прошелся из стороны в сторону вдоль дома. Он предполагал, что обряд имеет очень строгие рамки, но до последнего надеялся на лучшее. Убивать же просто ради того, чтобы остаться, — он готов не был.

— Сила кружит голову? — доверительно спросил призрак мага. — Понимаю. Полагаю, тебе уже удалось воспользоваться чем-то из моего арсенала. И не раз. Понравилось?

Сергей смолчал.

— Конечно, понравилось, — продолжал Здебор Вятич. — Только сила – это большая ответственность. У адепта Золотых башен много работы. Зачастую опасной. Многие погибают, выполняя задания Малого Собрания. Этому учатся. Долго учатся. А потом сдают...

— Сдают испытание, — закончил за него Сергей. — Я знаю.

— Откуда?

— Встретился с одним практикующим наставником и парочкой его помощников. Недалеко от Москвы.

— Тем более ты должен знать, насколько серьезную подготовку должны пройти выпускники Золотых башен, прежде чем...

— Знаю, — снова прервал его Сергей. — Но это ничего не меняет. Я остаюсь не из-за магии.

— Тогда из-за чего?

— Не знаю, как объяснить. Перестал ощущать себя здесь чужим. Чувствую, что могу что-то сделать – и это «что-то» пусть и невелико, но важно.

— Я думал, ты умнее... – протянул призрак мага. — Но что ж, ты свой выбор сделал. Так?

— Да. Мне нужно время. Я что-нибудь придумаю с телами.

— Разумеется. Но я уже придумал!

Сергей успел почувствовать за спиной какое-то движение. Но обернуться уже не успел. В голову врезалось что-то тяжелое, мир погас.

Очнулся он от монотонного металлического позвякивания. Тело затекло, а в голове гудело, точно в огромной трубе. Мозаика вдребезги разбитого сознания медленно собиралась в более или менее осознанную картину.

Хорошо же его приложили. Интересно, кто?

Прошло еще несколько минут, как показалось Сергею, прежде чем перед глазами начало проясняться. До того веки хоть и двигались, но темнота вокруг оставалась непроглядной. Теперь же он смог рассмотреть потолок, забраный толстой решеткой, с которой свисают цепи. Каждая вооружена острым ржавым крюком. Цепи вяло покачивались. Слабый звон исходил именно от них. Сергей попытался подняться – тщетно. Руки и ноги надежно зафиксированы кожаными ремнями. Одежды нет. Осталась только

набедренная повязка. В самом центре грудной клетки торчит какая-то тонкая игла, увенчанная красным камнем.

Он сразу узнал помещение: карцер или камера пыток в лаборатории Здебора Вятича. А он лежит на металлическом столе-кресле в самом ее центре. Свет, тусклый и дрожащий, разлился в самом воздухе, но никаких светильников не видно.

Отлично! Надо же умудриться так попасть! Сергей почувствовал, как по хребту ползет страх. Он отлично помнил те видения, которые хлынули на него, стоило лишь открыть рунную дверь. Помнил страдания и ужас, навсегда пропитавшие эти стены. Неужели ему суждено стать следующим в череде жертв, сгинувших под ножом неведомого садиста?

Сергей с трудом приподнял гудящую голову. По камере, подволакивая одну ногу, ходил человек в длинном кожаном плаще. Плащ больше подошел бы огородному пугалу – драный, с кучей заплаток и бахромой рукавов. Лица человека не видно. Длинные седые волосы разметались по спине включенными космами.

Рядом с креслом, к которому привязан Сергей, стоял небольшой, металлический же столик. На столешнице, поверх чистой тряпицы, разложены хитроумные инструменты больше подошедшие бы хирургу. Начищенные до блеска, опасно поблескивающие острыми краями лезвий. Рядом с тряпицей стояла транспортная призма и небольшой сосуд из глины.

Сергей не стал окликать хромого незнакомца, а просто ударил его привычным потоком уплотненного воздуха. Вернее сказать, хотел ударить. На деле не получилось ровным счетом ничего. Ни дуновения ветра. Человек даже не обернулся, продолжая что-то раскладывать на полу.

Неожиданный поворот дел!

Что случилось?

Сергей представил, как собственные руки окутываются языками пламени. Как оно разрастается, набирает силу. И снова поражение. Еще несколько попыток закончились с тем же результатом: он отлично помнил сам процесс, который приводил к реализации заклинаний, но результата нет. Сила бушует к груди, разливается по венам, но не может вырваться наружу, скованная незримыми путами.

Интересная информация: оказывается маги не столь уж и всемогущи, не столь опасны, если знать к ним подход. Сергей уставился на красный камень, венчающий торчащую в груди иглу. Не эта ли штука всему помехой?

Наконец незнакомец выпрямился, тяжело вздохнул и развернулся к Сергею лицом. Бледный, с глубокими морщинами и грустными, словно у побитого щенка, глазами. Рот человека больше походил на рот какого-нибудь моллюска – безгубый, кривится, точно вдыхает кислород из воды.

— Ты кто? — спросил Сергей.

Смысла притворяться бессознательным бревном он не видел. По всему выходило, что незнакомец готовит тот самый ритуал, который должен вернуть сознание господина Вятича в родное тело, а его, Сергея, отправит... домой? Если домой – это еще половина беды. Но отчего-то в голову лезли совсем другие мысли.

Незнакомец уставился на очнувшуюся жертву, склонил голову набок. Затем подошел к металлическому столику, взял в руку нечто, напоминающее скальпель, проверил остроту лезвия на собственном пальце. Лезвие оказалось достаточно острым, чтобы на коже тут незнакомца тут же выступила капля крови. Человек опустил лезвие в глиняный сосуд: на блестящем металле остались густые черные потеки.

Сергей заерзал на кресле.

— Ы–ы–ы, — протянул незнакомец и сделал шаг к жертве. Уверенным движением он воткнул сталь в область ключицы Сергея, повел разрез наискось, через всю грудь.

Сергей закричал от вспоровшей тело боли. Он напрягся, кулаки сжались – биться в стягивающих путах, пытаться вырваться из цепкой хватки смерти. Все тщетно. Боль затмевает сознание. Боль лишает способности мыслить. Крик разрывает горло.

— Не надо! — вопреки желанию сорвалось с губ.

Казалось, время ползет раненой черепахой. Свет перед глазами то становился алым, то сгущался почти до черного. Потом вспыхивал разноцветными кругами.

Когда незнакомец оторвал скальпель от груди Сергея, последний дышал часто и порывисто. Тело била дрожь, а на коже выступили бисерины холодного пота. Но на этом попытка не закончилась. Длинноволосый садист погрузил лезвие скальпеля в другую ключицу и снова повел его через всю грудь. Теперь время остановилось.

Цепи лениво качались перед глазами. Они расплывались, двоились, изгибались, точно были живыми. Монотонный звон успокаивал, убаюкивал. В голове стоял плотный туман, сквозь который не пробиться мыслям. Тело казалось огромной грудой неповоротливой плоти – целая гора бесполезного мяса. В груди пульсировала тупая боль – ерунда, ничто по сравнению с тем, что было минуту назад. Или час... или день... Впрочем, вряд ли прошло так много времени. Вон и длиноволосый ублюдок все еще здесь. Отошел, больше не мучит злым железом.

Кровь, должно быть, залила весь пол. Огромная лужа. Но к чему эти мучения? Неужели Вятич добровольно подвергся им, когда впервые проводил ритуал, в результате которого сознание Сергея и оказалось в новом для себя мире и теле?

Хорошо – мысли уже ворочаются. Значит, не все так плохо. Но стоит ожидать, что будет еще хуже.

Сергей перевел взгляд на красный камень, венчающий иглу в своей груди. Казалось бы: протяни руку, смахни безделушку. Пустячное дело, практически не требующее усилий. Но не сегодня. Лежать неподвижным бревном и терпеливо сносить мучения – это ли все, что ему осталось?

Длинноволосый садист бросил на беспомощную жертву равнодушный взгляд. И где только Вятич откопал такого уroda? Если ли в его голове что-то человеческое? Глаза, полные невинного непонимания, и руки, с которых капает свежая кровь. Мясник в облици праведника. Он продолжал что-то раскладывать на полу, что-то вымерял, высчитывал. Наверняка выстраивает какую-то хитроумную фигуру или знак. Вот закончит – и все, о боли можно забыть. А заодно и о жизни.

И снова внимание на камень. Грудь исполосована крестом, но крови удивительно немного. Порезы не выглядят глубокими и опасными. Всего лишь рассечена кожа. Но тогда откуда такая боль? Или все дело в черной дряни, в которой длиноволосый измазал лезвие скальпеля? Но сейчас на длиноволосого плевать! Он делает то, что считает нужным, и, похоже, переубедить его в чем-либо не получится. Остается всего одна возможность: не хочешь отправиться к предкам – справляйся с магическим блоком.

Сергей уставился на спицу. Мысленно толкнул ее потоком воздуха. Ничего. Прикрыл глаза, выдохнул. Снова взгляд на спицу. Сосредоточиться. Сконцентрироваться. Ему удавалось манипулировать куда более крупными объектами, так неужели не справиться с маленькой иголкой? Толкнуть, хотя бы покачнуть. Без толку. Но сдаваться нельзя.

Между тем длинноволосый закончил приготовления. Он выкатил металлический столик с инструментами и транспортной призмой в ноги Сергея, а сам зашел его за голову. Что-то неразборчиво забубнил. Даже, скорее, замычал. Тусклый свет на мгновение померк, потом вспыхнул ослепительной белизной. Но ненадолго. От покачивающихся под потолком цепей за клубился дым. Чернильный, густой. Металл словно испарялся, переходил в состояние мельчайшей взвеси, но при этом сами звенья цепи оставались неизменными.

Сергей стиснул зубы.

«Покачнись, покачнись...» – методично произносил про себя. Взгляд прикован к красному камню. Легкий порыв воздуха. Ну, пожалуйста. Хотя бы колебание.

Голос длинноволосого стал громче. Черный дым расплылся тонким облаком под самым потолком и начал медленно опускаться.

В ушах Сергея оглушительным гвалтом взорвался нестройный хор человеческих голосов. Кричали и просили о помощи и пощаде многие несчастные, расставшиеся с жизнью в разное время, но в этом же изоляторе. Сергей хотел бы заткнуть уши руками, только чтобы не слышал отчаянной мольбы и предсмертных проклятий. Они сбивали, мешали сосредоточиться. Они пугали. Перед глазами вновь появились кровавые видения. Люди, умирающие прикованными к стене. Люди, насаженные на крючья или выпотрошенные на столе. Кровь и боль. Отчаяние и безумие в сознании приговоренных к смерти. Зачастую медленной – и оттого еще более мучительной.

Чем ниже опускалось черное облако, тем отчетливее разгоралась транспортная призма. Свет родился где-то внутри ее граней – и теперь расплзался по ребрам, вырываясь из них рассеянными лучами.

Сергей чувствовал напряжение в теле. Чувствовал дрожь в руках. Со лба скатывались соленые капли пота, выедали глаза.

— Тебе не успеть! Тебе не суметь! — вторил гвалт голосов.

Конечно же, это только игры взбудораженного воображения, но спокойствия и сосредоточенности они не добавляли. Челюсть свело от напряжения. Сергей настолько сильно сжимал зубы, что, казалось, те вот-вот начнут крошиться.

«Ну же, давай».

Черное облако достигло пола, навстречу ему ровным кругом поднялось серебристое свечение. Исходящий из транспортной призмы свет сделался кинжальным, насыщенным. Голос длинноволосого садиста перешел в крик. Ему вторил усилившийся звон цепей.

Сергей почувствовал, как по лицу прокатился порыв прохладного ветра. Сердце бешено забилося. Неужели получилось или просто совпадение?

Одна из граней транспортной призмы треснула.

Сергей чуть было не застонал от отчаяния. Секунды. Считанные секунды отделяют его от черной неизвестности. Но почему-то собственная жизнь не мелькает перед глазами. Перед ними – чужая смерть. Много смертей.

Трещина на призме начала растягиваться. Медленно, но неумолимо. Там, в глубине прозрачного куска магического стекла, металась темная точка. И с каждым мгновением она увеличивалась в размерах все больше.

Сергей перестал дышать. Нервы натянулись стальными струнами и вот-вот порвутся в клочья. Но он хочет жить! Он будет жить! Ни один ублюдок с коровьим дерьмом вместо мозгов не станет вершить его судьбу!

От призмы отвалился прозрачный кусок.

Красный камень перед глазами Сергей дрогнул.

Гвалт голосов проник в голову, заглушил собой все прочие звуки. Истлевшие, изуродованные трупы коварными призраками тянулись к сознанию, вцеплялись в него мертвой хваткой стальных крючьев и тянули в разные стороны. Разорвать, уничтожить.

Призма мелко дрожала, рассыпаясь прозрачным крошевом.

Игла поддавалась направленному воздействию Сергея, неуверенно поползла вверх. Остекленевшие на ней глаза улавливают каждый миллиметр движения.

Треск, исходящий от призмы, смешался с самодовольным хохотом. Но голос не принадлежал длинноволосому.

Игла покачнулась в последний раз – и... упала, тут же скатившись по груди куда-то вниз. Все тело Сергея тут же обратилось факелом гудящего белого пламени.

Треск усилился, а хохот оборвался диким воплем.

С отчаянным воплем Сергей выбросил себя с пыточного стола.

Треск достиг своего пика – и исчез в яркой вспышке. Ключья черного облака разметало по изолятору. Послышался звук падающего тела.

Все стихло.

Сергей медленно приходил в себя, лежа почти у самой двери. Холодный пол приятно остужал пышущее жаром тело. Кровь стучала в висках, пульсировала в груди.

Он смог!

Но расслабляться рано. Враг еще рядом.

Подняться.

Опираясь на руки, он встал. Ноги подкашивались, точно кости в них превратились в студень. Под потолком все так же висели цепи со зловещего вида крючьями. Но больше они не покачиваются. От транспортной призмы осталась лишь горстка пыли. Инструменты истязателя разбросаны по полу. Но где он сам?

Сергей поднял один из ножей – тонкий, с обоюдоострым длинным лезвием. Обойти стол. Длинноволосый сидел на полу и с ошалелым видом озирался по сторонам. Удивительно, но в его взгляде не осталось прежнего выражения общечеловеческой грусти. Увидев Сергея, садист ощерился. Его руки метнулись перед собой. На пальцах на мгновение блеснули языки пламени, но тут же опали.

— Снова что-то пошло не так? — спросил Сергей, чувствуя, как по венам разливается привычное тепло магической силы.

Длинноволосый посмотрел на него исподлобья, медленно поднялся. В его глазах металась еле сдерживаемая ненависть.

— С новым телом, господин Вятич... Снова что-то пошло не так?

Длинноволосый медленно сжал кулаки. Его лицо искривилось в презрительной гримасе.

— Значит, решил остаться? — с трудом проговорил он. Создавалось впечатление, будто у него в глотке застряла рыба кость, причиняющая сильную боль.

— Решил, — кивнул Сергей.

— Силен. И что теперь?

— Ничего. У каждого есть свое тело. Вопрос исчерпан.

— Не исчерпан! — выплюнул длинноволосый. — Игра слишком затянулась.

— К чему были все эти жертвы? — спросил Сергей, разведя руки в стороны.

— Ты их почувствовал? — ухмыльнулся маг. — Они никто – мусор с улиц. Город без

них стал только чище. А я сделал большой шаг вперед.

— Он того стоил?

— Тебе не понять. Кто ты? Червь, на которого снизошла благодать предков.

Сергей сильнее сжал в руке острую сталь.

— Знаешь, — проговорил тихо, — а это больно. Лежать и чувствовать, как тебя свежуют.

Маг пожал плечами. Видно, что ему неуютно в новом теле. Он постоянно морщился, с трудом опираясь на одну ногу. Длинноволосый садист – не лучшее вместилище для могучего адепта Золотых башен. Но уж кто подвернулся. Несмотря на то что Сергею удалось покинуть круг, в котором проходил ритуал, запущенный процесс все же завершился – и сознание Вятича оказалось в первом подвернувшемся, оставшемся в непосредственной близости теле.

Сомнений в том, что перед ним именно маг Золотых башен, Сергей не испытывал. Слишком явным оказались изменения, произошедшие с длинноволосым садистом.

— Некоторые цели требуют жертв, — сказал Здебор Вятич.

— Поделишься целями? Очень хочется знать, что может заставить человека превратиться в тупого мясника и начать полосовать всех вокруг.

— Ты ничего не знаешь. Ничего не понимаешь и не видишь. Этот мир обречен, он погряз в грязи, гниет изнутри! Все эти мелкие дрязги и суета ничего не значат. Близится время искупления. Время, когда каждый получит по заслугам. Предки отвернулись от нас, боги – умерли. Кто-то должен очистить этот мир.

— Ты?

— Нет. Я всего лишь проводник. А ты – помеха.

Он выбросил перед собой руки – и в грудь Сергея ударил порыв сжатого воздуха. Ударил, но не повалил. Маг отчасти восстановил силы и привык к новому телу, но слишком поторопился с атакой.

Сергей ответил ему его же оружием. Новое тело Здебора Вятича смело с места и метнуло о стену. Раздался глухой удар. Маг бесформенной кучей осел на пол. Из его носа обильно текла кровь, глаза подернулись мутной поволокой.

— Почему мне кажется, что ты с самого начала недоговаривал? — спросил Сергей, подходя ближе. Он держался наготове, готовый отразить новую атаку мага. Картина, которая начала складываться у него в голове, наводила на невеселые мысли, требующие разъяснения. И немедленно. — Желтоглазые твари – ты знаешь о них куда больше, чем рассказал мне.

Вятич сплюнул на пол сгусток крови. Попытался подняться, но нога, на которую он и раньше старался не наступать, подвела. Шипя от боли, он снова сел. Пальцы в бессилии заскребли по полу.

— Помоги мне, — прохрипел Вятич неожиданно. — Ты станешь адептом Золотых башен. Без обучения и испытаний. Если хочешь, я сам научу тебя пользоваться магической силой. Ты сильнее, чем я мог предположить. Но одной силы мало, нужно умение. У тебя будут деньги, будет свое имение, хорошая практика. Но даже это все не так важно – у тебя появится возможность уцелеть во время искупления. Все они, — он махнул рукой куда-то вверх, — ничего не знают. Живут сегодняшним днем. Они жрут, трахаются и рожают уродов, не способных понять всей той мерзости, в которой копошатся. Ты поймешь. Я знаю, чувствую. Ты сможешь. Я не прошу многого. Помоги.

— И кого я должен убить? — поморщился Сергей.

— Никого. Мы должны подготовить площадку для прихода тех, кто исцелит этот мир.

Они придут все равно. Рано или поздно. Не в наших силах остановить их. Но мы можем встать подле них, сойти с тропы, которая будет сожжена.

— Заманчиво звучит. А что тебе со всего этого?

— Я хочу жить. Как и ты. Но это не главное. Этот мир или сгорит в огне, или переродится. Иного не дано. Я в силах направить поток искупления, но не контролировать его. Поверь, лучше стоять по правую руку бога, чем добровольно подставить шею под его карающий меч. Что бы выбрал ты? На какой оказаться стороне, когда начнется воздаяние?

— А богами ты называешь тварей, которые превращают мертвецов в ходячих марионеток?

Лицо Здебора исказилось болезненной гримасой.

— Те, о ком ты говоришь, — всего лишь слуги. Они идут впереди. За ними мощь такая, что нам и не снилась.

— Прекращай пугать, — поморщился Сергей. — Хочется конкретики.

— Хочешь увидеть вселенную через дырку в стене женской бани, — усмехнулся маг. — Не выйдет.

— Я видел твой вселенную! — неожиданно для себя прорычал Сергей. — Видел совсем недавно. В трех часах езды от города. Этой ночью. Лесная деревня подверглась нападению мертвяков. И знаешь, кто их поднял?! Знаешь? Ты думаешь, что сможешь от них убежать? Сможешь их направлять?!

Здебор Вятич смотрел на него с неприязнью, но пока молчал.

— Ты видел, во что они превратили лес? Что там выросло? — продолжал Сергей. — Смерть и кровь – вот твой новый мир. Холод, прожигающий до костей. Страх и гниль. Этого ты хочешь? Этому готов помогать?

— Выбор непрост, но его придется сделать, — проговорил сквозь зубы маг. — Речь не идет о сопротивлении – оно бессмысленно. Речь идет о спасении. И спастись смогут лишь достойные. Вся грязь исчезнет.

— А достойные – это кто?

— Есть такое люди. Не думаешь же ты, что я стараюсь только для себя.

— А остальные в огонь?

— Они умрут все равно.

— А бороться? Золотые башни, Дома Жизни и Исцеления, Сборщики, кто еще?

— Ты меня не слушаешь, — покачал головой Здебор Вятич. — Это бесполезно.

— Откуда ты знаешь? Ты не даешь людям шанса.

— Они не заслужили.

— Знаешь, я у вас недавно. Ты в курсе. Но успел повидать многое. Видел не самые честные схватки на арене и за ее пределами. В первый же день встретился с уродами, которые чуть было не порезали меня на куски. Видел казнь какой-то отступницы. С трудом унес ноги от людоедов. Тоже, кстати, людей. Знаешь о таких? Живут в старом городе. Много видел. Это грязь, ведь так?

— Разумеется. О ней я тебе и толкую. Я создал ключ, который позволит подняться на уровень выше. Стать уже не просто человеком, но вершителем судеб. Искупления не миновать. Пойми...

— Подожди. Понимаешь, в чем дело: но я видел не только грязь. Видел и благородство, и самоотверженность. Видел отчаянное желание жить. И мне очень жаль, что этого желания оказалось мало. Если хотеть видеть грязь – ты обязательно найдешь ее. Но такая дорога не

по мне. Возможно, я идеалист. Но лучше останусь им, чем встану рядом с тобой. Правая рука бога, — он усмехнулся. — Предлагаю тебе во всем сознаться Малому Собранию. Возможно, еще не слишком поздно начать действовать.

— Слепой дурак! — выплюнул маг и неожиданно резким движением взмахнул рукой.

Сергей почти успел отшатнуться. Почти. В боку родилась острая боль. Здебор Вятич взвился на ноги, воздух вокруг него сгустился плотными кольцами, растянувшимися в щупальца. Каждое на конце снабжено острой иглой.

Сергей отшатнулся, вскинул руки в защитном жесте – и вовремя. Сразу три щупальца ринулась в его сторону. Полупрозрачная смерть, способная проткнуть насквозь. Щупальца врезались в почти незримое тонкое марево, окутавшее Сергея. Изолятор наполнился протяжным гулом, а самого Сергея отбросило назад, но на ногах он устоял.

Вот и поговорили – маг пришел в себя и решил поставить окончательную точку в споре. Но такая концовка Сергею не нравилась. Пусть он мало чего умеет, пусть он далеко не маг, но в нем есть сила и жажда жизни. Разве этого не достаточно?

И он начал давить. Просто погнал воздух перед собой. Без уловок, без изящества.

В небольшом замкнутом помещении, расположенном глубоко под землей, родился настоящий ураган. Свист в ушах поднялся до однообразного давящего шума. Цепи взвились под потолком ожившими змеями, заметались в агонии. Мусор с пола смело.

Здебор Вятич прижался спиной к стене. Его лицо покраснелось, на лбу набухла синеватая вена. Он продолжал атаковать щупальцами, но теперь они окутались яркими всполохами белого пламени. Он бил отчаянно, метя то в голову, то в грудь. Каждый новый удар наносился под новым углом. Маг искусно владел своим оружием, но ему не хватало сил. Быть может, если бы он восстановился окончательно, то Сергей бы не устоял. А так – стремительные удары разбивались о непроницаемое прозрачное марево.

— Вы все сдохнете! — в отчаянии завопил маг. — Каждый из вас на собственной шкуре прочувствует мою правоту. Вы обречены. Скоты! Без ключа вы никто – вы мясо для голодного хищника. И он уже идет! Да! Ты знаешь, ты его видел. Но то лишь авангард неисчислимой армии.

Сергей подобрался к Здебору Вятичу вплотную.

— Только я могу спасти тебя. Других. Но лишь часть. Подумай. Лучше часть, чем ничего.

Сергей опустил руки. В кулаке он все еще сжимал стальную смерть.

— Не делай того, о чем потом будешь жалеть! — глядя Сергею в глаза, произнес маг.

— Не сделаю.

Резкий тычок. Глаза Здебора Вятича расширились. Он вздрогнул, схватился руками за руку Сергея, крепко держащую сталь. Сталь, вспоровшую живот мага.

— Ты все испортил. Ты во всем виноват. Тебя проклянут, — прошипел тот.

Его руки начали дрожать.

Сергей провернул оружие. Маг закашлялся. Его ноги подогнулись – и он медленно соскользнул по стене.

Буря улеглась.

Сергей выпустил сталь, отступил на шаг.

— Вы все заслужили смерть! — засмеялся господин Вятич. — Заслужили вечную агонию.

Маг сидел, поджав ноги к груди. Вокруг расплзлась лужа крови.

«Хорошая сталь может причинить немало неприятностей даже сильному магу», — вспомнил Сергей слова Дарины, которые она сказала Драгану Эйчу. Но относятся ли они ко всем магам? Даже к тем, кто по тем или иным причинам оказался в чужом теле?

— Чего уставился? — прошипел Здебор Вятич. — Будь ты проклят! Я с удовольствием посмотрю на то, как вы все сдохнете. Зови дознавателей.

— Так и сделаю, — Сергей окинул взглядом изолятор. — Уверен, в стенах Золотых башен ты расскажешь гораздо больше, чем поведал мне.

Маг молчал.

— Пойдешь сам, или мне тебя тащить? — спросил Сергей.

— Я ранен, звереныш.

— Значит, тащить. Ты же не думаешь, что я оставлю тебя здесь до прихода дознавателей?

— Нет, а жаль...

Здебор Вятич резким движением вырвал нож из собственного живота. Его ноги распрямились, задрожали так сильно, словно бились в агонии. Еще мгновение он смотрел на Сергея, а потом запрокинул голову — и полоснул себя по шее.

— Стой! — Сергей бросился к магу, рухнул рядом с ним на колени. — Твою же мать!

Кровь хлестала из глубокого рассечения нескончаемым потоком.

— Ты будешь жить! Не смей умирать!

Как же глупо все получилось. Какие знания пропадут!..

Агония прекратилась. Тело Здебора Вятича обмякло. Грудная клетка в последний раз поднялась в судорожном вздохе и замерла. Но глаза продолжали смотреть. Правда, теперь без ненависти, вообще без всего. Остекленевший взгляд мертвеца.

Сергей с досады саданул раскрытой ладонью в стену. Звук удара разошелся по изолятору, звякнул встревоженными цепями.

Вот и все. Адепт Золотых башен, господин Здебор Вятич, — мертв. На этот раз окончательно. А вместе с ним ушли и знания относительно приближающегося бедствия.

Сергей, пошатываясь, отошел к столу-креслу, к которому был недавно привязан. Сел на него. В боку закололо. А он-то совсем и забыл о ране, нанесенной магом. Но ничего страшного — всего лишь рассечение. Выглядит неприятно: довольно глубокое, да и кровотечение остановилось не полностью, но вряд ли стоит опасаться. В любом случае перевязать нечем.

Он еще раз взглянул на тело мага. Интересно, что за человек помогал ему? Длинноволосый садист — кто он? Как оказался в имении, как ему удалось проникнуть сюда? Отличный удар — вскрыл горло себе, а убил двоих. И никаких свидетелей. Где теперь искать концы? Хотя... Сергей нахмурился. Ключ! Вятич говорил о каком-то ключе. И говорил о нем, как о предмете. Знать бы, где его искать... Знать бы, что им открыть... Вряд ли он может храниться в имении — его и так все перерыли. Здесь, в лаборатории? Возможно, хотя тоже опасно. Надо думать — у каждого адепта Золотых башен есть подобное место. А значит, в первую очередь будут искать именно его. Остается некий сторонний тайник. Искать его можно и даже нужно, но собственными силами вряд ли обойтись. Даже уцепиться не за что. Поговорить с Дариной? Пожалуй. Возможно, у нее будут какие идеи. А если ключ останется ненайденным? Вообще странно: если Вятич намеревался с помощью созданного им предмета открыть дорогу желтоглазым тварям, то он явно опоздал. Они и без его помощи неплохо справляются. Другое дело, что все сказанное им может снова оказаться ложью. В

этом случае все намного проще – ничего искать не надо, достаточно обо всем рассказать дознавателям Золотых башен – и тем самым спасти мир.

И почему в последнее не верится?

Сергей поднялся – и тут же охнул, схватившись за бок. Лучше бы не садился. Расслабился – и вот результат. Делать здесь больше нечего. Он прошел к закрытой двери, толкнул ее. Не заперта, открылась легко. После недолгих поисков он нашел свою одежду, аккуратно сложенную под столом, на котором все еще стоял микроскоп.

Оставить все так? Вернется ли он сюда снова? Трудно сказать. Новый мир принял Сергея чередой неожиданных и таинственных событий, предсказать развитие которых даже примерно он бы не взялся. А значит – все может случиться. Лаборатория сильного мага – место, где могут сохраниться плоды его работы. Пусть сейчас они и ничего не значат. Их даже отыскать представляется непростой задачей.

А вообще – отличное укрытие вместо лачуги Дарины. Оттуда в любом случае пора уходить. Слишком уж небезопасно. Только бы разобраться в принципе работы того заклинания, которое позволяет с поверхности попадать сюда.

Одно смущает – злоба этого места, насквозь пропитанного болью и страданиями. Остаться здесь на ночевку, да даже лишних полчаса, — уже испытание, на которое пойдешь лишь по большой необходимости.

— Прах к праху, — проговорил Сергей тихо.

Уверенным шагом он вернулся в изолятор. Смерть останется в этих стенах и больше никогда не покинет их. Больше никто и никогда не войдет сюда, не узнает страшной тайны, хранимой полноправным адептом Золотых башен. Жестокий мир, жестокие времена. Но от времени грядущего веет куда большей опасностью. Веет холодом неизбежного уничтожения. Нет, Сергей не верил в предрешенность грядущих событий. Напротив, даже с трудом воспринимая собственные возможности, он не намеревался стоять в стороне.

В центре изолятора родился огненный шар. Совсем небольшой. Размером с кулак. Шар завис посередине, между полом и потолком и начал вращаться. Чем быстрее он вращался, тем сильнее становились исходящие от него волны жара. Сергей вышел в первый зал, захлопнул за собой дверь. Он стоял еще некоторое время, пока жар внутри изолятора не достиг своего максимума.

Выжечь все – до пепла, до мельчайшей пыли, в которой не отыскать никаких следов. Расплавить до раскаленных луж. Превратить небольшую комнату в Ад. Чтобы ни намека на произошедшие в ней преступления.

Сергей покидал лабораторию Здебора Вятича – покойного адепта Золотых башен. Покидал, оставляя за спиной законсервированную комнату, до двери которой не дотронуться – так она раскалена. Точка невозврата пройдена. Теперь, даже если придет осознание собственной ошибки и покажется, что было бы лучше дать магу шанс вернуть себя домой, придется только биться головой об стену. Ничего исправить уже нельзя.

А потому придется сильно постараться, чтобы новый мир, полный загадок и вопросов, полный противоречий и недоговорок, действительно стал родным. Вот когда понадобятся деньги. Вот когда придется научиться экономить и привыкать к местным расценкам. Работы нет, новых тайников с золотом не предвидится. Хотя, если уж подходить к материальной части вплотную, то все еще остается наследство господина Вятича, хранимое за стенами Золотых башен. Вполне возможно, удастся каким-то образом претендовать на него. Но особенно обольщаться не стоит. Судя по словам покойного Драгана Эйча – в Сергее нет

какого-то признака или знака, который бы идентифицировал его, как полноправного мага. Вполне может случиться, что одной внешности Вятича не хватит. Впрочем, не стоит забывать о Доме Жизни. Какие-то документы, удостоверяющие личность и доказывающие временную смерть, они выдать должны. А дальше все будет зависеть от собственной убедительности и местных законов.

Но все это позже. Прежде – отдать последнюю дань уважения той, которая боролась, но не смогла покинуть руины старого города. Сергей немного потерялся во времени, но вряд пока он находился без сознания, успела минуть ночь. А это значит, что сегодня в полдень он будет в северо-западной части Могильников.

Никогда не знаешь – где найдешь, где потеряешь.

(с)

Выбравшись из-под нагромождения каменных блоков Матери богов, Сергей с удивлением уставился на небо. Солнце в высокой чистой синеве стояло значительно выше горизонта. Не полдень, но времени уже очень много. А если припомнить, что до города еще идти и идти, то ситуация становится и вовсе катастрофической. Успеть к назначенному времени к Могильникам практически нереально. Разве что попробовать нечто вроде левитации. Вдруг получится? Тела Рынды или Сборщика он же смог транспортировать, так почему не сможет приподнять над землей и себя? За этими размышлениями Сергей быстрым шагом, иногда переходя на бег, спускался по отлогому склону. В боку колело. Больше того – открылось кровотечение. Вятч все же оставил о себе недобрую память.

К тому времени, когда Сергей добрался до городской окраины, боль в боку стала почти нестерпимой. Каждый шаг отдавался в ране, нанесенной магом. Каждый шаг выжимал из нее еще каплю крови. С левитацией так ничего и не вышло. То ли он что-то не то делал, то ли не хватало сил, то ли затея изначально была провальной и поднять себя над землей просто невозможно. Так или иначе, но идти пришлось своими ногами.

Солнце припекало нещадно. Сергей взмок, пот ручьями струился по лбу и спине. Такими темпами он или свалится в какой-нибудь канаве или кустах, или по дороге успеет отдать душу предкам.

И как назло ни одного паломника. Хоть бы повозку у кого одолжил. Если, конечно, к Матери богов не принято ходить исключительно пешком.

— Эй! — неожиданно раздалось из придорожных кустов. — А ну постой!

Сергей остановился машинально, даже не успев осознать услышанной реплики.

— Кто тут? — пробурчал сухим голосом. Пить хотелось страшно.

В кустах затрещало, ветви заходили ходуном – и на дороге показалась Дарина.

— Рот закрой, — с улыбкой проговорила девушка. — Не ожидал?

Сергей прикрыл отпавшую челюсть.

— Не ожидал. Откуда ты здесь?

— Я же не полная дура. Прочла твое письмо, сделал выводы.

— Вот уж не думал...

Сергей оборвал себя на полуслове. Дорогу из-под ног точно выдернули. Только стоял – и вот уже сидит на земле. Дарина бросилась к нему.

— Да ты весь горишь! — приложила руку ко лбу.

— Жарко же, — прохрипел Сергей.

— В голове у тебя жарко. Куда снова вляпался?

— Да так, ничего серьезного.

— Вятч?

— Да.

— Ты хотел уйти?

Вопрос Дарины подействовал на Сергея не хуже ведра ледяной воды. Голова вмиг

прояснилась.

— Куда? — спросил, уже зная ответ.

— Не знаю. Полагаю, в свой мир. Домой.

— Сначала хотел. Очень.

— Сначала? А теперь?

— Теперь уже неважно, — ухмыльнулся Сергей.

— Важно, — настаивала девушка.

— Теперь нет. Только не спрашивай о причинах.

— Не буду, — Дарина тяжело вздохнула. — Подняться сможешь?

— Конечно. Что я?

Встал он довольно легко. Похоже, временное помутнение прошло. Можно идти дальше.

— Тебе нужен лекарь, — сказала девушка. — У меня почти не осталось снадобий, а Дом Исцеления берет очень большие деньги, да и ни к чему тебе там появляться. Попробуем найти место менее приметное.

— Мне нужно попасть в Могильники, — помотал головой Сергей. — Сегодня к полудню.

— Зачем? — нахмурилась Дарина.

— Хочу кое с кем попрощаться.

— Если не перестанешь вести себя как умалишенный – прощаться придется с тобой!

— Это не блажь. Что со мной может случиться?

— Ты весь в крови, — Дарина продемонстрировала Сергею собственные окровавленные ладони.

А ведь она только помогла ему встать. Крови действительно вытекло много.

— Пойдем со мной, — улыбнулся Сергей. — Обещаю: если снова свалюсь в обморок – тащи меня хоть к лекарю, хоть сразу в Дом Жизни. Договорились?

— Делать мне нечего – таскай тебя туда–сюда... – пробурчала девушка.

Они прошли метров пятьдесят, когда Дарина отбежала в сторону, а вернулась уже со знакомой повозкой, запряженной тройкой зомби. Впрочем, возможно, это была другая повозка, но Сергей плевать хотел на различия. Стараясь не шипеть от боли, он залез на козлы.

— Успеем до полудня? — спросил Дарину.

Девушка уселась рядом, взяла в руки поводья.

— Свалишься по дороге – подбирать не вернусь, — предупредила она.

Шутит или нет? Лицо серьезное, в глазах ни отблеска веселья.

— Так как ты меня нашла? — спросил Сергей спустя несколько минут, как повозка тронулась

Сидеть молча он не мог. Постоянная тряска бредила рану, отзывалась во всем теле тупой, ноющей болью. Выпить бы какого болеутоляющего.

— Вообще, сначала я порядком разозлилась, — отозвалась Дарина. — Ушел, даже не разбудил. Нехорошо. Я и записку не сразу заметила.

— Ты так хорошо спала. Не хотел будить.

— Не ври. Наверняка не хотел, чтобы с тобой увязалась.

Сергей решил за лучшее смолчать. А девушка и не дожидалась его ответа.

— Написал, что идешь на встречу с Вятичем, но не написал зачем. Я и без того поняла, что ингредиенты от Дей Зоба предназначены ему. Но не знала зачем. Теперь вот

догадываюсь.

— И зачем?

— Чтобы отправить тебя обратно и вернуть себе тело.

— Почти, — ухмыльнулся Сергей.

— Что это значит?

— Давай сначала твой рассказ, потом мой.

Девушка пожала плечами.

— А потом все просто. Я съездила к имению мага, потихоньку там осмотрелась. Нашла интересные следы: тащили тело. Недалеко. Вскоре след оборвался. Его даже не пытались скрыть. Я и решила: либо ты кого-то тащил, либо тебя. Зная же твою удачливость...

— Понятно, — усмехнулся Сергей. — У Вятича обнаружился помощник. Он мне говорил о нем, но, видимо, решил подстраховаться. Вызвал его сам. Ну и получил я. Очнулся уже под развалинами. Кстати, этот помощник тоже был маг. Только странный какой-то. Словно немного не в себе. Сильный или нет — сказать не могу. Уже и не узнаем.

— Матерь богов — единственное место, куда тебя мог потащить маг, — кивнула Дарина.

— Так уж и единственное?

— Ну, если бы я ошиблась — ты бы сейчас шел пешком.

— Это точно.

— Я все рассказала. Теперь твоя очередь.

Сергей немного помолчал. Разговор действительно отвлекал от раны. Самочувствие немного улучшилось. Он начал с разговора с призраком Здебора Вятича в имении и закончил смертью мага в лаборатории. Не упомянул лишь о тех убийствах, что произошли в изоляторе, и о призраках, что задержались в его стенах до сих пор.

— Ключ к искуплению... — проговорила девушка задумчиво. — Даже если у нас нет замка, ключ нужен все равно. Лучше, если он будет в руках у нас, чем на него наткнется кто-то другой.

— Кто бы спорил. Только где его искать? И еще — у меня стойкое чувство, что именно из-за ключа Вятич и покончил с собой. О ключе знает кто-то еще. И этот кто-то его ищет. Зачем?

— А что, если ключ не открывает, а закрывает дверь?

Сергей задумался.

— Об этом я не подумал... Он говорил, что сможет направлять вторжение, но не остановить его.

— И все же такая вероятность остается. Направлять можно и регулируя степень открытия двери.

— Вполне, — кивнул Сергей. — Но это не снимает вопроса о месте, где спрятан артефакт. Хотя бы примерном.

— Надо идти на аудиенцию к Малому собранию. Иного выхода нет. Когда-нибудь тебе все равно придется с ним встретиться.

— Сам думал об этом. Хватит прятаться.

— А вот тут не торопись. Если за ключом идет охота, ты не в безопасности.

— Даже в стенах Золотых башен.

— Даже там.

— Отлично.

К Могильникам они успели вовремя. Сдав повозку управляющему у ворот огромного

погоста, дальше направились пешком.

Могильники предстали перед Сергеем огромным монументальным комплексом, узловыми точками которому служили каменные ступенчатые пирамиды. Они возвышались на десятки метров – темно-серые, побитые ветром и дождями, истрескавшиеся от времени. Больше всего они походили на пирамиды древних Майя, неведомо как возникшие посреди славянского города. Безмолвные громадины с угрозой взирали на проходящих мимо гостей.

— Ничего себе кладбище, — присвистнул Сергей. — Это склепы, что ли?

— Массовые захоронения. Пирамида – это лишь врата в подземный мир. Людей хоронят под ними. Раньше людей хоронили под насыпными курганами. Теперь в Могильниках – так можно сэкономить место. Под каждой пирамидой несколько уровней захоронения. Когда Могильник заполняется – вход в него замуровывается. Вскрыть печать могут только адепты Дома Жизни.

— А маги?

— Нет. Это место пронизано особой защитной магией. Магам ее не преодолеть. Вернее, для этого потребовались бы значительные силы, которые не остались бы без внимания Дома Жизни. А это уже открытый конфликт.

— Понятно. Как же люди навещают своих родственников, друзей?

— Навещают? — поморщилась Дарина. — Зачем?

— Как это? Поговорить. Хотя бы посидеть возле могилы.

— Ты что? С мертвыми может говорить только волхв. Только он слышит предков и передает нам их слова.

— То есть Могильники не открываются?

— Никогда – с того момента, как опечатываются врата.

— Склад какой-то... – пожал плечами Сергей.

— Мертвые не отвечают и не слышат, — пожал плечами Дарина. — Тело – лишь временная оболочка, которая после смерти становится рассадником заразы. Душа – бессмертна. И вот она может услышать обращенные к ней слова и молитвы. Но для этого ни к чему хранить тело. Любое захоронение – это целая система защитных заклинаний. А в случае с Могильником – еще и комплекс сооружений. И все это направлено лишь на одно – не дать повториться мору.

— Не проще ли тогда сжигать тела? — Сергей попытался представить себе Москвию через несколько десятилетий относительно спокойной жизни. Город мертвых в городе живых. И еще непонятно, какой из них больше. Но уже сейчас Могильники выглядят куда более ухоженными и основательными, нежели многие кварталы города живого.

— Иногда так и делается, но без соответствующего ритуала и присутствия представителя Дома Жизни или хотя бы Сборщика это небезопасно. В будущем, разумеется.

— Но ведь наверняка не все тела удастся отыскать. Кто-то пропадает без вести.

— Конечно. И это риск, но с ним приходится мириться.

Могильники – город мертвых. Город из камня. Поначалу Сергей пытался отыскать различия в пирамидах, но вскоре прекратил это дело. Единственное, чем они отличались, на его взгляд, — так это степенью разрушения. Зато, даже несмотря на многочисленные трещины и эрозию камня, отчетливо просматривались общие черты: узкие высокие ступени по всем четырем сторонам; глубоко утопленный портал, наглухо задраенный массивной плитой; небольшая зубчатая площадка на самой вершине пирамиды. Редко кое-где в каменной брусчатке просматривались побеги зеленой травы. По всей видимости, с любой

растительностью здесь боролись самым радикальным образом.

Непривычно. Ощущение холодного отчуждения. Точно в Могильниках мир живых пересекается с миром мертвых. И мертвые одерживают верх.

Прежде чем они выбрались к нужному Могильнику, пришлось немного поплутать. Отсутствие каких-либо указателей сбило с толку даже Дарину. Но задержка не стала критической. Возле одной из пирамид (с четкими, острыми гранями без намека на эрозию) собралось несколько человек. Двое в черных длинных балахонах – адепты Дома Жизни, с десяток снующих туда–сюда коротконогих карликов и трое в дорогих цветастых одеждах, расшитых серебром и золотом.

Тут же стояли низкие повозки, запряженные двойкой кряжистого вида зомби. Даже не повозки – волокуши на небольших колесах, с широким основанием, на котором рядами разместились неподвижные тела, закутанные в белые саваны. Станных транспортных средств оказалось немало – не меньше десятка. И на каждом штук по пятнадцать тел. Немалая работа.

— А эти что тут делают? — вполголоса спросил Сергей, указав на нарядную троицу. Двое мужчин (улыбаются, что-то без умолку говорят, при этом друг друга не слышат) и молодая женщина – красивая, но с холодным колючим взглядом. С такой ухо держи востро. На ухажеров не смотрит, на лице застыла маска раздраженного ожидания. Давно стоят?

— То же, что и мы, — так же тихо ответила Дарина.

Один из адептов Дома Жизни вопросительно уставился на подошедших.

— Приветствую. Меня зовут Здебор Вятич, адепт Золотых башен.

— Да–да, — кивнул человек в черном. — Нам сообщили о вас. Можете присутствовать. Как и полагается – интересующее вас тело будет погребено в числе первых.

Сергей поймал на себе презрительные взгляды троицы.

На деле вся церемония погребения вылилась в череду нескольких повторяющихся действий. Один адепт Дома Жизни выкрикивал номер и полное имя, которые он вычитывал из свитка желтой бумаги. Второй адепт следил за погрузкой и иногда исчезал в портале пирамиды. Непосредственно погрузкой и транспортировкой тел внутрь Могильника занимались коротконогие карлики.

Когда первая повозка опустела, Сергей услышал имя: Судиша, сын Далибора. Троица в дорогих одеждах встрепенулась. Лицо женщины на мгновение просветлело, а потом вдруг нахмурилось, губы задрожали, а в глазах появились... слезы? На нетвердых ногах она подошла к указанному адептом телу, опустилась возле него на колени. Дрожащие руки обхватили голову мертвого старика. Его глазницы впали, кожа натянулась, точно вот–вот порвется. Женщина хотела было коснуться лица покойного поцелуем, но передумала – провела пальцами по его губам. Что-то прошептала. Подняться ей помогли двое сопровождающих. С горящими глазами они шептали ей слова утешения, некоторые из которых долетели до Сергея. Женщина немного постояла, слабо вздохнула и медленно направилась прочь. Но уже через десяток шагов ее походка стала увереннее, плечи расправились, а голова поднялась.

Сергей внутренне поморщился.

— Судиша – владелец нескольких кожевенных домов и кузниц. Поднялся с самых улиц. Сам был хорошим мастером. Его товар до сих пор ценится весьма высоко. Влиятельный человек.

— Был влиятельный. Ничего, зато вдове будет на что скоротать одинокие деньки.

Дарина только невнятно хмыкнула.

— Искра, — громко произнес адепт Дома Жизни.

Сергей подошел к телу девушки. Та лежала с краю деревянного основания, обитого металлом. Бледная, укутанное в белое. Точно невеста на выданье.

Говорить ничего не хотелось. Обещать – тем более. Все, что мог, он сказал еще там, на речной отмели. Громкие фразы ни к чему.

Рука сама собой скользнула к шее, обхватила половинку четырехлистного клевера. В горле встал ком. Несправедливость случившегося в старом городе угнетала. Они почти спаслись, почти выбрались. Не хватило всего чуть-чуть. Ощущение собственной вины тяжелым грузом тяготило плечи. Глупо обижаться на неудачу. Удача им сопутствовала всю дорогу. Изменила лишь в самом конце. На двоих не хватило.

— Покойся с миром, — сорвалось с его губ, когда бездыханное тело девушки подняли над землей и понесли в темный провал пирамиды.

Вот и все.

Обратно шли медленно. Сергей находился в легкой прострации, а Дарина не торопила его.

— Что думаешь делать дальше? — спросил Сергей.

— Посмотрю на твои раны, — пожалала та плечами.

— Нет. Расследование-то завершено. Маг убит, причины ясны.

— Ты об этом, — вздохнула она. — Пока не знаю. От меня потребуется подробный доклад. Надо сложить все в голове, чтобы потом не оказалось, что о чем-то не подумала.

— Сложишь. Все оказалось и проще, и сложнее, чем думалось сначала. О мертвяках, которых поднимают желтоглазые, в Золотых башнях наверняка уже знают. Все остальное почти понятно.

— А что непонятно – уже не узнать, — подытожила Дарина.

— Скорее всего.

Они прошли еще немного, когда Сергей резко встал.

— Подожди. Тело Здебора Вятича нашли в районе центрального Могильника, — сказал он. — Ты знаешь, где это?

— Да. А зачем тебе?

— Давай посмотрим.

— Зачем? — все еще не понимала Дарина.

— Не пойму, как он оказался здесь. Если церемония проводилась в лаборатории, то какого беса он, смертельно раненный, оказался здесь? По всему получается, что в его теле уже был я.

— А ты этого не помнишь?

— Нет. Очнулся уже в подвале Дома Жизни. При этом в тело помощника дух мага из транспортной призмы переместился мгновенно. И никакой адаптации. С магическими способностями – проблема. Такое есть. Но с восприятием мира и управлением новым телом никаких трудностей. По крайней мере, внешне.

— Интересно... Но если первый ритуал пошел не так, как планировалось, то вполне возможны непредвиденные эффекты.

— Временное помутнение рассудка, что ли?

— Не знаю. Я не эксперт.

— Тогда пойдем, осмотрим центральный Могильник. Ничего не теряем.

— Тебе нужен лекарь.

— Помню. Но мы ненадолго.

— Хорошо, иначе не уймешься, пойдем. Только смотри по сторонам. Особенно мозолить глаза адептам Дома Жизни ни к чему. Прогулки по Могильникам не поощряются.

— А что сделают?

— Ничего. Выгоняют.

— Как-то не очень страшно.

Дарина осмотрелась и направилась вглубь Могильника. Сергей же не понимал, как здесь можно ориентироваться?

— Скажи, здесь хоронят только тех, за кого заплатили? — спросил он.

— Нет, конечно. Плата – это гарантия, что тело того или иного человека не станет Воскрешенным.

— То есть платят и за воскрешение, и за не воскрешение?

— Да. По-разному. Кто как. Некоторые платят деньги за то, чтобы тело их усопшего родственника или друга похоронили. Другие платят, чтобы близкий человек навсегда остался рядом.

— Но это же кукла – не больше.

— И что? Вполне себе живая кукла. Разве что не разговаривает и на ощупь холодная. Но это не всех останавливает.

— Останавливает от чего?

Дарина взглянула на него, как на идиота.

— От совместного ложа.

Сергея передернуло от омерзения. Некрофилизм? Отлично! Впрочем, чему удивляться? Вполне ожидаемо. Кто-то просто обязан был додуматься до подобного использования живых трупов.

— Вот он, — Дарина указала на пирамиду, по крайней мере, вдвое превышающую все остальные как в высоту, так и площадью основания.

Каменная громадина стояла в кольце нескольких фонарей, сейчас не горящих. Ступени пирамиды практически стерлись. На мостовой в беспорядке валялись останки ржавого оружия и доспехов.

— Что это? — спросил Сергей, присев возле зазубренного клинка без рукояти.

— Только не касайся, — одернула его Дарина. — Это оружие предков. Считается, что во времена мора именно им они защищали захоронение своих родных и остатки уцелевших семей от посягательств падальщиков. Твари обезумели от голода и наглости. Они собирались огромными стаями и вырезали небольшие города. Убивали живых, пировали над мертвыми. Здесь им не удалось пройти.

Сергей поднялся на ноги.

— Понятно. У вас сохранились книги о том, что было до мора, до темных веков?

— Предания, летописи. Их сохранность лежит на волхвах.

— Могу я что-то прочесть? Чтобы без приукрас – только факты.

— Не знаю. Здесь я тебе не помощник. А зачем тебе?

— Хочу узнать вашу историю.

— Любишь ты задавать вопросы, — неодобрительно покачала головой девушка.

— Знаю. Но ничего не поделаешь – натура такая.

— Ну, почему не поделаешь... средства найдутся. Поверь. Дознаватели Золотых башен

не только спрашивают, но и заставляют замолчать. Навсегда.

— Убивают или вырывают язык?

— Ближе ко второму. Делают небольшой надрез вот здесь, — она коснулась места чуть ниже подбородка. — Сквозной. Щипцами вытаскивают язык, а потом втыкают в него несколько небольших крючьев с грузом. Вес груза постепенно увеличивают. Человек при этом обездвижен.

— Спасибо, понял, — поморщился Сергей. — Остальное я представил. Ну, что осмотримся по-быстрому? Ищем любые следы присутствия Вятича. Кровь, клочки одежды, что угодно...

Дарина кивнула, но энтузиазма в ее взгляде не наблюдалось. Хотя Сергей и сам не особенно надеялся на удачу. Слишком здесь чисто, если не считать разбросанных останков древнего оружия.

Они разошлись, начали обходить пирамиду с разных сторон. Сергей всматривался в камень под ногами, пытался охватить взглядом прилегающую к Могильнику площадь. Знать бы точно, где было обнаружено тело. А так — поиски иголки в стоге сена. Да и вообще странная манера — уничтожать следы преступления. С таким подходом всевозможным убийцам просто раздолье. Даже не надо предпринимать серьезных мер к заметанию следов. За тебя все сделают другие.

За такими мыслями он остановился напротив портала, закрытого массивной плитой. По периметру плиты шла вязь вырезанных в камне символов. Сергей подошел ближе. Символы покрывала сеть мельчайших, еле различимых трещин. Но на самом камне никаких трещин не видно. Странно. Впрочем, какая разница?

Сергей помотал головой, зажмурился. Ощущение, будто череп распирает изнутри. Сказывается кровопотеря? Он отступил на несколько шагов, глубоко задышал. Все прошло. Похоже, Дарина оказалась права — без лекаря не обойтись. Теперь о собственном здоровье надо бы думать больше. В конце концов, к прошлому телу возврата нет. Придется жить с тем, какое есть.

— Как успехи? — негромко окликнула его Дарина, выходя из-за угла пирамиды.

— Дохлый номер. Ничего.

— У меня тоже. Значит, возвращаемся. Надо еще раз обговорить все, что нам известно. Ты уже думал, где будешь жить?

— Есть одно место на примете...

— Только не Матерь богов.

— Мысли мои читаешь? — усмехнулся Сергей. — Нет, пока не думал. Не до этого было.

— Придется подумать.

— Имение Вятича?

— В правильную сторону думаешь. Это будет непросто, но если повезет... Ладно, идем. Сергей кивнул.

— Минуту.

Он еще раз подошел к порталу, провел пальцами по письменам.

— Почему они в трещинах?

Голову снова сдавило, в ушах появился далекий шум.

— Что за черт? — проговорил Сергей, отступая на шаг.

— Трещинах? — спросила Дарина. — Ты о чем?

— Вот же, — он указал на письмена.

— У тебя жар. Да и выглядишь паршиво, — ее рука легла на его плечо — Давай поторопимся, пока тебе хуже не стало.

— Подожди, — Сергей замотал головой. — Трещины, ты их не видишь?

— Какие трещины?! — не выдержала девушка.

Сергей подошел вплотную к каменной плите, ткнул пальцем в паутину мелких изломов.

— Нет, — Дарина уперла руки в бока.

Странно, но шум в ушах казался знакомым. Не завывание ветра, не шепот набегающих волн, не шелест листья на деревьях. Голоса? Но откуда?

— И ничего не слышишь? — спросил на всякий случай.

— Сергей, ты потерял много крови. Галлюцинации вполне могут быть. И ты уверен, что не отравлен?

Глаза Сергея расширились от озарившей его идеи.

— Подожди еще. Я в своем уме, не подумай.

Оставив девушку с недоуменным выражением на лице, Сергей заозирался, а потом бегом, насколько мог быстро, бросился к соседней пирамиде. С каждым шагом, отделяющим его от центрального Могильника, шум в ушах становился все слабее, пока не исчез вовсе. Голову тоже отпустило.

Кровопотеря? Что-то не похоже!

Он остановился напротив портала ближайшей пирамиды. Сглотнул. Если догадка подтвердится... Выбитые в камне письмена имелись и здесь, но выглядели они так, словно нанесены совсем недавно. Ни намека на трещины. И это, несмотря на то что сам Могильник выглядел довольно старым и побитым стихией.

Сергей проверил еще пять пирамид, прежде чем вернулся к Дарине. Судя по выражению ее лица, девушка готова на все плюнуть и уйти.

— Считай меня больным на голову, но с ним, — он указал на центральный Могильник, — что-то не так.

Девушка молчала, ожидая дальнейших объяснений.

— Не знаю, почему я вижу то, чего не видишь ты. Но на галлюцинации это не похоже. Символы на этой плите, — он указал на портал большой пирамиды, — отличаются от символов на всех других, которые я успел осмотреть. Отличаются наличием трещин. Множества мельчайших трещин. Но и это не все.

Он снова подошел к portalу. В голове зашумело, появилось тягостное давление.

— Иди сюда.

Дарина тяжело вздохнула, подошла.

— Что-нибудь чувствуешь?

— Хочу тебя убить.

— Не сейчас. Прислушайся к своим ощущениям.

Девушка замолчала, ее взгляд устремился куда-то в бесконечность.

— Нет, ничего.

— Там что-то есть, — с уверенностью сказал Сергей. — В Могильнике.

— Да, истлевшие кости.

— Нет. Что-то еще.

— И это «что-то» связано с господином Вятичем?

— Не буду утверждать наверняка, но очень на это похоже. То, что в свои последние минуты жизни он оказался здесь, — не может быть случайностью. Что, если ему удалось

проникнуть в Могильник? Пусть для тебя это звучит дико. Для всех вас звучит дико. Но если ненадолго предположить такую возможность?

— Зачем ему туда? Хотя... — девушка нахмурилась. — Ты же не хочешь сказать, что адепт Золотых башен устроил в центральном могильнике тайник?

Губы Сергея растянулись в улыбке.

— Именно это я сказать и хочу.

— Ключ к искуплению?

— Кто знает... — Сергей отступил от портала — неприятные ощущения не усиливались, но на нервы действовали. — Возможно, та часть Здебора Вятича, которая осталась в этом теле, чувствует присутствие чего-то знакомого. Оттого у меня реакция, а ты ничего не видишь и не чувствуешь.

— Хорошо. Допустим, — сухо сказала Дарина. — Я даже не стану говорить о невозможности подобного тайника. Не сейчас. Вопрос в другом: что ты намереваешься делать со всем этим?

— Войти и посмотреть, — пожал плечами Сергей. — Неплохая идея — спрятать ценность под носом у одного из противников. К тому же в месте, защищенным целым комплексом заклинаний.

— Вот так просто?

— Как получится.

Девушка еще раз осмотрела каменную плиту, провела пальцами по письменам, покачала головой.

— Маг не мог туда проникнуть. Поверь мне

— А адепт Дома Жизни?

— Да. Но... — она резко развернулась. — Помощник Вятича?

— Да, — Сергею такая мысль пришла совсем недавно, но она недостающим элементом как нельзя лучше легла в мозаику всего, что касалось мертвого мага. Прошлого его помощника могло объяснить причину, по которой именно этого человека выбрал Вятич. Кому, как не практику своего дела, вскрывающему трупы, применить мастерство на живых? Кому, как не служителю Дома Жизни помочь в преодолении защитных заклинаний, наложенных на Могильник?

— Это... это... — Дарина не знала, что и сказать. — Никогда не слышала о подобном. Чтобы адепты враждующих домов объединились? Не могу поверить.

— Думаю, больше нас ничто здесь не задерживает, — сказал Сергей. — Не будем искушать судьбу. Вдруг кто заметит.

— Идем, — согласилась девушка. Казалось, она до сих пор не пришла в себя от осознания возможного союза, о котором ранее не могла и помыслить.

— У тебя есть план? — наконец спросила она, когда оба уже сидели в повозке, медленно отъезжающей от Могильников.

— Нужен помощник. В идеале — человек из Дома Жизни.

— У меня нет таких связей, — покачала головой Дарина.

— А если обратиться к ним напрямую? Попросить о вскрытии Могильника.

— Для этого у тебя должны иметься очень веские аргументы. И очень надежные доказательства. Очень! — она выделила голосом последнее слов.

— И магов они слушать не станут. Так?

— Так.

— Значит, придется обратиться к тому, кто наиболее тесно с ними работает.

— Только Сборщики... – задумчиво проговорила девушка.

— Я как раз одного знаю, — ухмыльнулся Сергей.

Дарина протяжно выдохнула. Некоторое время она молчала, наконец заговорила.

Быстро и отрывисто.

— Хорошо. Сейчас – привести тебя в порядок. Не спорь. Посмотрим, в каком ты состоянии. Потом, если все в норме, я отправлюсь в деревню. Скорее всего, Сборщик еще там. Ты отдыхаешь, ждешь нас.

— Небольшая поправка. Думается, нам понадобится снаряжение. Веревки, факелы. Возможно, какое-то альпинистское снаряжение. Немного еды...

— Какое снаряжение?

— Штурмовать стены. Ты лучше знаешь, как организованы помещения внутри Могильника, но мне кажется, что лишний моток веревки и пара крюков лишними не будут.

— Тогда придется подождать. Сегодня закупимся всем необходимым, а завтра за Сборщиком.

— Предлагаю разделиться. К чему тянуть время? Я слетаю в деревню. Дорогу найду думаю. А ты пойдешь по магазинам. Город ты знаешь куда лучше меня.

— Все тебе не так, — усмехнулась Дарина. — Ладно, уговорил. Но сначала я тебя все-таки осматрю.

— По рукам.

— Кажется, никакую заразу не подхватил, — констатировала Дарина, когда они оказались в ее укрытии.

Сергей сбросил верхнюю одежду, остался в одних штанах. Как ни странно, но разрезы на груди не болели, а их края почти стянулись. Зато рана на боку хоть больше и не кровоточила, но имела прескверный вид, точно ее прижгли, а потом снова разворотили. И, тем не менее, на какой-то пахучий порошок, что посыпала на нее девушка, реакции нет.

— Что это? — спросил Сергей.

— Змеиный глаз – должен показать наличие в крови яда. Или ядов. У тебя все чисто.

— Отлично. Тогда давай быстрее заканчивать. Хотелось бы до деревни добраться засветло.

— Смотри, не попадись на глаза дознавателям. Да и селянам тоже ни к чему. Сболтнут еще лишнего. Сразу к часовне. Сборщик наверняка там. Я надеюсь...

— А что это он сделал с Драганом? — спросил Сергей.

— Не хочу даже думать об этом, — замотала головой Дарина.

— Почему?

— Потому что всем известно – Сборщики не убивают людей. Никогда. Это непреложный закон.

— Похоже, наш друг не в курсе.

— Не вздумай ему напомнить об этом, — ее глаза полыхали нескрываемым беспокойством.

Сергей молчал.

— Ты слышишь?! — Дарина повысила голос. — В мире существуют вещи, о которых не следует знать. Ты же слишком любопытен.

— Хорошо-хорошо. Успокойся, — Сергей взял девушку за плечи. — Я все понял.

Несколько секунд она смотрела на него так, словно вот-вот разрыдается. Но нет –

дернула головой, моргнула – и вот уже снова готова действовать.

Они расстались у двери убежища. Сергей уселся на козлы повозки и направился к городским воротам. Дарина осталась провести инвентаризацию имеющегося снаряжения. За остальными вещами отправится позже.

Управлять повозкой оказалось проще, чем лошадьё. Зомби слушались малейшего движения поводеёв. Вовремя останавливались, не пропускали нужных поворотов. До ворот добрались быстро. Тут же Сергей сдал повозку и обзавелся тонконогой лошадкой. Теперь, зная о потенциальном тайнике Здебора Вятича, хотелось притормозить время, чтобы разложить все по полочкам. Сесть и в спокойной обстановке все обдумать. Но со спокойной обстановкой проблема. Казалось, будто все вокруг только и делают, что смотрят в спину, провожают взглядами. Что-то подозревают, о чем-то догадываются. Мания преследования в чистом виде. И Сергей это отлично понимал, но не мог избавиться от дурного чувства слежки. А потому торопился так, как только мог.

Все-таки ожидание томило. Покончить со всеми делами и таинственностью – и отдохнуть. Неделю. Или месяц. И обустроиться. И выспаться. И наконец-то понять, что такое из себя представляет магия? И...

Планов огромная куча – только успевай разгребать. Однако всему задуманному могут помешать твари из другого мира. Или другой вселенной. Или другого отражения. Черт те знает, как всю эту катавасию правильно назвать. Но как ни назови – суть от этого не меняется: желтоглазые ублюдки ведут себя все более нагло. А значит – чувствуют собственную силу. Интересно, со смертью настоящего Здебора Вятича преследование его преемника, Сергея, закончится? Или тварям все равно, чье сознание сидит в теле человека? Главное – им известна внешность противника.

За размышлениями и планированием примерного ближайшего будущего Сергей добрался до того места, где следовало съехать с большого тракта. Теперь начиналось интересное: выбрать в лесу нужную тропу, не сбиться на многочисленных поворотах и развилках. Задача не самая простая. И все же с ней придется справиться.

Сергей постарался выбросить из головы все посторонние мысли и сосредоточиться только на тропе и окружающем лесу. Он всматривался в деревья и кусты, пытался припомнить какие-то приметные объекты, ориентиры.

Несмотря на всю внимательность и сосредоточенность, ошибок избежать не удалось. Несколько раз тропа раскрывалась то глубоким рвом, то вырубкой, то журчащим ручьем или чем-то еще таким, чего в прошлый раз точно не было. Приходилось возвращаться до ближайшей пройденной развилки, а то и дальше. В конце концов, к деревне он все же выехал, но потерял на блуждание по лесу кучу времени. Солнце уже клонилось к верхушкам деревьев, а в подлеске и вовсе начали сгущаться тени.

Впрочем, даже эта медлительность оказалась на руку. Сергей не стал торопиться. Он отъехал от тропы, спрятался за деревьями так, чтобы видеть все, что происходит в деревне. Лошадку привязал тут же – пусть отдыхает.

Деревня выглядела тихой и умиротворенной. Если бы не черные пятна недавних пожаров, то и не предположить недавнего ожесточенного нападения мертвяков. На улицах люди. Немного – и не вооружены. Значит, повторного нападения не опасаются. Где-то здесь должны быть и маги. Но не видно ни одного. Или сидят в домах, или шастают по погосту. Больше податься некуда.

Сергей дождался, пока солнце покинет небосвод, — и только тогда пешком выбрался из

леса. В сгущающемся полумраке он чувствовал себя куда комфортнее, чем на свету. Меньше опасность попасться кому-то на глаза. А добраться до часовни – не проблема.

Он сделал большой круг, обходя деревню, — и вышел к искомому зданию. Осмотрелся, прислушался. Вроде бы поблизости никого. Не видно и мертвецов. Ни селян, ни пришедших с погоста. Уже похоронили?

Стараясь ступать как можно тише, Сергей подобрался к часовне, заглянул внутрь. В свете всего одной небольшой свечи на полу, на коленях, сидел человек. И не разглядеть, кто именно. Сергей постучал в косяк двери – будь что будет, а стоять и гадать он не собирался. Человек медленно развернулся. В отблесках свечи показалось знакомое лицо с черными провалами глаз. Сборщик.

— Не помешаю? — спросил Сергей, входя в часовню.

В ответ тишина. Не узнал или ждет развития разговора?

— Нужна твоя помощь. Это важно.

Сборщик поднялся на ноги, но по-прежнему хранил молчание.

— Как здесь дела? — спросил Сергей, заподозрив неладное.

— Нормально, — наконец-то соблаговолил ответить Сборщик.

— Дознаватели прибыли? Что с погостом и лесом вокруг него?

— Прибыли. Не вылезали оттуда весь день. Нашли много интересного. С местными почти не разговаривали.

— Хорошо, — от сердца отлегло. — У меня есть новые сведения. Они странные и могут показаться полным бредом. Но проверить их я бы очень хотел.

— И для этого нужна моя помощь?

— Да.

— Слушаю.

И снова пересказ последних суток. С той лишь разницей, что теперь к случившемуся в лаборатории под Матерью богов прибавилось неожиданное открытие в Могильниках.

— Чем могу помочь я? — спросил Сборщик, выслушав рассказ. По его лицу невозможно было понять – поверил ли он услышанному или нет? Да и слушал ли вообще?

— У меня нет уверенности, что смогу открыть центральный Могильник. Мне нужна консультация. Нужен человек, который работает с Домом Жизни, знает его... тайны, чего скрывать. Кроме тебя – других кандидатур у меня нет.

— Я же уже сказал: желтоглазые – не дело братства.

— Тебе не кажется, что ты уже вышел за рамки, в которых это самое братство действует? — громко прошептал Сергей, подавшись вперед.

Лицо Сборщика дрогнуло. Хотя, возможно, это всего лишь отблеск пламени свечи.

— Раз уж ввязался в игру с желтоглазыми – дойди до финиша. Осталось немного. Последний шаг.

— Тебе даже не понадобится помощь братства, — проговорил Сборщик. — Тебя заберут adeпты Дома Жизни. Или замуруют в могильнике. В назидание другим дуракам.

— Принцип не вмешиваться в дела простых смертных – это что? Кодекс или привычка? А может быть, страх? Твои предки, те, кто шел через мертвые деревни и города, пытались остановить мор, у них тоже был какой-то особенный кодекс? Наверняка каждый из них боялся остаться наедине с эпидемией и ее порождениями. И все же они шли. Почему они делали это, Сборщик?

— Это было давно. Была необходимость. Кто-то должен был заняться чисткой.

— Значит все дело в необходимости? И только? Рационализм во главе угла?

— Да.

— Отличный щит. Тогда готовьтесь, Сборщик. Я очень не хочу, чтобы ваш рационализм оказался втоптан в грязь теми, тела которых вы так ревностно собираете. Вы держитесь особняком. Но поможет ли это выжить?

— Мы вне споров и интриг. Мы – работаем.

Сергей тяжело выдохнул. Упертость Сборщика бесила так же сильно, как и нарастающее чувство беспомощности.

— Зачем ты встал между мной и Драганом Эйчем? Почему не остался вне нашего спора?

— Забудь об этом.

— Зачем?!

Резким движением Сборщик впечатал Сергея в стену. Голова откинулась назад, с силой приложилась о дерево. В глаз вспыхнули яркие искры. Но Сергей не торопился нанести ответный удар.

— Ничего не было, — прошипел Сборщик. — Ни-че-го!

Его хватка ослабла.

— И никто до сих пор не догадался о природе вашей силы? — ровным голосом спросил Сергей. Он провел языком по деснам: во рту ощущался металлический привкус.

— Что?!

— Ведуны ведь гонимы, так? Их преследуют все – и оба дома, и Золотые башни. А еще считается, что ведунов почти не осталось. Кто бы знал, что они ходят под самым носом? В открытую, не таятся. Только стараются не вмешиваться в чужие дела...

— В своем ли ты уме?! — лицо Сборщика перекосилось в гримасе.

— Вполне. Вы черпаете силу в смерти других людей. Вернее будет сказать: и в смерти тоже. А когда убиваешь сам, сила захлестывает? Наверняка. Даже тот, кто мгновение назад стоял не краше мертвяка, распрямляется и снова готов жить. Готов перетаскать на себе все трупы – и даже не сбить дыхание.

Сборщик отступил на два шага, отвернулся.

— Я должен тебя убить, — проговорил спокойно. — Добрых советов ты не слушаешь, продолжаешь копать. А это очень вредно для здоровья.

— И что изменится?

— Все останется по-прежнему.

— Ничего по-прежнему не останется. Ты был на погосте, был, когда мертвяки вошли в деревню. Скажи мне откровенно: считаешь это временным неудобством?

Он молчал долго. Сергей уже начал было думать, что Сборщик вовсе не собирается отвечать.

— Я считаю это... – слова явно давались ему с трудом. — Опухолью. Разрастающейся с каждым днем.

— Так помоги мне. А потом поговорим – туда я копаю или нет. Прятаться не стану, если вдруг окажется, что все мои опасения ничего не стоят.

— И не спрячешься, — хриплым голосом проговорил Сборщик. — Он постоял еще немного, взглядываясь в пламя свечи. — Жди у леса. У тропы.

Не сказав больше ни слова, Сборщик покинул часовню.

Сергей вышел в ночь, подставил лицо порывам прохладного ветра. Что ж, можно

считать – разговор получился. Немного нервозный, ну так главное – результат. Можно уходить. Он снова обогнул деревню, с некоторым трудом отыскал оставленную лошадку. На его зов животное и не вздумало откликаться. Выдал лошадь единственный звук – треск переломленной ветки.

Сборщик прибыл спустя примерно полчаса. К этому времени ночь набухла непроглядным мраком. Сергей ничего не видел уже в нескольких шагах от себя. Но спутника темнота, судя по всему, нисколько не смущала. Он только бросил Сергею веревку.

— Привяжи к луке или держи в руках. Поедешь за мной.

— Ты сам-то что-нибудь видишь?

— Да.

Сергей не стал спорить. И правильно сделал. Сборщик правил с такой уверенностью, будто вокруг не лесная темень, а просторная, хорошо освещенная улица. Сергею оставалось лишь не уснуть на ходу и не вывалиться из седла. Впрочем, бодрости способствовали ветви деревьев, которые нет-нет – да хлестали по лицу.

По тракту ехать стало проще и светлее. словно сжалившись над ночными путниками, на небе появился месяц.

Въехав в город, Сборщик остановился.

— Могильник осмотрим завтра ночью. Мне надо навести кое-какие справки, подготовиться. Я найду вас.

Еще только выезжая из деревни, Сергей думал, что посетить место предполагаемого хранения ключа получится и сегодня. Но пока добрался до города – удерживался в седле лишь отчаянной силой воли. Усталость накатила жуткая. Даже, скорее, не столько усталость, сколько сказались последствия от пребывания в лаборатории Здебора Вятича. Тело болело. Не особенно сильно, но нудной, пульсирующей болью, отдающейся в голове. Потому и слова Сборщика он воспринял с большим воодушевлением. Еще день ничего не решит.

Дарина встретила его во всеоружии. На полу и без того слабо прибранной комнаты разложены предметы, которых раньше здесь не было.

— Уже?! — воскликнула она, вскочив на ноги: в руках – нечто, похожее на наручи, но с креплениями для плоских лезвий. Метательные ножи?

— Да, — проговорил Сергей. — Ночь и день, чтобы подготовиться и отоспаться. Завтра ночью попробуем вскрыть Могильник.

— Он согласился? — в ее голосе звучало недоверие.

— Сам до сих пор не верю, но да – согласился.

— Отлично. Хотя не уверена, что его опыт и знания смогут нам пригодиться.

— По крайней мере, мы сделали все, что могли.

— Расскажешь об этом дознавателям, — усмехнулась девушка.

— Спасибо на добром слове, — в тон ей ответил Сергей. — Что у нас с амуницией?

— Смотри, — Дарина отошла в сторону. — По-моему, должно хватить. Даже с избытком.

Меньше всего сейчас Сергею хотелось рассматривать что-либо. Тепло, исходящее от камина, действовало получше всякого снотворного. Тело стремительно теряло силы, превращаясь в студенистый пудинг.

На полу лежали два свертка с какой-то черной одеждой. Рядом – кусок мела и части кожаных доспехов. Сергей узнал только нагрудник и поножи. О назначении полукруглых

накладок, прошитых металлическими клепками, можно только догадываться. Два мотка тонкой веревки, крючья черного металла, несколько факелов. Дальше – сложнее. Несколько пузырьков, плотно обмотанных бечевой. И пара клинков в простых потертых ножнах. Сергей аккуратно вытащил один клинок – длиной в предплечье, с широким лезвием, отливающим алым. Причем алые всполохи рождались внутри самих клинков, а не падали на них из камина. Будто держишь не кусок стали, а застывший лепесток огня. Легкий. Удобная теплая рукоять, но рука не потеет и не скользит. По балансировке и прочему сказать сложно, но ощущение от оружия такое, будто только что нашел нечто, давно утерянное, но не позабытое. Напротив – долгожданное и родное.

— Что это? — спросил Сергей, с восхищением всматриваясь в алые переливы. Клинок горел.

— Взяла на всякий случай. Вещь смертельно опасная. Для обеих сторон. Если не умеешь пользоваться – лучше и не братья. Эти клинки зачарованы в кузнях Золотых башен.

— Откуда они у тебя?

Девушка неопределенно повела плечами.

— Достались в счет оплаты...

— Дорогие?

— Они стоят своих денег. Будь уверен.

Сергей нехотя убрал оружие обратно в ножны.

— Зачем два?

— Один для тебя. Мало ли что. Страховка.

— Сама же сказала: не умеешь пользоваться – не бери. К тому же... думаешь, все может обернуться настолько плохо?

— С тобой возможно все... Смотри.

Дарина отошла к нагромождению всевозможного мусора, вернулась, неся в руке толстый металлический прут. Темный металл покрывала ржавчина, но вряд ли она сильно умаляла прочностные качества прута. Подняв огненный клинок, девушка резко взмахнула им и рубанула по пруту. Кусок темного металла с глухим звуком упал к ее ногам. Гладкий срез алел ярко-красным. Вслед за куском прута упали капли раскаленного металла.

— Ничего себе, — с уважением проговорил Сергей. — Так для них нужны и ножны специальные.

— Конечно. Ножны тоже зачарованы. Я не применяла эти клинки без особой нужды. Каждый удар ослабляет наложенное на них заклятие. Когда-нибудь оно исчезнет, и тогда металл распадется прахом.

— Я буду иметь в виду, — кивнул Сергей. Осматривая диковинное оружие, он немного проснулся, но теперь вновь неотвратимо погружался в сон. — Посплю немного, — сказал он, присаживаясь у камина. Он попытался стащить с себя одежду – и провалился в беспамятство.

Весь следующий день прошел в непривычном безделье. Отдых разбавлялся лишь попытками Дарины преподать Сергею базовые уроки, как следует держать в руке меч и что с ним делать. Простые и внешне легкие движения девушки давались Сергею с большим трудом. Он ощущал себя беременной коровой, которую жестокий хозяин выгнал на лед. Тело мага оказалось настолько закаменелым, что, в конце концов, все обучение вылилось в ту часть, где рассказывается не о том, как поразить противника или защитить себя, а как не поранить себя своим же клинком.

Дарина явно сильно сомневалась в целесообразности доверять такому неуклюжему типу столь ценное оружие, но от первоначальной задумки так и не отступила.

Вечером, после того как Сергей нацепил на себя кожаные доспехи, а сверху натянул нечто вроде черного маскировочного халата, он понял: учиться в этом мире предстоит многому. На одной магии далеко не уедешь, если не знаешь элементарных вещей. А даже самостоятельно зафиксировать нагрудник оказалось делом довольно утомительным. Зато результат превзошел все ожидания. Сергей почувствовал себя настоящим средневековым рыцарем. Правда, быстро выбросил такие мысли из головы. Его все еще сопровождает относительная удача, но не стоит ею злоупотреблять. Все может легко измениться в любой момент.

— Здесь есть несколько потайных карманов, — рассказывала Дарина.

Карманы действительно нашлись. Не потайные – скорее, удобно расположенные в нагруднике, на руках и ногах. Ничего крупного в них не положить, но для мелочевки вполне сгодятся – драгоценностей каких, к примеру.

В дверь постучали. Дарина взвилась с пола ощеренной кошкой. В руках пара метательных ножей. Сергей распустил уже привычные огненные нити.

— Открою, — сказал он.

Несколько осторожных шагов – толкнуть дверь.

— Вас нелегко найти, — сказал Сборщик. — Все готово?

— Вот тебе и тайное убежище, — усмехнулся Сергей. — Пора менять лежку, — обернулся к Дарине.

— Давно пора, — кивнул та. — Все в силе?

— Да, — сказал Сборщик.

— Надеюсь, нам повезет, — Сергей вышел на улицу.

— Везения не существует. Если ты не все предусмотрел – я позабочусь о твоём теле.

— Тогда я спокоен.

До Могильника добирались каждый своей дорогой. Как намеревались преодолеть свою часть Сборщик и Дарина – Сергей не знал. Сам он отправился на повозке, запряженной зомби. Но вплотную подъезжать к Могильникам не стал. Оставил повозку в квартале от места назначения, остальной путь проделал пешком.

Как ни странно, но никакой охраны адепты Дома Жизни не выставляли. Похоже, полностью полагались на магическую систему защиты. С одной стороны – это и хорошо, не придется скрываться в тених, боясь быть обнаруженным проходящим патрулем. Но, с другой стороны, настораживала уверенность адептов, позволяющая им обходиться без живой охраны. Как бы то ни было, но продвигался Сергей осторожно, держась в стороне от освещенных пятен улицы.

Сами Могильники не освещались. Даже центральный, хотя Сергей отлично помнил: возле самой большой пирамиды светильники были. И снова экзамен на ориентирование на местности. Только вместо леса – город каменных склепов. Каждый из которых – точная копия соседа. Место довольно жуткое. Особенно если представить, что под твоими ногами лежат тысячи захороненных тел, каждое из которых вовсе не обязательно обрело вечный покой.

До искомого Могильника Сергей добрался. Его уже ждали.

— Долго, — прошептала Дарина.

— Как смог.

— И что здесь? — спросил Сборщик. Он стоял у самого портала и пристально всматривался в письмена на каменной плите.

— Трещины по всему периметру. По буквам.

— Это руны.

— Плевать. Пусть по рунам, — Сергей поморщился. В ушах появился далекий шум.

Сборщик покачал головой.

— Хорошо. Что будет, если я попытаюсь отодвинуть плиту? — спросил Сергей.

— Сработает сторожевая система, а затем здесь появятся adeпты Дома Жизни, — сказала Дарина.

— Как быстро они появятся?

— Почти мгновенно, — сказал Сборщик. — По Могильникам разбросаны выходные колодцы. Где? Не знаю. Но возле центрального Могильника такой наверняка есть.

— Отлично! То есть, если у меня ничего не получится, результат мы узнаем сразу?

— Да.

— Тогда отойдите. Я попробую открыть его. Если не получится, вас здесь не было.

Дарина усмехнулась.

— Если у тебя не получится – отсюда не уйти. Так что давай, действуй, раз уверен.

— Если бы был уверен... – пробурчал Сергей.

Он сглотнул наполнившую рот слюну. Потер ладони. Шум хоть и тихий, но давит на нервы. Еще и в голове нарастает давление. Отличное состояние, чтобы сосредоточиться!

Сергей прикрыл глаза, попытался максимально освободить разум. Затем сосредоточил все внимание на плите. Он почти не видел ее и уж тем более не мог различить ни единой руны или трещины. Но он чувствовал камень, чувствовал его неоднородность, его напряжение. Он проник в него, сквозь него – и вернулся обратно. Не монолит, но все же реальная преграда. Плита состояла из множества мельчайших фрагментов – пазлов. Тронь один – и рассыплется вся конструкция.

Сергей перестал дышать.

— Нашел, — проговорил одними губами.

Он вновь потянулся к плите – переплетение множества тончайших нитей, удерживающих всю конструкцию в равновесии. Уцепиться за узел... потянуть на себя...

— Ничего себе! — услышал он голос Дарины.

Плита распадалась в мельчайшее крошево буквально на глазах. Массивный монолит, что казался незыблемым, стекал на мостовую горой жесткого песка.

— А теперь ждем гостей, — проговорил Сергей. Шум в ушах усилился, в лицо пахло спертым сухим воздухом. А ведь там, внизу, вполне может оказаться какая-нибудь зараза, вроде древнего вируса. Но что сделано, то сделано.

Время текло напряженно–медленно, но тишину Могильников не нарушил ни единый посторонний звук.

— Похоже, ты оказался прав, — тихо проговорила Дарина. — По крайней мере, в том, что Могильник открывали.

— Не будем медлить, — сказал Сборщик и первым вошел в затхлую темноту портала.

Сергей последовал за ним, засветил осторожные нити. Сборщик обернулся, на его лице проскользнуло недовольное выражение. Но ничего не сказал. Еще бы – не все видят в темноте, как он.

Они оказались в замкнутой камере, в центре которой, в полу, зияло отверстие с

уходящей вниз каменной лестницей. В самой камере нет ничего примечательного: стены песочного цвета кое-где украшены резьбой, но большей частью – голые. Потолок низкий, с какими-то пирамидальными выступами по всей поверхности.

— Смотрите, — ровным голосом проговорил Сборщик, указывая на ступени.

Их припорошило мельчайшей пылью, в которой отчетливо просматривались следы человеческих ног.

— Тоже мне! — фыркнула Дарина. — Вскрыть центральный Могильник – и так глупо наследить.

— Возможно, они торопились, — предположил Сергей. — Вряд ли Вятич планировал чтобы его тело нашли возле места, где он спрятал свое главное сокровище.

— В этом есть резон, — согласился Сборщик. — Но продолжим, — он было начал спускаться, когда Сергей остановил его уверенным окликом.

— Стой. Первым пойду я.

Сборщик обернулся, его брови еле заметно сошлись к переносице.

— Ты не знаешь, куда идти, — сказал Сергей.

— А ты? — спросила Дарина.

— Я – знаю.

Не совсем правдивый ответ. Сергей понятия не имел, куда следует поворачивать на очередном повороте и на какой уровень придется спуститься. Зато он чувствовал зов, исходящий из глубин Могильника. В нем нет слов, нет смысла. Он – набор шелестящих звуков в ушах, распирающее голову давление. Идти можно даже с закрытыми глазами, положившись только на ощущения.

Сияющие алым нити рассекали темноту. Первый же уровень захоронений встретил путников десятками ниш, заполненных истлевшими телами. Ниши располагались прямо в стенах, вдоль длинных коридоров, в несколько ярусов. За долгие годы многие останки успели превратиться в пыль. Многие, но не все. В некоторых нишах сквозь прорехи пыльных саванов просматривались очертания усохших до состояния мумий тел.

— Почему они выглядят по-разному? — спросил тихо, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Разная обработка, — отозвался Сборщик. — Первый Могильник – несовершенство методик.

Сергей кивнул. Говорить тяжело. В горле першит. Кажется, что мрак коридоров заполнен мельчайшей взвесью. Не то пыли, не то какого-то газа. Взвесь забивает носоглотку, впитывается в слизистую, оставляет после себя стойкий приторный запах. Сколько ни сморкайся, сколько ни пытайся откашляться – ничего не помогает. Ощущение, будто в области носа и еще глубже застыл огромный ком слизи.

Тихие шаги разносятся по Могильнику. Уже и не понять: то ли ступаешь сам или твои спутники, а то ли коридоры вовсе не так пусты, как кажется. Что это? Игры собственного воображения или причуды эха, вырвавшегося на свободу спустя сотни лет со дня заточения? Сотни ли? Сергей не знал.

Самый верхний уровень захоронений сменился вторым, затем третьим. Чем ниже спускались путники, тем отчетливее просматривалась древность каменного сооружения. Если поначалу стены были выложены из плотно подогнанных друг к другу прямоугольных блоков, связанных тонким слоем какой-то смеси, то нижние уровни строились из камня необработанного – грубого и угловатого. Впрочем, крепость он сохранил до сих пор.

Сколько Сергей ни вглядывался, но никаких трещин или подвижек кладки не заметил.

Следы, которые путники видели сначала, — исчезли. Либо Здебор Вятич левитировал, либо на нижних уровнях не забывал о маскировке своего маршрута.

Сухая, тяжелая темнота. Точно с каждым шагом на плечи наваливаются все новые груды камней, песка, пыли... черт те чего еще. А шум в ушах уже походит на завывание урагана. И в его столах Сергей различил голоса. Неразборчивые, отчаянные, звучащие на самой границе слуха. Голоса о чем-то взывали... просили?

По спине пробежала колючая дрожь. А что, если убийство всех тех людей в лаборатории Вятича связано с изготовлением артефакта, который сейчас покоится в Могильнике? Что, если неупокоенные души томятся в недрах ключа к искуплению и оттуда вывают к своему мучителю? То ли прося о милости, то ли проклиная.

— Что с тобой? — сквозь шум до сознания Сергея добрался обеспокоенный возглас Дарины.

— А? — обронил он рассеянно.

— Ты еле на ногах держишься.

Сергей обернулся. Резче, чем следовало. В голове кольнуло так, что мир перед глазами поплыл.

— Мы уже близко. Думаю.

Он дышал ртом, отрывисто. Если поиски затянутся надолго — он просто не выдержит.

Ниши с останками захоронений слились в сплошную размытую пелену. Каждый поворот — ожидание того, что они пришли. Ожидание чуда.

Зал с несколькими массивными саркофагами открылся неожиданно. Привычные коридоры расступились, огибая небольшой двухуровневый зал. По верхнему уровню продолжали бежать открытые коридоры — на нижнем, в окружении каменных изгородей, стояли саркофаги.

Сергей перегнулся через невысокий парапет. Его прошиб холодный пот. Неужели они на месте? Вот только как спуститься на нижний уровень? Никаких лестниц не видно. Похоже, подход к саркофагам имеется, но располагается он где-то ниже.

— Это то место? — спросила Дарина, заметив интерес Сергея к саркофагам.

— Вроде того. Не уверен. Надо спуститься.

Девушка заозиралась.

— Если подержите веревку, я спущусь.

— Нет. Если там действительно лежит нечто спрятанное Вятичем, тебя оно может не принять. Так что спускаюсь я.

— Поможешь? — спросила девушка, обернувшись к Сборщику.

Тот недовольно поморщился. Но кивнул.

Несмотря на то что на взятой Дариной веревке имелись специальные узлы, держаться за нее оказалось очень непросто. Руки так и норовили разжаться. Сергей, стиснув зубы, завис метрах в трех над нижним уровнем зала. Но ощущение — точно висишь над бездонной пропастью. В голову волей-неволей лезут черви сомнения. А что, если не удержишься? Что, если сломаешь ноги и руки? Или позвоночник? Останешься в этих сухих затхлых стенах стонущим комком боли. Тебя же и не вытащить наружу — слишком далеко...

Медленно веревка поползла вниз. Слишком медленно, чтобы слабые руки нового тела смогли удержаться достаточно долго.

— Быстрее! — крикнул Сергей.

Пальцы дрожали. Отличное чувство, когда кусок веревки, твое единственное спасение, начинает скользить – и ты понимаешь, что от крайне болезненного падения тебя отделяют даже не секунды – мгновения.

Он все-таки упал. Но с высоты не больше метра. Ноги врезались в пол, подогнулись. Сергей рухнул на спину, приложился затылком о камень. Хорошо – не очень сильно. Перед глазами полыхнул сноп искр – и все стихло.

— Живой?! — послышался голос Дарины.

— Да, — Сергей тяжело сел. Как же плохо ощущать себя дряхлым и слабым. Да что там ощущать – плохо быть таким!

— Подожди, я сейчас спущусь.

— Нет! Я скажу, если понадобится помощь.

Сергей поднялся на ноги: прикрыл глаза, подождал, пока уляжется легкое головокружение. Отдышался. Интересно, а как он поднимется обратно?

Впрочем, об этом можно подумать немного позже. А пока – саркофаги. Пять штук. Расположены вокруг пьедестала с останками какой-то книги. Похоже, сложены из отдельных плит, что не умаляет их массивности. Крышки пригнаны настолько плотно, что и лезвия ножа не просунуть. Никаких украшений. Только гладкий камень и мелкая пыль.

Шум готов разорвать барабанные перепонки. Голова вот-вот треснет. Кажется, что тишины никогда не было и уже не будет. Но если все так плохо сейчас, когда артефакта нет даже в зоне видимости, что будет потом, когда настанет время брать его в руки?

Сергей обошел все пять саркофагов. Ощущения не изменились. Искомый предмет где-то здесь. Но где именно?

Остановившись у пьедестала с раскрытой книгой, дотронулся пальцами до верхней страницы. Та рассыпалась от малейшего прикосновения. Толстый фолиант в кованом переплете рассыпался тленом чуть ли не от дыхания. Сколько же ему лет?

Стараясь не вдыхать клубы поднявшейся пыли, Сергей вернулся к изучению саркофагов. Делать нечего – придется вскрывать все.

Тишину Могильника нарушил громкий протяжный скрежет, когда, повинувшись воле человека, плита на одном из саркофагов начала ползти. Медленно, по миллиметру. Скрежет врезался в сознание, взвивался и тянулся до боли в зубах. Казалось, звук способен вернуть к жизни всех мертвецов, лежащих в пыльных нишах. Всех, кто сам еще не стал пылью.

Сергей действовал направленным потоком воздуха. Очень концентрированным и жестким потоком. Никаких посторонних вихрей и дуновений. Максимальная концентрация в одной точке. Огромная трата сил. Тяжело. Пот струится по лбу.

Он сдвинул плиту сантиметров на двадцать, вряд ли больше, но этого вполне хватило, чтобы заглянуть внутрь. Алые нити проскользнули в утробу каменного мешка, высветили останки человека. Усохший труп оказался облачен в полный кольчужный доспех, его плечи и грудь прикрывали тусклые пластины, с еле различимой гравировкой. По правую руку от мертвеца лежал двуручный меч, слева – круглый щит. Никаких следов присутствия чуждых предметов. Слой пыли лежит ровным, нетронутым слоем.

Сергей сплюнул с досады. Что ж, шансы добраться до артефакта возрастают. Осталось всего четыре саркофага. Главное, чтобы хватило сил. Немного отдышавшись, он принялся за крышку следующего. И снова неудача – еще одна высохшая мумия в полном вооружении.

Стоило третьей плите сдвинуться с места, как разум Сергея обожгло волной нестерпимой боли. Он рухнул на колени и застонал, обхватив голову руками. С лица будто

заживо срывали кожу. Срезали лоскутами. А когда не стало кожи, начали вгрызаться в череп. Множество мельчайших молотков одновременно крошили кость.

Сверху что-то кричали, но различить слов Сергей не мог. В ушах завывали мертвые голоса. Они нашли своего убийцу и жаждали мести. Жаждали обрушить на него все те пытки, которым подверглись сами, будучи живыми людьми.

Что ж, их можно понять. Понять, но не идти у них на поводу, не поддаваться сумасшедшему напору ненависти.

Сергей поднялся на одно колено, вперился взглядом в каменную плиту, закрывающую саркофаг с артефактом. Очень хотелось верить, что ключ к искуплению находится именно там. Боль – она только в помощь. Ярость – она стимул.

Скрежет плиты проник даже сквозь шум мертвых голосов. Как ни странно, но он возвращал к реальности. Медленно, но верно Сергей начал подниматься. Он толкал плиту, окруженный проклятиями и почти неразборчивыми воплями.

Огненные нити вспыхнули с удвоенной силой. Некоторые них нырнули в наполовину открытый саркофаг. Время истины. Если снова пусто – тупик.

Сергей замер возле саркофага, с трепетом заглянул внутрь. Там лежало тело мертвого воина. Такого же, как и в предыдущих двух захоронениях. Разве что доспехи более вычурные, точно парадные.

Неужели все напрасно?!

Сергей уже готов был завывать от отчаяния, когда заметил тронутую пыль – у самого края щита, будто его двигали. Сердце забило быстрее. Он подцепил щит, украшенный искусной гравировкой, отставил его в сторону. Сейчас художественная ценность оружия отошла даже не на второй план – на третий и дальше. В нагруднике, отсвечивающем золотом, зияло проплавленное, размером в небольшую тарелку отверстие, в котором мерно пульсировало густое синее свечение.

Сергей облизал губы. Опасение, что, едва коснешься артефакта, голову попросту разорвет, — оставалось. Вот когда начнешь надеяться на искусность Здебора Вятича, какой бы сволочью он ни был. Надеяться, что маг сумел защититься от тех, кто погиб по его воле.

Резко выдохнув, Сергей запустил руку в проплавленное отверстие и крепко обхватил покоящийся в нем предмет. По ощущениям – будто схватился за оголенный электрический провод. По телу пробежала сильная дрожь, ноги свело в судороге. Не выпуская предмета из рук, Сергей повалился на пол.

Тишина.

Хор мертвых голосов истаял без следа. Тяжесть в голове рассеялась. Мышцы ног болезненно крутит, но самого электрического разряда нет. Сергей разжал руку – на ладони покоился полупрозрачный кристалл неправильной формы, от которого поднимался еле заметный пар.

Это и есть ключ?

— Сергей?! Не молчи! — донесся до него отчаянный крик Дарины.

Он запрокинул голову. Над краем верхнего уровня замерли встревоженные лица спутников. Впрочем, эмоции в тусклом аляющем свете огненных нитей могли и показаться.

— Нашел, — Сергей поднял руку с кристаллом.

— Это оно?

— А я без понятия, — усмехнулся он. Исчезнувшие голоса и отсутствие тяжести в голове навевали какое-то нездоровое веселье. Даже колючая боль в ногах несколько не

беспокоила. Удивительно, но авантюрные поиски завершились удачей. И плевать, что до сих пор толком непонятна суть искомого артефакта. Да и его ли нашли?

— Хватит валяться, — проговорил Сборщик, вставая в полный рост. — Не стоит здесь задерживаться.

Сергей вспомнил, что ему еще предстоит подняться по веревке на верхний уровень зала, — и поморщился. Веселье как рукой сняло. Как же не хочется двигаться. А ведь впереди еще сотни каменных ступенек, от штурма которых колени развалятся в костную труху. А тут хорошо — прохладно. Даже холодно...

Холодно?!

Сергей оказался на ногах даже быстрее, чем осознал всю опасность возможного развития событий. Бегом бросился к веревке, дважды обмотал ее вокруг кисти, ухватился покрепче.

— Тяните! Быстро!

Небольшая заминка — и веревка натянулась. Ноги оторвались от пола. Холод незримыми пальцами пробежал снизу вверх по спине, вцепился в горло. Сергей попытался вдохнуть, но смог лишь бессильно открыть рот, точно рыба, выброшенная на берег. Гортань раздирали ледяными колючками.

Под ногами, в алой полумгле, что-то зашуршало. Послышалось бряцанье металла.

Отлично! Неужели столетние мумии еще в состоянии подняться из своих саркофагов?

— Держись! — выкрикнула Дарина — и в этот момент веревка оборвалась.

Во второй раз Сергей рухнул на пол нижнего уровня. Ему почти повезло — упал лицом вперед, успел выставить перед собой левую руку. Кисть вспыхнула горячей болью, послышался хруст. Сломал? Но рука замедлила падение, потому иных повреждений удалось избежать. Главное — не выронил кристалла.

Подняться! Быстрее!

В темноте, куда не достигал свет алеющих нитей, блеснули желтым большие глаза с вертикальными зрачками.

— Шакалы, — прошипел Сергей, всматриваясь в размытую тень. — Веревку! — крикнул он.

Шуршание и бряцанье доносились из открытых саркофагов — в этом сомнений нет. Хорошо, что плита достаточно широко открыта лишь на одном.

Сверху упала веревка, ударила по плечу.

— Используй силу воздуха и помоги нам, — спокойно проговорил Сборщик.

Отличный совет. Им еще и помогать.

Сергей торопливо засунул кристалл во внутренний карман «маскировочного халата». Не лучшее место для хранения артефакта (слишком большой и мешает двигаться), но выбора нет. С ним в руке на верхний уровень не подняться вовсе.

— Быстрее! — крик Дарины резанул уши.

Что там у них происходит? Ее как будто режут заживо.

Из саркофага, из которого Сергей выудил кристалл, появилась голова, увенчанная шлемом с бармицей. Кольчужная сетка ниспадала на стальной доспех и шелестела каждый раз, когда усохший труп вертел головой. Протиснувшись в щель между стенкой саркофага и плитой, мертвяк выпрямился во весь рост. В руке он сжимал рукоять меча, сейчас опущенного клинком вниз. В запавших глазах горели отчетливо заметные алые точки. В груди зияла дыра, больше она не светилась. Завидев живого, мертвый воин оскалился в

хищной усмешке. Его зубы изменились – вытянулись острыми иглами. Серая пергаментная кожа на черепе треснула, а сам череп еле заметно раздался. Челюсти выдвинулись вперед, приняли вид пасти.

Сергей поморщился. Вот и прямое доказательство тому, что желтоглазые твари не только поднимают мертвецов, но и модифицируют их тела. И ведь как быстро.

Не теряя времени, Сергей метнул в мертвяка сгусток белого пламени. Искрящаяся вспышка – и тварь превратилась в факел. По Могильнику раскатился протяжный вой.

Неужели больно?!

— Сергей! Мы их не удержим!

Крик Дарины оторвал от созерцания горящего мертвяка, движения которого становились все менее заметными. Древний воин так и не сумел покинуть своего каменного пристанища.

Только теперь Сергей осознал, что слышит звуки сражения. Похоже, мертвые поднялись не только рядом с ним, но и на уровень выше. Отрезают пути к отступлению?

Из оставшихся двух приоткрытых саркофагов доносились отчаянные скрежет и бряцанье металла о камень, утробное ворчание. Но попытки Воскрешенных выбраться вряд ли к чему-то приведут. Скорее всего, это поняли и желтоглазые твари. Оттого и переместили свое внимание на более доступный материал, который не стеснен каменными стенками.

Но по веревке теперь уж точно не подняться. Значит, выбираться самостоятельно. Можно, конечно, попробовать в обход, по лестницам. Где-то же должен найтись выход с этого уровня. Да и Вятич как-то покинул его. Но сколько это займет времени?

Холод снова потянулся по телу. Липкие, обжигающе ледяные пальцы забрались под одежду, коснулись кожи. Над головой раздался оглушительный рев – и тут же следом женский крик, звук падающего тяжелого тела. Сергей ощерился, сбросил с себя морозное оцепенение. Голова немного кружилась, в животе встал тяжелый ком. Реакция организма на травму руки? Нет, не сейчас. Не время!

С опущенных к полу рук потекли языки пламени. Тонкие, еле теплящиеся в наступающем со всех сторон холоде, они почти не давали не то что жара, но даже света. Сергей стиснул зубы, затаил дыхание, а потом резко выдохнул. В стороны разошлась высокая, под два метра, волна жидкого пламени. Холодные пальцы моментально отпрянули. Дышать стало легче. Вряд ли эффект продержится долго, но теперь появилось время сконцентрироваться, не отвлекаясь на прикосновения желтоглазых тварей или действие их магии.

Сергей остановился точно под верхним уровнем зала и начал уплотнять под собой воздух. Он собирал невидимые воздушные потоки, тянул их к себе; плотно, точно канат в бухту, сворачивал их под ногами. Одно неловкое движение или потеря концентрации – и вся работа пойдет насмарку.

Холод снова коснулся ног, но Сергей только сильнее сжал зубы. Он закрыл глаза и не видел происходящего вокруг. Не видел, как медленно, но верно поднимается над полом. Воздух под ним вибрирует и дрожит, а у самого пола образовалась припорошенная инеем наледь. Протяжный скрежет на мгновение заставил отвлечься, приоткрыть глаза – и тут же последовала расплата. Воздушный столб осел чуть не вдвое – и покосился. Огромным усилием воли Сергею удалось выровнять положение. Во рту появился привкус крови, по подбородку потекло что-то теплое.

Он словно тянул собственные жизненные силы, бросая их на пол, складывал в стопку.

Кирпичик за кирпичиком. В груди закололо, словно от длительного бега. Сердце рвалось от натуги. А кровь, напротив, сгустилась, нехотя перекатываясь по жилам. Разумеется – все это лишь ощущения. Возможно, далекие от истины. Но тяжести, наваливающейся на плечи, они не отменяли.

Командой к прыжку послужили звуки схватки. Сначала они доносились немного сверху, но постепенно опускались, пока не зазвучали примерно на уровне лица. Дольше Сергей не ждал. Он отчаянно оттолкнулся – и прыгнул. Никакой магии – только силы неподготовленного тела мага. Прыжок удался. Сергей перевалился через парапет, заскользил руками по камню. Несколько долгих секунд он продолжал висеть, рискуя опрокинуться обратно – и тогда уж одним переломом не отделаешься.

Слава неведомым строителям Могильника и их несовершенным технологиям! Если они даже и хотели, то не смогли отшлифовать напольный камень до идеальной гладкости. И сейчас это оказалось очень на руку. Цепляясь пальцами за неровности и выступы, Сергей вырывал себя из темного провала. Правда, действовать приходилось только одной рукой. Левая кисть, пострадавшая при падении, почти не повиновалась. Зато отзывалась острой болью.

Его подхватили за шиворот, протащили по полу.

— Вставай! — в голосе Сборщика ни капли сострадания.

И почему это не удивляет?

Тяжело дыша, Сергей поднялся. Мертвяки шли с двух сторон. Похожие на мумии, усохшие, на тонких подгибающихся ногах, но с неизменным алым свечением в глазах. На некоторых виднелись останки кожаных доспехов, в основном прогнившие, покрытые темными пятнами. Другие несли на себе слабый намек на саван или какую-то одежду, давно истлевшую, свисающую нелепым тряпьем.

Мертвяки вытягивали перед собой руки со скрюченными пальцами, увенчанными длинными когтями. Их зубы–иглы щелкали в предвкушении живой плоти. Огненные всполохи алых нитей высвечивали искаженные злобой лица. Вряд ли кто-то из них помнит себя живым, вряд ли осознает себя мертвым, как то было с Полелей, но ненавидеть незваных гостей им не мешало ничего. Десятки мертвых солдат. Многие десятки. И сквозь это скалящееся воинство предстоит пробиваться?

Но пока Дарине и Сборщику удавалось сдерживать натиск. На полу валялось несколько неподвижных тел, еще несколько шевелилось, пытаясь ползти, лишённые головы. В то время как Сборщик удерживал отливающие серебром магические барьеры по обе стороны прохода, Дарина ловко орудовала огненным мечом, разя мертвяков с безопасной дистанции. Впрочем, не такой уж и безопасной. На полу явственно виднелись крупные лужи крови – и вряд ли она принадлежит мертвякам.

— Поможешь или будешь смотреть? — срубив очередной твари голову, бросила за спину Дарина. Ее лицо наискось пересекала кровавая царапина.

— Прикрывай спину, — сказал Сборщику. — Дарина, по сигналу бегом ко мне.

Девушка смолчала. Услышала ли?

Отдышаться, сконцентрироваться. Сухая плоть – отличная пища для огня. Ничего. Сотня горящих трупов – не так уж и страшно. Жар полыхает в крови. Жар требует свободы. Требует выхода.

— Дарина!

Девушка гибкой пантерой метнулась к Сергею. Замерла за его спиной. Тяжелое дыхание

с хрипом вырывалось у нее из груди, но через мгновение оно потонуло в гуле нарастающего пламени.

Огненная стена сгустилась в каком-нибудь метре от Сергея – и двинулась к мертвякам. Свой барьер Сборщик предусмотрительно снял. Твари, более ничем не сдерживаемые, тем не менее не сразу рванулись к живым. Если задние ряды продолжали напирать, то передние отчаянно стопорили их продвижение, не желая напороться на набирающее силу пламя.

Что ж, остатки разума или хотя бы чувства самосохранения теплятся даже в этих сухих черепах.

Но от сплошной стены пламени спастись можно единственным способом – прыгнуть в провал зала, на нижний уровень. Несколько мертвяков так и поступило. Но единицы. Остальные же, завывая и скрежеща, погрузились в раскаленное пекло. Сухая плоть вспыхивала моментально. Распространяя вокруг себе клубы плотного, удушливого дыма. Мертвяки, объятые пламенем, делали несколько шагов – и падали.

— Давно бы так, — проговорила Дарина, коснувшись пальцами царапины на своем лице. Вроде не очень глубокая, но кровоточит сильно.

— Извини, задержался. Сильно тебя поцарапали?

— Ничего, жить буду. Лишь бы шрама не осталось.

Губы Сергея растянулись в подобии улыбки. Женщина в любое время и в любом месте должна думать о своей внешности.

— Ну? Выходим? — Сергей двинулся к выходу из зала.

— Если вас больше ничего не держит здесь... — сказал Сборщик.

Что это было? Попытка пошутить? По лицу и не скажешь – напряженное до предела, желваки на скулах ходят ходуном. Похоже, удержание мертвяков дается ему не так уж легко. Ведун – он же должен черпать силы в других людях. Вряд ли найдет хоть каплю в тех, кто умер десятилетия назад. А значит – либо подпитываться за счет спутников, либо слабеть. И, похоже, Сборщик выбрал второй вариант.

— Долго сможешь держать барьер? — спросил Сергей, уже выйдя в коридор. Догорающие останки мертвяков он старался обходить или переступать. Сметать их с пути – значит, отвлечься от поддержания ползущей впереди огненной стены. А отвлекаться очень не хочется.

— Нет, — отозвался Сборщик.

Плохая новость, зато честный ответ.

— Ладно, только предупредить не забудь. Прибавим шагу.

В вони и дыму они продолжили путь. В горле першило, то и дело накатывали приступы кашля. Дым выедал глаза, из которых градинами катились слезы. И, тем не менее, они шли. Шли к чистому воздуху, к ночному небу и простору, немислимому в этих узких лабиринтах.

— Смотри! — воскликнула Дарина, указывая за спину.

Сергей резко обернулся, готовый нанести удар. Но нет, причин к беспокойству стало меньше. Гораздо меньше. Надолго ли?..

Мертвяки, которые еще недавно следовали за троицей, сдерживаемые только серебряным барьером, опали на пол. Из них точно стержень выдернули. С металлическим бряцаньем части доспехов гремели по полу. Тела же возвращенных в мир живых мертвецов усыхали, начинали крошиться, превращались в пыль. И все это за считанные секунды.

— К чему бы это? — в никуда спросила Дарина.

— Лучше не расслабляться, — сказал Сергей. — Вряд ли нас так просто выпустят.

— Для них здесь нет материала, — тяжело выдохнул Сборщик. Его глаза ввалились, отчего и без того бледное худое лицо стало похоже на череп — мало чем отличается от тех, кто только что обратился прахом. Разве что глаза черные, непроглядные — не прочесть эмоций.

— Будем надеяться...

Они преодолели большую часть пути, когда Сергей заметил, как вздрагивают тела в нишах стен. Вздрагивают, но не поднимаются. Словно невидимая рука встряхивает бранные останки, пытается что-то найти.

Огненная стена продолжала ползти в нескольких шагах впереди, но пламя в ней стало не таким жарким. Не к чему тратить силы, когда нет противника.

И все же шорох тревожимых сухих тел не давал покоя.

Еще один коридор позади, еще один переход пройден. Какой это уровень? Третий или уже второй? Как хочется прыгнуть во времени минут на тридцать—сорок вперед. Чтобы все страхи и неуверенность остались позади.

Далеко впереди послышался неясный шум, будто по полу перетаскивают тяжелый мешок. Сергей почти полностью уничтожил огненную стену, сощурился. В темноте коридора ни движения. Но шум не исчез.

— Слышите? — обернулся к спутникам.

— Нас кто-то ждет, — кинула Дарина.

Сергей невольно улыбнулся, глядя на ее лицо — перемазанное кровью и копотью; запыленные взъерошенные волосы, в которых запуталась непонятно где найденная паутина. И смех, и грех.

— Что смешного? — настроение у девчонки явно не из лучших.

— На чертенка похожа, — мягко сказал Сергей. — Извини.

Дарина фыркнула, поморщилась.

— Кто-то из твоих дружков?

— Да нет. Так — живность смешная... — не стал вдаваться в подробности Сергей.

— Вот и спасай его после этого. Хороша благодарность, — Дарина нахмурилась, но через секунду не смогла сдержать улыбки. Она потрясла головой, подняв небольшое облако пыли, еще больше взъерошила волосы.

— Я бы на вашем месте мало заботился о внешности, — буркнул Сборщик. — Я позабочусь о ваших телах в любом их виде.

— Рад слышать, — кивнул Сергей. — Не хотелось бы вот так, как они... — он осекся. — А кто мне говорил, что все тела обрабатываются специальным образом и вообще тут кругом магия? Почему желтоглазые свободно поднимают мертвецов здесь, в Могильнике, в месте, подконтрольном Дому Жизни?

— Вся защита лишь на поверхности, — пояснил Сборщик. — А тела обрабатываются с другой целью: не допустить нового мора.

— Воскрешенными всегда занимался Дом Жизни, — добавила Дарина. — Опасности что адепты не одиноки в своем искусстве, — не было.

— Понятно.

Короткая беседа пошла Сергею на пользу. Напряжение схлынуло, а мысли прояснились. Он немного перевел дыхание. Шум в темноте коридора стих, но обольщаться отступившей опасностью, пусть и гипотетической, не следует. Вновь напитав силой огненную стену, Сергей двинулся к неизвестности.

То, что через мгновение рванулось из темноты, рассмотреть не удалось. Огласив Могильник протяжным ревом, в пламя врезалось нечто большое и размытое. Огненные лепестки разметались в стороны, пропуская сквозь себя темно-серое тело. Сергей рефлекторно вскинул руки в защите. Перед глазами дрогнул воздух, собираясь прозрачным щитом.

Мало времени. Не успел.

Неведомое создание заскрежетало по полу, выбивая каменную крошку, — и со всего маха врезалось в щит. Тот разлетелся вдребезги. Сергея ударило в грудь, отбросило назад. Отрывистый вопль Дарины еще звучал в ушах, когда жесткий пол врезался в спину. Воздух покинул легкие. В груди нестерпимо сдавило. Торопливо перекатившись вбок, Сергей попытался вздохнуть — тщетно.

Спокойно. Такое бывает от сильного удара. Пройдет. Спокойно.

Но что это было?

Новый рев сотряс коридор. С потолка посыпалась мелкая пыль. Сергей протер глаза. В размытых клубах металось нечто, размерами напоминающее очень большого льва. Движения плавные и стремительные.

Блеснул и погас огненный клинок. Следом раздался глухой звук удара тела о стену или пол. Дарина?

Перед глазами возникло спокойное лицо Искры. Спокойное и умиротворенное, но только мертвое. Неужели еще одна жертва?!

Его словно подбросило на ноги. В горле першило, но дыхание постепенно возвращалось. Правой рукой он выхватил огненный клинок. Поможет или нет? Пусть будет наготове. Толкнуть перед собой воздух — несильно, лишь отбросить пыльную завесу. Полоснуть клинком об пол — сноп искр разлетелся с затухающим шипением.

Аха, внимание к себе привлек. Цель достигнута. А что дальше?

Теперь создание удалось рассмотреть лучше. Оно напоминало экспонат какого-нибудь археологического музея — скелет доисторического чудовища. Разве что в качестве материала для создания скелета использовались человеческие кости, пусть и подвергшиеся модификации. Причем использовались во множестве. Тварь вообще не имела мягких тканей. Каким образом весь этот костяк сохранял целостность — непонятно. И все же общие пропорции вполне узнаваемы: четыре лапы, увенчанные длинными когтями, широкая грудная клетка, несколько черепов, сросшихся в единую гротескную голову, на макушке которой виднелись острые шипы.

Отличная работа за короткое время. Желтоглазые не бьются лбом о стену, ищут новые пути к достижению намеченных целей. И вот он — ключик. Тварь разинула кривую пасть, полную обломанных зубов. Могильник взрезал густой ревом.

И как только оно умудряется издавать звуки?

Цокая по камню когтями, тварь приблизилась на несколько шагов, припала к полу.

Сергей сглотнул. В рассеченных трещинами глазницах существа пылал яростный огонь.

Прыжок.

Сергей пригнулся, бросился плашмя на пол, но клинок выставил над головой. Резкий удар заставил разжать пальцы.

Развернуться, вскочить на ноги.

Краем глаза Сергей успел заметить Дарину, привалившуюся к стене. Не двигается. Сборщик придерживается за стену, стоит, пошатываясь. Взгляд устремлен под ноги.

Костяная тварь отчаянно затормозила по полу, высекая снопы искр. Клинок Сергея, застрявший у нее в брюхе, вывалился. От него тут же потянулись струйки дыма.

Вот и нафехтовался, горе–рыцарь. Теперь только своими силами.

Тварь снова взревела, развернулась и бросилась в новую атаку.

Как же быстро она двигается!

Сергей успел слепить небольшой огненный шар – далеко не столь мощный, как того хотелось бы. Но выбирать не приходится. Метнуть шар в морду твари, отпрыгнуть.

Ногу вспорола острая боль. Сергей покатился по полу, оставляя за собой смазанную цепочку кровавых следов. Перед глазами все завертелось. Точно издалека до слуха донесся крик Дарины:

— Помоги ему!.. Ты должен!

Значит, жива! С плеч словно камень свалился.

Нога пылала так, будто ее вовсе оторвало. Сергей тер глаза, щурился, но окружающий мир продолжал вращение.

Проклятье!

Рев, скрежет когтей. Совсем рядом. Неужели это конец?!

Пахнуло затхлой вонью. Сергей выбросил перед собой правую руку. С пальцев сорвались огненные всполохи. Слабо, очень слабо. А жить еще хочется.

В лицо ударил порыв ветра. И тут же уши заложило даже не от рева – от звука рвущейся реальности.

Мир обрел четкость.

Чуть в стороне ворочалась груда костей. На полу вокруг нее валялись белые осколки. Большие и малые. Дальше по коридору, стоя на коленях, замер Сборщик. Рядом с ним, все так же привалившись к стене, сидит Дарина. Из ее носа пролегли две алые дорожки.

И тишина. Только тонкий писк в ушах.

Черт, что здесь произошло?

Сергей попытался встать, но раненая нога отозвалась такой болью, что рвущийся из горла крик удалось сдержать лишь с огромным трудом. Рассечение на голени – глубокое. Крови натекла целая лужа.

Перетянуть бы чем-нибудь, пока голова еще соображает. Сергей рванул ткань маскировочного халата. Не тут-то было – та не поддалась. Отлично! А разрезать и нечем.

Опираясь здоровой рукой сначала об пол, а потом о стену, ему все же удалось подняться. Выпрямился – немного постоял, подождал, пока мир прекратит круговерть и успокоится.

— Дарина!

Девушка даже не среагировала.

Потеряла сознание?

Груда костей вздрогнула, в стороны полетело мелкое костяное крошево. Сергей зажмурился, прикрыл глаза рукой.

А между тем тварь начала подниматься. По всей видимости, Сборщику удалось ненадолго вывести ее из строя, но не уничтожить. Создание изменялось буквально на глазах: кости меняли свое положение и размеры. Некоторые вытягивались, изгибались; другие становились шире, выпускали побеги новых шипов. В боку твари зияло дымящееся отверстие, но постепенно оно заполнялось новой костной массой.

Сергей привалился спиной к стене. Кровь и боль – отличная приправка к магии. К егс

магии. Так почему же они не работают?! Боль в раненой ноге пульсировала в такт биению сердца. Все быстрее и быстрее.

Тварь уверенно встала на все четыре лапы, подняла голову, покрывшуюся шишковатыми наростами. Пасть, заполненная зубами–иглами, щелкнула.

Сергей вжался в стену, выбросил руки перед собой. Боль ослепляла, туманила сознание. Но в крови все еще оставалась сила. Надо только выплеснуть ее до капли, вывернуть себя наизнанку. Иного шанса уничтожить создание из костей не будет.

С пальцев сорвались всполохи белого пламени. Их подхватило несуществующим вихрем, закрутило тугой спиралью.

Костяная тварь всхрипнула и рванулась к вздумавшему сопротивляться человеку. До поры сдерживаемое белое пламя метнулось прочь от Сергея, ударило в морду создания. Яркая вспышка отбросила тварь на несколько шагов назад, но не остановила. Пригнув голову, она упрямо двинулась сквозь огонь.

Воздух в коридоре раскалился. Еще немного – и камень начнет превращаться в стекло.

Сергей усилил напор. Он отлично видел очертания приближающегося чудовища. Какое расстояние их разделяет? Метров пять? Или уже меньше?

Шаг костяных лап. Тварь протискивает свое тело сквозь бушующую стихию. Кости почернели, пошли пузырями. Почему до сих пор не развалились?

Силы стремительно покидали Сергея. В груди появилось ощущение пустоты. Изводящее ничто изнутри выедало тело, иссушало кровь.

За гулом пламени слышен скрежет когтей по полу. Или это игры воображения?

Еще шаг. Тварь настырна и не собирается отступать.

Нет, не устоять...

Ноги подогнулись – и Сергей тяжело осел на пол. В уши ударил победоносный рев.

Вздых.

Ударить всем, что осталось, а там будь что будет.

Выдох.

Он выплеснул из себя все, на что еще был способен. Разом. Единым мощным импульсом. Последовавшая за импульсом вспышка опалила лицо. Костяное чудовище снесло и вмяло в противоположную стену. По Могильнику прокатился надрывный стон.

Пламя иссякло.

Сергей, хватая ртом расплавленный воздух, растянулся на полу. Его била судорога.

Тишина.

Тварь распалась грудой более не связанных костей, которые стремительно превращались в пепел. Над чернеющими останками поднималось полупрозрачное марево, в клубах которого отчетливо угадывались очертания массивных, похожих на больших собак существ. Вскоре марево рассеялось.

Сергей не знал, сколько пролежал без движения. Если бы желтоглазые твари подняли еще хотя бы одного мертвяка, самого дохлого, тот без труда бы завладел синим кристаллом, что покоится в кармане обессилевшего мага. Но желтоглазые никак себя не проявляли.

Постепенно воздух в коридоре начал остывать. Дышать стало легче. Кое-как, помогая себе одной рукой, Сергей пополз к Дарине. Встать он даже не пытался. Путь в несколько метров показался вечностью. Сергей останавливался, отдыхал.

Неожиданно голова Сборщика, все еще стоящего на коленях, шевельнулась, с видимым трудом поднялась. Взгляд черных глаз пуст. Некоторое время Сергей и собиратель

мертвецов молча смотрели друг на друга.

— Ты еще жив... – то ли спросил, то ли удивился Сборщик.

— Ты тоже, — прохрипел Сергей.

— Она спасла тебя, — легкий кивок в сторону Дарины.

— Сколько ты забрал?!

— Много. Почти все. Иначе и не стоило браться.

Сергей с досады саданул здоровой рукой об пол. Сборщик, ведун! Где он еще мог взять силы, как не у предлагающей собственную жизнь девчонки? Хотелось разmozжить ему голову. Очень хотелось. Только внутренний червяк настырно прогрызался сквозь сознание: они спасли тебя.

Проглотив подкативший к горлу ком, Сергей пополз дальше.

— Дарина, — его голос дрогнул.

Никакой реакции.

Подтянувшись, он привалился рядом к стене. Убрал с лица девушки спутанные волосы. Коснулся пальцами ее щеки – кожа холодная. Собственное сердце споткнулось, тяжело отдалось в груди.

Нет...

Ощущение горькой потери затопило сознание.

— Мне рано заботиться о ее теле, — словно сквозь густой туман послышался голос Сборщика.

— Что? — обернулся Сергей. В висках стучали кузнецы–изуверы.

— Ее место не в Доме Жизни, но в Доме Исцеления.

Сергей сильно зажмурился, потряс головой. Услышанное не сразу дошло до сознания. Преодолеть набухшую завесу из тяжелых мыслей очень непросто.

— Она жива?! — прохрипел, закашлявшись.

— Да. Слаба, но выживет, если вовремя доставить ее в Дом Исцеления.

Сергей порывисто обнял девушку за плечи.

— Держись, — прошептал ей на ухо.

Он взял ее ладонь, приложил пальцы к запястью. Пульс! Слабый, но уверенный. Слава предкам! Дело за малым – выбраться из нутра пирамиды и надеяться, что в Доме Исцеления раньше времени не станет известно о вскрытии Могильника.

Сергей вытащил из рукава Дарины метательный клинок, распорол свой маскировочный халат, туго перевязал все еще кровоточащую ногу.

— Можешь идти? — спросил Сборщика.

— Да.

— Ее придется нести, — кивнул на девушку. — Я не смогу. Маг из меня сейчас тоже никакой. Ты сможешь, если черпнешь сил у меня?

Сборщик нахмурился. Он поднялся с колен и теперь, пошатываясь, нависал над Сергеем.

— Нет.

— Ты сам сказал: выживет, если успеем доставить в Дом Исцеления. Я выберусь.

— Вы оба не знаете, куда толкаете меня... – в голосе Сборщика звучали странные нотки. Досада? Страх?

— Ладно. Но ты идешь сам. Что бы ни случилось.

— Договорились.

Сборщик не делал пассов руками, не произносил слов. Даже не изменилось выражение его лица. Сергей просто почувствовал сильную слабость. В голове зашумело. Он точно без подготовки пробежал марафон – теперь только лечь и сдохнуть.

— Идем, — Сборщик легко поднял Дарину на руки и направился прочь.

— Догоню, — еле слышно прошептал Сергей. Жутко хотелось спать. Хотя бы пять минут. Не больше.

— Я сказал – идем, — резкий рывок поставил Сергея на ноги, впечатал в стену. — У тебя нет времени отлеживаться.

Двигаясь будто сомнамбула, Сергей обошел место схватки, поднял оба огненных меча, которые успели прилично проплавить камень. Не дело – бросаться таким оружием. Все же ценность. Да и улики, какие–никакие.

Сил не осталось, даже чтобы зажечь огненные нити. А потому пришлось воспользоваться старым и надежным средством – факелом. Все Дарина – молодец, запаслась. Неся в руке чадящий кусок деревяшки, обмотанный промасленными тряпками, Сергей пытался не упустить из виду Сборщика. Тот шел ходко, изредка оборачиваясь.

Вот гад!

Хотя и правильно делает, что подгоняет. Без его понуканий Сергей бы давно прикорнул где-нибудь у очередного поворота.

Раненая нога почти не болела. Она вообще почти не ощущалась и плохо повиновалась. Так, ноющий придаток к телу.

В лицо пахнуло свежестью, а вскоре до ушей Сергея донесся монотонный шелест.

Еще шаг. Еще ступень. Шелест становится все сильнее. Где-то над головой сверкнуло, а потом раскатисто загрохотало.

Гроза!

Выход!

Они вышли. Они выбрались из Могильника.

Спустя еще несколько долгих минут Сергей стоял под тугими струями дождя. Он запрокинул голову и закрыл глаза. Сборщик, все еще держащий Дарину на руках, замер под защитой пирамиды. Он ждал.

Неужели все позади?

Да, желтоглазые твари не успокоятся. Тем более теперь. Кристалл, который Дарина нарекла ключом к искуплению, им нужен. Это несомненно. И пусть победа над костяным чудовищем далась очень непросто, пусть впереди неизвестность, но сейчас хочется лечь и забыться. Не хочется думать ни о чем: ни о возможных притязаниях Дома Жизни, ни о неминуемом разговоре с Малым Собранием. Потом. Все потом.

Небо над головой взорвалось раскатом грома.

Завтра будет новый день. Новый день в новом мире. В мире, который перестал быть чужим. В мире, который хранит множество загадок и опасностей и за который придется сражаться – даже вопреки собственным желаниям и привычкам.

Больше книг на сайте - Knigoed.net